

Ю.В. ЧЕМЕНЗЕМИНЛИ

в крови

Уважаемые читатели !

Обнаруженные в книге
дефекты по независящим от
нас причинам!

Составитель,
автор предисловий и примечания
Т. ГУСЕИНОВ

Ч. 42 Чечензеинли Ю. В.
В крови: Избранное. — Б.: Азернешр, 1985. —
448 с.

Видный азербайджанский писатель Ю. В. Чечензеинли выступал в различных жанрах: прозе, драматургии, публицистике. В данный сборник вошел широко известный читателю роман «В крови», в котором изображена общественно-государственная деятельность поэта XVIII века Миллы Панаха Вагифа, героическая борьба народа против иноземных завоевателей, гаджарского нашествия. Кроме этого романа сборник составили впервые издающиеся роман «Девичий родник», киносценарий, комедия. Причем киносценарий «Алтунсач» («Золотые косы») автор написал на русском языке.

4 4702060000—146 151—85
М—651—85

- © «В крови», Азернешр, 1973 г.
© «В крови», Азернешр, 1985 г., с изменениями.
© Азернешр. Предисловие, примечания, 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 30-е годы, вошедшие в историю азербайджанской советской литературы как период подъема, усилились поиски путей более действенного, более оригинального воплощения современного и историко-революционного в различных новых жанрах и формах. Именно в эти годы возникли первые азербайджанские исторические романы.

Важную роль в создании и развитии азербайджанского советского исторического романа сыграл видный писатель Ю. В. Чечензеинли. Он обратился к исторической теме, располагая большим творческим и жизненным опытом, когда его мировоззрение освободилось от противоречий, мастерство возросло. К началу работы над историческим романом писатель уже зарекомендовал себя мастером рассказа, был известен как литературовед, историк, этнограф, исследователь и пропагандист народного творчества, а также переводчик.

Художественными достоинствами произведений, оригинальностью и своеобразием творческого почерка Ю. В. Чечензеинли еще до революции привлек к себе внимание литературной общественности. После 1926 года начался новый этап в его многогранном творчестве. И именно 30-е годы — наиболее интересный и продуктивный период в его творчестве. В эти годы, наиболее зрелые и плодотворные, писателем были написаны романы «Студенты», «Девичий родник», «В крови», комедии «Телли», «Его высочество едет в Париж», киносценарии «Торжество правды», «Алтунсач», около тридцати рассказов, многие статьи по фольклору, литературоведению, краеведению, истории. О нем много говорилось, высказывались всевозможные суждения: порой точные, правильные, порой противоречивые, спорные.

Во второй половине 50-х годов начался заметный перелом в деле пропаганды и исследования творчества Ю. В. Чечензеинли. В печати появились статьи о необходимости изучения творческого наследия писателя. Начали издавать сборники его произведений.

Все это способствовало научному исследованию наследия писателя.

В настоящее время в литературоведении имеется значительное количество монографий, изобилующих глубокими выводами, статей и научно-исследовательских работ об особенностях развития творчества Ю. В. Чечензеинли дореволюционного и послереволюционного периода, о сюжете и конфликте, языке и стиле его рассказов, романов, тематике, идейных и смысловых особенностях произведений, об использовании фольклора в творчестве писателя, о его заслугах в области фольклористики, о его этно-философских взглядах. Однако

разнообразное и многогранное литературно-художественное и научно-теоретическое наследие Ю. В. Чеме́нземи́ли все еще не исследовано всесторонне и глубоко, и ныне не приходится говорить о полном, охватывающем все его произведения, комментированном издании.

Подобное издание произведений этого видного художника слова, проблемы перевода их на другие языки, в первую очередь, на русский, ожидают своего неотложного разрешения именно на современном этапе, характеризующемся духовным сближением культур братских советских народов, взаимосвязью и взаимовлиянием литератур.

Первая книга Ю. В. Чеме́нземи́ли на русском языке («Рассказы») была издана в 1959 году.

Данная книга Ю. В. Чеме́нземи́ли, представленная на суд читателя на русском языке, четвертая. Роман «В крови» (1936—1937) в переводе Т. Калякиной издается вторично. Роман «Девичий родник» (1934), комедия «Его высочество едет в Париж» («Хазрати-Шахрияр») (1935—1936) на русском языке издаются впервые. Киносценарий «Атлунсач» (1937), написанный писателем на русском языке, также печатается впервые.

Еще до революции Ю. В. Чеме́нземи́ли проявлял интерес к истории. Уже в тот период им была проведена глубокая исследовательская работа, опубликованы книга «Беглый взгляд на азербайджанскую литературу» (1920) и ряд статей.

В советский период писатель продолжил начатые до революции изыскания в области истории Азербайджана, результатом чего явился ряд статей.

Одним из произведений, написанных в результате начавшихся до революции исследовательских поисков Ю. В. Чеме́нземи́ли в области истории Азербайджана, является и роман «Девичий родник». В нем воссоздано очень отдаленное прошлое, воспроизведены наименее известные страницы нашей истории — «жизнь Ближнего Востока за 2000 лет до нашей эпохи»¹. Роман этот свидетельствует о переломе в мировоззрении Ю. В. Чеме́нземи́ли, о его творческом подъеме.

В своем творчестве досоветского периода Ю. В. Чеме́нземи́ли шел по пути разрушения старого и подготовки фундамента под новое здание. А в 1926 году писатель увидел, что для литературы открылся и второй путь: «чувствовать, отмечать новое и агитировать за его силу и мощь»². Постановление ЦК ВКП(б)³ о перестройке литературно-художественных организаций еще более усилило решимость Ю. В. Чеме́нземи́ли отображать в своем творчестве все новое, передовое. Роман «Девичий родник» показывает, что его автор не ограничивается лишь изображением, разоблачением и отрицанием старого, он хорошо чувствует новое, правильно определяет тенденции его развития. Сам автор пишет в этот период: «Апрельское постановление ЦК лично мне придало большую энергию для деятельности. На основе новых источников, полностью изменив «Девичий родник»,

я написал новое произведение»⁴. Ю. В. Чеме́нземи́ли имел в виду вариант романа, напечатанный в 1934 году.

Роман «Девичий родник» убедительно свидетельствует о том, что писатель глубоко исследовал многие исторические документы, тщательно изучил традиции древних племен; много работал и над языком произведения. Эти качества еще на I съезде азербайджанских советских писателей были высоко оценены докладчиком по прозе Мехти Гусейном.

При написании романа «Девичий родник» одной из основных задач автора было воспроизвести быт и нравы древних общин, отобразить в развитии извечные человеческие начала. Именно усиленно историзма и колорита служит показ в произведении некоторых архаичных обычаев, описание которых, однако, не является самоцелью, а приобретает глубокий смысл, потому что автор убеждает читателя, что это пережитки старого и обречены на смерть.

Хотя в «Девичьем роднике» многое додумано самим автором: и вымышленный сюжет, отличающий роман от других исторических произведений, и описание в придуманных коллизиях, присущих эпохе контрастов и противоречий, произвольность в оценках и при осмыслении фактов и событий, и неумеренная фантазия автора в некоторых эпизодах, произведение не стало фантастическим в буквальном смысле слова. Ибо наряду с вымышленным сюжетом здесь наличествовали реальные исторические коллизии, связанные с жизнью племени и кочевых племен, существованием и образом жизни некоего и первобытного общества, занятиями с жизнью типичной восточной деспотии. Именно с этой целью автором привнесены в роман сведения, почерпнутые им из научных и исторических трудов на различных языках по истории первобытной культуры, исторических описаниях в народной литературе быт, отголоски которых слов («гызлар булагы», «хор», «дахма», «Джезе», «атырван», «женжа», «хоруз», «гош» и т. д.).

В романе явно ощущается стремление писателя привлечь к истории внимание современников. Поэтому не случайно роман начинается с урока истории. Можно сказать, что все рассказы старцев относятся к минувшему, зовут молодых узнавать прошлое, извлекать из него поучительные уроки. В этих рассказах и вообще в романе говорится о желаниях и стремлениях человека, о силе любви, о достоинстве женщины, о рабской доле, о борьбе древних за власть, об опустошительных походах, лишающих людей крова, семьи, очага. Вместе с тем рассказы эти и о современном, в них — параллели и аналогии, которые по своему смыслу и сути перекликаются с сегодняшним.

В первой части романа использованы жизнеутверждающие положения «Авесты». Следует подчеркнуть, что об использовании мотивов «Авесты» писал еще в 80-х годах прошлого века Фридрих Ницше в своем сочинении «Так говорил Заратустра». Учением Заратустры он пытался обосновать непереносимость в человеке. Ю. В. Чеме́нземи́ли же в своем романе «Девичий родник», как бы отвергая эту концепцию Ницше, образно выразил свое отношение к подлинному Заратустре, одному из мудрецов Востока.

Благодаря мерам, принятым в связи с постановлением Совета
¹ Чеме́нземи́ли Ю. В. После постановления. «Гяндж ишчи», 1934, 23 апреля.

¹ Везир Ю. Оправдаю доверие. «Вышка», 1935, 23 апреля.

² Чеме́нземи́ли Ю. В. Страницы прошлого. «Баки ишчи». Баку, 1926, с. 44.

³ «Правда», 1932, 24 апреля.

Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР»*, во второй половине 30-х годов в советской литературе еще более усилился интерес к исторической теме. В эти годы литературные споры вокруг исторического жанра не только не прекратились, а, напротив, приняли принципиальный характер. К тому времени советский исторический роман, представляющий по своим идейно-эстетическим особенностям явление в истории мировой литературы, уже накопил определенный опыт. В произведениях Ю. В. Чменземинли обращает на себя внимание соответствующая историзму своеобразность писателя в постановке и решении некоторых вопросов. Реалистическое отображение эпохи, всех происходящих событий, показ обычаев и нравов, описание традиций было весьма важным условием для классического исторического романа. Все это соответствовало требованиям времени, справедливо называемому в советском литературоведении временем развития принципа историзма. Творчество Ю. В. Чменземинли, который успешно работал, создавая исторический роман, в определенном смысле отвечало требованиям этого этапа. А его своеобразие обуславливалось свойственными писателю исследовательской эрудицией и творческой интуицией.

Во все эпохи историзм отлично уживался с современностью. Нет исторического произведения, которое не перекликалось бы с современностью. «Связь с современностью — это оборотная сторона категории историзма: чем глубже историзм, тем крепче, неразрывней связь с современностью»¹.

Первый этап развития историзма в творчестве Ю. В. Чменземинли характеризуется именно специфичной манерой изображения современности.

Советский исторический роман отмечен в истории мировой литературы соответствием второму, высшему этапу историзма. Утверждение великой правды истории: историю творит народ, а героя — история, яркое художественное воплощение этого глубокого положения — важнейшие условия советского исторического романа.

На этом этапе историзма художник не ограничивается воссозданием и критикой темных, темных сторон прошлого ради утверждения настоящего. Художника больше интересуют, привлекают яркие, незабываемые страницы прошлого. Ему необходимо доказать и показать, что «любить свою Родину — значит проявлять живой интерес к ней», он стремится убедить своих читателей в том, что «не только не скрывает своего прошлого, — он гордится им»². К тому времени, когда советских писателей привлекает правдивое описание прошлого, когда они гордятся им, и в произведениях азербайджанских писателей появился интерес к близкому и далекому прошлому своего народа. Это период, когда наметился второй, высший этап историзма в азербайджанской литературе. И одним из первых талантливо отобразил прошлое своего народа Ю. В. Чменземинли в романе «В крови».

* «Мәктәб вә мұәллим һатғында партија вә һөкүмәтин һәрәләри». Азәрбајжан, 1952.

¹ Андреев Ю. А. Русский советский исторический роман. Изд-во АН СССР, М. — Л., 1962, с. 108.

² См.: Любить свою Родину, знать ее историю. «Правда», 1936, 12 мая.

медия являлась ярким образцом художественной юмористики и сатиры, выявившей творческие возможности писателя. В основе комедии находится судьба людей, которых хорошо знал Ю. В. Чменземинли, был знаком с их характером, жизнью, он прослеживает события, очевидцем которых являлся непосредственно он сам. В первую очередь в комедии привлекают внимание эмигранты, которые не выдержали бурь и штормов революции. Известно, что под влиянием Великого Октября и в Турции поднялось национально-освободительное движение. Движущей силой турецкой революции были крестьяне, но руководил ею не рабочий класс, а буржуазия. После победы этой революции ее враги искали убежище за границей.

В этой сатирической комедии Сулейман Салехбей один из тех, кто покинул родину и нашел убежище во Франции. Имя Сулеймана Салехбея попало в список ста пятидесяти, оглашенный Мустафой Камалем, создателем турецкой республики. Другой турецкий эмигрант — Хандан-эфенди. Он не враг революции, как Сулейман Салехбей. Причиной его эмиграции являлась обида на революцию. Двое других эмигрантов — Абдулазим-паша и Абдулгалим-паша — это люди, прожившие свой век, потерявшие свое будущее и выброшенные историей на свалку. С этой точки зрения они напоминают «тени» из рассказа великого Джалила Мамедкулизаде «Может и возвратят». И еще двое эмигрантов — азербайджанские студенты Багир и Ибадулла. О подобных типах студентов Ю. В. Чменземинли говорил критически еще в дореволюционном рассказе «Урок», романе «Вина» и в послереволюционном варианте этого романа «Студенты». Эти студенты вместо учебы занимаются темными делами, они лишены гражданских чувств, человеческого достоинства, они посрамлены и разоблачены автором.

Но самое главное, к чему стремится автор, — это разоблачение истинного отношения капиталистических держав к пробудившемуся Востоку, к революции.

В политике великих империалистических держав по отношению к Ближнему Востоку проблема Турции занимала особое место. И в этой политике Англия играла важную роль. Ее ближайшей целью в Турции являлся захват заливов, разделение Малой Азии. Это было частью общего плана британского империализма по отношению к Ближнему Востоку и Малой Азии, а общий план — создать зону британских колоний и полуколоний от Индии до Босфора. Чтобы осуществить свои замыслы, британский империализм пытался использовать антиреволюционные силы армянских дашнаков и курдских священнослужителей.

В Турции развернулось массовое народное движение, была создана коммунистическая партия. Капиталистические страны охватывает панический ужас, США отказывают Англии в поддержке на Ближнем Востоке. В эти трудные дни Турции большую помощь оказало молодое Советское государство. В октябре 1923 года Турция была провозглашена республикой. Для сторонников султанского режима поводом недовольства служит отмена в марте 1924 года халифата и отмена по постановлению Большого Национального Меджлиса министерства по делам духовенства. В «Правде» от 26.11.1925 года под заголовком «Реакционное восстание в Турции» читаем: «В восточных вилаятах (округах) Турции вспыхнуло восстание против правительства. Как сообщает официальная «Хакиммет Минлине», восстание инспи-

рируется англичанами, создавшими для этой цели специальную организацию в Мосуле».

Это реакционное восстание под руководством Шейха Саида распрямилось под лозунгом «именем шарната и забытого бога». Читая в «Правде» от 27. II 1925 года: «Вождь восстания Шейх Саид с целью привлечения симпатии курдского населения объявляет, что он послан самим аллахом для восстановления законов магометанской религии».

В своих новых прокламациях Шейх Саид предлагает организовать самостоятельное курдское государство и избрать халифа». Это курдское восстание широко распространилось потому, что камалистами до конца не были разрешены последовательно аграрные и национальные проблемы. Внутренние и внешние враги республики воспользовались этим и старались придать антиреспубликанский характер стихийному движению кочевых курдов и курдских крестьян. Как было подготовлено это восстание? Чтобы получить ответ на этот вопрос, обратимся снова к «Правде»: «Анкара, 26. II 1925 г. Движение подготовлено путем пропаганды идеи курдской автономии, также агитации за халифаты и за возведение на трон одного из сыновей бывшего султана Абдулхамида».

В комедии «Его высочество едет в Париж» автор воспользовался этими историческими событиями, получившими громкий резонанс на международной арене и вызвавшими разный интерес в различных прослойках общества. Впервые в азербайджанской кинодраматургии М. Ф. Ахундов обратился к историческим событиям и нашел пути и способы для претворения своих идей. Вспоминается комедия драматурга «Дервиш Масталишах», где тонкими намеками драматург наводит читателя на мысль о событиях во Франции в 1848 году. Но несмотря на эту схожесть у автора много отличительных черт. Ю. В. Чменземинли более косвенно использует намеки на исторические события. В этой сатирической комедии герои обращаются к историческим событиям прямо и непосредственно. А автор выражает свои мысли по отношению к этому использованию исторических фактов. Один из основных образов — Наум-эфенди в буржуазно-капиталистической парижской среде находит выгодные условия для обогащения, используя реакционное движение Шейха Саида. Опираясь на интерес к происшедшим событиям в Турции крупных банкиров и капиталистических государств, он готовит ложного Хазрати Шахрияра. Распространяет весть о его приезде в Париж. В комедии одним из объектов разоблачения является французское буржуазное общество, буржуазный «демократизм» и «гуманизм». Уже из первой сцены становится ясно, что в Париже уважения к обезьяне больше, чем к человеку. В своих ранних рассказах («Сиди», 1926 и др.) писатель также подвергал разоблачению фальшивый «гуманизм», сущность буржуазно-капиталистического мира, описав горькие судьбы иностранцев, их жизнь в тяжелых условиях, жизнь людей, которых принимают на самые тяжелые работы, он сумел показать, что Париж, где все подчинено законам купли-продажи, доступен только богачу, здешняя культура — культура богатых. А в рассказе «Из дневника эмигранта» (1927 г.) один из персонажей говорит: «...если среди этой роскоши я гибну от голода, долгой все это, да рухнет дворцы».

И в комедии «Его высочество едет в Париж» персонажи беседуют о богатствах Парижа. Однако в этих разговорах их мысли о другом. Они ищут дороги к богатству. Их главная цель в жизни

быть богатыми. Чтобы достичь своей цели — наживы, они не брезгуют ничем. В пьесе мелькают названия таких органов буржуазной французской печати, как «Матен», «Пти Паризьен», «Эн-тресэнзон», «Финансьер» и т. д. И из разговоров выясняется, что если заплатить деньги журналисту, вроде Гастона де Мустаза, то и в этих буржуазных газетах, и даже в передовой статье, напишут о проститутке, как о святой Марии. Осуществляется идея выпуска фальшивых займов благодаря действиям буржуазных печатных органов и их корыстных служащих. Корреспонденты журналов и газет, проводя пропаганду в официальных кругах, стараются создать условия для выпуска фальшивого займа. Разоблачение буржуазного капиталистического мира усиливается в конце комедии, где события происходят в салоне публичного дома, именуемого «Сарайи Фатима». Попав впервые в «Сарайи Фатима», Хандан-эфенди был поражен увиденным и решил написать об этом большую трагедию. Поэту больно было видеть поправками такие святые понятия, как женское целомудрие, человеческое достоинство, гордость матери. Протест против буржуазного общества автор вкладывает в уста поэта Хандан-эфенди.

Все события в комедии происходят в разных уголках Парижа. Для каждой из семи картин автор выбирает новое место действия. И разнообразие этих мест способствует решению проблемы, о которой ранее говорилось, создается подходящий фон, благодаря которому герои действуют, говорят, полностью раскрываются их характерные черты. Действия, происходящие в этих семи сценах, продолжаются в течение одного месяца и связаны с восстанием Шейха Саида в Турции, которое было поднято по инициативе британского империализма в феврале—марте 1925 года. В «Правде» от 27. II 1925 года, с ссылкой на местные газеты, сообщается: «Турецкое правительство принимает решительные меры для подавления восстания, однако, по мнению газет, операции правительственных войск будут сильно затруднены из-за отдаленности виллажей, являющихся центром восстания, обилия снега и дурного состояния дорог». Известно, что это восстание продолжалось не больше одного месяца. Видим, что по отношению к реальным фактам и событиям, которые используются в художественных произведениях, Ю. В. Чменземинли соблюдает точность. Особенно это видно в комедии «Его высочество едет в Париж». Обратим внимание на слова Наума-эфенди: «Теперь, мой эфенди, дела обстоят так. Ты следишь за прессой. Кроме видимой стороны событий есть и подноготная. В курдском мятеже чувствуется рука англичан. Нынешняя цель — отнюдь не независимость курдов. Цель прибрать к рукам мосульскую нефть. Победит восстание — может возникнуть проанглийский курдский протекторат. Естественно, правительство Камала постарается быстро подавить мятеж. Но если учесть труднопроходимость дорог, дело растянется не менее чем на месяц. Я это все рассказываю неспроста». Не случайно эти слова говорит Наум-эфенди, и не случайно — именно Сулейману Салехбейю. Но нас интересует не эта сторона вопроса. Нам интересно то, что эти слова и мысли совпадают с информацией из газеты «Правда» от 27. II 1925 года. Эта близость фактов доказывает, что главной особенностью своего творчества — соблюдению точности в фактах и событиях — Ю. В. Чменземинли остался верен.

Для четверки комических персонажей Ю. В. Чменземинли

жизнь — игра, а сами они — игроки. Ю. В. Чеме́нземи́ли воспользовался разными формами алогизма в качестве комического приема.

Смех вызывает речь Хандана-эфенди, Абдулазиза-паши и Абдулгада-паши. Их слова и дела сами по себе комичны и вызывают смех зрителя. Эти образы воссозданы открытыми и речевыми формами алогизма.

Чтобы охарактеризовать Сулеймана Салехбейя, Багира и Ибадулла, автор воспользовался другими формами алогизма. Посмешищем они становятся из-за необдуманных поступков. Чтобы заработать деньги, они занимаются плутовством, мошенничеством. Дважды затевают игру и стараются использовать разные средства для достижения цели. Но сами становятся жертвой более прожженного мошенника. Их положение напоминает пословицу: «Жадного обманывает лежец». В шестой сцене пьесы читаем: Ибадулла. Восстали курды — заработали англичане. Хандан-эфенди. У нас не восстание было, а так, выхода проказника... Эх, хорошо бы накачать комедию, скажем, в пяти действиях.

В пятой картине Хандан-эфенди, увидев жалкое существование женщин в «Сарайн Фатиме», говорит, что надо написать большую трагедию, и этому выводу, показавшемуся смешным «друзьям», мы верим. Жалкое положение «друзей», которые решили принять участие в предложенной Наумом-эфенди игре, где можно заработать деньги, вызывает вновь у Хандана-эфенди мысль — «написать пятиактную комедию». И мы опять согласны с этой мыслью. Образы Сулеймана Салехбейя, Ибадуллы и Багира были созданы использованием алогизмов не в открытой форме, а в более скрытой. Развивается сюжет, и мы видим, как разрушается надежда на успех этих типов.

Образ Наума-эфенди можно сравнить с его духовным собратом Шейхом Насрулло из комедии «Мертвецы» великого Мирзы Джа-лила. Но в отличие от Шейха Насруллы Наум-эфенди «игрок» международного масштаба.

В тех сценах, где четверка знакомится с Наумом-эфенди, «сотрудничает» с ним, начинает «игру» и, наконец, остается в положении «вне игры», метод сатирического описания сходен с сабировским.

Сущность этих людей раскрывается в их речи, которая вызывает сатирический смех. Автор воспользовался и другими способами для их разоблачения. После того как «четверка» была обманута Наумом-эфенди, она старается организовать новую «игру». А как завершится эта игра: присвоение денег американок? Какую цель преследовал автор, какие идеи хотел выразить?

С первого взгляда, вторая «игра» опасна — с точки зрения автора и многословия. Но в конце становится ясно, что и она имеет свой смысл, связанный со спецификой нового времени, советским этапом в творчестве видного писателя. Вторая «игра» показывает, что Ю. В. Чеме́нземи́ли в советский период, на новом этапе своего творчества, даже в жанре сатирической комедии старается вывести положительный образ и этим утверждает свою веру в человека.

Ю. В. Чеме́нземи́ли был одним из первых азербайджанских писателей, обратившихся к жанру кинодраматургии. В этом жанре он начал писать после революции. Некоторые из рукописей, подтверждающих деятельность писателя в области кинодраматургии, хранятся в архиве Республиканского рукописного фонда АН Азерб. ССР. Среди них по идейно-тематическим и художественным свойствам

достойн наибольшего внимания киносценарий «Алтунсач». Строительство Мингечаурской ГЭС дало писателям и поэтам новую тему и обширный материал для художественного отражения многовекового желания народа, воплотившегося в реальность.

Подтверждением этому служит поэма «Мугань» народного поэта С. Вургуня, написанная в 1948—1949 гг. В киносценарии «Алтунсач» и Ю. В. Чеме́нземи́ли обратился к строительству Мингечаурской ГЭС. Автор в этом произведении особое внимание уделил созданию образа положительного героя нового типа. Интерес представляет и свойственный ему прием использования фольклора в произведении для художественного отражения реальности в современной теме. Характерно в этом смысле использование легенды об Алтунсач в сценарии.

Известны татарские народные легенды «Алтунсач» и «Алтунсач — ханская дочь». В этих легендах, творчески использованных татарскими писателями, изображена героическая борьба народа против иноземных захватчиков, показаны достижения татарского народа. И в легенде «Алтунсач», к которой обратился Ю. В. Чеме́нземи́ли, преобладает глубокая ненависть к поработителям, в ней выражена непоколебимая вера в счастливое будущее. В сценарии главное место занимает претворение в жизнь этой большой непоколебимой веры строителями новой эпохи, превращение народной мечты в жизнь. Это обуславливает идейно-тематическую актуальность сценария.

По нашему мнению, эти четыре произведения, созданные выдающимся мастером художественного слова в 1934—1937 годах, т. е. в период его творческой зрелости, способны, если и не полностью, то в общих чертах познакомить читателей с основными сторонами многогранного творчества видного азербайджанского писателя Ю. В. Чеме́нземи́ли.

Т. Гусейнов,
кандидат филол. наук

ДЕВИЧИЙ РОДНИК

Роман

В клубе работников просвещения Ахмед должен был сделать доклад о начале зарождения цивилизации. Он прочел большое количество книг, взял необходимые выдержки.

Помимо того, ему необходимо было ознакомиться и с трудами, написанными по истории цивилизации, с фольклором, историей нравов и обычаев, и с многими путешествиями западных и восточных авторов.

Проживая долгие часы в Ленинской, фундаментальной Университетской библиотеках и библиотеке имени Сабира, Ахмед досконально изучал вопрос.

Как-то раз одна из взятых в читальном зале книг приковала к себе его внимание. То было произведение некоего Чопо, написанное об улусе «Ель»¹ и в середине XIX века переведенное на европейские языки.

Раскрыв книгу, Ахмед с глубоким интересом погрузился в чтение.

ДЕВИЧИЙ РОДНИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

«Сегодня последний день лекций» — восклицал каждый с чувством живой радости. Молодежь, вереницей стекающаяся со всех сторон кабиллы², столпилась в саду. Кебусей явился туда раньше нас.

¹ О племени, о деревне «Ель» (ветер).

² Общины (пер.).

«Где вы, философы?» — вопрошал он с легкой иронией, намекая на наше опоздание.

Улыбающееся лицо учителя обезоруживало. Усевшись на пень срубленного дерева и указывая на собранные на траве кирпичи, Кебусей начал:

— Вы заканчиваете ваши лекции этими кирпичами. Сюда занесена вся история общины Петуха. Вам необходимо ее знать. Вместо расстилающейся перед глазами цветущей местности здесь некогда была голая равнина. Основателем общины, первым заселившим эти края, был миднеец Джамасп. Его биография — история возникновения общины. Он сам занес эти записи на кирпичи. Теперь Джейнис прочтет, а вы послушаете их содержание. Однако я должен прибавить, что Джамасп был заратусцем, но, восстав против некоторых законов Заратустры, вынужден был покинуть родину.

После этих слов, подозвав друга моего Джейниса, Кебусей попросил его приступить к чтению. Джейнис считался одним из лучших учеников. Он отлично разбирался в клинописи. Обычно он заносил на кирпичи заметки учителя.

Подняв первый из выстроенных в ряд кирпичей, Джейнис начал:

— Аурамазда! Кто наиболее предан тебе?

Аурамазда отвечал:

— Наиболее верные, наиболее преданные мне — чистые помыслы, чистые речь и чистые деяния!

— Сотворивший мир, зримый очами, будь пречист!

— Аурамазда, какие деяния наиболее благи?

Аурамазда отвечал:

— Наиболее благе, наиболее угодные деяния — суть орошение безводных земель, насаждение зелени, построение мостов и уничтожение вредных насекомых!

— Сотворивший мир, зримый очами, будь пречист!

— Аурамазда, что нарекла земля?

Аурамазда отвечал:

— Земля нарекла: возделывающий меня возрадуется, воздержавшийся — опечалится. Когда рассыпают пшеницу по земле, дивы сердятся, когда пшеница прорастает, дивы гnevаются, когда пшеница колосится, дивы в ярости разрываются.

¹ Бог, олицетворяющий доброе начало. «Ормузд» — у огнепоклонников (авт.).

— Сотворивший мир, зримый очами, будь пречист!
— Аурамазда, кто является пособниками дивов?
— Пособниками дивов являются кочевники — они не сеют и топчут чужие посевы.

— Сотворивший мир, зримый очами, будь пречист!
— Аурамазда, суше, воде, воздуху, огню и всем «женхам»¹ поклоняюсь и чту, ибо они твои!

— Сотворивший мир, зримый очами, будь пречист!
— Аурамазда, какая земля наиболее благословенна?
Аурамазда отвечивал:

— Наиболее благословенна земля там, где человек строит свое жилище. Наиболее благодатный край — край, где пребывают женщины, дети и стада! Наиболее счастливый край — край, богатый нивами, зелеными лугами и плодовыми деревьями.

— Сотворивший мир, зримый очами, будь пречист!
— Аурамазда, какое творение наиболее священо?
Аурамазда отвечивал:

— Наиболее священное творение — петух, ибо он возвещает наступление утра². Наиболее священное животное — собака, ибо она охраняет вас от кочевников-туранцев.

— Сотворивший мир, зримый очами, будь пречист!
— Аурамазда, что является началом зла на земле?
Аурамазда отвечивал:

— Началом зла, омрачающего землю, являются сонмища сотворенных Ариманом чудищ тьмы: дивы, андыры, несы и чоры. Омрачают землю холод, тьма, недуги и кочевники.

— Сотворивший мир физический, будь пречист! Аурамазда, святейшего Заратустру, свет, воду, огонь, сушу, воздух, плодовые деревья, «женхи», перепутья, силу чту и преклоняюсь, ибо они суть твои!

— Сотворивший мир, зримый очами, будь пречист!
Тут Кебусей остановил Джейнниса.

— Дети мои, — сказал он, — Джамасп заимствовал эти мысли из книги Заратустры «Авесты». Что он был заратусцем, я вам говорил, однако, не соглашаясь с некоторыми взглядами, изложенными в «Авесте», он не

¹ «Женха» — употребляется в смысле религии, термин соответствует понятиям правды, чистоты, культа (авт.).

² Утра — (здесь) победа света над тьмой (пер.).

распространяется о них. Огнепоклонники были дуалистами, они верили в существование двойственного начала в мироздании и Джамасп был сторонником этого. Но Джамасп не вторгается в недоступные восприятию мысли сферы. Принимая мир, как явление материальное, он ищет пути к счастливой безоблачной жизни.

Питая отвращение ко многим толкованиям, внесенным в «Авесту» магами¹ или атырванцами², он отходит от них, что и служит главной причиной ухода его с родины.

Мы пройдем мимо записок Джамаспа, направленных против атырванцев; они длинные и не имеют отношения к нашей жизни. Представляющие подлинный интерес места записей связаны с биографией Джамаспа. Этим-то мы и займемся.

Пробежав глазами кирпичи, Кебусей отложил часть в сторону и, просмотрев остальные, обратился к Джейннису:

— Начни отсюда!

2

Джейннис продолжил:

— Отец мой был хранителем огня, выходцем с Муган-и. Ребенком он прислуживал при храме и в то же время учился. Благодаря усердию и познаниям, высказанным им при толковании «Авесты», главный жрец берет на себя труд помочь ему завершить образование. Затем ему дается разрешение на совершение религиозных обрядов и церемоний. Исполняя лет пять эту должность, он назначается главным жрецом Суракханского храма, и, наконец, будучи назначен руководителем Атыргюшаспского храма в Джеза³, остается там в течение семи лет, женится на своей сестре и от этого брака у него родятся сын и дочь.

Но он не переносит климата Джеза и начинает болеть лихорадкой. Заслышав об этом, главный жрец Хамадана⁴ приглашает его к себе.

¹ Маги — муганцы. Муганская степь названа их именем (прим. авт.).

² Огнехранители, азербаны (авт.).

³ Древнее назв. Гянджи (авт.), ныне Кировабад.

⁴ Столица Мидии (авт.).

Спустя год после переезда отца в Хамадан, появляюсь на свет я.

Так как духовное звание считается наследственным, я следую по стопам отца. Ребенком вступив в храм, становлюсь прислужником: чищу золу в огнехранилищах, таскаю дрова и подметаю храм. Попутно, в свободное время, учусь у отца чтению.

Первоначально я приступаю к прохождению «Зинда»¹.

Отец был очень доволен моим усердием.

Я умею также заносить письма на свежеслепленные из глины кирпичи.

Мне исполнилось семь лет. Я должен был пройти обряд очищения и посвящения.

Ранним утром, облачив в белые одежды, меня повели в храм. Там, кроме меня, было еще несколько мальчиков тоже в белых одеяниях. Нас собрали вместе.

Во главе с атырванцем Шизом мы вошли в храм. Шиз был необычайного вида высокий мужчина с длинной худой шеей. При движении полы его широкой одежды, развеваясь, подымали вокруг себя бурю.

Огонь в огнехранилище пылал. Жрец стоял, прикрыв половину лица пантиданой², по одну сторону от него, на камне, именуемом арвидж, были разложены мясо, плоды, молоко и многочисленные, предназначенные для сожжения благовония и травы, ветви Хомо³ и Драона⁴. По другую — возвышалась прислоненная к махуру⁵ барессма⁶.

Мы приблизились к жертвеннику. Шиз расставил нас полукругом вокруг огня. Все в глубоком молчании разглядывали жреца.

«Во имя пресветлого, пречистого, светозарного, всемогущего, великого, великолепного Аурамазда», — начал жрец высоким тонким голосом. Служба тянулась томительно долго. Мы изнемогали.

Пантидана при чтении молитвы на лице жреца колы-

¹ Толкование «Авесты» (авт.).

² Длинный передник, которым прикрывали часть лица во время богослужения (авт.).

³ Растение (авт.).

⁴ Вид хлеба, употребляемого в храме (авт.).

⁵ Подставка в виде полумесяца (авт.).

⁶ Пучок розг (авт.).

халась, вызывая наш смех. Шиз делал отчаянные глаза, призывая нас к порядку и сосредоточенности.

Наконец молитва была окончена.

Подняв находящиеся на арвидже жертвоприношения, жрец окропил их святой водой и, поставя перед собой, вновь приступил к чтению молитвы.

Закончив, он осенил расставленные перед ним мясо, молоко, плоды и предназначенные огню благовония и травы, присоединив к ним ветви Хомо и его соки.

Покончив с этим, жрец приподнял с лица пантидану и, положив в рот кусок мяса, жестом пригласил правоверных приступить к трапезе. Схватив баранью ляжку, Шиз с остервенением принялся уничтожать ее.

О детях никто не вспомнил. У нас текли слюнки. Один из мальчиков, не утерпев, дернул Шиза за полу и попросил кусочек мяса. Рассерженный Шиз швырнул одну из обглоданных им костей мне, а другую попросившему мяса ребенку. Оглянувшись по сторонам, я незаметно кинул кость под алтарь. Увидя это, Шиз взбеленился. Когда все мясо было съедено, правоверные набросились на плоды и, быстро пожирая взятое, вновь и вновь протягивали руки к арвиджу.

Сидящий рядом с Шизом мальчик еще раз потянул его за полу. Шиз, оттолкнув, сунул ему в руки огрызок яблока и стал при этом зло поглядывать на меня. Я насупился. Я был до того зол и сердит, что с нетерпением ожидал окончания обряда.

К сожалению, богослужение не могло завершиться пока не будут съедены все приготовленные яства. Наконец, с едой было кончено. Опустив пантидану, жрец прочел молитву. Последовал обряд Хомо. Находящийся по правую руку жреца атырванец, взяв ветви Хомо, продел их сквозь девять отверстий особого сосуда и, собрав стекающий сок в круглую чашу, подал жрецу.

Подняв чашу и вздев руки, жрец провозгласил молитву во славу Хомо.

Едва закончилось богослужение, как Шиз опоясал нас ремнями, именуемыми «кости», — то был символ посвящения нашего в огнепоклонники.

Жрец прочел предлинное наставление и поручил нас Шизу.

До пятнадцатилетнего возраста человек этот, являясь

нашим духовным отцом, должен был воспитывать нас ревностными огнепоклонниками, а между тем, с того мгновения, как он, подобно голодному волку, жадно и торопливо набросился на баранью кость, сердце мое отвернулось от него.

3

В последний месяц зимы, в годину лунного затмения, мать моя скончалась. Тело ее понесли в дакхму¹.

Дакхма с четырех сторон была обнесена высокой каменной оградой. Детей туда не впускали. Незаметно проскользнув среди огнепоклонников, я вошел внутрь и спрятался меж собранных в груду скелетов. На ограде в громадном количестве сидели пернатые хищники: коршуны, соколы и орлы. Огнепоклонники внесли обнаженный труп матери и, положив на каменные плиты, удалились. Сотни птиц, налетев со всех сторон, принялись терзать ее тело; когда же огромный, начавший менять оперение сокол, взгромоздился над ее головой, принялся выклевывать ей глаза, я не выдержал и громко вскрикнул. Ворота дакхмы приоткрылись, сторож просунул голову, боязливо огляделся по сторонам. Увидев меня, он не поверил глазам. Сперва он отпрянул, но затем, войдя с одним из атырванцев, вывел меня из дакхмы. Вспомнив положение матери, я залился громким плачем. Вдруг предо мной вырос Шиз, заметив, что я смотрю на него, он пребольно схватил меня за ухо.

— Иль ты не знаешь, что вход в дакхму детям запрещен? — прошипел он.

Я молчал.

Тогда он раза два ударил меня по голове и я, толкнув его в грудь, вырвался и побежал домой.

На следующий день я не пошел в храм и все плакал, бродя вокруг дакхмы.

Вечером отец, подозревая меня, привлек к себе и заговорил тихим голосом:

«Сын мой, смерть подвластна Ариману. Проявляя слабость перед ее лицом, мы тем самым радуем дивов.

¹ Дакхма — кладбище. В древности обряда погребения не существовало. Обнаженное тело оставляли на растерзание хищникам. Затем кости складывали в кучу (авт.).

Будь же тверд и стоек. Чтоб разгневать дивов, старайся выглядеть неомраченным.

В течение трех дней, оставаясь беззащитной, душа твоей матери обречена на блуждание и лишь после трех дней, представ перед судилищем, она перейдет под покровительство Солнца. Пользуясь ее беззащитностью, дивы в продолжение этих трех дней будут всячески стараться похитить душу бедняжки и вот, чтобы отогнать их, ты должен развести огонь на месте ритуального омовения и дивы не посмеют приблизиться к ней, ибо они страшатся света. И это-то, сын мой, будет полезней и лучше, чем проливать слезы».

Вместе с сестрой моей, Жиндукт, мы отправились к месту омовения и развели огонь. До утра мы поддерживали пламя, не давая ему угаснуть.

Жиндукт нездоровилось. Видно было, что помимо смерти матери ее точит и иное горе. Устремив взор на пламя костра, она была погружена в горестное раздумье.

Временами ноздри ее тонкого носа трепетали, слезы застилали глаза.

Мы сидели рядом на камне у костра. Глядя на сестру, я забыл о собственном горе. Казалось, я очнулся от тягелого сна.

Горе Жиндукт возбуждало во мне острое участие и любопытство.

— Жиндукт, — проговорил я тихим голосом, — я чувствую, что помимо общего горя у тебя иная печаль. Во имя Заратустры, откройся!

Жиндукт приподняла голову и, изумленно взглянув на меня, вновь опустила.

На этот раз она разрыдалась. Поднявшись с места, я отер ее слезы. Припав головой к моему плечу, она наконец затихла.

Тогда, выждав немного, я обратился вновь:

— Жиндукт! — молил я, — хоть я и младше, все ж я твой брат, не мне, так кому же узнать о твоей печали?

Глубоко вздохнув, Жиндукт проглотила рыдания.

— О, горе мое безмерно и быть может непоправимо! — сказала она глухо.

— Существует ли неизлечимая боль?

— Как видишь, существует! — И, умолкнув, она взглянула на меня.

В ее глазах я прочел причину ее печали.

— Наш отец женится? — быстро спросил я. Жиндукт в ответ зарыдала. Я задумался. По закону Заратустры, женитьба на сестре и дочери почиталась святым и богоугодным деянием. Согласно закону, Жиндукт должна была стать женой отца. Я долго думал. Сначала законы Заратустры, окружив плотной стеной, наступали на меня. Я не мог найти выхода. Но поняв, что я всего лишь четырнадцатилетний мальчик, почувствовал свое бессилие и закипел горестью и гневом.

Прижавшись друг к другу, мы так до утра просидели у костра.

Пение петуха нарушило наше молчание, поднявшись с места, мы отправились домой.

4

Старший брат мой, Эйзедасп, был жрецом в одном из провинциальных храмов. Раз он прибыл в Хамадан.

Лишь позже я узнал, что он приехал с целью жениться. И Эйзедасп имел в виду Жиндукт. Жиндукт знала это. Брат сделал ей предложение и получил отказ. Все это Жиндукт рассказала мне, решительно заявив:

— Ни за отца, ни за брата я не пойду. Пусть будет, что будет!

Я был бессилием дать ей совет. Я верил в святость закона и не мог найти выхода.

Жиндукт мыслила иначе. Ей не было дела до религии. Она не ведала законов и ей была безразлична их предельность или непреложность.

Отец знал это и последнее время усиленно старался познакомить сестру с основными положениями законов, читал выдержки из «Зинда» и «Авесты» и разъяснял их. Приводя при этом потрясающие примеры, он старался показать страшную участь, постигающую непокорных святым велениям.

Раз открыв «Вендидату»¹, он прочел: «Согласно святейшему закону, кто призван дать уготовленные для услаждения праведных душ блистательные жилища? — Согласно святейшему закону их призвана дать правопорядку мужу совестью свободная от грехов, юная и чистая девица-невеста.

¹ Одна из частей «Авесты» (авт.).

— Сотворивший мир, кем должна являться та девица?

— Та девица должна являться дочерью или сестрой мужчины. Она должна обладать незапятнанным именем, иметь не менее пятнадцати лет и с ног до головы быть погруженной в приданое. Такая девушка дается в жены праведному мужу.

Для услаждения и облагорожения своей души эта девица дарит праведникам 14 голов мелких животных, растит и холит 14 собак.

Она перекидывает 14 мостов через речки. Она излечивает 17 паршивых, больных, собак.

Она угощает плодами, мясом, вином и шербетом! 17 праведников...»

Глаза отца при чтении «Авесты» сверкали и он временами поглядывал на Жиндукт.

При виде явных намеков и возбуждения отца Эйзедасп опешил. От ревности и злобы он не мог усидеть на месте.

Наконец чаша терпения лопнула и, не владея собой, с гневом:

— Отец, мы знакомы с законом, в повторении нет нужды! Но если даже закон и освящает, от женитьбы ты должен отказаться.

Слова брата, словно стрелы, вонзились в сердце отца.

— Что? — заревел он. — Под конец ты восстал, ты попираешь святой закон? Вот какой ты жрец?! Так ты блюдешь святой храм?! Позор!.. Да будет позор!..

— Позор тебе, — закричал брат, забыв всякое уважение к отцу. — От старости едва передвигаешься, а еще помышляешь о браке!

Слово «старость» еще сильнее разгневало отца.

— Молчать! — закричал он, выходя из себя. — Туранец! Нечестивый скиф! — и с этими словами набросился на брата.

С затуманенными злобой и яростью глазами они накиннулись друг на друга.

Эйзедасп, ударом свалив отца, принялся топтать его ногами. Став вместе с Жиндукт в сторону, мы наблюдали за дракой. Почему-то оба мы питали презрение и отвращение к отцу и с каждым наносимым ему ударом гнев мой стихал.

¹ Подслащенная сахаром вода (пер.).

Наконец, Эйзедасп, победив, отпустил отца и, схватив Жиндукт за руку:

— Согласно святейшему закону, ты моя!

Но странно, получавшая до сих пор удовлетворение и радость при виде мощи Эйзедаспа Жиндукт, почувствовав свою руку в руке брата, вздрогнула от отвращения и зарыдала, не удержав хлынувших из глаз слез. Я обнял Жиндукт. И вдруг на меня посыпались удары брата.

Эйзедасп, заподозрив и мою заинтересованность, с остервенением молотил меня. А я вместо того, чтоб объяснить, отвечал ему тем же...

5

Кебусей остановил Джейнниса:

— Верно ты устал, отдохни.

Мои товарищи были до того заинтересованы, что никто не шелохнулся. Очевидно, чувствовался большой интерес к истории своих предков. Учтя положение, Кебусей усмехнулся.

— Чопо, продолжай, — сказал он, обратившись ко мне.

Приблизившись, я поднял первый из указанных кирпичей и начал:

— После происшествий той памятной ночи вся наша жизнь перевернулась вверх дном. Несколько дней не возвращаясь домой, я оставался ночевать в храме. Днем же, бродя вокруг даххмы, плакал вместе с Жиндукт. Раз я набрел на огромного сокола; сидя на ограде, он точил ко мне клюв.

— Жиндукт, Жиндукт, — крикнул я, указывая сестре на сокола, — взгляни, вот та птица, которая выклевала матери глаза.

Мы оба, подняв камни, принялись бросать в птицу. Заметив, сторож с дубиной в руке прогнал нас.

Свернув к городу, мы встретили на дороге старого халдейца. Его длинная блестящая одежда была в заплах, голова была непокрыта и седые длинные волосы вились крупными кольцами. Кудри же бороды, развеваясь, слились в кучу. Видно, что давно к ним не прикасалась рука брадобрея. Глаза его были густо насур-

млены. Слева у пояса висела сухая тыква, там находилась вода. Узнав в нем предсказателя, мы подошли.

— Привет тебе, о старец! — сказали мы.

— Привет вам, — ответил он, поднеся и приложив руку к уставам и очам.

— Откроешь ли ты нам нашу судьбу? — спросили мы.

— Открою, если дадите драхму!

Охая и кряхтя, весь изогнувшись, старик сел на землю.

— Ох, спина, спина, — застонал он, — натираю ее бабильской нефтью, но толку мало, врач-сузиец как-то дал мне мазь, да она кончилась, хоть немного она все же помогала мне...

Рассказав о своих недугах, старик опустил руку в карман, и, достав несколько пестрых бусинок, подбросил их вверх и, когда они упали наземь, быстро заговорил:

— Вы рождены под знаком Утарид¹ и пока находитесь под его покровительством. Хотя ваша судьба еще не определена, она не кажется блестящей. Предвидится смещение крови, несчастье, видна дорога. Перемена местожительства. Дарящая счастье птица будет путеводителем. Завершится четырьмя элементами. Возродится солнце.

Старик, закончив, оглядел нас выцветшими глазами. Хоть было немало вопросов, ни один из нас не решился задать их.

Оставив старца, мы удалились. Около храма мы встретили Шиза.

— Почему ты не посещаешь храм? — спросил он строго.

— И не буду больше ходить в храм, — крикнул я в ответ.

Словно не веря моим словам, он долго смотрел на меня, потом, схватив за уши, потащил за собой. Жиндукт вся в слезах осталась у ворот храма, ее не впустили внутрь. Втащив меня во двор, Шиз толкнул в темницу, расположенную у хлева семи коров, и запер дверь на замок.

То было пыльное, грязное помещение без окон. Я огляделся по сторонам, но ничего не увидел в темноте. Постепенно глаза мои освоились в царящем вокруг мраке. В углу стояла старая клетка для петуха. Я опустил-

¹ Меркурия (пер.).

ся на нее. Хотел дать себе отчет о случившемся, но не смог. Я находился в странном состоянии. Мир, кроме страданий, ничего не дал мне. В сердце моем было глубокое отвращение ко всем людям за исключением матери и Жиндукт. И даже Заратустра и Аурамазда начали меркнуть в моих глазах... В жутком страхе провел я там ночь, долго плакал, замирая от ужаса перед дивами. Наконец усталость и сон победили страх...

...Упав на землю безводной, бесплодной пустыни, семя проросло и превратилось в дерево. Зацвело, оделось листвою и раскинуло широкую тень. Забили ключи и, извиваясь змейкой, побежала холодная вода, орошая все вокруг. На берегу реки, разостлав узорчатую суфру¹, собрали всех маленьких, одиноких, обиженных людей. И я был среди них. Я принялся разыскивать Жиндукт. Ее не было. Я огорчился. Внезапно белое облако, плывущее в небе, разверзлось и оттуда вынырнула Жиндукт в звездном одеянии. Выпорхнув, как голубь, она вдруг заметила меня и заплакала от радости. Ее слезы, падая дождем, оросили пустыню. Пустыня зазеленела, распустились цветы. И все мы, поднявшись с места, провозгласили в один голос:

— Сотворивший мир физический, будь пречист!..

Я очнулся от звука собственного голоса. Сквозь щель двери пробивался свет. Не веря глазам, я, поднявшись, подошел к двери. Во дворе было большое движение. Вдруг показался Шиз, дав ключ одному из атырванцев, он начал что-то объяснять ему. Огнехранитель, подойдя к двери, открыл ее и, не сказав ни слова, отпустил меня.

6

«Отправлюсь-ка домой!» — подумал я, но дом показался мне невыносимей ночной темницы, однако желание видеть Жиндукт победило сомнения. Я двинулся вперед. Жиндукт сидела у ворот, опершись печально на правую руку. Хотя мое появление ее и обрадовало, все же радость не стерла с ее лица следов печали. Я сел рядом.

— Что еще случилось? — спросил я.

¹ Скатерть (пер.).

Слегка задумавшись, она сказала:
— Вчера главный жрец призвал к себе отца и Эйзедаспа и помирил их.
— Потом?
— Он обещал меня Эйзедаспу...
И не закончив, она зарыдала.
— Потом?
— Что ж потом? Сегодня вечером я должна стать женой брату.

Хоть в этом не было ничего необычного, мне это показалось невыносимым. Слова Жиндукт, как копье, насквозь пронзили все мое существо. Я задумался. Но и долгие размышления не привели ни к какому выходу. Я решил лишь одно — вплоть до отъезда Эйзедаспа и Жиндукт в провинцию, я буду уходить в даххму и ночевать рядом со скелетом матери.

Мы расстались со слезами на глазах. Утром я проснулся от шума голосов. В даххму принесли чей-то труп. Среди атырванцев я заметил Эйзедаспа и отца. При виде меня они громко зарыдали. Тяжелое предчувствие сжало сердце. Мне припомнился сон в темнице. Молча подошел я к толпе — на носилках лежала Жиндукт, Алая кровь запеклась на ее лбу. Глубокая скорбь залегла меж сомкнутых ресниц.

Я обратился к нашему соседу. Скупно и кратко он поведал о случившемся:

— Ночью, покинув Эйзедаспа, она поднялась с ложа и вышла, ее ждали, но она не вернулась. Ранним утром труп ее обнаружили под башнями крепости, у стен Семирамиды¹. Поднявшись на башню, она бросилась вниз...

Я отошел в сторону и пошел по пыльной дороге, удаляясь все дальше и дальше.

У городских ворот находилось высеченное из камня изображение льва. Он считался покровителем Хамадана. Усевшись перед ним, я в последний раз взглянул на город. В это время за спиной льва я заметил какую-то птицу. То был белый петух. Я тотчас узнал его и сильно изумился. Он принадлежал Жиндукт и исчез три дня тому назад. Я подошел к петуху, он бесстрашно сел мне на руку. Прижав птицу к груди, я пустился в путь.

«Достаточно», — раздался голос Кебусея.

¹ Царица Хамадана (авт.).

Отложив кирпичи, я отошел в сторону.

— Думаю, что комментарии излишни. Наш предок переходит из Мидии в Урарту. Его схватывают и, как раба, продают на рынке. Один богач покупает его и приводит домой.

У богача красавица дочь. Девушка и Джамасп влюбляются друг в друга. Богач узнает об их взаимной склонности и сначала отвергает предложение Джамаспа. Наконец, сжались и подавшись мольбам и стенаниям дочери, ставит Джамаспу следующее условие: «Если в течение семи лет верой и правдой прослужишь мне, я отдам дочь за тебя». Джамасп соглашается. Безмолвно преданный девушке, он начинает службу. На четвертый год богач умирает и Джамасп женится на девушке. В это время Кападокия объявляет Урарту войну.

В довершение ко всему внутри страны вспыхивают беспорядки. Условия жизни ухудшаются и Джамасп, собрав семью и ближайших родных, переходит в Аран.

Созданная Джамаспом община принимает стекавшихся со всех сторон беженцев, постепенно возникают окружающие нас кабиллы. Название нашей общины — Община Петуха — память о петухе Жиндукт. Вы обязаны любить и уважать законы созданной с таким трудом общины. Будьте счастливы! Преуспевайте в жизни, чтоб ваш старый учитель мог гордиться вами!

Товарищи мои были до того растроганы, что многие прослезились и, подойдя по очереди, мы на прощание поцеловали учителя руку.

7

Следующей была лекция о законах жизни. Мы отправились к учителю Хамбурабию. Старик встретил нас со слезами на глазах.

— Расстаемся, значит?! — воскликнул он при виде нас, вновь залившись слезами.

— Разлука — жизненный принцип. Она не должна огорчать нас. Не обращайте внимания на мои слезы. Это признак старости, — сказал он, улыбнувшись.

Смахнув слезы и овладев собой, Хамбурабий приступил к последней лекции:

— Дети мои, — сказал он. — Законы жизни чрезвычайны.

чайно просты: жить, жить сытыми и здоровыми, уменьшать горести и умножать радости жизни. И вот в этих-то простых, ясных действиях и заключается цель жизни. Меж тем эти простые требования человек бесконечно усложняет и стоит в недоумении, как путник, потерявший дорогу в песчаной пустыне.

Жизнь человека, жизнь животного, жизнь растения... Все они тождественны. Отрыв и падение с ветви листа, увядание цветка, околевание животного, смерть человека — имеют один и тот же смысл. Уход из жизни есть начало вечности. Умерший не оживает, но ожившее будет не той же материей, а иной. Жизнь постоянна, меняются лишь виды. Трава увядает — на ее месте прорастает другая, человек умирает — рождается другой.

Жизнь есть живая и материальная сила. Материя и жизнь неотделимы друг от друга. Жизни вне материи нет.

Жизнь сама по себе есть цель. Жизнь существует лишь для жизни — и не преследует иных целей.

Все живое должно жить, однако жизнь должна быть не личной, субъективной, а общественной. Личность живет и развивается в обществе, она не изолирована, работает и развивается на пользу общества, ибо общество есть коллектив, индивидуум же единичен. Коллектив сильнее единицы. Люди усложняют простейшие законы, говорил я вам, и, покинув прямые пути, пускаются по извилистым тропам в поисках истины. И это свершает не простой люд, а ученые, люди науки. Творцы пирамид, роскошных дворцов и тончайших художественных произведений, египтяне, верят во множество легенд и мифов. Они верят в перевоплощение человека после смерти. Слово у каждого человека есть двойник...

Израильяне, преклоняясь перед грозным, всемогущим Иеговой, почитают его творцом Вселенной. Жизнь — временное испытание, говорят они. После нее наступает страшный суд и воздается плата.

Арийцы воспринимают жизнь как плод борьбы двух сил.

Вавилоняне обманывают себя всевозможными непостижимыми легендами.

Индусы ждут помощи и благоденствия от сил, движущихся по небу в золотых колесницах...

Изнемогая в бессилии, люди бьются и ждут необы-

чайного от легендарных сил, тогда как все, что не воспринимается пятью внешними чувствами, нереально.

Человек — законченное существо, факторы, побуждающие его к жизни, связаны с его существованием. Наряду с потребностями в пище, питье, сне и тому подобными внутренними желаниями, имеются и желания, получающие силу извне и содействующие претворению этих внутренних побуждений в жизнь. Чтоб хорошо питаться, надо продуктивно работать, чтоб пить чистую воду, надо найти здоровый источник или процедить и отстоять дурную воду, для удачной охоты нужна храбрость, словом, исполнение каждого желания рождает вонне многочисленные требования. Труд, отвага, ловкость, лукавство — есть служители внутренних чувств. Истина такова. Обратная сторона ее бесплодна, это пустые мечтания или метафизика. Жизнь есть плод реальности. Законы жизни диктует реализм и пути жизни начертаны реализмом... Так!

«Материя временна, у нее есть постоянное и вечное отражение». Эта и подобные ей ложные философии ничто иное, как словесные измышления проходивцев, легенды, порожденные больным мозгом эллинов и самийцев.

Когда мы начали строить нашу цветущую, населенную общину и заложили ее фундамент, «вечное блаженство» не пришло нам на помощь... И мы не нашли нужным «воспользоваться» им.

И, продолжая в таком духе, Хамбурабий, высказав в конце пожелание видеть нас верными сынами общины, перецеловал всех в лоб, а мы, поцеловав ему руку, расстались с ним.

8

На следующий день рано утром пронзительный голос глашатая пробудил нас ото сна.

Глашатаю — честь,
Юношам — весть!
Врач всех врачей,
Враг хвори и болей,
Халдеец Эмильмердук —
Юношей друг —
На площади ждет.
Встаньте, идите,
Юноши, не спите!
Привет прощальный ему,

36

Слава светлому дню!
Халдеец Эмильмердук —
Юношей друг —
Вас на площади ждет.
Глашатаю — честь!

Я поднялся с ложа. Радости моей не было границ. Постепенно я стал различать очертания ближайших предметов.

По обычаю Общины Петуха молодежь, подвергшись осмотру врача, получала разрешение на бракосочетание и затем уже отправлялась в Общину Овна на поиски невесты. Какая серьезная задача! Среди благоухания весны зарождалась весна юности.

Следующая за мной по пятам мать ликовала и радовалась со мною наравне. При выходе моем из дому, она еще раз обняла меня и, целуя, прошептала: «Будь счастлив, сынок!»

Приласкав мать, я побежал в цветник. Из каждого дома несся веселый молодой голос. Мы, окликая друг друга, собрались на площади «Мазда». Вдруг среди деревьев показалась тучная фигура Эмильмердука. Он приветствовал нас, мы, ответив, столпились вокруг него. Начались шутки и прибаутки, Эмильмердук был большим балагуром. Каждый случай он иллюстрировал соответствующей поговоркой и примером.

Когда вся молодежь была в сборе, он выстроил нас в ряд и внимательно оглядел. Все мы были здоровые телом, сильные, мускулистые юноши. Лишь один, перенесенный зимой тяжелый недуг, выглядел плохо. Эмильмердук, отделив, поставил его в стороне. Затем, заставив нас промаршировать, послушал пульс и остался доволен нашим видом. Больной товарищ, стоя в стороне, печально смотрел на нас. Эмильмердук, приблизившись, прощупал его пульс и осмотрел язык.

— Этой весной ты не можешь отправиться в Общину Овна. Пойдешь будущей весной, когда станешь здоровей, — сказал он.

Больной не сдавался:

— Я пробегу, а ты послушай мое сердце.

Эмильмердук слегка задумался.

— Ну, айда — беги, — сказал он.

Больной бросился бежать и, повернув обратно, под-

37

бежал к врачу. — Краска сошла с его лица. Сердце громко стучало.

— О! Овен не отдаст девицы такому сердцу, — сказал Эмильмердук с громким смехом.

Но больной возражал:

— Я еще раз пробегу, а ты посмотришь, — настаивал он.

Эмильмердук, улынувшись, начал:

— Жил в городе Пересполье¹ знаменитый портной. Он имел обыкновение красть часть принесенных материалов. Один из клиентов прослышал об этом. Купив материал, он отправился к портному. Портной, развернув материал, расстелил перед собой и, взяв ножницы, вдруг запел.

Песнь до того понравилась заказчику, что от изумления он потерял голову, а портной в это время, срезав кусок, бросил под кровать.

— Спой еще! — попросил клиент, когда песнь была окончена.

— Если я спою еще, материала не хватит, — ответил портной.

Все рассмеялись и громче всех больной. Поняв, что, если он пробежит еще раз, сердце его не выдержит, он отказался от своего требования и не настаивал на нем.

9

После осмотра врача было решено отправиться на поклонение могиле Джамаспа. Подошли музыканты, каждый из нас приготовил по букету. Захватив с собой различные яства, несколько кувшинов вина и мешок зерна, мы двинулись. В память Жиндукт недалеко от могилы Джамаспа содержали несколько белых петухов. Падомики приносили им корм.

Могила представляла цветник. Являясь большой каменной плитой, напоминающей по форме сундук, она со всех сторон была испещрена рельефными рисунками, изображающими различные моменты из жизни Джамаспа.

¹ Древняя столица Фарса — Истехар (авт.).

Сверху на камне было высечено изображение петуха. Пред могилой горел огонь. Надсмотрщики днем и ночью поддерживали пламя, не давая ему угаснуть.

По приходе первым долгом мы накормили петухов. Затем, украсив могилу цветами, взяли за руки и, образовав кольцо, закружились вокруг нее и запели:

Прах Джамаспа мы почтили,
Петухов зерном кормили.
Понял наш порыв Тотем,
Подняв голову, запел,
Словно солнце озарило,
О Джамаспе говорил,
Вспомнив милую Жиндукт,
Он запел ку-ку-ре-ку!
Крепость древняя царши
Стои услышала девицы,
«Это предков ведь очаг», —
Громко нам петух кричал.
Прах Джамаспа мы почтили,
Петухов водой поили.
И петух забил крылом,
Солнце красное изойшло.
Солнцу светлomu — хвала!
Предку Джамаспу — хвала!
Деве Жиндукт — привет!
Смелым юношам — привет!
Да цветет община наша,
Загорится пламя ярче,
Поклонимся мы огню,
Ку-ку-ре-ку, ку-ку-ку.

После пляски, еще раз поклонившись могиле Джамаспа, мы отошли в сторону и, усевшись под тенью огромного орехового дерева, принялись пировать. Чашки наполнялись вином. Один из товарищей, поднявшись, внес предложение:

— У нас есть просьба к нашим учителям, — сказал он. — Нам хотелось бы услышать их мнение в отношении вина.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Эмильмердук, — и я б хотел услышать его.

Кебусей, взглянув на Хамбурабия, поднялся с места.

— Дети мои, — сказал он. — В нашей общине есть представители различных стран и племен. Никто из них при поселении здесь не был противником вина. Видно, на родине среди их племен оно было обычным напитком.

Никто не повествует о том, где и среди каких народов появилось оно впервые. Слово «вино» встречается в самых первых сказаниях. Думаю, что вино древне, как мир. Следовательно, оно необходимо человеку. Жажда радости и веселья — в природе человека. Но... здесь большое «но» — веселье и удовольствия должны занимать лишь небольшую часть жизни. Вечный праздник быстро наскучит.

Пир во дворцах Хамадана нельзя назвать радостью и весельем. Они ничто иное, как упадок и распушенность. Веселье должно быть спутником труда.

Настоящая радость следует за трудом, и лишь такая радость полноценна, действительна как чувство. И с этой точки зрения вино — лучший друг, чудеснейшая возлюбленная. Да здравствует вино!

— Ку-ку-ре-ку! — закукарекали мы, поднеся чаши к устам.

Спустя немного времени поднялся Хамбурабий.

— Дети мои, — начал он. — Человек существо обладающее пытливым разумом и пятью внешними чувствами. И его трудоспособность имеет известные пределы. Он устает и не в состоянии переступить их.

Если он, избавившись от тяжести забот, найдет возможность погрузиться в глубокое раздумье, он не сумеет отгадать цель и тайну бытия. Природа знает слабость созданного ею человека. (Иначе, если б она не сотворила его слабым и беспомощным, он восстал бы против своего творца.) Она снабдила его для достижения определенных целей определенными чувствами.

Чувство голода, жажда, чувство к женщине и ребенку... С духовным ростом человека увеличивается число его чувств. И влечение к вину появилось на арене в один из моментов духовного напряжения — роста. Вот почему вино для сильных и высоких духом людей есть потребность, для грубых и низких натур — яд. Да здравствует вино!

— Ку-ку-ре-ку! — крикнули мы, вновь осушив чаши.

Очередь дошла до Эмильмердука.

Сперва он долго отнекивался, но потом начал.

— Дети мои, — проговорил он. — Я врач. Мое дело темно, как вечность. Несмотря на все мои знания и опыт, наблюдая организм больного, я всегда чувствую свое бессилие. И пред вином я нахожусь в таком же бессилии

и неведении. (Вино ли нездорово, или я?) Когда оно разлито по чашам, дивясь его неподвижности, при введении внутрь картина совершенно меняется: человек смеется, плачет, веселится, печалится, делается отважным, вино увеличивает желания, туманит мозг... В конце концов вино для меня загадка. Расскажу вам один случай.

«Халдеец встретился с разгульным, махнувшим на все рукой эллином и принялся читать ему наставления:

— Брось вино, довольно пьянства, бог сотворил нас для трезвой жизни, — говорил он.

Эллин рассмеялся.

— Смотри не просчитайся, твой творец так же пьян, как я, иначе, если б он был трезв, он не сотворил бы такого глупца, как ты».

Все, рассмеявшись, выпили за Эмильмердука.

10

В нашей общине были две бездетные женщины. Ежегодно отправляющиеся весной в Общину Овна юноши согласно обычаю обязаны были посетить их.

И мы должны были следовать закону. Было принято нести бездетным подарки. Захватив различное печенье, хлеб, вино, корицу, гвоздику и букеты цветов, мы отправились.

Первая из посещенных нами была почтенная старуха. В молодости она раз родила, но ребенок был кретин, она, приложив к его устам подушку, покончила с ним. Чувство собственного достоинства и гордости не позволяло ей быть матерью идиота.

Поступок старухи не противоречил законам общины. Слепые, калеки, хилые и немощные дети лишались права на жизнь. Придя к нам издревле, обычай этот сохранился в общине. Не раз раздавались возражения против этого, вследствие чего совет общины неоднократно ставил вопрос на обсуждение и каждый раз голоса подавались за сохранение его в прежнем виде. Вероятно, и в будущем обычай этот не умрет, ибо вся молодежь его поддерживает.

Обреченным всю жизнь проводить в страданиях, неспособным детям не лучше ли совершенно уйти из жизни?

41

Но мы удалились от темы.

Зная о нашем приходе, старуха приделась. Она встретила нас добродушной улыбкой.

Мы приветствовали ее, перецеловав ей руки, а она в ответ целовала нас в лоб. Муж ее был на работе. По приходе мы вынесли из дому все вещи наружу, обмели и вычистили комнаты. Затем, перетерев все вещи, внесли в дом и расставили по прежним местам. Украсив комнаты принесенными цветами и застелив стол чистой скатертью, заставили его яствами и питьем. Усадив старуху во главе стола, мы разместились по ее правую и левую руки.

Действие как наш представитель сказал:

— Мать наша! Сыновья твои, согласно обычаю, уходят в Общину Овна и пришли просить твоего благословения.

Бездетная старуха положила в рот кусочек корицы.

— Сыны мои, я довольна вами. Да будет вам во благо и пойдете впрок вспоившее вас молоко! Ступайте, женись и будьте счастливы. Да укрепится и расцветет кровная связь Петуха и Овна! В продолжении двадцати лет я послала многих сыновей к Овну. Передайте им мой привет. Да пребудет над ними благодать Петуха!

Мы поели и попили. После трапезы старуха легла отдохнуть, а мы, окружив ее, как сыны, ласкали ее, гладили ей голову и руки. От старости суставы ее пальцев вспухли и ныли, мы помассировали ей руки, предварительно смазав бабильской нефтью.

Заранее над очагом был подвешен котелок с водой и как только вода закипела, вымыли и высушили старухе волосы и подстригли ногти.

— Матушка, — спросил я, — нет ли еще какой работы?

— Сын мой, дрова мои еще не наколоты.

Поднявшись, мы наколоты дрова и аккуратно сложили у очага.

Словом, исполнив все, что только сын может сделать для матери, мы, распрощавшись, отправились ко второй бездетной.

Женщина эта не рожала. Ей было около двадцати пяти лет. Была она высокого роста, плотная, чернобровая, с длинными пушистыми ресницами.

Она стыдливо вышла нам навстречу. При слове

«мать», которым мы приветствовали ее, лицо женщины приняло странное выражение. Брови затрепетали, ресницы увлажнились. Молодежь поняла, что ей больно и завидно. Прибрав ее комнаты и выполнив всю домашнюю работу, со словами «благослови нас, мать» мы стали прощаться. На этот раз, не сдержавшись, она расплакалась.

Согласно обычаю, мы обязаны были помочь и мужьям бездетных. Таким образом, вторую половину дня мы провели в работе на поле и ниве.

II

Прежде чем навсегда покинуть общину, молодежь должна была оставить по себе какую-либо память. Предшествующие нам поколения прорыли каналы, соорудили какризы¹, построили мосты; находящийся с северной стороны общины лесок был также делом их рук.

Поразмыслив немного, мы решили положить начало фруктовому саду.

На расстоянии тысячи шагов от общины был расположен каменный, поросший кустарником, пустырь. Мы принялись расчищать и выкорчевывать его и через несколько дней труда высадили до ста плодовых деревьев. Явился представитель Совета общины и принял сад под свое попечение.

В тот же день мы совершили обряд «поклонения природе».

На «поклонение» собралась вся община. На подносах были разложены и расставлены сосуды с водой, земля и дровяные щепки. Все, преклонив колена, поклонились дарам.

Затем, поднявшись, с пенем принялись посыпать землей основания деревьев. На ровном месте разложили костер и сложили сверху принесенные щепки; окропив все вокруг водой из сосудов, взявшись за руки, образовали круг. Мужчины, женщины и дети, кружась вокруг костра, запели:

Пламенный огонь — огню!
Со скрытым пламенем — огню!

¹ Какриз — оросительная система колодцев.

С ярким пламенем — огню!
Низко кланяюсь огню!

Водам, суше и огню,
Ветру, водам и огню,
Многорукому огню,
Низко кланяюсь огню!
Ку-ку-ре-ку, ку-ку-ку,
Ку-ку-ре-ку, ку-ку-ку.

Окончив пляску, все, слегка приподняв полы одежды и трижды прокричав ку-ку-ре-ку, разбрелись в разные стороны по садам и лугам.

Каждый должен был семикратно уничтожить по семь вредных насекомых.

Гоняясь за бабочкой, я налетел на Джейниса. Он принялся по обыкновению жаловаться.

— Друг мой, — сказал он, — будет ли конец этим обычаям и обрядам? Как какое-то стадо нас гонят с места на место! Мне наконец надоело!

Я промолчал. Поняв мое молчание, он продолжал настаивать на своем.

— Тебе хорошо. Ты умеешь из всего извлекать удовольствие. Меня разъедают сомнения. Я никому не могу открыть своего горя, а оно, превратившись в вулкан, сотрясает все мое существо. Я не отрицаю полезность выполняемой нами работы, но... разве это нельзя обставить как-нибудь иначе? Ну, говори же, говори. Хотя бы как греческий жрец, иль оракул, изреки что-нибудь.

Я рассмеялся.

— Что мне сказать? — ответил я. — Обряды и обычаи тяжелы, знаю. Но без них не обойдешься. Кебусей рассказал нам о жизни других народов. Их обычаи еще тяжелее, в то время как наши обычаи исходят из материального мира, у них дело обстоит совершенно иначе. Истину они видят и объясняют вне материи, и этот мир фантазии не поддается восприятию и познанию пятью чувствами. Это ли лучше?

— И это не годится. В то, что я не вижу и не чувствую, я не могу верить, но я не могу понять и нашего образа действий. Почему-то мой ум не покоряется этому.

— В тебе, видно, зарождается возмущение.

— Еще какое, еще какое! Но оно пока не получило определенной формы.

— Что ж, пусть свершится; посмотрим, но берегись, чтоб в результате твоей неопытности не пострадала община.

Джейнис насмешливо рассмеялся.

— Удивителен ты, Чопо! — сказал он. — Ты влюблен в мирную, стоячую жизнь. «Пошады! Спасения! Нарушаются устои жизни!» — кричишь ты. Влияние старых учителей пустило в тебе слишком глубокие корни. Но одно ты упускаешь из виду. Ты знаком с историей, но не можешь постигнуть причин перехода нашего к общинной жизни. Я беру на себя смелость заявить это. Прости! В общины через границы Вавилона, Мидии, Кападокии, Урарту, Фарса, Халдеи, Понта-Оксинна¹ стекались люди. Причина ясна: условия жизни на родине становились невыносимыми. Отчаянный гнет войны, внутренние волнения и мятежи, кровопролития во имя веры, неукротимый аппетит сильных мира сего довели народ до отчаяния. Жизнь становилась все тяжелее и тяжелее. Слабых, угнетенных, лишенных возможности пользоваться плодами своего труда она принуждает к бегству. И люди, бросая все, лишаются облика человеческого и несмотря на это все же бегут и в результате достигают счастья.

— Великолепно!? Что же тебе еще надо? — прервал я его.

— В мире существует один закон. Жизнь, застыв в старых рамках и формах, застаивается подобно воде. И наша жизнь стала «воить» обычаями. Нужен выход...

— Хорошо, хорошо! — сказал я, рассмеявшись. — Отправляясь в Общину Овна и предварительно посетив храм Семи Петухов, мы распростимся с Общиной Петуха и поскольку нам придется жить в Общине Овна — изучим ее законы. Пусть юноши, которые явятся сюда из Общины Коршуна на поиски невест, подумают над здешними нравами. Мы же больше не принадлежим Петуху.

12

Храм Семи Петухов был великолепным сооружением на семи каменных колоннах. На каждой колонне было высечено изображение петушиной головы. В храм вела широкая лестница в семь ступеней. На каждой ступени восседал разодетый в пестрые яркие ткани старец с длинной бородой и петушиным шлемом на голове.

¹ Древн. назв. Черного моря (авт.).

Они встречали нас звуками свирели.

Величие храма, облик старцев, их одеяние и печально-нежные звуки свирели создавали атмосферу таинственной гармонии.

Молодежь почтительно приблизилась к первой ступени. Старец, сидящий на ней, взяв в руки свирель, мгновенно поднялся.

— Стойте! — произнес он, — стойте! Выслушайте рассказ старого человека.

Внушительный голос старца остановил юношей. Воцарилось глубокое молчание. Старик начал:

«Когда были Солнце, Луна и семь братьев — семь планет — говорили о величии движущихся небесных сфер, царство Мидийское владычествовало над Землей. Перед силой оружия его войска трепетали Вавилон, Элам, Сузы просили пощады и скифы не смели ступить за пределы Дербента. Семибашенный дворец украшает Хамадан, и созданный Кейнессаром храм своим неугасимым светом озаряет мир. Бесчисленные стада баранов, овец, табуны коней. Деревья гнутся под тяжестью плодов. И нет невозделанного клочка земли, нет реки, через которую не был бы переброшен мост, нет неполютой пяди земли...

Но величие и гордыня овладевают дворцом. Начинают забываться законы Заратустры. Глас народа не слышен у трона. Астиаз¹ предается пирам и наслаждению.

Дщери Вавилона и юноши Элады властвуют во дворце. Фарсидское вино туманит головы. Могущество Мидии пошатнулось. Ариман простирает над миром свои темные крылья.

Давно уж с завистью следящие за нашей мощью персы поднимают головы. Меч Курушуна² кладет благополучию Мидии конец. Наступают подстрекаемые персами войска со стороны Лидии, Элама и Скифии. Огни гаснут, сады превращаются в пустыри, жилища разоряются, земля стонет, небеса разверзаются.

Однако стойкость магов остается непоколебимой, войска огнепоклонников не рассеялись: Камбиз с собранным в Хариземе, Бактриане, Кирмане, Вавилоне, Лидии и Мидии огромным войском приготовился к походу на Египет. Скрытое недовольство стало проступать

¹ Последний мидийский царь (авт.).

² Основатель Персидского царства (авт.).

наружу. Волны восстания захлестнули Персидское царство. Маги не остановились пред упоминанием в молитвах фараона, а искали пути выхода, и атырван, по имени Смердис, захватив Хамадан, садится на престол.

Огни в храмах запылали, лица огнепоклонников озарились улыбкой.

Но ничто не вечно под солнцем. И владычество Смердиса продолжалось недолго. Представители семи древнейших родов Персии, являющиеся столпами дворца, не пожелали подчиниться магам и, вооружившись, свергли Смердиса.

Стали искать преемника умершему Камбизу.

По обычаю персов, лошадь почиталась священным животным и выбор правителя проходил при ее участии и благосклонном отношении. Семь победителей, свергших Смердиса и разбивших войска магов, еще до восхода солнца сев на коней, выехали за город.

Когда первые лучи солнца озарили землю, конь одного из семерых — Дария заржал. Согласно обычаю Дарий был провозглашен царем.

Войска были собраны, восстание подавлено, страна огнепоклонников разорена, храм Кейнессара разрушен. Ничто не вечно под солнцем.

Дарий, восстановив царство Камбиза, окружил себя небывалой роскошью и великолепием.

В Истехре¹ он решил построить невиданный доселе в мире дворец. Со всех земель, простирающихся от Элады до Харизема, собрал он скульпторов, архитекторов и мастеров. Но вскоре выяснилось, что задуманный Дарием храм никто кроме Кейнессара выполнить не в состоянии. Стали разыскивать Кейнессара, но не нашли. По всей стране были разосланы гонцы и глашатаи, искали по городам и селам, никто не видел Кейнессара и не знал, где он.

Раз Дарий выехал на охоту и, гоня лань, наехал на лачугу. Он увидел обернутого в козлиные шкуры длиннобородого старца, лежащего на спине и созерцающего небо.

Дарий с придворными приблизился к нему. Слово не видя их, старик не повел глазом. В ту же минуту спрятавшаяся в кустах лань, завидя Дария, пугливо вскочив с места, кинулась к старцу и прижалась к нему.

¹ Столица Персии (авт.).

Удивленный невозмутимостью старика и поведением животного, Дарий обратился к старцу:

— Кто ты, старик?

Старик, поглядев на Дария краем глаза:

— Я? Могушественнейший в мире человек.

Не знающий и не мыслящий равного себе по могуществу, Дарий взглянул на завернутого в козлиные шкуры старца, на полуразрушенную лачугу.

— В чем же твоя сила? — спросил с иронией и удивлением.

— В том, что бегущие от тебя, льнут ко мне.

Дарий усмехнулся, но, почувствовав, что у старца какая-то тайна, задал ему несколько вопросов.

— Старик, что на свете желанней всего?

— Не иметь никаких желаний.

— В чем самая большая истина?

— В отрицании.

— Самый верный путь?

— Сомнение!

— Самое большое наслаждение?

— Нирвана!

Эти ответы еще больше удивили государя и возбудили интерес. Внезапно он спросил:

— Знаешь ли ты Кейнессара?

— Знаю.

Царь обрадованно:

— Где ж он?

— В своей стране, в своем царстве.

— Где его царство и кто его подданные?

— Его царство — лес, а подданные — джейраны.

Поняв, что перед ним сам Кейнессар, Дарий сошел с коня. Свита, последовав его примеру, окружила Кейнессара. Старика поднесли изысканные блюда.

Однако Кейнессар, не двинувшись с места, продолжал созерцать небо.

Дарий начал говорить ему о своем желании построить дворец и предложил поехать в Истехр.

— Я дам тебе столько золота, сколько ты весишь, я исполню все твои прихоти.

Старик, качая головой:

— Что такое золото я не знаю, да и не хочу знать. Что касается желаний, они преддверие страданий.

Дарий, сдерживая гнев, сулит новые дары. Но ста-

рец непреклонен. Не меняя позы, он ласкает прижимающегося к нему джейрана.

Наконец, не сдержав гнева, Дарий сердито вопрошает:

— Чего же ты хочешь достичь, лежа здесь?

— Не думать ни о чем.

Дарий в ярости вскакивает на коня.

— Палач! Свяжи руки этому безумцу и посади на лошадей.

И в то время, как палач связывает Кейнессару руки, старик, нагнувшись, шепчет джейрану:

— Беги! Быть вдали от людей — благополучие.

И, словно поняв его речь, джейран, легко отпрыгнув, мчится в лес и исчезает в густой чаще.

Кейнессара доставили в Истехр. Там ему снова предлагают заняться постройкой дворца.

Но он вновь отказывается. Тогда по приказу Дария его поднимают на крепостную башню и сбрасывают вниз.

Но ничего не вечно под солнцем. Кейнессар не погибает, стоящие под стенами крепости атырванцы подхватывают его и прячут.

Видя разрушение созданного его трудами и вдохновением храма, отрешившийся от мира Кейнессар возвращается в мир и, перебравшись с отрядом огнепоклонников на север, прибывает в Общину Петуха.

Ничто не вечно под солнцем! Лишь вечны сила и борьба за существование. И этот великолепный храм — плод вдохновения и борьбы Кейнессара. И сам он погребен под стенами созданного им храма. Ничто не вечно под солнцем! Вечны сила и борьба за существование!..»

Старец, закончив повествование, уселся. Семь мудрецов заиграли на свирели.

Мы собирались ступить на вторую ступень, но сидящий на ней старец, быстро взяв свирель в руки, поднялся:

— Стойте! Стойте, выслушайте рассказ престарелого человека, — приказал он.

Все мы, выстроившись в ряд на первой ступени, стали.

Мудрец начал:

«Ану¹ создал небо. Анлил² сотворил землю. Эа³ сотворил воды.

Сеннашериб был царем Вавилона.

Некто по имени Нинни, пожелав жениться на девушке по имени Нинни, послал к ней сватов.

Нинни дала согласие, но потребовала сорок дней сроку. Неркаледдин был некрасив, но богат. Нинни радовало его состояние, но печалило уродство. Сидя дома, Нинни три дня и три ночи размышляла и наконец нашла выход.

По законам Вавилона, девушка до замужества имела право полюбить и сойтись с чужеземцем. Нинни решила воспользоваться этим правом.

Как-то в сумерки, одевшись в роскошные одежды, Нинни отправилась к храму богини Истер⁴. Сюда приходили юноши и девушки, жаждавшие предаться любви во имя богини. Нинни, держа в протянутой руке монету, стала прогуливаться перед храмом. Там было немало чужеземцев. Среди них находился высокий смуглый юноша с огромными блестящими глазами. При виде его, Нинни замерла, ноги ее не хотели сдвинуться с места. Кинув ему находящуюся в руке монету, она повернула обратно. Это означало: «Следуй за мной!»

Юноша, вскочив с места, последовал за Нинни. Они подошли к его жилищу. Нинни, раздевшись, скользнула на ложе юноши и он стал обладателем всех прелестей Нинни...

Приехавший из Суз по коммерческим делам юноша, прожив в Вавилоне сорок дней, все ночи проводил в объятиях Нинни, предаваясь ласкам и наслаждениям любви.

На сорок первый день Нинни вышла замуж за Неркаледдина. Прошел год, у Нинни родился сын.

Но теперь мы оставим их и перейдем к Сеннашерibu.

Царю Вавилона Сеннашерibu приснился сон. Посетив его среди ночи, Шин⁵ приказал:

«О ты, мой посланник на земле, встань и завтра ночью, переодевшись в простые одежды, постучись в двери Нер-

¹ Бог неба (авт.).

² Бог земли (авт.).

³ Бог воды (авт.).

⁴ Богиня любви Астарта (авт.).

⁵ Бог луны (авт.).

каледдина и переночуй там». Сеннашериб до утра не мог сомкнуть глаз.

Весь день он провел в нетерпеливом ожидании и с наступлением сумерек, сменив одежды, отправился к дому Неркаледдина.

Хозяйка приняла гостя со всем вниманием и радушием. Накормили, напоили и уложили спать.

Неркаледдин и жена, уложив ребенка, легли сами.

Сеннашериб не смыкал глаз и ждал исполнения пророческого сна. В полночь Нинни поднялась с ложа, оделась и вышла. Сеннашериб пошел следом. Подойдя к маленькому домику на берегу Ефрата, Нинни постучалась. К дверям подошел высокий юноша с огромными глазами. «Где ты была до сих пор?» — сердито закричал он на Нинни и, впустив ее, запер дверь.

Сеннашериб, подойдя к двери, стал сквозь щель смотреть внутрь.

Изнутри доносились взволнованные голоса ссорящихся:

— Раз ты опаздываешь, значит, ты меня не любишь, — говорил юноша.

Нинни клялась и уверяла в противном:

— К нам пришел гость и я задержалась.

— Нет, не верю!

— Так что же мне сделать, чтоб ты поверил?

— Докажи силу своей любви.

— Чем, скажи, и я все сделаю.

— Ступай, убей сына и принеси его голову.

Нинни тотчас покинула дом. Сеннашериб двинулся следом. Придя домой, Нинни осторожно приподняла одеяло, укрывавшее сына, и, отделив ножом голову, вернула ее в платок и вышла из дому.

Подойдя к домику на берегу Ефрата и постучавшись в дверь, она вошла внутрь. Быстрым шагом приблизился Сеннашериб и вновь стал подсматривать в дверную щель.

Показав юноше окровавленную голову сына, Нинни швырнула ее в угол.

И тогда, слившись в тесных объятиях, они предались радостям любви.

На утро Сеннашериб, облачившись в пурпур, воссел на трон. Призвав визиря, он рассказал ему о ночном происшествии и добавил:

— Чтоб вырвать с корнем и навсегда уничтожить в мире вероломство, следует всех женщин утопить в Ефрате. Прикажи им готовиться.

Подумав, визирь сказал:

— Хвала великому государю! Дозволь мне рассказать тебе один случай и тогда издай приказ.

Царь согласился и визирь начал:

— Как-то раз я сидел в лавке торговца тамариновым шербетом. К дверям подъехал всадник. Видно было, что он издалека, что он юн, одинок. Он заглянул внутрь. Заинтересованный я вышел наружу. «Брат! — сказал юноша, приблизившись ко мне, — я хочу приобрести саван, не знаешь ли, где могу я выполнить это?» Мы отправились в погребальную лавку. Юноша купил саван и, поблагодарив меня, продолжил путь.

Мой интерес к нему возрос. Наняв лошадь, я пустился следом. Мы выехали за город. Овернувшись и заметив меня, юноша заговорил:

— Я не ведаю, кто ты и откуда, но не пытайся проникнуть в мою тайну.

— Я не знаю, кто ты и откуда, — ответил я, — но ты возбуждаешь во мне участие, дозвожь я помогу тебе, чем могу!

После долгих колебаний юноша согласился. Мы пустились в дорогу. Невдалеке от вершины одной горы, поручив мне лошадь, со словами: «Подожди меня здесь» — он исчез.

Я стал ждать. Ждал час, ждал другой — он не шел. Тогда, взяв лошадей под уздцы, я поднялся на вершину. И что же я увидел? В ущелье, по ту сторону горы, шла ожесточенная битва. Поручивший мне своего коня юноша с мечом в руке яростно рубил направо и налево. Он уже свалил целый отряд людей и пока я успел прийти ему на помощь, покончил с остальными и свернул в сторону. Там лежал труп. Мы подняли его. Завернули в саван и предали земле. Не успели мы отойти от могилы, как юноша молвил: «Ты подожди меня здесь, я сейчас вернусь». Он удалился и я, бросив лошадей на произвол судьбы, притаившись за камнем, не спускал с юноши глаз. Подойдя к свежей могиле, он приник к земле и долго плакал. «Ты отомщен, твои враги уничтожены» и со словами: «Женщине, встретившей в муже любовь и верность, незачем жить после него на земле» выхватил кинжал и вонзил в сердце. При этом движении папах

с головы юноши упала и длинные кудри, скользнув, рассыпались по плечам.

Окончив рассказ, визирь умолк. Гнев Сенпашериба улегся. И, отказавшись от мысли утопить всех женщин, он приказал бросить в Ефрат лишь одну Нинни.

Как только мудрец окончил рассказ, раздались звуки свирели.

Сидящий на третьей ступени старец имел необычный вид. Петушинный шлем на голове, сбившись в сторону, висел, прикрывая одно ухо. Играя на свирели, он приходил в экстаз, раскачивался в такт из стороны в сторону. Взглянув на него, Джейнис усмехнулся.

Едва мы хотели ступить на третью ступень, как старец быстро поднялся со словами:

— Стойте! Стойте, выслушайте рассказ старца.

Хоть все его движения и были довольно чужаковаты, мы слушали его с громадным интересом.

«В стране семитов, — начал свой рассказ старик, — появился в песчаной пустыне босой, с непокрытой головой некий муж. Собрав вокруг себя народ, он держал речь:

— О вы, несчастные, пребывающие во тьме! Иль не знаете вы справедливого Иеговы, сотворившего небо и землю, властителя и справедливого Судию последнего часа? Он повергнет Вас в огненную геенну, лишит светлого дня, в пепел превратит ваши жилища, рассеет по пустыням ваши чада. Я его пророк. Я пришел призвать вас к путям праведным. Идите и сплотитесь вокруг меня...

Ищите пути правды, бросьте суету мира, следуйте за мной.

В ужасе внимал народ гласу пророка, трепеща в страхе и унынии.

Прошло немного времени и слава о пророке распространилась по всей пустыне. В финиковых оазисах, на привалах караванов, повсюду шли разговоры о пророке.

Некий эллин, отправившись в Тури Синайский по торговым делам, заслушав рассказы о пророке, пожелал увидеть его.

Ему указали его местопребывание. Он прибыл. Пророк, сидя в тени пальм, ел саранчу.

Элли приветствовал его, пророк предложил ему отвезти саранчу, элли, отказавшись, сказал:

— О пророк, прослышав о твоей славе, я пришел побеседовать с тобой.

— Мир тебе! Садись, — молвил пророк, — издали ли ты прибыл?

— Из Атии.

— Что это, город? Деревня?

Элли изумился.

— Как, ты не слышал про Атиины? Странно! Ты не знаешь города богов и философов?

Слово «боги» привело пророка в ярость. Отшвырнув саранчу в сторону:

— Боже! Что значит «боги»? Не довольно ли гибнуть во мраке язычества? Познай бога единого, великого, изначального и предвечного. Не держись за бренный и суетный мир! Стыдись, страшись земного, ищи и обрящи дорогу праведную и ступай твердой стезей. Нет силы более великой, справедливой и страшной, чем единый бог.

Элли ничего не понял.

— Пророк, — спросил он, — что такое то, что ты именуешь творцом? Не объяснишь ли мне это?

— Он великий, извечный, изначальный владыка мира и загробной жизни.

Элли опять ничего не разобрал.

— Начало и конец жизни — Зевс. И поклоняться другим я не могу! Может ли существовать сила, могущественнее Зевса Громовержца, восседающего на вершине Олимпа?

Пророк, рассердившись еще сильнее:

— Кто такой Зевс? Нет бога сильнее и могущественнее Иеговы. Он один и нет у него соправителей, а те, кто думает иначе, — богохульствуют.

Меж эллином и пророком завязался жаркий спор. Все жители оазиса столпились вокруг них.

— Пророк, — произнес спокойным голосом купец из Хамадана, едущий с караваном по торговым делам. — Верить в существование высшей и справедливой силы, сотворившей мир и правящей им, значит быть бессильным и не ведать ничего. Если существует в мире высшая и справедливая сила, чем объяснишь ты царящую наряду с этим несправедливость? Среди зрячих живут слепые. Среди счастливых есть несчастные, среди уто-

пающих в роскоши и изобилии еще больше бедняков и нищих, рабов больше, чем господ, и больше стыдящихся своего уродства, чем блистающих красотой... Кто породил эту несправедливость, это неравенство?

Нет, пророк, путь, которым ты следуешь, ложен. Нельзя единством объяснять мировые явления. В мироздании существует двойственность и в то время, как одна из сил стремится к справедливости, другая уничтожает ее. Наряду с сиянием Мазды существует мрак Аримана. И жизнь состоит из двух борющихся сил. В результате победит Мазда. Мир озарится светом, и человек достигнет вечного блаженства. В этом истина.

В это время в спор вмешался старик египтянин:

— Кто Иегова? Кто Зевс? Кто Мазда? Все боги ложны, кроме богов Египта. Можно ли отрицать мертвецов, подземных богов и богов Солнца? Согарис, Анубис, Осирис, Ра, Изид, Нефтус, Ну... Разве не творцы Вселенной? Эта истина так же неоспорима и ясна, как лучезарный Ра...

Прервав египтянина, в спор вмешался вавилонянин.

— Ты не изрек ни слова правды! Лишь Ану правит и властвует над небесами. Все звезды, столпившись, сверкают вокруг его короны и трона. Он озаряет мир. Анил правит землей. Эа владычествует над морями и водами. Кроме них существуют Син и его двое детей.

Громкий взрыв хохота прервал речь вавилонянина. Обернувшись, спорящие заметили покатывающегося со смеху эфиона. Кольцо, продетое через его поздри, подпрыгивало при раскатах смеха; бросив наземь пику он от удовольствия бил по временам в ладоши.

— У бога есть дети, — шептал он, укоризненно бормоча непонятные слова и заливаясь смехом.

Собравшиеся считали эфиона дикарем и, не придавая особого значения его словам, много от него и не ожидали. Эфион в свою очередь считал их бестолковыми и находил излишним слушать дальше пустую болтовню. Собрав свои стрелы и подняв пик, он поволок только что убитого на охоте львенка и удалился от толпы.

В конце оазиса стояла тощая финиковая пальма.

Семья эфиона жила здесь. Дети, завидя его, бросились навстречу и, подхватив убитого львенка, потащили в тень. Обернутая в кусок материи в виде фартука, высокая женщина с отвислыми грудями, приняв оружие,

повесила на дерево. В стороне стоял вылепленный из глины идол. Пред ним лежала куча костей различных животных. Эфиоп, взяв нож, подошел к львенку. Женщина развела огонь. Прежде чем зажарить мясо, эфиоп отделил жирный кусок и, обтерев им губы идола, заговорил:

— О творец, сегодня ты послал мне славную добычу. Хвала тебе! На, прими свою долю, съешь и насытись. Помоги мне завтра и тогда я смогу уделить тебе твою долю.

Окончив молитву, эфиоп собрал вокруг себя семью и, вознеся хвалу идолу, принялся за еду.

Мудрец сел. Раздались звуки свирели.

15

— Рассказ этого старца так же чудесен, как и он сам, — шепнул мне Джейнис.

— Стойте! Стойте! — раздался в это время окрик четвертого старца и он начал:

«На берегу реки Халиджа¹ жил муж по имени Нарамсин со своей женой Надой. Нарамсин ловил рыбу, собирал лесные плоды и приносил домой. Так они утоляли свой голод и благославляли творца. Их единственное горе заключалось в том, что они были бездетны. Раз на берегу Халиджа появился путешественник (странник). Нарамсин пригласил его к себе, угостил и, обмыв ноги, уложил спать.

Согласно обычаю, жена хозяйина дома в знак уважения к гостю должна была отдаться ему. И Нада, покорная обычаям, разделила ложе гостя.

Наутро странник ушел. И хозяева зажили обычной жизнью.

Прошли месяцы, прошел год. У Нады родился ребенок. Дом ожил. Радости супругов не было границ. Но счастье это длилось не долго. Ползая, ребенок упал в реку и захлебнулся. Муж и жена поверглись в печаль.

В день смерти дитяти в гнезде ласточки, под кровлей хижины Нарамсина, вылупился птенец. При виде его обрадованный Нарамсин обратился к жене:

— Нада, то душа нашего ребенка переселилась в

птеника. Да и иначе быть не может. Дух невинного дитяти мог переселиться лишь в безгрешную пташку.

Женщина была религиозна и верила в переселение бессмертной души из одного творения в другое. И, взглянув на птенца, она утешилась.

Снова Нарамсин отправлялся на ловлю рыбы и, возвращаясь домой, вместе с женой ухаживал за птенцом. Ласточка выросла и до того привязалась к этой чете, что жила в их комнате.

Но вот греки предприняли поход на восток. Войска продвигались вперед и берега Халиджа стали местом их стоянки. Воины истребляли все вокруг, не оставя рыб в водах, птиц и зверей в лесах, плодов в садах. Голодные воины ежедневно стучали в двери Нарамсина, требуя пищи. Семья буквально обнищала.

Но вот ласточка попала на глаза одному из зашедших в хижину воинов. Он решил поймать и съесть ее. Нарамсин и Нада, припав к ногам воина, молили ее делить этого:

— В ласточке пребывает душа нашего ребенка, убить ее значит лишить нас ребенка, — просили они, но воин был непреклонен и, оставив супругов в слезах, унес ласточку.

Опять семья погрузилась в скорбь. Нарамсин и Нада не знали в кого переселилась душа ласточки, ибо все живое вокруг было уничтожено. Сидя на берегу реки, Нада, безнадежно призывая ласточку, плакала дни и ночи.

Наконец, не вынеся печали, она скончалась. Нарамсин остался один.

Однажды в глубоком раздумье сидел он на берегу реки, и сова, усевшись на кровлю его дома, затянул заунывную песнь. Нарамсин очнулся от своего раздумья и взглянул на сову.

В звуках ее печального голоса он признал стелания Нады. Быстро поднявшись, он направился к дому.

— Войди, войди, и раздели со мной мое одиночество и скорбь!

Но сова, словно обиженная, не шевельнулась.

Нарамсин открыл дверь.

— Войди, войди, о ты, в ком живет душа Нады! Дорогая птица, в тебе живет Нада, войди же.

Сова, завыв, вновь исчезла, слившись с ночным мраком.

¹ Древнее название Кызыл ирмак, (авт.), т. е. Золотой реки.

Нарамсин без сна просидел до утра у дверей. И когда заалела заря, сказав последнее прости хижине, реке, лесу, полям, пустился в дорогу.

Через три дня он встретил переселенцев. Скот, женщины и дети двигались по дороге; впереди шел старик с расчесанной головой.

Нарамсин присоединился к ним. Хмурый и сердитый старик молчал и, не обращая на него внимания, продолжал путь. Наконец Нарамсину удалось спросить, куда они держат путь.

Старик сердито:

— В горы, в леса, туда, где не ступала нога человека. Войска греков разорили мое жилище, убили сыновей, дочерей лишили чести, уничтожили скот, а самого ранили... Слышишь? Я бегу от людей.

Немного помолчав, старец поинтересовался, куда держит путь Нарамсин, тогда последний рассказал о своем горе.

— Я ищу места, куда переселяются души, — сказал он, — жилище духов ищу я.

Старик недружелюбно оглядел Нарамсина.

— Души? Что такое души? Иль ты спятил? Вижу, и ты обречешь мою голову на новые несчастья. Уйди-ка от нас и неси подальше свое злосчастье.

Нарамсин собирался возразить, но старец, энергично действуя дубинкой, отогнал Нарамсина и свернул в сторону.

В поисках Страны Душ Нарамсин пустился по свету. Наконец, он достиг этой земли...

Нарамсин, о котором говорилось в рассказе, это я. И здесь, в этой общине, я обрел Страну Душ.

Личность временна, душа вечна.

И эта цветущая община есть плод труда этих душ. Личность умирает, но деяния ее, став вечными, живут».

Нарамсин сел. Раздались звуки свирели.

Мы поднялись на пятую ступень, сидящий на ней высокий старец, встав с места, приказал своим мягким приятным голосом:

— Стойте! Стойте, и выслушайте рассказ старика!

Став в ряд, мы замерли.

«В стране фараонов жили два брата по имени Каман и Маригери. Каман был старшим, Маригери младшим братом.

У Камана была жена по имени Изза и двое детей. Раз, когда Каман возвратился с работы, старший ребенок, выбежав навстречу, крикнул:

— Отец, отец, дядя поцеловал маму.

Каман задрожал от гнева и, войдя в дом, схватил брата за горло и начал душить.

Маригери молил и плакал, стараясь объяснить. Наконец Каман, выпустив его, отошел в сторону.

Маригери начал:

— Брат, сегодня обессиленный и усталый я вернулся с поля. Изза принесла воды и омыла мне ноги. В знак благодарности я наклонился и поцеловал ее в лоб. Вот и все, если я виновен, прости меня.

Каман не поверил объяснениям Маригери и выгнал его из дому.

Маригери отправился в город. Он был голоден. Он обошел весь город, но не нашел ничего съестного. Тогда он присоединился к толпе, входящей во двор одного из храмов. Во дворе был разведен костер. Маригери догадался, что здесь собираются совершить жертвоприношение.

Немного погодя привели быка. Из храма вышел служитель с бритой головой, с бородой и усам. На нем была полотняная одежда, на ногах — сандалии из папируса.

Служитель осмотрел быка. На нем не было ни единого пятна. Бык был чист и пригоден для заклания.

Служитель украсил рога животного свитками папируса и, повалив на землю, заколол его. Досыта поев, Маригери, захватив бычью голову, вышел за ворота. Египтяне не едят голов жертвенных животных, ибо, по их верованию, все беды и несчастья жертвоприносителей переходят в головы закланной жертвы.

Взяв голову быка, Маригери отправился к купцу-греку и обменял ее на кошку. В Египте был сильно развит культ животных, и тем, кто покровительствовал им, приносили дары и жертвы.

Взяв кошку, Маригери встал на людной площади. Прошло немного времени, и к нему подошел мужчина, ведя за руку ребенка. Мужчина поздравил брата и, приказав снять половину волос с головы ребенка, по-

ложил последние на весы. Дав Маригери столько золота, сколько весили волосы ребенка, удалился.

Ежедневно с кошкой в руках Маригери ходил на базар и собирал обильные дары с жителей.

Раз на рынок въехала роскошная колесница. На колеснице возлежала великолепно одетая женщина с ребенком. Раб и рабыня сошли с колесницы. Женщина подозвала брадобрея и, приказав снять все волосы с головы дитяти, дала Маригери двойной вес золота. Маригери поразился, до сих пор никто не жертвовал золота в двойном размере.

На следующий день подъехала другая колесница и Маригери отвезли во дворец фараона. Так как жертвенный дар был принят богами, уход за всеми священными животными дворца поручили Маригери.

Маригери повели в баню, затем облачили в длинные шелковые одежды, обули в сандалии из папируса, а голову повязали платком из плотного немнущегося шелка.

В дворцовом саду ему было отведено особое помещение.

С этого дня он стал смотреть за священными верблюдами, зеброй, жирафом, собакой, кошкой, козлом, ослом и крокодилом фараона и по приказу его носил звание «Главного пастуха».

Раз словами: «Жена фараона явится сейчас на поклонение священным животным» глашатай оповестил Маригери.

Маригери сделал необходимые приготовления, натянул на животных шелковые попоны, украсил головы страусовыми перьями. И вот в воротах показалось шествие во главе с церемониймейстером. Впереди шли двенадцать пожилых женщин, следом выступала царица, с каждой стороны ее — шесть молоденьких девушек в белых одеждах песли над головой царицы опахала из павлиньих перьев. Далее следовали одетые в разноцветные шелка прислужницы, невольницы, рабыни и наперстницы. При каждом движении драгоценные камни на диадеме царицы сверкали, переливаясь тысячью цветов.

Преклонив двенадцать раз колени, Маригери приветствовал царицу.

Служителю подали знак и у ног царицы заклали чистого быка, на шерсти которого не было ни единого пятнышка.

Царица обошла сад и собственноручно покормила священных животных. Маригери почтительно сопровождал ее, занимая интересными рассказами о характере и особенностях каждого зверя.

Его загорелое лицо, яркие полные губы, крепкие белые зубы и темные, словно насурмленные брови привлекали внимание царицы. Больше чем следовало она задержалась в саду, слушая рассказы Маригери.

Наконец поклонение священным животным было окончено. Маригери проводил царицу до самого выхода и, когда повернул обратно, заметил, как одна из находящихся в свите девушек кинула ему листок лотоса. Правильные черты лица, блестящая гладкая черная кожа, весь облик девушки-негритянки был до того пленителен, что Маригери не мог отвести глаз.

Начиная с того дня птица любви, свив прочное гнездо в сердце Маригери и негритянки, поселилась там.

Глубокой ночью, когда луна простирала свои звездные крылья над водами Нила, негритянка, покинув погруженный в сон дворец, выходила к Маригери и оба, притаившись в тени пальм, пили большими глотками из кубка любви.

Жена фараона тоже не могла забыть Маригери, и она сказала прости сну и покою и все ночи напролет проводила в слезах, прислонившись царственной головкой к косяку дворцовых окон.

Трепетала пред гневом фараона и сгорала в огне любви и одиночества.

Но как-то, решившись, она спустилась в сад. Оглядываясь по сторонам, шла по направлению к жилищам Маригери. И что же?.. Царица не верила глазам: склонив, словно в молитве, колена, Маригери обнимал ноги девушки, сидящей на верхней ступени площадки, служащей основанием сфинкса. Девушка была негритянкой. Трепещущей рукой она осыпала склоненную к ее коленям голову Маригери лепестками лотоса.

Царица растерялась. Сгорая от мук ревности, она бросилась обратно.

Ни дворцовые забавы, ни пышные приемы, ни катания на каюках по Нилу, ни трон, ни корона не радовали ее больше, все потеряло в ее глазах цену и значение.

Не выходя из своей опочивальни, она блекла и вяла. Ревность сжигала ее, жажда мести не давала покоя.

Призвав двенадцать окружающих ее пожилых женщин, она подолгу совещалась с каждой из них в отдельности и требовали совета.

Но вот по дворцу пронесся слух: чтоб осквернить священный сад фараона, Маригери впустил туда свинью.

Начиная от фараона до последней служанки, все были в волнении и ужасе.

Маригери позвали во дворец, был вызван палач. Но Маригери не нашли: он скрылся.

Царица, добившись своего, успокоилась.

По законам Египта, человек, прикоснувшийся к свинье, изгонялся из храма. Зная, что ему не избежать позора и унижения, Маригери покинул город и ушел в далекую пустыню, туда, где тысячи рабов работали на постройке грандиозной пирамиды.

От восхода до заката солнца, изнемогающие под непосильной тяжестью ярма, рабы радостно приветствовали Маригери.

Ложась с ними рядом, Маригери рассказывал голым, распростертым на песке пустыни рабам о дворцовых интригах, страданиях и ужасе...

Днем Маригери работал наравне с рабами, у него, как и у них, от тяжести камней, руки и плечи покрылись глубокими ранами. Палящие лучи солнца жгли и иссушали его.

Бесчисленно было число разбивающихся насмерть при падении с пирамиды жертв. Тех, кто не мог работать быстрее, надсмотрщики до крови избивали плетями.

Раз один из рабов не выдержал и после пятнадцатого удара испустил дух. Маригери, бывший тому свидетелем, собрав рабов, бросил работу. Восставшие рабы набросились на надзирателя и прикончили его.

«Начало и основа тирании во дворце» — гремели голоса и бурный поток черных израненных тел могучей волной покатил ко дворцу.

Почувяв восстание, войска фараона понеслись на встречу, осыпая наступающих градом стрел.

Сотни рабов были уничтожены и раздавлены копытами лошадей, восстание подавлено.

Но этим не кончилось. Десятки колесниц во главе с фараоном выехали на поле битвы. «Выдать главарей восстания» — раздался приказ.

Под пыткой были названы имена вдохновивших набунт. Наконец был пойман Маригери. Фараон узнал его и велел доставить во дворец. На другой день в огромном дворцовом зале был устроен пир в честь подавления восстания.

Фараон и жена его восседали на троне. Привели Маригери и объявили смертный приговор. Палач поднес чашу с ядом. Маригери встретил смерть с улыбкой.

— Я с радостью покидаю жизнь, где, деля животных, обращают людей в животных, — сказал он и прильнул устами к чаше.

В это время на середину зала вышла девушка — негрятинка, без слов, допив оставшийся в кубке яд, она прильнула к Маригери.

И, обнявшись, вместе они упали на ковер».

Мудрец, окончив сказание, опустился на ступень храма. Звуки свирели усиливали печаль, рожденную рассказом.

Едва мы хотели подняться на шестую ступень, как шестой старец начал свой рассказ:

«В Индии была деревня. Жители этой деревни сеяли пшеницу, пасли стада, но как-то раз случилась засуха. Народ трижды в день выходил на молебны, совершал жертвоприношения и ждал помощи богов. Но, словно противясь мольбам, небеса молчали. Народ отправился за помощью к браминну. Брамин созвал народ на всеобщее молебствие.

Мужчины, женщины и дети, бросив жилища, вышли на поле и, воздев руки к небесам, стали возносить молитвы.

— Агни¹, Индра², Риту³! Вас призываем!

— О светлый, лучезарный Агни, помоги нам!

— О Индра, вольный царь, сойди к нам, сойди и приими нашу жертву!

— Риту, о надежда времени, не отвращай от нас своей благодати.

— Взгляните на нас с высоты, о небожители, и не лишайте нас своей благодати!

— Светозарный Агни, гласа певцов, хвалебные пес-

¹ Бог огня и солнца (авт.).

² Бог дождя и неба (авт.).

³ Бог времен года (авт.).

ношения несутся к твоим стопам, сойди и вкуси из чаши сомы¹.

— Индра, тебя призываем, взойди на свою двухколесную золотую колесницу и усади рядом с собой Маруту², о друг вина и веселья, сойди и обрадуй нас!

— Великолепный, могучий, страшный Индра, взгляни и прими нас под свое покровительство, не жалея своей влаги для наших дождей. Пошли знак своей милости нашим нивам!

— Сойдите, сойдите, о владыки неба, и озарите нас. Сойдите и примите наши даяния. Сойдите и вкусите нашего медвянослаского вина.

Но молитвы брамина не действовали на небеса. Засуха продолжала уничтожать посевы.

Не раз выходил народ на молебствия, но ни капли влаги не послали в ответ небеса. Хлеб сгорел, и голод вверх людей в пучину бедствий.

С наступлением зимы все разбежались по окрестностям. Грабя встречные по пути села, голодающие продвигались вперед. Присоединившись к ним, голодные из других областей образовали целую шайку. Уничтожив скот и все живое, люди стали пожирать друг друга.

Стали по очереди резать детей. У одной вдовы был один-единственный девятилетний сын. Догадавшись, что очередь доходит до него, она стала придумывать способы для его спасения.

Наконец в полночь, привязав мальчика к доске, она опустила его в воды Ганга.

— О сын мой Гатама, — сказала она, — для матери страшней всего видеть гибель своего дитяти. Ступай, да будет над тобой милость Маруты. Если и случится с тобой что-либо, это будет не у меня на глазах. Я вырастила тебя в трудах и лишениях и не перенесу твоих страданий, я не жалела для тебя своего молока и пусть лучезарный Агни не лишит тебя своего милостливого взора. Не забывай свою мать. Единственную память, оставшуюся от отца — золотое запястье — я завязываю на твою руку; когда взглянешь на него — вспомнишь мать.

Отчаянные крики ребенка слились со стенаниями матери. Волны умчали мальчика, не перестававшего кричать: «мама, мама!»

¹ Вино (авт.).

² Зефир (авт.).

И берега старого Ганга оросились слезами.

Через два дня доска с мальчиком села на мель. Пришедший за водой старец увидел его и вытащил на берег, где сидело до сорока голых мужчин.

Усадив ребенка, они накормили и напоили его и стали задавать вопросы:

— Что на свете больше всего? — спросил один.

— Агни, — ответило дитя.

Все в один голос:

— Факиры это отрицают!

Следующий:

— Что человеку нужнее всего?

— Еда, воздух и питье, — ответил мальчик.

Все сразу:

— Факиры это отрицают!

— Кто величайший вождь?

— Брамин.

— Факиры это отрицают!

— Кто повелитель людей?

— Царь.

— Факиры это отрицают!

Словом, все мысли, слышанные ребенком от взрослых, факиры отрицали и отвергали.

Наконец, один из факиров обратился с вопросом:

— Кто управляет телом?

Мальчик, подумав:

— Голова.

И вдруг факиры, отделив головы от туловищ, побросали их на землю и все сорок голов крикнули зараз:

— Факиры это отрицают!

Ребенок пришел в ужас, в испуге вскочив с места, он прильнул к обезглавленным телам. Факиры успокоили мальчика. К обеду факиры отправились в лес, притащили по змею и, отрезав по кусочку от головы и хвоста, тут же поели. После еды каждый, взвизгнув птицей, забрался на вершину дерева. Испуганный мальчик снова залился слезами. Но факиры успокоили и приласкали его.

В это время Джейннис, сжав мне руку, прошептал:

— Старик, очевидно, принимает нас за дураков. Может ли человек летать? — Я с трудом сдержал насмешливую улыбку, просившуюся на уста.

Старик продолжал:

«Прошли месяцы и годы, ребенок привык к чудесам факиров и они поведали ему тайны своих действий.

Гатама прожил несколько лет среди факиров и в совершенстве овладел их наукой.

Раз, взглянув на запястье, он вспомнил мать. Рассказав факирам о своих злоключениях, он простился с ними и отправился в дорогу.

Двигаясь вдоль Ганга, по направлению к северу, он по пути показывал фокусы и так добывал себе пропитание. Наконец он добрался до одной деревни. Гатама собрал людей, начал показывать свое искусство.

Сперва он отделил голову от туловища и бросил на землю, затем, отделив одну руку, другой протянул ее какой-то женщине; взглянув на руку факира, женщина увидела на ней запястье и упала без чувств. Гатама, внимательно взглянув на нее, крикнул:

— О мать моя!

И через минуту мать и сын, прильнув друг к другу, залились слезами радости».

18

Надо было подняться на последнюю ступень. Едва умолкли звуки свирели, как седьмой старец, поднявшись с места, спокойно промолвил:

— Стойте, стойте, и выслушайте последний рассказ старца.

Мудрец начал:

«Известный в Атинах своим богатством и роскошью муж по имени Нестор с некоторых пор стал регулярно посещать принадлежащие ему серебряные рудники. В последнее время вопрос о ресурсах сильно занимал правительственные круги, серебру отводилось не последнее место в доходах страны.

Будучи опытным коммерсантом, Нестор учел положение и увеличил внимание и заботу к собственным промыслам. Однако состояние их его не радовало, он был недоволен: во-первых, количество работающих на рудниках рабов было недостаточным, во-вторых, с точки зрения потребности, производимая рабами работа не давала благоприятных результатов. Всюду были следы лени, обмана и злоупотреблений.

У Нестора было правило: для назидания остальным везде, где б он ни был, подвергать нескольких провинив-

шихся рабов суровому телесному наказанию. И теперь было наказано немало народу, но на этот раз Нестору пришлось столкнуться с невиданным до сих пор среди рабов фактом.

Раб по имени Филипп осмелился выругать Нестора.

С тяжелым чувством покинул Нестор рудники. По пути в Атины, он свернул на рынок живого тела. Перекупщики привезли на продажу много рабов. Среди них были люди различных племен и рас. Курчавые, большеглазые айсоры, веснушчатые, с мясистыми носами израильтяне, изящные с тонкими, благородными чертами лица мидийцы, косоглазые скифы, негры, пестро разодетые жители Кападокии, лидийцы и островитяне привлекали взоры.

Среди предназначенных для продажи было немало женщин и девушек разного возраста. Ввиду небольшой конкуренции и сравнительно невысоких цен, Нестор, купив двадцать пять рабов и приказав поставить клейма, отправил их в сопровождении надсмотрщиков на рудники. И затем, чтоб получить необходимые ему сведения о корабле, следующем из Египта, направился к берегу, но, вспомнив вдруг, что по его приказу в доме его готовится пир и созваны гости, повернул обратно.

Чтоб еще пышней украсить вновь сооруженный особняк и придать ему больше блеска и великолепия, Нестор заказал известнейшему скульптору высечь на белом мраморе свое изображение.

Ежедневно он с час позировал знаменитому Алкамену. Вычислив, что до начала пиршества он сумеет выполнить и эту обязанность, Нестор отправился в мастерскую скульптора. Но расчет оказался неверным. Алкамен задержал его.

Приехав домой, Нестор застал гостей в сборе. Попросив извинения, он прошел в гниекей¹ и приказал подавать на стол.

Рабы бросились исполнять приказание господина.

Среди гостей были лучшие поэты, философы и мудрецы Атин. Пир начался. После трапезы провозгласили молитвы в честь богов и народных героев. Головы гостей увенчали венками из роз; поданы были наилучшие вина. В комнату вошла прелестная девушка с цитрой в

¹ Женская половина (авт.).

руке. Легкое платье обрисовывало ее пленительную фигуру. Ее сопровождал юноша редкой красоты со стройным сильным телом. Юноша держал в руках свирель.

Начались музыка и танцы. Чающая гармония звуков, сливаясь с пьянящим наслаждением, рожденным вином, создавала вокруг юных музыкантов возбуждающую атмосферу. Гости попали во власть Эроса¹.

Опьяненный Анакреонт обратился к находящемуся рядом Федру:

— Друг мой! — сказал он, — думаю, что я не ошибаюсь. В жизни главная сила — любовь. Эрос самый древний и самый юный, самый светлый бог. Клянусь Зевсом, он выше Зевса!

Федр улыбнулся.

— Верно, однако, что такое любовь, не есть ли она его пламя и естественная болезнь души?

Но в это время Диотим, прервав его:

— Нет, Федр, назвать любовь болезнью нельзя, потому что любовь бессмертна и вечно живая сила. Но любовь бывает двоякая. Небесная, взлелеянная Афродитой² и другая — земная, царящая меж невежд и грубых людей.

Небесная любовь не преследует цели, она прекрасна и чиста. Она состоит из чувства, питаемого одним полом к себе подобному: мужчины к мужчине, женщины к женщине.

Обыкновенная любовь, или любовь невежд, есть инстинкт потомства. Как первая находит цель в самой себе, так вторая является лишь средством к достижению цели.

Поэт Алсе:

— Диотим, — заговорил он, — любовь — огонь, который Афродита, посетив, зажигает в сердцах и, зажегши, превращает пламя двух сердец в яркий костер. И потому любовь — это пламя, пылающее на алтаре двух сердец.

Ученый Мимнерн поставил бокал на стол:

— Я никак не могу согласиться со взглядом Диотима. Любовь не может существовать меж людьми одинакового пола, она есть чувство, соединившее два пола с целью создания потомства. Безразлично, среди людей,

животных или растений, чувство самца к самке и самки к самцу, зарождающееся вначале, порождает сперва болезненное состояние. Если цель отдаляется — болезнь углубляется и, наоборот, когда физическая потребность удовлетворена, признаки болезни исчезают. Любовь же, питаемая полом к себе подобному, противоестественна. Она не что иное, как вызов и восстание против природы.

Все опьянели. Юные музыканты переходили из объятий в объятия.

В честь их провозглашались стихи и тосты. Нестор склонялся к ногам то юноши, то девушки и шептал бессмысленные, бессвязные слова.

Внезапно дверь распахнулась и в залу вошел человек в рваной одежде, с запыленным и грязным лицом.

Его приход не вызвал ничего внимания. Лишь Нестор, окинув его мгновенным взглядом, вскричал:

— Филипп?

Как дикий зверь, накинулся Филипп на Нестора. Лишь мелькнула его поднявшаяся и молниеносно опустившаяся правая рука. Нестор свалился и хлынувшая потоком кровь залила все вокруг.

Старец умолк. Раздались звуки свирели.

19

Мы вошли в храм Семи Петухов.

Потоки струящегося сквозь разноцветные стекла света еще больше подчеркивали и украшали внутреннюю роскошь храма. Семь девушек, одетых в длинные белые одежды, стоя посреди храма в радужном сиянии огня, напоминали индусские божества. Приблизившись к алтарю, мы стали; семь мудрецов, окружив семерых девушек, заиграли на свирели. Женщины, дети, словом, вся община собралась сюда.

В благоговении пред обрядом, все в глубоком молчании внимали пению. Девушки начали чистыми мягкими голосами:

Покинув свое племя, я шел за Петухом.
То истины дорога, иду своим путем,
Навек увековечил я петуший род.
То истины дорога, ступивший не свернет.

В гласах семи мужей глас истины звучит,
И нежную любовь свирели звук сулит.

69

¹ Бог любви, амур (авт.).

² Богиня любви и красоты (авт.).

Юных сердец желанья наш озарили храм,
То истины дорога, сомнению путь не дам!

Возьмем благословенье у печного огня,
У воздуха, у суши, сверкающего дня!
Цветком хотел бы стать у тихого ручья.
То истины дорога, сойти не в силах я!

Цветет, растет и крепнет родимая страна,
Ее трудов лучами земля озарена.
Тиранов всех мы свергли, заставили бежать.
То истины дорога, ее нельзя не знать!

Мы, дивный светоч правды, стоим здесь, семь девиц,
Храм светлый озаряет сиянье наших лиц,
Подобно Саламандре, мы на огонь спешим.
То истины дорога, по ней ступать хотим.

По окончании обряда мудрецы, девушки, учителя, затем и все жители общины, приблизившись, окружили молодежь. Нам пожелали счастья и благополучия и распрощались, поднеся массу цветов и молоденьких пестушков.

Радость наших родителей была беспредельна.

Наконец были исполнены все обряды и обычаи. Проведя последнюю ночь в своей общине, с наступлением утра мы должны были отправиться в Общину Овна.

Мать моя приготовила разнообразные яства и все мы в радостном настроении собрались вокруг стола. Отец начал:

— Чопо, завтра ты расстанешься с нами. Для родителей самое большое благо — это счастье и здоровье детей. Иди, будь счастлив и да достигнет нас весть о твоём благополучии! Но знай, что жизнь — чудесная, необычайная вещь. Она достойна умеющих работать и дерзать! Не трудящиеся, беспомощные, лентяи и люди с дурным характером в жизни многого не достигнут! Знай это! Переход к вопросам семейной жизни — это непонятная и странная вещь! Она не поддается долгим измерениям и вычислениям! — это как удачи!

Порой то, что ты принимаешь за хорошее, может оказаться дурным, и то, что кажется плохим, — оказаться хорошим. Запомни, у Девичьего родника, при выборе подруги жизни не слишком увлекайся внешней красотой. Внешность временна: сегодня есть, а завтра ее мо-

жет не стать. Внутренняя красота и устои — сила неизменная и твердая. Уметь ее безошибочно определить и найти, значит открыть дверь счастья. Любовь не прочный фактор и главным образом чувство, возбужденное невоздержанностью. Положиться на любовь, значит распрощаться с трезвостью. Не очень-то поддавайся чарам любви. Но, сказав себе: да, она существует, и уверовав в нее, будь стоек и не давай места сомнениям! И если любовь будет меркнуть — старайся раздуть ее пламя. Потому что, если у человека не будет желаний — жизнь превратится в бесплодную пустыню.

Человек — создание, не всегда владеющее своей волей. И если движимый желаниями ты будешь измят в жизненном водовороте, отчаиваться не следует; примкни к обществу и постарайся изменить условия.

Лишь общество может помочь личному бессилию. Благо общественное ставь выше блага личного.

Мать, слушая наставления отца, кивала головой в знак согласия. Сестра ж сопровождала их молчаливой улыбкой.

Помолчав немного, отец снова заговорил:

— Надеюсь, что мы поладим и уживемся с юношей, который придет из Общины Коршуна, войдет в нашу семью. Ибо ни я, ни твоя мать не имеем намерения вмешиваться в личную жизнь молодых. Но я еще не знаю дома, с которым ты породнишься в Общине Овна. Во всяком случае отношения эти зависят от самого человека. Если ты захочешь, то сумеешь найти общий язык с твоими будущими тестем и тещей. Надо иногда считаться и с желаниями стариков. Иначе они отравят вам существование. У каждого свой нрав. И надо постараться отыскать путь к человеку.

Человеку свойственно волноваться, выходить из себя, терять голову. Воздержись от принятия серьезных решений в эти минуты. Правильный путь тебе укажет лишь твердый разум, спокойный дух.

Я не мог слушать и понять наставления отца. Сердцем моим владели мечты о завтрашнем дне.

Все мои мысли вертелись вокруг Девичьего родника... О, какие это были дивные мгновения!!!

¹ Бука: долгой примерке и кройке (пер.).

Когда первые лучи солнца озарили вершины Тотема, мы покинули нашу общину. Нас было пятнадцать юношей. Представитель Совета общины и наш учитель Кебусей сопровождали нас. Удаляясь от построек, мы вышли на открытую дорогу. Окрестные леса были в цвету. Свежий весенний воздух благоухал.

Пред красотой окружающей природы все притихли, никто не решался заговорить, словно боясь нарушить царящую вокруг гармонию.

Старик Кебусей улыбался, что-то припоминая.

— В чем дело, Старец? — обратился к нему Джурджейс. — Видно, старость препятствует преодолению пути?

— Еще как! Еще как! — ответил Кебусей. — Во всяком случае шестьдесят лет тому назад, когда я впервые познакомился с этой дорогой, двигался с иной скоростью.

— Ха! Ха! Ха! Да и я сорок лет назад ощущал иные наслаждения.

— И еще какие, и еще какие! Теперь мы постарели, клонимся к закату. Наступит день, когда облака скроют нас в своем доме. Чудесное, непостижимое движение: мы пришли — уйдем; приходили и уходили... придут и уйдут... Вот предвечность к вечности!..

Джурджейс улыбнулся и оглядел погрузившегося в меланхолическое молчание Кебусея.

— Старец, — сказал он, — я человек, занятый общественной работой. Никогда я не занимался абстрактными вопросами. Однако слова твои заставили меня задуматься. Что это за суета? Не скажешь ли?

— На свое «что» еще ни один вопрошающий не получил ответа.

Джурджейс недоверчиво взглянул на учителя.

Оба остановились. Кебусей, запыхавшись:

— По ту сторону восприятия — бездонное море и кто переступит, того поглотит луцина.

Заинтересованные, мы окружили стариков. Учитель оглядел нас и внезапно радость озарила его печальное лицо:

— Джурджейс! — проговорил он. — Далекие пути обессиливают человека. Подойдем к тому, что близко.

Вот молодежь — живет, бурлит и переживает. У нее тысяча и одно желание, тысяча и одна надежда. О, что б я не дал, чтоб еще раз быть молодым!

Джурджейс, не сводящий с Кебусея глаз, загорелся еще большим интересом:

— Старик, я расклинаюсь в том, что иду: всю жизнь занятый общественными делами, я не вдавался в абстрактные размышления. Теперь, кроме того человека, каким я был, ты пробудил во мне вторую личность, и я не в состоянии ответить на его вопросы.

— Проснувшегося усыпи! Человек не может перешагнуть за начертанную грань. Сорок лет жизни посвятил я философии, дерзал перейти за черту и кроме потери сорока лет ничего не достиг. Лишь одну истину постиг я — жить свободно! Жить сыто! В этом истина. И труд воплощает эти два фактора. Надо трудиться, жить и творить жизнь другим.

При выходе из леса, среди зелени, глазам нашим открылись белые строения. Здесь кроме внешней красоты было нечто неуловимое. Как будто в воздухе Общины было разлитое какое-то поэтическое очарование. Сама жизнь вливалась в легкие с каждым вдохом. Этот воздух пьянил меня. Волнение мое утихло. Лишь сердце продолжало звенеть, как надломленная кобза¹.

Отделившись от всех, я стал в стороне и в ту же минуту понявший мое душевное состояние, заставившее меня уединиться, Кебусей подошел ко мне.

— В чем дело, сынок? — спросил он, положив руку мне на плечо и с улыбкой оглядев меня. — Ты приближаешься к чаще желаний и надежд. Божественный нектар, прикоснувшись к твоим устам, придает особое очарование твоему существованию. Берегись, будь трезв, не опьяней! Каждую минуту молодости надо встречать сознательно. Счастье — это падающая звезда. Разум увеличивает ее блеск. Надо молодость освежать, почувствовать каждый свой шаг и тогда погрузиться в ее радости.

При взгляде на учителя, все мои чувства ожили. Я ощутил восторг.

¹ Музыкальный инструмент (авт.).

Достижение моего слуха голоса, словно пробудили меня ото сна. На дороге, ведущей в Общину, были воздвигнуты триумфальные ворота. Рога у подвешенной на них головы Овна были убраны цветами.

Представительница Общины, облаченная во все белое, седовласая женщина, стоя посреди дороги, ожидала нас. Рядом с ней молоденькая девушка держала в руках накрытый покрывалом поднос. За ними толпились мужчины, женщины и дети. В руках детворы были букеты цветов.

Мы приближались.

Население приветствовало нас громким бляньем «Ме-ме» в честь своего тотема — Овна и осыпало путь наш цветами.

В свою очередь, и мы в честь тотема нашей Общины Петуха ответили громким «Ку-ку-ре-ку!»

Находящийся впереди Джурджейс, подойдя, поклонился женщине.

Оба они стали друг против друга. Две пожилые женщины, сняв покрывало с подноса, взяли оттуда семь белых булжников. Они подняли левые руки стоящих друг против друга представителей двух общин и, слегка надрезав у обоих основание большого пальца, смешали на свежем зеленом листе сочащуюся кровь и затем, окропив ею семь булжников, закопали их посреди дороги. Обычай этот указывал на братство двух общин.

Справа семь стариков, убранных сединами, отделившись, подошли к нам и, возложив на наши головы венки из семи медных звезд, удалились. Это символизировало переход наш под покровительство семи планет.

Слева отделились семь седовласых женщин и, украсив нам грудь восковым изображением семи гранат, тоже отошли в сторону. Гранат являлся символом любви. Число «семь» означало вечную любовь, царящую меж семью неразлучными братьями-звездами.

После свершения этих обрядов, затрубили в рог, сделанный из рога Овна, и мы вступили в Общину.

Предводительницу Общины звали Шибра Хатун. По ее распоряжению пятнадцать юношей Общины были выделены и присланы нам в услужение.

Позвав из отведенных нам комнат, они провели нас в общественные бани, выкупали и, переодев в свежее белье и белые одежды, проводили обратно.

В палисаднике дома были расставлены столы. Мы сели за трапезу. Кроме нас присутствовали Шибра Хатун, учитель Нимрад, учитель гимнастики Бугатай, философ Ильяс, представитель кустарей Ахенасп и врач Кейхун. Ввиду того, что мы были отомлены в дороге, присутствие остальных сочли излишним.

Подали различные яства. По обычаю, предводитель Общины, вкусив от первого блюда, открывал пир и лишь после того, как убрали третье кушанье, можно было начать беседу.

Шибра Хатун, протянув руку к первому блюду, попробовала его и тем самым подала нам знак. За столом царило гнетущее молчание. Кроме усиленного чавканья, ничего не было слышно; едва покончили с третьим, как Шибра Хатун поднялась с места:

— Дорогие мои, — сказала она. — Добро пожаловать! Дух пречистого Овна может обрести покой лишь после вашего насыщения. Крепкая связь Петуха и Овна гарантирует счастье нашей прекрасной молодежи, а потому наполним чаши в их честь!

Разлитый из глиняных кувшинов напиток — камез — был выпит до дна. Хозяева заблеяли, а затем мы прокричали: «ку-ку-ре-ку».

Спустя немного времени, с разрешения Шибры Хатун, поднялся преподаватель Нимрад. Это был человек средних лет; откинув широкую полу одежды на плечо, он начал:

— Дети мои! Подобно тому, как садовник, выращивая цветы, получает наслаждение при их пышном расцвете, так и учитель живет любовью к воспитываемой им молодежи. Раз в год, собираясь здесь, мы растаемся с плодами трудов многих лет и занимаемся воспитанием новых.

Но не считайте нас бесчувственными и лишенными нервов. Выпуская выращенную нами молодежь на арену жизни, мы как будто отрываем кусок сердца. В противовес этой жгучей скорби мы обретаем большое утешение, веря и надеясь на то, что зажженный в их душах свет истины будет вечен.

Поднимем чаши и выпьем за то, чтоб огонь истины был непоколебим!

После наступившего небольшого молчания, слово предоставили философу Ильюсу. Ильюс был тяжеловесный, длиннородый старик с лохматой шевелюрой. Он с трудом поднялся с места и, вертя в руках одну из палочек, при помощи которых ел пищу, дважды зажмурил глаза.

Джейнис, глаза которого тотчас устремились на эти палочки, зашептал:

— Взгляни на этого типа, до чего он забавен.

Я с трудом сдержал смех.

Наконец, совершенно сомкнув глаза. Ильюс начал:

— Граждане! — сказал он. — Со дня, когда я впервые сел за этот стол, прошло ровно пятьдесят пять весен. О чем это говорит? О пятидесяти пяти смертях и возрождениях, пережитых природой. Как свеча, то гаснущая, то вспыхивающая при дуновении ветра, так пред нами смена годов напоминает человеческую жизнь пред вечностью. Индивидуумы меняются, но жизнь остается вечной.

Итак, в этот день одной из уходящих в прошлое весен мы увеличиваем новую жизнь. Да здравствует юность, являющаяся связующим мостом между прошлым и будущим!

Подымите чаши и выпьем за сияние вечной жизни.

Осушив чаши, мы занялись едой.

Поднялся Ахенасп:

— Сотруженики! Жизнь — плод труда. Если не будет труда, прекратится жизнь. Труд и только труд является основой вечности.

Разве не труд отличает нас от животных, дарит нам разум и постижение? Не труд облегчает жизнь, дарит физический и душевный покой и учит знаниям?

Выпьем за труд и пожелаем нашим детям следовать по этому пути.

Ахенасп осушил свой бокал и сел.

Некоторое время общество провело в молчании. Вдруг удивительное видение, мелькнувшее меж деревьев, при-

влекло всеобщее внимание. К нам приблизилось существо с длинным темным, рассыпанным по плечам кудрявым и блестящим веером. Пола его длинной верхней одежды, откинута на плечи, драпируясь, образовывала красивые складки. По обеим сторонам увенчивающего голову звездного венца возвышались рога Овна. Трехструнная кобза, которую он держал в руке, была украшена цветами.

Подойдя к столу и устремив в высь ясный взгляд, он запел мягким чарующим голосом. Божественные звуки кобзы, вливаясь в сердце, рождали в нас глубокое волнующее наслаждение. Иронически оглядывающий его Джейнис был пленен. Прижавшись ко мне, он замер, очарованный.

Из пропетых импровизации видно было, что это поэт.

— Кто это? — спросили мы.

— Поэт Мильнир, — ответили нам.

Мильнир окончил песнь и на нежнострунной кобзе заиграл приветственный гимн.

Тотчас чаши наполнились камезом и, почтительно поднявшись, все выпили за поэта.

Мильнир сел по правую руку Шибры Хатун. Ему подали отдельно. Нервными пальцами ловко взявши палочки, он быстро принялся за еду.

Шибра Хатун, оглядывая поэта улыбающимися глазами, наклонилась и что-то шепнула ему на ухо.

Поэт встрепенул, как птица, тряхнул волосами и поднялся. Все повернулось к нему. Его синие глаза напоминали спокойную морскую гладь. На лице блуждал огонь божественного вдохновения, глядя левой рукой свои непокорные кудри, он начал:

— О взлелеянная сверкающей росой утра молодежь! Первая весна нашей Общины, девственная заря нашего неба, сверкающее солнце, нежные облака — подвластны вам! Вы блещущий огонь в вихре наслаждения, сорвавшийся с бушующих волн первоздания. Гореть вместе с вами, кипеть вместе с вами — вечное желание опьяненного для счастья!

О, глас от гласа, потрясающий нашу одинокую планету. О, бунтующий гимн странника, ниспущившего паруса на мирную пристань Весны. О, окрыленная восторгом, дарующая миру вечность, юность! И я, и моя кобза,

и мои песни, и мое вдохновение, мои мысли, мое забвение — все принадлежит вам.

Голос поэта, на ресницах которого повисли слезы, затрепетал, как одинокий листок чинары, и сорвался.

Чашы поднялись.

— Живи, поэт! — раздались крики.

Поэт осушил чашу и в знак искренности чувств, питаемых к молодости, разбил ее о свою кобзу.

5

По окончании пиршества мы направились в отведенный нам дом. Каждым двум юношам полагалась одна комната. Случайно мы с Джейннисом оказались вместе. Под влиянием камеза мы некоторое время не могли уснуть.

У Джейнниса было обыкновение все подвергать критике, то, что нравилось другим, вызывало в нем сомнения и подозрения, и на этот раз возник спор об обычаях и обрядах.

Я принадлежал к тем, кто чтит традиции. Перед обычаем, которого я не постигаю, я склоняюсь с уважением.

Что касается Джейнниса, он, не довольствуясь насмешкой и собственным неверием, старается отравить сомнением и мою веру. Когда я с увлечением стал делиться с ним впечатлениями сегодняшнего дня, Джейннис, как обычно, иронически рассмеялся:

— Консерватизм создает застой жизни, — сказал он, — неподвижность — состояние, несовместимое с жизнью.

— Это верно, — ответил я. — Но если не отдать дань уважения консерватизму, нельзя воспользоваться опытом дедов. Традиции — основа и столп общества.

— Разве перестанет общество существовать, если не будет традиций?

— Общество будет, но жизнь его будет подвергнута волнениям.

— Нужны не традиции и предания, а разум, даже, вернее, коллективный разум!

— А разве традиции не есть переходящий из поколения в поколение коллективный ум?

— Нет, нашему времени не подходит разум, покрытый пылью! Нам нужен живой, гибкий ум!

— Разве разум не подчинен законам наследственности? И тот разум, который ты себе представляешь, хранит следы веков.

— На это у меня нет возражений, но в то время, как разум не лишен силы суждения, традиция этого суждения не знает. Духовные потребности и наших предков и наши измеряют одной мерой, тогда как наша духовная жизнь очень разнится с их.

— Даже круг духовных потребностей предка, его ограниченные знания нам не мешают. Ибо опыт прошлого полезен в настоящем. Но наши традиции помимо опыта веков таят необъяснимое очарование. Можешь критиковать, но я поклонник этой красоты.

Мои слова вызвали недоверчивую улыбку Джейнниса.

— Друг мой, — сказал он. — Все мне понятно, кроме одного — того, что ты называешь «необъяснимым очарованием» и поклонником которого ты являешься. Иначе говоря, обладая различными характерами, мы не в состоянии понять друг друга, а потому я считаю более полезным уснуть.

И, повернувшись лицом к стене, Джейннис закрыл глаза.

6

На третий день прибытия было решено отправиться на Девичий родник.

Нас известили об этом с утра, мы принялись готовиться, одели розданные нам белые одежды; каждый из всех сил прихорашивался. Лишь Джейннис, по обыкновению, пребывал в нерешительности и раздумье.

— В чем дело? — спросил я.

В ответ он поджал губы.

— Джейннис! — сказал я. — Все твои сомнения и колебания мне понятны, но теперешнее настроение не понятно!

— Почему?

— Потому что в юноше проявления юности до того естественны, что объяснения не нужны.

— Все нуждается в объяснении!

— Выразись ясней.

— Ясней? Изволь. Мне не нравится это смешение стада самцов со стадом самок. Женитьба, являясь делом интимным, должна быть предоставлена самим брачующимся.

Не желая отравлять радость сомнениями Джейнниса, я отошел от него и во время трапезы сел с другими.

Когда солнце, поднявшись, стало медленно склоняться к закату, каждому из нас дали серебряный «начар». Мы должны были вручить его своей избраннице.

Начар символизировал не вверенные до сих пор никому тайны сердца.

Мы пустились в дорогу.

Лес, расположенный у подножья желтоватой горы, напоминал оправленную в золото бирюзу. Аромат цветов, рассеянных по зеленым лугам, ударяя в головы, опьянял. Мы поднимались по краю льющейся по разноцветным камушкам реки.

Дорога вывела нас на широкую поляну.

Слева несясь тысячевзвучный напев каскадами срывающегося с крутой скалы водопада.

Посреди поляны, взявшись за руки и образуя круг, девушки, одетые во все белое, пели нежными голосами:

Собрались сюда девицы
Ключевой воды напиться,
Белым Овнам поклониться.

Идущий во главе нас Мильнир, словно опьянев от представшей его глазам картины, тряхнув кудрями и прижав кобзу к груди, начал:

Мильнир:
Живут девицы в горах.
Мы:
И в сердцах, и в сердцах, и в сердцах!
Мильнир:
Не уйти от ласк и чар!
Мы:
О начар, о начар, о начар!
Мильнир:
Аромат весны — их дар.
Мы:
О начар, о начар, о начар!
Мильнир:
Пляска, песни на устах.
Мы:
И в сердцах, и в сердцах, и в сердцах!

Наши голоса словно воодушевили девушек. Они засверкали, подобно планетам. Улыбки их излучали ласку.

С песнопением мы окружили девушек. И в то время, как они продолжали кружиться, мы, преследуя их:

Мы:
Девушка бежит, прячась в цветах,
Девушки:
И в сердцах, и в сердцах, и в сердцах!
Мы:
Юноша бежит весь во власти чар.
Девушки:
О начар, о начар, о начар!
Мы:
Девушка сияет в счастья лучах,
Девушки:
И в сердцах, и в сердцах, и в сердцах!
Мы:
Мчится Овна во след юноше, дарит начар,
Девушки:
О начар, о начар, о начар!

Кругом толпились жители Общины. И когда мы с дением неслись по лужайке, окружающие на разные лады подпевали:

Наз, наз и наз
Таплы-таплы таз,

и при этом ударяли друг о друга находящиеся в руках белые камни, что должно было по обычаю облегчить слияние звезд счастья молодежи.

7

Во время пляски я случайно задел волосы одной из находящихся предо мной девушек. Огонь охватил меня, как извержение вулканической лавы.

— Прости, — вымолвил я.

— Пустяки, — ответила она, обернувшись. И из-под рассыпавшихся по лицу локонов сверкнула улыбка, пронизывая все мое существо.

Казалось, я выпил чашу вина. Аромат юного тела опьянил меня. Несколько раз наши взоры сталкивались — и мы оба замирали, пронзенные.

Наконец, когда силы стали покидать меня, я пропустил свой черед. Сев в стороне, у родника, на огромный камень, я принялся созерцать девушку.

Просвечивающие сквозь тонкую прозрачную одежду правильные линии ее тела и ослепительная грудь требовали капитуляции серебряного начара. Мой пристальный взгляд приводил ее в трепет, и она посылая мне улыбки.

Но вот она вышла из круга. И в ту же минуту стоящий рядом юноша последовал за ней. Сердце мое от волнения замерло. Ледяной холод сковал все мое существо.

Вдруг я увидел, что она направляется прямо ко мне. Ее огненный взгляд вновь обжег меня. Я поднялся с места:

— Прости, вероятно, ты устала. Отдохни, я уступаю тебе свое место, — сказал я.

Довольная, она поблагодарила меня. Взяв ее за руку, я усадил на свое место. Я почувствовал ее жар, он заставил дрожать тело, как будто я своим трепетом сотрясал мир.

Впервые я внимательно оглядел ее. Это была излучающая бушующую юность. Это была перерожденная в бушующую весну.

Ее ланиты озаряли закат, уста своею яркостью заставили померкнуть цветы... Юное тело излучало аромат, свойственный сформировавшимся женщинам, грудь вздымала стрелы в небеса.

Я призвал утерянную волю. Она беспомощно отозвалась... Я осмелел и сложил к ее ногам... серебряный начар вместе со всеми своими чувствами.

8

На утро Джурджейс объявил, что мы должны отправиться на осмотр Общины. Закусив молоком с хлебом, мы вышли.

На широкой, расположенной на краю Общины поляне юноши и девушки занимались физкультурой. Все тело их за исключением бедер было обнажено. Мы расселись на расставленные на возвышении скамьи. По знаку Бугатая начались игрища. Сперва состоялось состязание в бегах, потом упражнения в поднятии тяжелых камней. Были проделаны и упражнения, укрепляющие тело; наконец, было продемонстрировано метание стрел из лука и скачки.

После каждого состязания победителям раздавали награды, а Шибра Хатун целовала их в лоб.

Созерцая эти юные, здоровые, мускулистые тела, Мильнир восторженно обратился к нам:

— Взгляните только на стоящую направо девушку, — заговорил он. — С точки зрения красоты — это идеал. Совершенство пропорций. Она безупречна. Лицо ее исключительно, необычайно. Шея, грудь, изящная линия бедер, колени, маленькие ножки — признак красоты. Но пока ей нет тринадцати лет и она еще не испила воды из Девичьего родника. Когда прикоснется она к нему, то красота ее распустится и засверкает еще ярче.

Музыкант Кавус прервал поэта.

— Это верно, — сказал он. — Но насколько прекрасней душевная красота! Если она обладает некрасивой душой, то ее внешний облик — нуль, потому что внешность должна соответствовать внутреннему миру. Ибо эти два понятия нельзя отделить друг от друга. Когда к физической красоте присоединяется красота душевная, создается полная гармония.

— Что ж больше завершает гармонию — тело или душа? — спросил с ироничной улыбкой Ильюс.

Кавус, не задумываясь:

— Безусловно, душа.

— Можно ли довести дух до полного совершенства?

— Если и не до полного, то до относительно полного можно.

— В чем же ты видишь главный фактор в этом направлении?

— В музыке... Она смягчает, облагораживает душу, внушает ей гуманные чувства. Иных факторов, кроме музыки, я не вижу.

— Способен ли каждый изучить музыку?

— В той или иной степени выучиться музыке может каждый. Но одни воспримут ее талантливо и вдохновенно, другие — как обыкновенное ремесло.

— Рождается ли гармония в душе каменщика, когда он обтесывает камень, или каменщика-кладчика, когда он возводит стену?

— Не думаю.

— Следовательно, и музыка такова. Лишь рожденная вдохновением музыка может пробудить в душе гармонию. Вдохновение — дар природы. Люди талантливые

похожи. Души бездарные далеки от божественного огня гармонии. Значит и значение, придаваемое тобою музыке, немного преувеличено.

В это время в спор вмешался Ахенасп.

— Я, — начал он, — не имею никакого отношения к музыке. Что кроется в ней мне неизвестно. Я не могу верить ничему, что я не вижу и не ощущаю, но, работая как кузнец, я сделал некоторые наблюдения: после тяжелой работы, даже когда тело мое ощущает усталость, я чувствую в себе внутреннее удовлетворение, наслаждение. Тогда как в дни, когда я не работаю, меня охватывает молчание и покой.

— Так, так! — сказал Ильяус, прерывая его. — Кавус, в словах Ахенаспа есть сокрытая мудрость. Если и есть сила, пробуждающая в душе гармонию, это труд, ибо труд при посредстве тела дарит душе радость. Не внешность отображает внутренний мир, а наоборот, внутренний мир — проявление внешности.

9

Едва окончили упражнения, как спор прекратился. Нас повели в Дом инвалидов. Здесь были все нетрудоспособные члены Общины. Совет Общины обеспечивал их пищей, одеждой, удовлетворял другие потребности.

Из Дома инвалидов мы направились в школу Нимрада. Вся виденная нами на уроке гимнастики молодежь была здесь.

Нимрад дал некоторые объяснения по поводу своей школы и правил воспитания.

— Основа воспитания — дать детям возможность познать жизнь такой, какая она есть, трудиться на пути ее облегчения и украшения, — сказал он. — Вот почему дети участвуют во всех работах и поощряются во всевозможных изобретениях.

Кебусей с большим вниманием выслушал Нимрада.

— Как относятся дети друг к другу?

— И друг к другу, и к членам Общины они питают огромное уважение.

— Есть ли среди них лентяи?

— Нет, потому что гимнастика прежде всего с корнем вырывает лень, во-вторых, ученики круглый год прово-

дят на открытом воздухе, привыкают ко всем трудностям природы и становятся чужды изнеженности и лени.

Удовлетворив свой интерес многими заданными вопросами, Кебусей вызвал одного юношу.

— Сын мой, в чем твой долг при нападении врага на Общину?

— Умереть, с честью защищая Общину, — ответил юноша решительно.

Кебусей поцеловал его в лоб.

10

После урока Нимрада был урок Кавуса.

— Музыка, — начал он, — существует для облегчения труда. Музыка пробуждает в человеке в трудные минуты жизни жажду борьбы и возвышает дух. Это доказывает, что она является серьезным фактором. В этом цель и значение нашей музыки!

И чтоб доказать правильность высказанных мыслей, Кавус заставил учеников сыграть несколько мелодий.

И действительно, бодрость охватила слушателей. Ильяус был очень доволен.

Кавус сделал следующее распоряжение, и молодежь, отложив инструменты, взяла в руки камни, куски дерева и металла.

Кавус дал маленькое пояснение:

— Музыка, — сказал он, — состоит из явных и скрытых звуков природы. Долг музыканта выявить и заключить эти звуки в гармонию. Вот вам один из наших опытов на этом пути, — сказал он, подав знак рукой.

Молодежь, ударяя друг о друга находящиеся в руках предметы, заиграла, вызвав этим всеобщее одобрение.

Сияющее лицо Кавуса вдруг стало серьезным.

— Круг влияния музыки этим не ограничивается, — сказал он. — Музыка играет немалую роль и в воодушевлении, и в облегчении труда.

Нас провели к строящемуся на расстоянии пятидесяти шагов дому. Вокруг стен, которые недавно начали возводить, были свалены камни и приготовлена глина. По приказу Кавуса молодежь при приближении к месту постройки разбилась на две группы.

Одна партия, ударяя камнями, древками и кусками металла, заиграла бодрый марш, другая же — принялась

за работу. Ловко и быстро подавалась глина и камни и стена была вскоре возведена.

По мере того, как работающие на постройке уставали, обязанности менялись: те, кто работал, — играли, а музыканты работали.

Таким образом, в продолжение небольшого времени стена была возведена и не было заметно следов утомления.

И в больницах использовали музыку, как рекомендовал Кавус.

Вот что сказал нам врач Кейхун:

— Чтоб излечить болезнь, надо увеличить сопротивляющиеся силы организма. Чистый воздух, питание и покой играют в этом деле большую роль, но результат их совместного действия зависит от подъема душевного состояния.

И вот, чтоб поднять дух больных, в определенные часы дня для них играет музыка.

После осмотра больницы мы познакомились со скверами, цветниками и хозяйством Общины. Везде мы видели коллективный труд. В Общине Овна, как и у нас, отсутствовала частная собственность. Все было плодом общего труда и совместной работы. Распределение труда и его плодов находилось в ведении Совета Общины. Больницами, школами, яслями, Домом инвалидов и многими другими общественными организациями управлял Совет Общины.

II

Сегодня мы должны были обедать вместе с избранными у Девичьего родника девушками. Каждый сидел рядом со своей «сердечной»¹.

Нуша — так звали мою. Среда сидящих напротив нас в глаза мне бросился Джейнис. Его подруга была плотной девушкой. Вечно недовольный, во всем сомневающийся, сейчас Джейнис был очень весел. Он целиком был занят своей «начар».

Перед нами расставили чаши, наполненные камезом, и каждый, подняв чашу за свою избранницу, поцеловался с ней. На устах Нуши я ощутил жаркий трепет. Поцеловав, я украдкой взглянул на нее. Опустив глаза, она сидела, залитая ярким румянцем. Ее опущенные черные

ресницы напоминали крыло прижавшейся к гнезду птицы.

От второго бокала она отказалась.

— У меня кружится голова, — сказала она, — я и без того опьянела.

Я взглянул на нее. Действительно, она была опьянена: ланиты ее пылали, глаза томно блеснули.

Я поднял чашу и тихо проговорил:

— В твою честь! Будем счастливы! Да будут стада Общины жирными, а собаки зубастыми.

— Да будут! — ответила она, улыбнувшись.

Я выпил и, разбив чашу, бросил к ее ногам. Это означало «Да разобьюсь я, подобно этой чаше, если буду неверен тебе».

Мой порыв тронул ее. После небольшой паузы:

— Понравилась ли тебе наша Община? — спросила она.

— Очень, а ваши обычаи еще больше.

— А разве у вас нет таких обычаев?

— Есть, ну конечно, есть и не похожие на ваши.

— Опиши хоть один.

— О каком бы рассказать? — подумал я. Потом вспомнил: как мы ищем себе избранниц в Общине Овна, так из Общины Коршуна приходят к нам юноши на поиски подруги жизни. У нас нет Девичьего родника. Молодежь встречается на равнине и вступает в единоборство. Одержавший победу юноша простирает правую руку над головой девушки, что означает: до конца жизни ты подвластен мне. Девушка поднимается и целует юношу в правое плечо, говоря этим: «Преклоняюсь пред мощью!» Затем она задает юноше семь загадок и требует ответа, и если юноша не выкажет беспомощности при их разгадке, девушка кладет правую руку ему на руку:

— Хочу связаться с тобой!

И когда последний ответит:

— Связываюсь с тобой! — Председатель Общины перевязывает им руки травой.

— А вы не вручаете начар?

— Нет.

— А как называют у вас двух начаров?

— Отлу¹.

¹ «Сердечный» — от слова «начар», т. е. невестой (авт.).

¹ «От» — трава. Отлу — связанные травой (пер.).

Во время трапезы Шибра Хатун казалась нездоровой. По временам она тихо переговаривалась с Гимрадом и, устремив глаза в одну точку, глубоко задумывалась.

По окончании трапезы Мильнир и Ахенасп подошли к ней. Разговор перешел в спор.

Позже Кебусей разъяснил нам, в чем дело.

В Общине произошел невиданный доселе случай. Девушка, по имени Нахура, полюбив юношу своей Общины, Мюрдада, отказалась выйти на Девичий родник. Опрошенный по этому поводу Мюрдад заявил о своей любви к Нахуре и сказал, что считает ее своей «сердечной». Ввиду того, что брак меж молодежью одной Общины не был принят, Шибра Хатун была поставлена в затруднительное положение.

Этот случай возбудил всеобщий интерес и споры.

— Взаимная любовь — основа всего, — говорил Джейнис. — Раз два существа полюбили и выбрали друг друга, все обычаи и традиции общины должны отступить пред ними.

Учителя считали подобный шаг пагубным для нравственности. Поэт Мильнир был в сомнении, он не мог ясно выразить свою мысль.

— Взаимная любовь священна, как тотем, — говорил он.

— Поэт, что значит любовь? — спрашивал Ильюс с иронией.

— Любовь — сияние, излучаемое священным рогом Овна. Любовь — источник жизни, непрерывный поток, фундамент вечности.

— Довольно! Поэт, не впадай в преувеличения. Любовь — желание двух голодных страстей, жаждущих слиться друг с другом.

Появление Шибры Хатун положило конец ссорам и спорам.

— Сограждане! — сказала она. — Традиции Овна так или иначе попорчены. Решение вопроса будет зависеть от общего Совета Общины. Пусть завтра соберется Совет и обсудит вопрос.

Молодежь Общины, являясь согражданами, не могла вступить в брак между собой. Эта древняя традиция

была до того сильна, что осмелившихся нарушить ее побивали камнями. С течением времени проступок перестали считать грехом, нарушителей просто изгоняли из Общины. Изгнанники создали улус под названием «Ель». В улусе целиком господствовали новые обычаи и нравы.

Средь поселения, ожидающего начала общего собрания, я слышал самые разнообразные суждения и предложения.

Все были в большом волнении. Было немало и таких, кто требовал растерзания Мюрдада и Нахуры. Наконец на высоком камне показалась Шибра Хатун.

Лицо ее было бледно. Она с трудом скрывала внутреннее страдание.

— Сограждане! — сказала она, и голос ее задрожал. Шибра Хатун рассказала присутствующим о случившемся и спросила, какому наказанию должны быть подвергнуты согрешившиеся.

— Растерзать их!

— Изгнать!

— Помиловать! — Слышались различные голоса.

С разрешения Шибры Хатун выступил Джейнис:

— Сограждане! — начал он. — Я считаю долгом выступить здесь. Во-первых, чтоб иметь правильное суждение о случившемся не следует возбуждать страсти, во-вторых, чтоб действительно доказать, что свершенный проступок является грехом, необходимо поручить вопрос комиссии из нескольких человек. Необходимо вызвать Мюрдада и Нахуру, чтоб выяснить мотивы их действий.

Хоть нашлось несколько человек, протестовавших против предложения Джейниса, большинство приветствовало его. Под председательством Шибры Хатун была создана комиссия из пяти человек, начавшая разбор дела, и Джейнис находился в их числе.

Население в молчании ожидало появления Мюрдада и Нахуры пред комиссией.

После длинной речи Шибры Хатун слово было предоставлено Мюрдаду.

— Сограждане! — Воцарилось глубокое молчание. — Жизнь возникает из чувства. Чувство не подчиняется никакому разуму и логике и являлось и является основой мира. И взаимная любовь меж мной и Нахурой есть частица огромного фактора, рожденного в изначалье и нескончаемого в вечности. И вы хотите погасить эту

частицу? Это немыслимо, ибо не частица эта подчинена нам, а мы в ее власти. Так было предопределено!

Объяснение Мюрдада не удовлетворило многих.

Илюс, поджав губы, обратился к стоящему рядом Нимраду:

— Что за абсурд! — воскликнул он. — Можно ли сомневаться в зарождении жизни от великого разума?

— Можно! — сказал Нимрад, усмехаясь.

— Нельзя! Чувство чуждо логике, тогда как мир подчинен логике. И разве еженощно все с той же закономерностью и методичностью движущиеся на небе планеты не говорят об этом?

— Не мешайте! — раздалось приказание Шибры Хатун.

— Я всецело присоединяюсь к словам Мюрдада, — твердо проговорила Нахура.

Обсудив меж собой вопрос, комиссия постановила: ввиду противоречия их действий этике — изгнать виновных из Общины.

Обрадованная мягким решением молодежь приветствовала приговор громким блеянием, что касается покинутых, то они удалились с недовольным ворчанием.

14

Ранним утром, на заре, Мюрдад и Нахура покинули Общину. Большинство молодых с почетом проводило их. Но многие жители бросали им вслед черные камни и горящие головни.

Волнение длилось с неделю. И лишь после этого мог быть исполнен официальный обряд клятвопринятия.

Раз нас собрали к находящемуся на краю Общины изображению огромного Овна. Овен был разукрашен цветами.

Мы выстроились со своими «начарами» в ряд. Шибра Хатун как предводительница Общины принимала и утверждала клятвы.

После нескольких пар очередь дошла до нас. На головы нам возложили венки. Нас поставили на колени, вложив наши руки одна в другую.

В таком положении мы проползли три шага навстречу Овну. Затем, поднявшись, поклонились ему. И началось принесение клятвы:

— О, пречистый Овен! — произнесла Шибра Хатун, а

мы повторили. — Светоч света, чистый пречистых! Скорость бегущих вод, сила ветвистых деревьев, надежда зеленых лугов!.. И мы пришли, тебя призвав, пришли. Полюбили, полюбились, стали любимы. Засверкали, как солнце, забурлили, как волны. Одобри, осени и помоги!

Нелли, нелли, нилелли,
Нелли, нилель, нилелли,
Шелли, шилель, шилелли!

И народ в один голос со звуками:

Наз, наз и наз,
Тапы-тапы — таз,

стал бить в такт камнями.

Шибра Хатун украсила нам грудь цветами и, поцеловав в лоб, возвестила об окончании церемонии принесения клятвы.

15

Молодых провели в дом. Каждой чете было отведено по комнате, обставленной всем необходимым.

Целую неделю мы провели у себя. Через неделю нас призвали к председателю Общины и как согражданам поручили каждому какую-либо должность. Мужья и жены все были поставлены на какую-либо работу.

Занятые целый день, мы встречались лишь во время трапезы в общей столовой.

Молодежь, пришедшая из Общины Петуха, подружилась с молодежью Общины Овна. Удивительно было то, что Джейнис пользовался огромным влиянием как среди одних, так и среди других. Его взгляды больше не казались мне далекими и чуждыми.

Чего хотел Джейнис?

Джейнис требовал свободы личности.

— Необходимо сбросить с себя путы тяжелых обычаев и традиций, мешающих свободе личности. Надо жить жизнью согласно свободному разуму! — говорил он.

Неумолимая логика Джейниса, проникнутые верой слова невидимыми нитями привязали нас к нему.

Как-то случилось одно происшествие. Джейнис организовал открытое сопротивление традициям Общины.

В Общине Овна мертвецов не предавали земле, труп клали на поле и высушивали. Но чтоб сберечь его от

нападения хищников, организовывали охрану из молодежи. Тяжелый трупный смрад, нападение хищников были для молодежи большим испытанием.

В Общине скончалась старуха. Труп ее понесли в поле. Охрана была поручена десяти юношам. Джейнис находился в их числе. Подстрекаемая Джейнисом молодежь отказалась от несения охраны. Общину охватило смутнение. Захватив лук, стрелы и кинжалы, все вышли на бой с молодежью.

В свою очередь и мы вооружились. Однако, благодаря вмешательству Ильюса, катастрофа была предотвращена. Решение вопроса было передано на усмотрение Совета Общины.

Перед созывом общего собрания Джейнис устроил тайное совещание молодежи. Были детально обсуждены и раскрытываны все отжившие и утерявшие смысл обычаи и традиции Общины и все голоса поднялись за отмену прежних обычаев и обрядов.

— Возможно ли это исполнить? — спросил я после постановления.

Как будто разгоряченные тела облили холодной водой. Все задумались. Тогда поднялся один юноша.

— Граждане! — сказал он. — Их физическая сила больше нашей духовной. В битве мы, несомненно, погибнем, а вместе с нами наши мысли и идеи потонут в море крови.

— Уйдем, бежим, удалимся! — послышалось со всех сторон, с чем согласился и Джейнис.

Мы решили в ту же ночь бежать в Общину «Ель».

Возвращаясь вечером вместе с Нушой домой, мы оба были погружены в глубокое молчание. Словно ожидая разъяснений, Нуша по временам бросала на меня взгляды и снова задумывалась. Поняв, что я буду молчать, она тихо спросила:

— Чопо, этой ночью мы действительно бежим?

— Разве не ясно?

Нуша молчала. Ланиты ее зарделись, она опустила полные слез глаза.

Мы дошли до дому. Нуша бросилась на постель.

— Что случилось? — спросил я.

Она молчала.

— Может быть, ты не хочешь уходить?

Подняв голову, она удивленно взглянула на меня.

— Это решение молодежи. Мы должны подчиниться.

— А мама?

— Как моя мать, так и твоя.

— Твоя мать, согласно обычаю...

— Чтобы избавиться от тяжких цепей обычаев, необходимы жертвы.

Нуша зарыдала.

— Слезами горю не поможешь. Плохой обычай каждого лишает гнезда и, чтоб этого больше не было, мы покидаем Общину... Слезы, проливаемые тобой при разлуке с матерью, орошают цветы счастья будущих поколений.

— Чопо, я пойду повидать мать и тогда мы пойдем.

— Если ты пойдешь — наша тайна станет известна, и они нападут на нас.

Нуша хотела настоять на своем. Но я решительно:

— Или любовь к матери, или любовь к избраннику, надо выбирать одно из двух!

Нуша замолкла.

В это время в дверь тихо постучали. Я открыл, то был Джейнис.

— Все готовы, — сказал он. — Ночью, как только Община погрузится в сон, — мы двинемся.

— Прекрасно! — ответил я.

Он ушел.

До того, как пуститься в дорогу, Нуша вышла из дому. Она больше не вернулась. Я искал ее. Напрасно. Было ясно: она предпочла любовь к матери любви к мужу.

Сначала это происшествие ранило меня, ранило глубоко. Но затем, поразмыслив и почувствовав, что общее благо выше личного счастья, я немного успокоился.

В полночь мы, пятьдесят пять человек, пустились в путь. Нуши меж нами не было.

Улус «Ель» был расположен среди лесистых гор, на берегу реки. Подобно свежести, белизне новых домов и население его было молодо. Жителей старше сорока лет

в улусе не было. В сущности население состояло из убежавшей от консервативных обычаев молодежи соседних общин. Население улуса было очень радо нашему переселению. Каждая семья, приютив одного гостя, разместила нас.

Мы обшлись улус, он нам очень понравился. Хозяйство было хоть и молодое, но вполне благоустроенное. На лугах здоровая крупная скотина, особый птичий двор. Нивы и огороды были достаточно плодородны, чтоб с избытком удовлетворить наши потребности.

И здесь не было частной собственности. Труд для трудоспособных был обязателен. Приказ Совета Общины являлся законом для каждого; раздел труда и прибыли находился в ведении Совета.

Председатель Общины счел нужным дать некоторые пояснения:

— Братья! — сказал он. — У нас нет никаких обычаев. Каждый вправе жениться, когда хочет и на ком хочет. Совет Общины решает только необходимые, жизненно важные вопросы. Предоставить каждому спокойную, счастливую жизнь — вот наш самый большой долг. Ввиду того, что лишь жизнь человека важна, трупы у нас подвергают сожжению и мертвых больше не поминуют.

Чтоб обновлять и оздоравливать улус, ежегодно несколько человек отправляются в путешествия и, пробыв в разных краях некоторое время, возвращаются обратно. Если в жизни других народов имеются полезные новшества, мы их перенимаем. Посмотрите, в одном из далеких краев стали ткать ковры и мы переняли их искусство. Кузнецы изменили формы колесниц...

Речь страстно любящего свой край председателя произвела на нас огромное впечатление и, начиная с того дня, мы всей душой привязались к улусу.

Через два дня мы выбрали места для постройки себе новых домов и весь улус принялся за работу.

Предводительницей нашей группы была девушка по имени Мимра. В Общине Обезьяны она три года работала ученицей каменщика-кладчика. Занимавшаяся с ней

вместе юноши получили звание каменщиков-кладчиков, но ей почему-то в этом было отказано.

Поняв, что в Общине Обезьяны ей звание каменщика-кладчика не добиться, как-то ночью Мимра тайно от семьи убежала в улус «Ель». Здесь она обратилась к председателю с просьбой дать ей работу по специальности. Председатель для пробы поручил ей постройку дома, а нас послал на помощь.

Девушка, которой на вид было не больше восемнадцати-девятнадцати лет, обладала в высшей степени серьезным, а порой слегка упрямым характером. С первого дня она разделила нас на две партии и, послав часть в горы на каменоломни, других заставила возводить фундамент.

Прежде чем приступить к рытью под фундамент, она измерила землю, начертила линии и указала, как и откуда следует начать работы. Пока мы трудились над рытьем, Мимра месила глину.

Едва солнце достигло зенита, послышались звуки пения. Бросив работу, все отправились в столовую. Мимра не отрывалась от глины. Спустя некоторое время мы вернулись. Мимра заканчивала образец домика в две комнаты, вылепленного из глины на большом камне.

— Что это? — спросил я.

— Это образец дома, который мы собираемся строить, — ответила она. — Каждая комната должна иметь в длину десять, а в ширину семь шагов.

Товарищи мои заинтересовались и начали задавать Мимре различные вопросы, желая оттянуть время, один из них пытался затянуть беседу, но Мимра недовольно прервала его:

— Во время работы разговаривать не полагается! — сказала она.

Слова Мимры заставили нас тотчас приняться за фундамент. Мы начали трудиться. Но после еды работа двигалась вяло, всеми овладело чувство покоя и лени.

Вдруг появилась Мимра. Упершись испачканными в глине руками в бока, она словно подбадривала нас взглядом, и песня сама собой вырывалась наружу.

Хай — хай,
Хой — хой!
Хай — хай,
Ай — ай!

Еще солнце не зашло, когда мы возвели фундамент. Мимра осмотрела проделанную работу и осталась довольна. Но она принялась чертить какие-то новые линии и наметила работу на следующий день.

19

Мы закончили постройку. Явился председатель Общины в сопровождении нескольких представителей и, осмотрев дом, остался очень доволен. Рельефные рисунки на фасаде привлекли всеобщее внимание.

Председатель поблагодарил Мимру и сказал, обращаясь к ней:

— Чтоб твое дело жило, я пришлю тебе учеников. Учи их.

Строгое лицо Мимры просияло.

— Хорошо, присылай, — сказала она и, снова приняв серьезный вид, добавила: — Но не лентяев!

— О нет, они не ленивы!

— Прекрасно, пусть придут.

После осмотра дома Мимра показала слепленный на камне образец. Председатель, внимательно осмотрев образец, задумался и, обратившись к одному из представителей, сказал:

— Улус с каждым днем растет. Нам нужна большая столовая, поручим Мимре выполнить образец.

Представители Общины согласились с мнением председателя, переговорив меж собой, они обратились к Мимре:

— Улусу необходима столовая. Приготовь образец!

— На сколько человек?

Председатель, подумав, сделал в уме вычисления.

— На двести человек! — сказал он.

— Для такой постройки в самом улусе я не вижу подходящего места, — возразила Мимра после недолгого раздумья и указала рукой. — В северной части местность гористая, разрастаться в ту сторону улус не может. Будущий центр улуса должен быть расположен по верхнему течению реки.

Представители Общины, внимательно выслушав сообщения Мимры, поднялись вверх по течению реки, при повороте которой образовывалась широкая равнина. Указав на нее, Мимра сказала:

96

— Вот здесь, в центре, следует построить столовую. Без сомнения, вскоре все здесь будет заселено и столовая, ставшая центром для окружающих домов, будет очень удобна.

Довольный председатель выслушал предложение Мимры.

— Лично я всецело присоединяюсь к твоей идее, — проговорил он. — Я поставлю вопрос на Совете, придет комиссия, осмотрит местность и тогда вынесем окончательное решение.

20

Раз, когда я возвращался с каменоломен, во дворе домов одной из новых построек я увидел Мимру. Она работала над большим образцом. Я подошел. Мы поздоровались.

— Что это? — спросил я, указывая на образец.

— Образец утвержденной Советом новой улицы, — ответила она. — В центре столовая, а по бокам дома. Вот дом для детей, вот больница, дом инвалидов, а вот и школа...

Образец был в высшей степени красив и изящен.

— Если б такие дома были выстроены, улус Ель занял бы первое место среди окрестных общин, — сказал я, и, взяв перепачканные глиной пальчики Мимры, провел ими по своему лицу.

Лицо Мимры залилось краской, она слабо улыбнулась. Мой поступок привлек внимание учеников.

Лицо Мимры приняло серьезное выражение, и тотчас дети, опустив головы, принялись за работу.

С чувством глубокой радости в душе я расстался с Мимрой.

По дороге я встретил Джейнниса. Он работал в цветнике. Я начал разговор о Мимре.

— Эта девушка добьется первенства в улусе, — сказал он.

— Как могла Община Обезьяны не оценить ее? — спросил я удивленно.

— Консерватизм губит Обезьяну, да и не только ее, и остальные общины вязнут в болоте обычаев и предразсудков.

97

951—7

— Говорят утвержден проект новой улицы?
— Да. Будущий рост улуса несомненен, вот почему требуются новые постройки.

— Кому поручено руководство за ведением работ?
— Мимре! Совет дает Мимре звание главного мастера, и по этому поводу будет большое торжество.

— Великолепно! Необходимо поощрять всех кустарей.
— Знаешь, Чопо, у меня имеется еще предложение, верно, ты и его одобришь. В ближайшие дни будет заседание Совета. Я поставлю вопрос о созыве в «Ель» влиятельных лиц из всех общин. В том числе я потребую приглашения к нам Кавуса и Ильяса.

— Я приветствую твою идею! — сказал я.

— И тебя используем!

— Я по природе уравновешенный человек, высокие должности меня не прельщают.

— У нас нет высоких и невысоких должностей. Всякий труд приветствуется и лишь... против консерватизма направили мы наши стрелы.

И Джейнис расхохотался.

В его смехе я почувствовал намек на мою прошлую приверженность традициям.

— Все свое прошлое я похоронил в Овне и явился сюда.

Мои слова понравились Джейнису.

— «Ель» проветривает умы. Здесь души чисты, как хрусталь. Усилив и укрепив улус, мы обновим и очистим другие общины. Начиная с этой весны, ежегодно, мы будем привлекать по двадцать, тридцать человек, не терпящих консерватизма, и знакомить с управлением улусом. Если задуманное свершится, не будет никаких преград к изменениям во всех общинах.

Зиму мы провели в наших новых домах. По правилам общины, мы вставали и ложились с солнцем.

Днем занимались украшением и убранством наших жилищ. Ткали ковры, делали кровати, лепили из глины посуду и обжигали ее в печах. В полном довольстве и покое провели зиму, встретили весну.

По постановлению Совета Общины, в первый месяц весны я должен был отправиться в путешествие. В течение

двух месяцев объездив земли, расположенные на севере, я должен был вернуться назад.

Сложив в переброшенный через плечо хурджин¹ дневной запас провианта и взяв посох, я двинулся в путь.

На второй день я набрел на раскинутые на берегу реки шатры.

На окрестных лугах паслись стада, народ, собравшись пред шатрами, плясал под музыку. При моем появлении со всех сторон с лаем бросились собаки.

Подбежали девушки в длинных одеждах с волосами, перевитыми серебряными украшениями, и отогнали собак.

Я подошел и сел у котла, висящего над огнем. Поняв, что я гость, принесли воду и, обмыв мне ноги, накормили и напоили меня. Насытившись, я уснул под деревом.

Ранним утром шатры сложили, стада собрали и пустились в дорогу. В моей сумке я нашел немного жареного риса и курут². Грызя рис, я хотел идти своим путем, когда в глаза мне бросился сидящий, прислонившись к дереву, старец. Я подошел. Он с удивлением окинул меня маленькими сверкнувшими из-под лохматых бровей слезящимися глазками. Около него находилось несколько кожаных сумок с зерном. Шагах в пяти лежала облезлая, покрытая лишаями собака. Старик едва переводил дыхание.

«Тут кроется нечто необычайное» сказал я самому себе и, подойдя, приветствовал старца. И хоть бескровные губы его слабо шевельнулись, в ответ я не услышал ни звука.

— Все отправились в путь, почему ты сидишь здесь? — обратился я к нему.

— Кочевники бросают на дороге стариков. Это старинный обычай. Так как эта собака и я больше для работы непригодны, нас бросили здесь.

— У тебя нет детей?

— Есть. Они-то меня и оставили.

Произнеся с трудом эти слова, старик прислонился головой к дереву.

О скорбной драме рассказали глубокие морщины на его лице.

¹ Ковровая, двусторонняя сумка (пер.).

² Сушеное кислое молоко (пер.).

— И я сорок лет назад бросил отца у дороги и пошел дальше, — с трудом сорвалась с его губ последняя фраза.

Голова его склонилась на бок и все тело медленно осело. Хрип вырвался из его груди, он вытянулся и замер.

22

Я продолжал свой путь. Когда солнце было на самой середине неба, в глаза мне бросилось облако пыли вдаль. Было похоже, что движется огромная армия.

Меня охватило волнение. Эта воображаемая опасность, надвигающаяся на меня или на мой улус, испугала меня. Мне не хотелось показать свою слабость и я продолжал свой путь.

И что ж я увидел? Почерневшее от солнца, с взлохмоченными волосами и бородами, в лохмотьях человеческое стадо! Их единственным оружием были длинные посохи в руках. Они стучали ими оземь, нащупывая дорогу, и медленно продвигались вперед. Их изможденные тела вызвали глубокую жалость. Словно не видя, они наступали на меня. В смятении я сообразил, что все они слепы.

Я сошел с дороги и стал с ужасом смотреть на этот движущийся непрерывный поток жалких, несчастных людей.

Почуввав впереди маленькую речушку, они, как саранча, осели наземь. Кто пил воду, кто умывался, кто, погрузив ноги в воду, отдыхал от утомительного пути.

Я подошел и заговорил с одним из них. По тому, как он срывал и поглощал траву, видно было, что он голоден. Я дал ему немного жареного рису. Несчастный до того обрадовался, что, отыскав мои руки, хотел прильнуть к ним, но я не допустил.

— Откуда вы идете? Почему все вы слепы? — спросил я.

Слепой рассказал мне чудовищную историю.

— Мы, — начал он, — пленники скифов. Скифы ослепляют попавших в плен на войне мужчин, а женщин забирают в гарем. До сих пор на нашей обязанности было следить за стадами скифов, донить коров и прислуживать их семьям. Перед тем, как идти походом, скифы,

чтоб вызвать переполох среди населения земель, которые они хотят завоевать, посылают армию слепцов. Наша цель вносить смятение. За нами движутся скифы. Звездам в небе есть счет, но скифы бесчисленны.

Он умолк. Рассказ слепца отравил мне душу. Я увидел угрозу, нависшую над улусом. Я поднялся и повернул обратно.

23

Спустя два дня, по улицам бегал глашатай, призывая народ пронзительным голосом:

Гей, жители улуса,
Бегите, спешите,
Опасность, угроза!
Звезды в небе можно счесть,
Скифов нам не перечесть,
Идите, спешите,
Граждане, бегите.
Опасность грозит!

Женщины, девушки, молодые и пожилые, как поток хлынули на собрание. Все были в большом волнении. Возбужденный я кричал:

— К оружию, все к оружию. Надо призвать подмогу, подмогу!

И в тот же день по улицам всех тринадцати общин бегали глашатаи с криком:

Гей, жители общины,
Бегите, спешите,
Угроза, опасность!
Звезды в небе можно счесть,
Скифов нам не перечесть!
Идите, бегите,
Граждане, спешите!
Опасность, угроза!

Все сошлись и обсудили положение. Было решено соединить все силы вместе. Для претворения этого решения была создана чрезвычайная комиссия. От молодежи в комиссию был избран Джейнис.

24

Когда солнце стало спускаться в свою колыбель, ко мне пришел Джейнис.

Мы уселись.

— Что нового, Чопо? — спросил он меня.

— Со времени нашего последнего свидания ничего особенного не произошло.

— Знаешь, я пришел за советом. Чтоб изменить направление движения слепцов послан отряд. Они проведут их к другим границам.

— Это хорошо придумано. Проникнув к нам, слепцы могут создать упадочное настроение.

— Потом... Командующим объединенными силами назначен Бугатай.

— И это хорошо! Бугатай храбр, пользуется огромным авторитетом и великолепный организатор...

— Заготовка оружия поручена Ахенаспу. Кустари всех общин мобилизуются.

— А как продовольственный вопрос?

— И этот вопрос обсужден. Община Ворона выдвинула кандидата и мы приняли его.

— Следовало бы заранее выяснить место и дело каждого, — сказал я.

— Без сомнения, и это будет сделано! Теперь, Чопо, есть одно дело. Мы должны узнать побольше о скифах. Должны знать их обряды, обычаи, их материальную основу и физическую силу. Если неприятель будет все-сторонне изучен, победа достанется легче. Думаю, нет необходимости вдаваться в детали, ты понял. На пути завоевания свободы, построения будущего, на пути культурного процветания нашего улуса на тебя возлагается новая обязанность.

— Я готов!

— Ты должен отправиться к скифам.

— Я готов!

— Комиссия предоставляет тебе широкие полномочия и полную свободу действий! Ты волен делать любые шаги в отношении врага. Чтоб отратить надвигающуюся опасность, ты не должен жалеть ничего.

— Я готов!

— Тогда не теряй времени. Если можешь, сегодня же отправляйся в путь.

— Чтоб не терять времени, надо иметь коня.

— Разумеется. Через десять минут лошадь будет здесь.

— И я не мешкая отправлюсь в дорогу.

По дороге я остановился у родника. После недельного пути я думал отдохнуть здесь дня два.

Вокруг было множество птиц. Привязав лошадь к дереву, я вышел на охоту. В кустах я услышал легкий шорох. Тотчас, вложив стрелу в лук, я приготовился. Я внимательно прислушался. Звуки напоминали осторожную поступь зверя. «Лев», — подумал я. Перспектива встречи с хищником наполнила все жилы напряжением.

В минуту исчезло различие между человеком и зверем, моя животная суть в своей первобытной обнаженности всплыла на поверхность и эта суть жаждала крови. Вдруг звук нежного женского голоса, коснувшись моего слуха, поверг дикаря. Лук выпал из моих рук. Среди зелени мелькнуло чье-то лицо. Показалось существо среднего роста, загорелое от воздуха и солнца. Кувшин на ее плече говорил о том, что она шла к роднику. Я подошел. Увидев меня, девушка испугалась, отскочила в сторону и, пробежав несколько шагов, остановилась. «Кто она? Откуда?» — вопрошал я знаками. Она улыбнулась. Указала на лесистые склоны.

— Пойдем туда! — промолвил я.

В ответ она указала на свой кувшин. Я понял, спустившись вместе к источнику, мы наполнили кувшин водой.

Вскочив на лошадь, я привязал кувшин к седлу. Мы двинулись.

За холмом глазам моим открылось огромное становище. Ржали лошади, мычали коровы, блеяли овцы. В копошащемся людском муравейнике я не увидел ни одного мужчины. Я изумился.

При приближении к одному из шатров девушка попросила кувшин. Я подал.

Через несколько минут мое прибытие стало целым событием. Вокруг меня столпились сотни женщин. С суровыми лицами, мускулистые, они напоминали мужчин.

Вдруг за толпой собравшихся раздались голоса. Тотчас женщины расступились. Показалась пожилая женщина, слепая на один глаз, и, взяв мою лошадь под уздцы, начала что-то говорить.

Я не понял. Дернув лошадь, она повела меня.

Оставив меня у входа в великолепный шатер, женщина пошла внутрь.

Стоящие на часах у входа две девушки, ударив пиками оземь, начали что-то говорить.

Видно было, что они смеются надо мной. Одна из них в знак насмешки показала мне язык и затем залилась румянцем.

В это время из шатра вышла высокая некрасивая женщина. За ней следовало до десяти девушек.

Взглянув на меня с величественной улыбкой, женщина опустила на стоящий рядом трон.

Я сошел с лошади и сел на указанное ею место. Женщины из ее свиты, подходя по очереди, заговаривали со мной.

Говор последней несколько походил на наш, мы кое-как объяснились. То был стан амазонок.

— Разве среди вас нет мужчин?

— Нет! — ответила женщина, — мы не допускаем мужчин в свое общество.

Я не верил своим ушам.

— И вы не выходите замуж?

Женщина улыбнулась и немного замаялась, не зная, как ответить. Наконец она развяснула:

— Амазонки лишь на поле битвы отдаются мужчине — победителю. Но связь эта непостоянна. Через определенный срок мы покидаем мужчин и живем отдельно.

— А потомство?

— Бывает.

— ??!

— Не удивляйся, оставляя девочек, мальчиков мы изгоняем из своего стана.

Некрасивая женщина была предводительницей. Звали ее Алпакая. Алпакая заинтересовалась моим путешествием.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Я путешественник. Я хочу видеть свет и людей.

Алпакая в ответ кивнула головой.

— Знаю, — проговорила она, — как-то раз такой же путешественник был моим гостем. Звали его Анастасис. Он изучал истоки и пути рек. Расспрашивал о городах

и горах... У моря находилась страна, откуда он происходил.

После этих слов Алпакая заинтересовалась, в скольких боях принимал участие.

— Ни в одном, — ответил я.

Она изумилась и взглянула на окружающих ее девушек.

— Боишься смерти? — спросила она с улыбкой.

— Нет, мы люди оседлые.

Алпакая вновь улыбнулась.

— Я встречала многие оседлые народы. Они гниют, подобно стрелам, вонзенным в тину, берясь за ятаган, сами ранят себе руки.

Видя, что мы люди с совершенно различными взглядами, я счел спор бесполезным.

В полночь прикосновение холодных рук разбудило меня. Едва я успел открыть глаза, как заметил рядом с собой прильнувшее ко мне нежное девичье существо. Я внимательно взглянул на нее и увидел, что то была насмешница, стоящая днем на часах. От холода тело ее застыло и по мере того, как я прижимал ее к груди, оно оттаивало, как снег от прикосновения пламени.

Прошло немного времени, и до слуха моего донесся шорох. Во мраке словно что-то сверкнуло. Высокая, плотная женщина присела у моего изголовья. Аромат ее мощного тела взбудоражил меня. Едва поняв, что я не один, она схватила девушку-часового за косу. Девушка быстро вскочила. Но, узнав стоящую перед ней, смутилась и опустила на колени.

Женщина сказала ей несколько суровых слов и со всего размаха ударила кулаком. Девушка поднялась и исчезла в ночном мраке, как выпущенная из лука стрела.

Я думал, что между двумя женщинами шел спор из-за обладания-самцом. Меж тем, движения собирающейся удалиться женщины доказывали необоснованность моих предположений. Зажженный в жилах пламень требовал утоления.

Я поднялся и сзади обнял уходящую во мрак женщину. Извиваясь, как змея, она выскользнула из моих рук и тогда, мелькнув в воздухе, ее железный кулак опу-

стился мне на плечо. Я свалился. Придя в себя я понял весь трагизм происшедшего. Победленных мужчин амазонки презирали.

После долгого раздумья я оседлал лошадь и пустился в путь.

28

На следующий день я остановился около одного из встреченных мною отрядов слепцов. После долгой и длинной беседы мне удалось собрать довольно обширные сведения о скифах.

Скифы чтят культ Мериха¹. Я стал расспрашивать подробности.

Все духовные обряды выполняются гамами². У гамов бывают бубны с начертанными на них изображениями черепов. Ударяя в бубен, гамы начинают кружиться и впадают в экстаз. В этом состоянии они якобы общаются с богами, получают от них откровения и проникаются тайнами потустороннего мира. После состояния полузабытья, каждый подходит к гаму, вопрошая: «что мне предопределено?». Беспрерывный поток ответов гама кого радует, а кого повергает в печаль. Авторитет гама выше авторитета хагана. Рассказ старца обрадовал меня. Теперь моей главной целью стало увидеть гама и изучить его манеры.

Сев на коня, я двинулся в путь. После нескольких дней пути мне стали попадаться первые отряды скифов.

Они спустили лошадей на пастбища. Я подошел к одному из скифов; он лежал. На лице его виднелись следы страдания. Я знаками стал расспрашивать его. Он указал на ногу. На ней была гниющая рана. Тогда я быстро завертелся на месте и затем, воздев руки к небесам, придал лицу молитвенное выражение. Я взглянул на больного, лицо его озарилось светом надежды.

Окончив молитву, я осмотрел рану, в ней копошились черви. Я очистил рану, промыл соленой водой и перевязал. Больной, видимо, успокоился.

Немного погодя к нам подошел второй скиф. Раненый принялся что-то объяснять ему. Пришедший простер

руки к моим ногам, тронул их и поцеловал, лицо его выражало преклонение.

«Я достиг своей цели», — подумал я.

Спустя некоторое время вокруг меня собралось человек пятнадцать воинов-скифов, все они протягивали руки к моим ногам и, тронув их, целовали.

Больной все что-то говорил им. Воины развели костер. Один из них принес несколько высушенных кишок.

Привели лошадь. Проткнув ей задние ноги шилом, они собрали льющуюся кровь и затем, перевязав травой морду лошади, повалили в огонь.

Не успела лошадь прожариться, как скифы поделили ее, дав и мне большой кусок.

То было походной трапезой скифов.

29

Я провел среди них три дня. Мы жили на открытом воздухе. В течение этих трех дней я лечил больного. Он поправился и я приобрел огромную популярность. Постепенно я изучил место главной стоянки скифов и выразил желание попасть туда.

Воины провели меня.

По дороге мне бросилось в глаза множество подвешенных к поводьям лошадей кусков высушенной кожи. Я обратился за разъяснением.

— Это кожа с лиц убитых врагов! — объяснили мне с гордостью.

Я принялся считать. Раненый убил до 121 человека.

У других было что-то в том же роде.

Скифы украшали свои копья, подвешивая к ним плечевые кости убитых врагов.

Полдня мы продвигались меж воинов, кони которых были спущены на подножный корм.

Наконец глазам нашим предстали раскинутые на вершине горы роскошные шатры.

— Хаган там! — сказал раненый, указывая в сторону шатров.

Мы остановились у источника на склоне горы.

Раненый несколько раз оставлял меня и вскоре возвращался, приводя с собой каждый раз по несколько человек. Окружив нас, они с интересом рассматривали меня

¹ Марс (авт.).

² Шаманами (авт.).

и о чем-то говорили меж собой. Чтоб увеличить их интерес я порой возводил глаза к небу и «возносил молитвы».

В тот день ко мне привели нескольких больных. Я произносил над ними молитвы и, укрепив на груди их травы, отправлял обратно. Воины почитали травы за талисманы и боялись прикоснуться к ним. С каждым днем число прибывающих ко мне больных росло. Прежде чем приступить к «лечению», я совершал «обряд».

Скифы решили, что я гам и мой авторитет с каждым днем увеличивался.

Однажды, бродя по стану, я заметил толпу. Я подошел к ней: посреди круга вертелся гам в одежде, украшенной золотыми и серебряными монетами. Через несколько минут гам впал в забытие, изо рта его показалась пена. Едва он успел очнуться, как люди с вопросами: «что уготовано мне?», — окружили его.

Отвечая, гам подошел ко мне и лишь только собрался задать вопрос, как я завертелся на месте.

Я кружился до того быстро, что на мгновение потерял сознание. Я упал. Очнувшись, я заметил стоящего надо мной гама.

— Что мне предопределено? — спросил он заплетаясь языком.

— Завтра ты погибнешь! — ответил я. Гам лишился чувств.

Все окружили меня. Я отвечал, что попало на бесчисленные «что мне уготовано», раздающиеся со всех сторон.

Народ одарил меня золотом, серебром и одеждой.

Этот гам был верховным гамом. Его обморок увеличил и укрепил среди всех мое влияние.

30

Мое пророчество в отношении верховного гама сбылось. Я узнал, что верховный гам удручен по приказу хагана. Это мне сообщил пришедший пригласить меня во дворец воин.

— За что? — осведомился я.

— Пятнадцать дней тому назад, — рассказал он, — сын хагана, искупавшись в реке, заболел. Из-за его болезни отложили намеченный на юг поход. Болезнь лечи-

ли обрядами и молитвами главного гама. Гам был призван во дворец. Он кружился в присутствии приближенных хагана и впал в забытие, очнувшись, объявил, что через неделю наследник будет здоров. Вчера исполнилась ровно неделя, но самочувствие принца вместо того, чтоб улучшиться, ухудшилось.

Во дворце творится нечто невообразимое. Носятся разные слухи: «Вторая жена хагана Рунджа Хатун, чтобы добиться возвышения своего сына, уговорила гама проклясть недобрые молитвы»...

Так я впервые узнал, что здесь среди правящих кругов существуют интриги и, размышляя о том, как бы их использовать, отправился во дворец.

Встречавшиеся по дороге воины, простирая руки, прикасались к моим ногам и целовали их. Наконец все становившиеся знало меня и верило в мою силу и святость.

Я сам изумлялся своему быстро растущему влиянию.

С воином, явившимся за мной, мы вошли в шатер. Человек с огромным шрамом на лице принял меня с большими почестями и объявил, что я назначаюсь верховным гамом.

Мне дали украшенную звездами одежду и бубен. Свершив небольшой обряд, я принял дары. Ученики гама заиграли в зурну и я облачился в новые одежды.

Как только я был готов, все почтительно склонились предо мною. Человек со шрамом на лице, сказав что-то, надел мне на голову тюрбан со свисающим сзади конским хвостом.

Меня провели в шатер к больному. Я прошел сквозь небольшую дверь с золотыми подпорками.

Больной лежал у противоположной стены на высокой тахте. С каждой стороны по девять молоденьких девушек, преклонив колени, держали в руках свои косы. Глубокое молчание царило в шатре. Главная жена хагана находилась у ложа больного. При виде меня она с благоговением поднялась с места и поцеловала мои руки. Я подошел к больному. Он был в агонии.

Я приложил руку к его лбу. Он пылал. Я отошел. Отодвинувшись, окружающие освободили мне место.

Ударяя в бубен, я завертелся до полного изнеможения. Что случилось потом не помню.

Вдруг я очнулся. Ко мне подошла главная жена хагана.

— Что уготовано моему сыну? — спросила она в волнении. Я молчал. По лицу моему струились слезы. Я не думал, что я заплачу. Хаганша упала на тахту и девушки со слезами на глазах окружили ее.

31

На другой день совершили обряд погребения наследника. Рабы вырыли большое пространство, имеющее по двадцати шагов в длину и ширину.

Дно было устлано ветвями ивы. Сюда поместили шатер наследника со всей обстановкой и утварью. Труп одели и уложили на ложе и вместе с оружием внесли в шатер. Все виденные мною накануне восемнадцать коленапоклоненных девушек были поодиночке переданы рябим палачом Алпатаем и трупы их были разложены вокруг принца. Лошадь принца задушили, привязали у входа в шатер.

Прежде чем засыпать могилу явился хаган с гаремом и кормилицей.

Хаган был одет чрезвычайно просто, лишь прикрепленный к поясу ятаган с осыпанной драгоценными камнями рукояткой привлекал всеобщее внимание. За ним следовало девять воинов, вооруженных секирами.

За полы одежды главной жены хагана держалось по девять девушек с каждой стороны. Она рыдала, прикрыв глаза руками. За ней следовал гарем, сановники, военачальники.

Приблизившись к дверям шатра, старшая жена хагана обернулась и, заметив Рунджу Хатун, гневно закричала:

— Не подходи! Бесчестная! Ты мой кровный враг!

Женщины безмолвно замерли.

Поступок главной жены хагана вызвал недовольство некоторых сановников, ибо сын Рунджи Хатун становился наследником, и каждый видел свое счастье и благополучие в ее благосклонности.

По окончании обряда прощания, могила была покрыта досками, воины, подходя по одному, бросали по горсти земли и вскоре над могилой вырос огромный курган.

Вокруг кургана вбили раздвигавшиеся на концах колья. Привели пятьдесят лошадей из забранных в виде трофеев у побежденных племен и пятьдесят слепцов и,

задушив их всех, привязали лошадей у кольев, уложив на них трупы слепцов. И тогда сорок всадников принялись ездить вокруг кургана и петь.

32

Через три дня я предстал пред лицом хагана. Он сидел на своем троне. Его окружали прелестные юноши и девушки.

Хаган указал мне место, я сел. Он подал знак, все покинули шатер. Мы остались вдвоем. Хаган сильно изменился.

— Как себя чувствуешь? — спросил он слабым голосом.

— Под сенью Мериха.

— Я не могу совладать со скорбью, — сказал он и умолк. Затем он снова заговорил:

— Чтоб утишить боль, я лелею мысль о кровавом походе. Что сулит рок?

Я задумался.

— Предопределение рока туманное, — сказал я.

Хоть слова мои вызвали легкое недовольство хагана, он вскоре успокоился.

— Что видно? — спросил он с большим интересом.

— Вот уже три дня, как я стараюсь овладеть тайной судеб. Еще до похода предвидятся беды и злоключения. Выявляется измена некоторых полководцев против хагана...

От ярости хаган раза три вскакивал и садился.

— Знаю, знаю, знаю! — кричал он, покусывая при этом редкие обвислые усы, — зачинщик Гузатай.

— Он не один, их несколько, — проговорил я.

— Знаю, но пока крепки руки Алпакая, я буду душить их и с корнем вырву измену и мятеж... Что еще сулит мне рок?

— Для благополучия хагана надо прежде всего подавить мятеж. Пока я бессилён сказать что-либо определенное.

Хаган задумался и вдруг:

— Ступай, но избавь меня от колебаний.

— Можешь быть уверен, что я сделаю все для спокойствия хагана. Но... но в походе я вижу беды.

— Ступай, вопрос ясен.

Поклонившись хагану, я вышел.

Спустя полчаса у меня было тайное свидание с Рунджей Хатун. Она была чрезвычайно довольна моим приходом и спросила о своей судьбе. Хорошо обдумав ответ, я сказал:

— Если тайна станет известной — счастье изменит тебе!

— Если откроют тайну мою, придется мне стать у разверстой могилы сына! — произнесла она.

— Счастье на твоей стороне. Но, если не принять мер, жизни наследника будет угрожать опасность.

Рунджа Хатун вздрогнула.

— Пошади! Укажи путь, — сказала она, протянув руки и целуя мне ноги.

— Путь известен. Сегодня вместе с Гузатаем, взяв часть верных вам воинов, вы покинете эти места.

— А что, хаган гневается?

— И еще как! Пусть Гузатай заберет войско... иначе... иначе вас ждет гибель.

— Ах, все это интриги первой жены. Верно она подстрекает хагана.

— Так или иначе торопитесь.

Рунджа Хатун побледила. Как безумная, вскочила она с места. Сперва не знала, что предпринять. Затем беспомощно обернулась ко мне.

— Вызови Гузатая! — посоветовал я.

Не прошло и десяти минут, как Гузатай был в палатке. Мы поздоровались.

Это был невзрачный человек с диким взглядом. Одежда его была из человеческой кожи, по взгляду я понял, что он трепещет пред гамом.

— Ключи от наших судеб в твоих руках, — сказал он, благоговейно улыбувшись.

— Удача на вашей стороне, — сказал я.

Он просиял. Выразил полную готовность быть во всем мне полезным. Я объяснил ему положение и повторил, что трудность в том, чтоб собрать войско и защищаться от нападений хагана.

Он согласился.

— Алтарь Мериха требует жертв! — изрек я. — Если ты упустишь свой час, то погибнешь.

Возбужденный, он поднялся с места. Его налитые кровью глаза покраснели еще сильнее. Оба выразили мне признательность. Я вышел.

Несмотря на настоятельный приказ хагана, Гузатай не нашли. Молнией пронеслась весть, что во главе громадной армии он скрылся в окрестных горах.

Исчезновение Рунджи Хатун с сыном дало повод тысяче слухам.

Я был немедленно призван к хагану. Ярость его была беспредельна. Бегаю по шатру, он кричал:

— Предсказание оправдалось, теперь укажи пути избавления.

Подперши лицо руками, я задумался. В продолжение нескольких минут я не отвечал. Опечаленный моим состоянием, хаган умолк. Сев на трон, он безмолвно ожидал моего ответа.

— Кроме наступления, выхода нет! — сказал я. — Если сегодня не соберешь силы, завтра кроме меня и Баш Хатун¹ не найдешь никого вокруг себя.

Хаган тотчас призвал военачальников и приказал немедленно созвать войско.

В одну минуту глашатаи, вскочив на коней, понеслись по стану. Военачальники совещались. Было решено с утра с трех сторон начать наступление.

Когда первые лучи утреннего солнца окрасили небо в багрянец, я пошел к храму Мериха. Храм представлял собой деревянную башню. Над ним возвышалась небольшая площадка.

Окрестности были полны всадниками.

Бесчисленные куски человеческой кожи украшали поводья лошадей. Подвязанные к копытам кости придавали всему дикий вид.

Находящийся впереди войска хаган от ярости часто дергал поводья коня, при этом из висящих на поводьях тысячи кож, содранных с убитых врагов, исторгался скрытый стон.

¹ Главной жены (пер.).

В эту минуту притащили громко ревушего слепца. Схватив его, Алпатай с такой силой воткнул кинжал ему в горло, что не видно стало его руки. Хлынула кровь. Подали меч хагана, который погрузили в рану пленника и положили на площадку храма Мериха.

Требуемая Мерихом первая жертва была принесена. Тогда все сошли с лошадей и принялись поглощать расставленные вокруг храма яства.

Были разлиты напитки. Каждый поднял чашу, сделанную из вражьи черепов. Череп, стоящий перед хаганом, был отделан по краям золотом. То был череп могущественного полководца.

Хаган поднял череп и, осушив до дна, взглянул на череп.

— Я утолил свою жажду мести, больше нет у меня ненависти и вражды к тебе. Теперь я пылаю новым огнем. Если череп Гузата не прикоснется к моим устам, ничто не потушит моего пламени!

Хаган с силой бросил череп оземь. И в то же мгновение воины, повскакав на лошадей и вынув стрелы, направили их в сторону храма.

— Ур! — потряс воздух грозный голос хагана и переломленные стрелы попадали на землю. Это было призывом на верность, клятвой в готовности принести себя в жертву за хагана.

Я ударил кулаком в бубен. Все смолкли.

Выждав, я стал непрерывно бить в бубен.

— Мерих с нами! — гремел я, кружась на одном месте, пока не свалился без чувств.

36

Очнувшись, я никого не увидел вокруг себя, кроме одного юноши. Пыль из-под копыт бешено несущейся конницы окутала небеса.

Юноша подошел ко мне и шепнул:

— Старшая дочь хагана Эрдиджа хочет видеть тебя.

Я пошел. В лесу, расположенном за дворцом, я увидел девушку с раскосыми глазами, золотистой кожей, тонким изящным носом и маленьким ртом.

Из-под массы золотых украшений выглядывали маленькие округлые груди, голову венчал белый тюрбан. При дуновении ветерка тонкий шелк ее одежд прилипал к девственному стану.

Я почувствовал ее приближение, теплое дыхание коснулось моего лица.

— С тех пор, как ты впервые появился во дворце, ты унес с собой сладкие сны моих ночей. — Голос девушки затрепетал и сорвался. Я взглянул на нее. На длинных ресницах дрожали слезинки.

Я обнял ее за стан. Она всем телом прилипла ко мне. Подобные одиноким птицам маленькие груди трепетали у меня на груди. Уста мои отыскали ее уста, и влажными поцелуями я стал гасить их пламя.

Наконец я отодвинулся и хотел удалиться. Она опустила предом мной на колени. Обняла мои ноги, поцеловала их.

— Не уходи! — прошептала она.

— Идет бой. Я не имею права оставаться здесь, когда решается участь хагана.

— Имеешь! Участь решают не войны, а любовь. Дворец хагана, трон, все, все готова я бросить, отречься, но... от любви нет!

Природа во всей властной наготе ожила во мне. Благоухание, излучаемое всем телом Эрдиджи, бросило меня в дрожь. В одну минуту, обхватив ее тонкий стан, я опрокинул ее на постель из трав и утонул, слившись с глоссами вечности.

37

Шла ожесточенная битва. К хагану привели первого пленника из войска Гузата.

Хаган ударил его в грудь мечом и, наполнив пригоршни кровью, с жадностью осушил их. Примеру хагана последовали военачальники.

Затем пленника скальпировали, а кожу, содрав с него, подвесили к поводьям хаганова коня.

К вечеру хагану доложили, что стрелы на исходе. Он рассердился. Приказал подобрать вражьи стрелы и пустить их в дело. С этой целью был образован особый отряд.

В то же время был дан приказ к отступлению. Видя, что с тыла стрелы сыпятся дождем, был послан отряд для отражения атаки неприятеля.

Самым бесстрашным и неутомимым полководцем был Окабай. Хагану сообщили, что им захвачены тысячи пленных и нанесен врагу серьезный урон. Страшное лицо хагана просветлело. Сорвав с поводьев часть болтающих-

ся человеческих кож, он в знак особой милости послал их Окабаю.

Однако стрелы нападающих с тыла вражеских сил омрачали радость хагана. Уже стрелы стали долетать до шатра властителя. Не зная, что предпринять, хаган собрал нас на совещание.

Каждый высказал свое мнение. Я предложил продвигаться на север.

Выслушав всех, хаган остановился на моем предложении. Прежде чем отступить я обратился к хагану:

— У меня к тебе есть дело.

Мы удалились в один из шатров.

— В чем дело? Не сулит ли рок недоброе?

— Нет, — успокоил я его.

— Говори! — приказал он.

— В конечном счете победу одержишь ты. Но... Но пути к ней большие затруднения.

Хаган то поднимался, то вновь садился. Я продолжал:

— Как я тебе в свое время сообщил об измене Гузатая, так теперь я должен открыть другую.

Хаган с удивлением уставился на меня.

— Я не верю Окабаю, все его старания сводятся к желанию овладеть троном.

Хаган, захватив в рот кончики усов, в остервенении грыз их.

— Что делать? Как быть?

— Пока кроме осторожности других средств нет. Да и силы не слочены. Помимо того — недостаток стрел. Чтoб с честью выйти из этой истории, нужны свежие силы.

— Откуда можем мы набрать новое войско?

— Этот вопрос поручи мне! Я найду путь.

— Каким образом?

— На юге живут воинственные племена, пошли меня, и я наберу тебе целую армию.

Хаган задумался. Словно сомневаясь, внимательно взглянул на меня. Ничего не ответил.

И вдруг:

— Иди! — сказал он.

В ту же ночь я имел свидание с Окабаем. Обеспокоенный полученной в руку раной, печальный, он лежал на траве.

— Что нового, гам? — спросил он.

— Рок благосклонен к тебе! — обрадовал я его.

— Есть приказ от хагана?

— Приказа нет, — сказал я и умолк.

Мое молчание возбудило в нем подозрения. Он с любопытством оглядел меня. Я продолжал молчать, глядя на него с улыбкой.

— Гам, — сказал Окабай. — Ты принес мне весть о смерти?

— Нет, Окабай, смерть пока далека от тебя.

— Так в чем же дело? Открой. Твой приход что-то таит в себе.

— Он ничего не таит. Гам открывает, а не скрывает тайны.

— Говори, я чувствую, что у тебя что-то есть.

— Кроме твоего счастья и величия ничего нет.

— Прочно ль мое счастье?

— Оно может стать вечным! Но...

— Говори!

— Твое счастье пересекает счастье других.

— Кого подразумеваешь под другими? Хагана?

— Да... Обстоятельства заставляют хагана призадуматься. Твое растущее среди войска влияние пугает его, и он подозревает тебя в намерении овладеть троном. Многие уже теперь дали тебе прозвище «хаган».

Окабаю это понравилось. Он словно забыл о роке. И немного подумав:

— Что слышно с других границ?

Я стал рассказывать ему о продвижении хагана на север.

Окабай задумался. И затем:

— Я не вижу пред собой серьезных сил.

— Видно, враг направил удар в другую сторону. Во всяком случае пока утро не наступит положение не прояснится.

После этих слов Окабай вновь погрузился в раздумье. Вдруг надежда озарила его лицо.

— И сильна тревога хагана? — спросил он пытливо.

— Как может человек, видящий, как все войско богов творит тебя, не тревожиться?

— Значит, он питает в отношении меня злость?

— Конечно.

— Что он может сделать?
 — Заманив хитростью, покончить с тобой.
 — А если это не удастся?
 — Вышлет на тебя войско.
 — А обладает ли он армией по силе равной моей?
 — Если не сейчас, то вскоре он будет обладать ею.
 — Откуда ему удастся набрать войско?
 — Он предполагает набрать его среди северных племен.

Последние слова заставили Окабая призадуматься.
 — Почему же ты не пошел за хаганом? — спросил он, выждав.

— По правде говоря, — ответил я, подумав, — теперь рок связал меня с тобой... Звезда хагана начинает меркнуть.

Окабай не мог скрыть овладевшей им радости. Он то вставал, то садился.

— Что нам следует предпринять?
 Я долго думал.

— Во-первых, — сказал я, — с раннего утра начать наступление на хагана. Во-вторых, сосредоточив войска в своих руках, покончить с Гузатаем.

Мои предложения понравились Окабаю.
 Все же он колебался и внезапно:

— А что, если я нападу на хагана, а Гузатай с тылу нападет на меня?

— Я гарантирую тебе тыл.
 — Каким образом?
 — Пути укажет рок. Но... я должен проникнуть в армию Гузатая.

Мои слова заставили Окабая задуматься. Он подозрительно взглянул на меня.

— Что ты там намерен предпринять?
 — Я буду уговаривать Гузатая вступить с тобой в союз.

— А потом?
 — Потом, покончив с хаганом, нетрудно хитростью уничтожить Гузатая.
 — Если это осуществимо, мысль превосходна.
 — Осуществимо!

На другой день я отправился в стан Гузатая и повидался с Рунджей Хатун; она поведала мне, что во время

разгульной пирушки с девушками, Гузатай скоропостижно скончался, и армия осталась без главы. И не успела она закончить свой рассказ, как губы ее задрожали и слезы заструились из глаз.

Эта весть была и мне не с руки, ибо скифы без предводителя подобны стаду баранов. Окабай в один день мог покорить их и увеличить свои и без того значительные силы. При наличии же еще одного полководца война длилась бы какое-то время, и обе стороны ослабели бы.

В то время, как в моей голове мелькнула эта мысль, я обратился к Рундже Хатун.

— Ты должна поставить одного из преданных тебе полководцев во главе армии.

— Среди них нет ни одного пользующегося авторитетом, — возразила она.

— Тогда надо объявить наследника хаганом.

Мысль эта хоть и понравилась Рундже Хатун, она не торопилась выказать одобрение.

Эта нерешительность возмутила меня.

— Не время ждать, — сказал я, — пред тобой такая сила, как Окабай. Завтра, если весть о смерти Гузатая дойдет до войска, то все сплотятся вокруг Окабая. Ты ведь знаешь безумство скифов, лишь храбрый полководец может управлять ими. Если нет авторитетного начальника, над ними может стать лишь хаган.

Рунджа Хатун находила все мои соображения верными, однако возразила:

— Даже и этим вопрос не разрешится.
 — Почему?

— Потому что сын мой юн, у него еще молоко не обсохло на губах, он не был ни в одной битве, еще не снял ни одной вражьей головы с плеч. Какой авторитет может иметь такой юнец в армии, там, где есть вонны, поводья которых украшены кожей сотен людей.

— Хорошо, разве нельзя кого-нибудь из них назначить полководцем?

— Нет! У меня нет подходящего человека, могущего заменить Гузатая.

Я предложил Рундже Хатун еще несколько пришедших на ум выходов.

Она выказывала нерешительность и беспомощность. Трусость женщины привела меня в ярость. Наконец, исчерпав все предложения и доводы, я умолк.

Мысль моя была в тупике. После долгого молчания:
— А что, если мы соединимся с Окабаем и двинемся на хагана.

Лицо Рунджи Хатун посветлело.

— Это было бы прекрасно.

— Дай мне полномочия, — сказал я, — и я переговорю с Окабаем.

Рунджа Хатун согласилась.

В тот же день я поехал к Окабаю.

40

Посланные арбы доставили Рунджу Хатун со всеми приближенными в стан Окабая.

Оба войска соединились. Окабай назначил новых начальников. Для заготовки оружия были выделены мастера и к ним приставлены ученики. Начались приготовления к будущей битве.

И вдруг пронесся слух, что в сына Рунджи Хатун на маневрах попала шальная стрела, и он умер. Это действительно было так. Тело наследника торжественно было предано земле; девять девственников были удушены и погребены вместе с ним.

Окабай с виду хоть и казался огорченным, но во дворце открыто говорили, что это убийство — плод его происков и интриг.

Я заинтересовался.

Как-то вечером я заговорил с главным евнухом. Ему были известны все дворцовые тайны.

Сморщенный, со старушечьим лицом и тонким голосом, евнух сообщил мне любопытные вещи.

— При завоевании новых земель взятых в плен девушек распределяют меж хаганом и его приближенными. От удачных набегов в гареме Окабая собралось до тысячи девушек. Каждую ночь он берет одну девицу, я сопровождаю ее. Окабай дважды не обладает одной. Таков его обычай. Его не интересует, родятся ли у них дети, об их участи он не имеет понятия. В последнее время Окабай изменился. Неделию назад, обойдя гарем, он остановил свой выбор на одной, провел ее в свой шатер, до сих пор держит при себе и величает «Баш Хатун». Окабай, который не любил детей, теперь требует от Баш Хатун потомства. Все объясняют поступок Окабая

желанием стать хаганом. Смерть сына Рунджи Хатун избавляет его от соперников.

Слова главного евнуха заставили меня задуматься.

Если место хагана займет такая сильная личность, как Окабай — участь юга плачевна.

Смерть Гузатая нарушила все мои планы. Целью моей было перессорить всех влиятельных лиц и тем самым ослабить скифов.

Теперь же вместо ослабления все силы соединялись в одних руках.

41

Всю ночь до утра я не мог уснуть, раздумывал над созданным положением и был бессилен разрешить его. Пока только одно могло внести ясность в этот вопрос. Это исход борьбы между хаганом и Окабаем.

Приготовления были окончены.

Стали преследовать отступившего на север хагана.

Через три дня в одном из горных проходов обе силы столкнулись. Произошла ожесточенная схватка. Часть войск Окабая перешла к хагану. Пришедший в ярость Окабай, ослепив 1000 воинов, послал их к хагану и после тщательной подготовки, длившейся всю ночь, во главе войск пошел в наступление.

После продолжительного и кровавого боя в войсках хагана произошло замешательство, все разбежалось.

На утро в армии распространился слух об убийстве хагана. Спустя два часа вся его семья и гарем с торжественной церемонией сдались Окабаю.

Кожа с лица хагана украсила поводья Окабаева коня, а из его черепа приготовили застольную чашу и, наполнив вином, поднесли Окабаю.

Превращенные в чаши бесчисленные вражьи головы перебрасывались из рук в руки и наполнялись вином.

42

Собрание храбрейших полководцев избрало Окабая на царство. Было устроено торжественное пирушество.

Затем все вышли в поле.

После трехдневного праздника хаган занялся арми-

ей. Войско потеряло прежнюю мощь и силу. Уцелевших от битв и ран косили понос и лихорадка.

Как-то раз хаган призвал меня к себе.

— Гам, — начал он, — все твои предсказания сбылись. Ключи судеб в твоих руках. Вопросы будущее.

— Дорога на север светла, на юг мрачна.

Окабай не ответил. Некоторое время царил молчание.

— Север остается знакомым севером! — сказал он.

Из слов Окабая было видно, что он замышляет поход на юг. Царящая на севере нескончаемая зима заставляет голодать скот и воинов. Юг богат.

— Воины, не привыкшие к южному климату, мрут от лихорадки и поноса, в день мы хороним до ста человек. Если мы продвинемся дальше, от нас не останется и следа.

Я чувствовал, что Окабай верит мне, но, с другой стороны, жизненные интересы скотины и людей требовали продвижения на юг. И хаган это прекрасно понимал. Вот почему, не раздумывая, он сказал:

— До наступления холодов мы должны двинуться на юг!

На этом разговор окончился. Мы расстались. Я долгое время встречал хагана — я как будто упал в его глазах.

После соединения старого и нового гарема заботы главного евнуха увеличились.

Как-то вечером он зашел ко мне. При свете луны я лежал пред шатром.

— Что нового? — спросил я.

— Ничего, что может быть нового? Мир кроме горечи и разочарований ничего не сулит мне. Я только зритель, который смотрит и мечтает, но знает, что не достигнет желаемого.

Я не мог понять, что является причиной такого отчаяния и окинул его вопрошающим взором.

Мой взгляд словно еще больше разжег пожирающее его пламя.

— Представь себе человека, лишенного ног, — сказал он. — У него есть желание двинуться, и он не в со-

стоянии это сделать. Так и я... Думают, что евнухи не испытывают вожделения. Если б ты знал, какой огонь любви пожирает меня!.. Гам, не раскрывай моих уст, мои муки безмерны!

Главный евнух извивался, подобно змее, из глаз его струились слезы.

— Человек самое злое и вредное из всех живущих на земле тварей. Змея жалит и человек гибнет, а человек может подвергнуть человека таким мукам, что до конца жизни тот будет метаться, повергнутый в бездну страданий.

— Ага, — сказал я, — до сих пор я не слышал жалоб из твоих уст, видно, теперь есть на то причина.

Главный евнух вздрогнул.

— Гам! — промолвил он, — ты прав, это не без причины. Не вынуждай меня говорить, не возобновляй моих страданий.

— Нензлечимых ран нет! Ничто не скрыто от взоров гама. Я вижу ты любишь. Откройся.

— Что из моих откровений? Мои раны неизлечимы.

Главный евнух долго говорил, плакал, но не хотел открыть, кто причина его страданий.

Наконец, уступив моим настояниям, он заговорил о красавице, перешедшей вместе с гаремом прежнего хагана к Окабаю.

— Как-то после трапезы Окабай решил взглянуть на новый гарем. Более чем среди тысячи девушек одна приковала к себе его внимание. Окабай остановился и, словно в бреду, протянув руку, хотел взять девушку за подбородок. Девушка отпрянула. От ярости кровь ударила в лицо Окабаю. Но чувство, испытанное им при сопротивлении, превратило гнев в любовь.

Вечером он потребовал девушку к себе. Я приготовил воду для омовения и новые блестящие одежды. Девушка отклонила мои заботы. Я настаивал, но напрасно. Несмотря на повторные требования хагана, она не явилась.

Я думал, что вопрос разрешит секира палача, но ярость хагана неожиданно перешла в милость, вдобавок он прислал девушке букет цветов и массу золотых украшений.

Но девушка не приняла их.

Главный евнух умолк. Положив под язык немного «насу»¹, он принялся созерцать звездное небо.

Сплюнув через некоторое время «насу», он продолжал:

— За тридцать лет предо мной прошли тысячи девушек, но такой я не встречал. С тех пор ее лик преследует меня. Где б я ни был, куда бы не пошел он предо мной. И сейчас, любуясь луной, я вижу ее. Она прячется меж звезд и порой выглядывает оттуда и вновь прячется, словно играя мной. Словно смеясь надо мной. Почему? Не знаю...

Каждое утро, когда она с прислужницами отправляется к реке, я сопровождаю ее. С тысячей милых уловок, кокетливо она раздевается, плещется и выходит из воды... Сердце мое трепещет и замирает. Дыхание захватывает. И я пред этим властным чувством бессилён, как камень, на котором сижу.

Не заставляй же меня говорить, о гам! Мы самые жалкие из всех творений...

— Ага, и у несчастных есть право на жизнь! — прервал я его.

— А в действительности?

— Но выживают лишь сильные и этому виной мы сами.

— Что мы можем сделать?

— Мы можем восстать против насилия.

— Возможно, из твоего возмущения что-либо и выйдет. А из моего?

— Ты думаешь, что ничего не получится?

— Нет, потому что на небесах мое исцеление. Разве может изменить течение жизни возмущение лишенного естественного вида, кастрированного человека.

— Незачем на небесах искать разрешения вопроса. Подобно тому, как горести человека находятся на земле, и исцеление недалеко. Счастье человека в его собственных руках. Он будет жить так, как сам захочет. Но для этого все обездоленные и несчастные должны соединиться и быть готовыми к любым жертвам.

— Гам, слова твои справедливы. Порой такие мысли приходят в голову и мне. При виде чужих страданий я

забываю свои. Почему, когда одни пользуются в избытке всеми благами, другие лишены самого малого? — думаю я.

Интересуясь жизнью гарема, я, чтоб направить разговор на эту тему, спросил:

— А в гаремах много несчастных?

— О гам, гарем это скопище страданий. Как может не страдать девушка лишь раз или два раза в год брошенная на ложе любви? Подобно мне, до утра они изнывают от тоски и страданий. В гаремах сотни девушек не смыкают до утра глаз. Они мечутся в путях беды.

— Кто причина их бед?

Оглянувшись по сторонам, он замялся и, проглотив слова, не ответил.

— Это одно лицо, — ответил я сам себе, взглянув на евнуха.

Евнух в ответ кивнул головой.

— Кто виноват в гибели тысяч людей на войне?

— Хаган, — сказал евнух, загоревшись.

— Следовательно, иль счастье тысяч, иль хаган?

— Вопрос не только в нем. Не Окабай — будут другие.

— Надо отказаться от хаганов.

— И тогда?

— Тогда — сам народ, общий труд и общее счастье.

Мои слова открывали пред евнухом новые горизонты. Он все чаще и чаще встречался со мной и, познакомившись с моими мыслями, проникся новым духом.

Мы старались распространить свои взгляды среди женщин гарема, среди рабов. Эти вечно страдающие, подверженные мучениям, угнетенные властью мученики всецело присоединились к нам и спрашивали о путях выхода.

И среди войска, изнуренного болезнями, нам открылось широкое поле деятельности, мы всячески старались использовать это обстоятельство.

Мы пригласили к себе старого вонна, все сыновья которого погибли на войне. При помощи евнуха мне удалось подготовить этого человека. Познакомив его со всеми своими мыслями, мы послали его в войска. Мы вну-

¹ Известняковый порошок для щекотания под языком (авт.).

шали всем, что единственное спасение от бед и болезней — кровь хаганов и полководцев. Наши слова производили громадное впечатление на дикарей.

Почва для восстания была подготовлена. Чтоб не упустить момента, мы стали совещаться с главным евнухом.

— Убийство хагана я принимаю на себя! — начал главный евнух.

— Ты будешь действовать лично или через другое лицо?

— Через другое лицо!

— Я б хотел видеть этого человека.

Евнух задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Хочешь, он придет сюда завтра вечером?

— Лучше в полночь.

— Хорошо.

— Есть у тебя планы в отношении начальников?

— Есть!

— Какие?

— У старого воина есть свои люди. Они со своими сторонниками готовы к нападению. Надо лишь назначить время...

— Это нетрудно. Лишь бы нашелся человек, обеспечивающий победу во дворце. Остальное свершится само собою.

— За дворец не беспокойся.

Хоть решительный тон евнуха и успокоил меня, я поставил вопрос о необходимости выработки определенного плана действий.

— Чем он убьет хагана? — спросил я.

— Ятаганом!

— А если не удастся... наша тайна всплывет наружу, и мы погибнем.

В евнухе почувствовалось некоторое колебание. Он признал уместность моих опасений.

— В таком случае надо найти другое средство.

— А есть иные средства?

— Средств много. Но самое доступное — яд.

— Это прекрасная мысль! — одобрил я.

— Мы подмешаем яд в кумыс хагана, а если действие будет слабым — убьем.

Евнух согласился со мной.

В полночь главный евнух в сопровождении какого-то юноши вошел в мою палатку. Я лежал у огня.

Сперва мои сонные глаза ничего не разобрали.

— Да пребудет над тобой милость Мериха! — произнес главный евнух.

— И над тобой! — ответил я и, приподнявшись, приклонился к находящемуся в изголовье седлу.

Пришедшие устали. Гость оглядывал меня с большим интересом. Окинув его беглым взглядом, я узнал Эрдижду, переодетую в мужские одежды. Искры пробежали при встрече наших взглядов. Зардевшись, Эрдиджа опустила длинные ресницы.

— Ага, — обратился я к главному евнуху. — Этот юноша собирается выполнить наше поручение?

— Он! — ответил главный евнух, внимательно взглянув на меня.

— Хорошо! — сказал я в ответ на его многозначительный взгляд.

— Есть ли необходимость в беседе?

— Да, мы должны переговорить о деталях и назначить время.

— А если хаган проснется?

— Ну так что ж?

— У него привычка, порой просыпаясь по ночам, призывать меня к себе. Если меня не будет, он заподозрит что-нибудь. Прикажет обыскать все и тогда...

— Ты можешь отправляться.

— А юноша?

— Он задержится.

Главный евнух слегка смутился. Сперва он словно хотел возразить, но, не сказав ни слова, удалился.

Эрдиджа взглянула на меня и поблдедела, ноздри ее затрепетали. Раза два она кашлянула. Поняв ее волнение, я сказал:

— И ты, ты в гареме Окабая, Эрдиджа?

— Такова воля Мериха.

Ревность клокотала у меня в груди.

— Без сомнения, ты любимая фаворитка Окабая? — спросил я с упреком.

Эрдиджа не ответила. Она опустила голову и, вынув из пламени горящую головешку, стала вертеть в руках. Вдруг я заметил струящиеся по ее побледневшим щекам слезы.

Я привлек ее к себе. Хотел поцеловать. Она отстранилась.

— Я ранена, — сказала она, — не прикасайся ко мне.

Я с уважением отодвинулся от нее.

— Я знаю, благость Мериха над тобой! — сказал я.

— Многого ты не знаешь! Если б я предполагала, что из древнейшего рода хаганов одна я останусь на свете, я бы задохлась еще в колыбели.

— Жизнь не стоит размышлений! — утешал я ее.

— Наоборот! — возразила она. — Она стоит размышлений, и эти размышления привели меня сегодня сюда. Мою грудь, полную жажды мести, я хочу разбить о голову врага.

— Чувство мести пылает и во мне. Но мы должны отомстить, успокоив раньше бурлящую в нас кровь, иначе...

— Все обдуманно...

В это время вошел главный евнух. Увидя нас мирно беседующими, он заметно успокоился и сел.

— Назначили время? — спросил он.

— Время известно! — ответила Эрдиджа.

Главный евнух с любопытством:

— Через неделю?

— Да!

— Почему через неделю? — задал я вопрос.

— В гареме есть девушка, — объяснил главный евнух. — Хаган не может овладеть ею. И теперь со словами «или палач или ложе» дал ей неделю на размышления. Та девушка... невеста этого юноши.

— Прекрасно, — сказал я. — Но если ятаган не поможет...

— Раньше мы дадим ему яд, — ответил главный евнух.

Но Эрдиджа решительно отвергла эту мысль:

— Убийство при помощи яда — подлость. Надо покончить открыто — мечом!

— Но если Окабай окажется сильнее?

— Этого не будет! Чувство мести сильнее всего! — ответила Эрдиджа с уверенностью.

С первым криком петуха главный евнух известил меня, что Окабай убит. В ту же минуту в армию были посланы гонцы. Стало известно, что в войсках неспокойно.

Некоторые полководцы со своими сторонниками готовились к измене.

Я был охвачен тревогой: что, если какой-нибудь новый полководец захватит власть. Я свернул во дворец.

Труп Окабая плавал в крови. Я приказал бросить его в ров и засыпать. Баш Хатун, поднявшую вой, задушили и таким образом в гареме воцарилась тишина. В это время я вспомнил о Эрдидже. Я спросил главного евнуха, знаком он указал на свой шатер.

Я прошел к ней.

Ее губы и маленький нос были испачканы кровью. С рассыпанными по плечам и вымазанными кровью волосами она напоминала дикую львицу.

Увидя меня, она бросилась мне на шею. Словно огнем обожгло мою щеку. Мы отпрянули друг от друга.

— Ты доказала, что достойна занять трон отца! — сказал я.

— Не трона, а твоей любви хотела я быть достойной!

В ответ я со всей страстью прижал Эрдиджу к сердцу.

Разыгравшиеся события требовали чрезвычайных мер. Быстро покинул я шатер и собрал всех влиятельных во дворце лиц.

— Веление рока свершилось, — сказал я. — Окабай получил возмездие за свершенную измену. Отныне верность и преданность долг каждого.

Я выждал.

— Многие, подобно Окабаю, являются причиной смут в армии. Надо немедленно наказать преступников.

Все закричали «Ур»!

И с факелами в руках мы рассеялись по войску.

Ур! Ур! Ур!
Дочь властителей, Эрдиджа,

¹ Бей (пер.).

На трон восходит трон!
Пусть все скифы соберутся,
Призовите палача,
Мы изменников накажем.
Руки, ноги перевяжем,
Снимем головы с плеча!
Глашатаям честь,
Войнам весть! —

кричали мы, бегая по стану.
Мятеж был подавлен. Войска успокоились. Бунтари-
полководцы были схвачены и переданы.

До второго пения петухов я был занят делами и, лишь
покончив с ними, вернулся к Эрдидже.

48

Восшествие Эрдиджи на трон было отпраздновано
очень скромно. Народ устал. Двери гарема раскрылись
и сотни девушек вышли на свободу. Было объявлено, что
каждая девушка имеет право избрать себе супруга.

Следовало внести некоторые изменения и в армию.
Тотчас мы провели это в жизнь. Были расформирова-
ны некоторые отряды и полки. Все воинствующие и мя-
тежные лица были пойманы и уничтожены. Народу стали
внушать мысли о ненужности войн.

В одеждах гама я бродил среди войска. Каждый раз
после свершения обряда я рисовал картины мирной жиз-
ни, говорил о ее прелестях, о ужасах битв.

Раз ко мне явилась группа старейших воинов.

— Что предопределено нам?

Чтоб заслужить полное доверие к своим словам, я
совершил долгий обряд. Ударяя в бубен, я неистово кру-
жил, впал в экстаз и, очнувшись, заговорил.

— Да будут коровы и стада ваши в теле! Да резвы
будут кони, да не заплачут дети. Рок милостив к вам.
Счастье на вашей стороне. Пред вами видны земли, пол-
ные вод, лесов и тучных пастбищ. Осев там, вы заживете
покойно и счастливо с детьми, женами и стариками.

Посланцы обрадовались моим речам. Затем один из
них спросил, где расположены эти земли.

— В нескольких днях пути! — ответил я. — Мы дви-
жемся туда, когда укажет рок. Будьте готовы!

130

49

Эрдиджа не могла ясно представить путешествие на
юг. Во дворце на всякое путешествие смотрели, как на
поход. Так думала и она.

— Войско демобилизовано, — говорила она, — битв
нет, дух воинов пал, что можно ждать от подобного по-
хода.

— Самая главная цель — это жить без войн, — возра-
жал я. — Лишь мир и труд могут обеспечить покой,
отдых. И чтоб овладеть этими благами, надо осесть на
земле.

Эрдиджа внимательно слушала меня. Не поняв неко-
торые мысли, задумывалась, требовала разъяснений.

Очень часто понятия оседлой и кочевой жизни, стал-
киваясь, принимали для нее необъяснимую форму. Одна-
ко всякий раз Эрдиджа шла на уступки. Чувства, кото-
рые она питала в сердце, до того крепко привязывали
ее ко мне, что мои мысли, мои взгляды, мои желания
стали ее желаниями.

Вот почему, свободный в действиях, я старался пре-
творить свои мысли в жизнь и готовился к путешествию.

Раз, оседлав лошадь, я объехал все становище из
конца в конец. Везде я встречал почет и уважение.

Почувствовав свой авторитет среди скифов, я объявил
себя главным военачальником и тут же разослал гонцов
с вестью, что на завтра назначено переселение.

50

Мы остановились на расстоянии двух дней езды от
улуса «Ель». Это была местность у подошвы горы, окру-
женная лесами. Она изобиловала источниками и места-
ми, годными под пахоту.

Мы раскинули шатры, скот был выпущен на пастби-
ща. Чтоб поддержать порядок и дисциплину на каждые
сорок шатров был назначен старшина из уважаемых
стариков.

Был образован отряд в сорок человек, чтобы следить
за приведением распоряжений Совета в действие. Ко-
мандующим был назначен главный евнух.

131

Все оружие было отобрано и спрятано в тайном месте. Было объявлено, что до весны мы проживем здесь. Пятьдесят человек, не желающих сдать оружия, были схвачены и казнены.

Так, закончив с внешней организацией и водворив порядок, взяв уполномоченных из Совета старшин, мы вместе с Эрдиджей направились в улус «Ель».

Население улуса встретило нас с большими почестями. Всех обрадовало мое благополучное возвращение.

На второй день я делал доклад на заседании Чрезвычайной Комиссии.

Подробно описал проделанную работу и со словами: «Я заставил осесть огромную смертоносную армию скифов и тем самым, с одной стороны, громадное племя привлечь к полезной созидательной жизни, а с другой — избавил общины от войн и катастроф!» — закончил свой доклад.

Встав со своих мест, члены Комиссии обнимали меня.

Затем по моему предложению скифский вопрос был всесторонне обсужден. Было высказано много предложений для приучения их к оседлости. Было решено разбить скифов на общины и для поддержки в них порядка — организовать отряды из людей, приветствующих оседлость. Особо был рассмотрен вопрос об огромном значении воспитательной работы среди скифской молодежи.

Понимая, что были причины, вынуждающие скифов воевать, я начал:

— Каждую минуту можно ждать с севера наплыва новых сил на юг. Чтоб преградить путь этому движению, надо чтоб каждый гражданин Общины был готов к войне. Скифы храбры и воинственны, следует научиться у них военным приемам и перенять их оружие. Для заготовки оружия надо под руководством мастеров-скифов готовить вооружение.

И эти мои предложения были приняты.

Эрдиджа осталась крайне довольна организацией улуса «Ель» и жизнью ее обитателей.

— У вас каждый живет для общества и видит свое счастье в общем благополучии. Из-за отсутствия част-

ной собственности нет роскоши и излишеств. Но лучше всего то, что вы являетесь противниками войн... Если б знал ты, Чопо, как мне опротивели битвы. Душа моя полна трупным смрадом.

— В войнах нет необходимости, — ответил я. — Для труженика хлеб всегда есть. Каждый имеет право на жизнь. И лишь мир может дать настоящую и счастливую жизнь.

Слово «мир» всегда вызывало улыбку Эрдиджи.

— Понятие «мир» несовместимо с мировоззрением скифов; мы нападаем, разоряем, побеждаем. Война — наша стихия.

— Эрдиджа! — сказал я. — Человек, испытавший однажды покойную трудовую жизнь, никогда не пожелает войны.

— Значит, одним из факторов, мешающим нам жаждать мира, является кочевой образ жизни?

— Ясно! Чтоб испытать чувство мира и покоя, надо осесть.

— И тогда?

— Что ж тогда? Разве цель жизни не жить разумно, счастливо и покойно?

— Да, да, Чопо. Слова твои счищают ржавые налеты с моих мозгов.

Дверь отворилась, вошел Джейннис, я обрадовался его приходу. Мы еще не виделись наедине.

— Чопо, я вижу тебя озабоченным, — сказал он. — Верно мысли о Нуше терзают тебя.

— Нет! — Печаль о Нуше прошла. Сейчас мое сердце заполнено другим божеством.

— Я понимаю... Эрдиджа.

Я улыбнулся. И, не говоря ни слова, взглянул на Джейнниса.

— Великолепно, — сказал он, отвечая на мой многозначительный взгляд. — Ты сможешь пользоваться влиянием среди всех скифов. Это для нас очень важно. Если на нас нападут с севера, мы сделаем скифов нашим щитом.

— Я об этом думал. Если будут даны чрезвычайные

полномочия, я в ближайшее время разделю их на общины и поселю на северных границах.

— Превосходная идея. Но надо военачальниками назначить своих людей.

— Безусловно. Каков Бугатай? Сумел он проявить активность?

— О да! Он организовал сильную армию. Все от мала до велика готовы с оружием в руках отразить нападения врага.

— После того, как гости осмотрят общину, надо объявить мобилизацию и произвести смотр войскам. Мы должны продемонстрировать пред Эрдиждей и старейшинами наши силы. Это произведет на скифов огромное впечатление.

— Это мы сделаем.

— Связь с Овном крепка?

— Крепка. Опасность со стороны скифов объединила все общины. Так как все начинания исходили из Общины «Ель», наш улус стал чем-то вроде штаба для окружающих Общин. Все юноши, посещая наш улус, считают своим долгом ознакомиться с нашим правлением и хозяйством.

— Значит, новое течение охватило все Общины?

— Да. После тебя в наш улус переселилось много молодежи. Среди них был выдающийся юноша из Общины Коршуна. Он талантливый скульптор. По распоряжению правления он избавлен от всех хозяйственных работ и всецело занят своим искусством. Он украсит улицы и сады статуями.

— Дайте ему учеников, пусть он обучит их. Это нужное искусство.

— Я скажу Совету, чтоб это сделали.

Просидев с два хора¹, Джейнис поднялся. Уходя, он сказал как бы невзначай:

— Нуша родила девочку, ты слышал?

— Нет, — ответил я удивленно. — Когда?

— С месяц.

— Как ее имя?

— Ници.

Неизведанное чувство отцовства охватило мое существо.

53

Мы хотели после всестороннего ознакомления с нашим улусом показать гостям и остальные общины.

Первым делом решено было посетить Общину Овна. Я сообщил об этом Эрдижде.

— Улус до того нравится мне, — сказала она, — что мне не хочется никуда.

Я стал описывать Общину Овна. Говорил о Девичьем роднике и стихах поэта Мильнира. В Эрдижде проснулся огромный интерес.

— О если б мы с тобой впервые встретились на Девичьем роднике! — проговорила она с сожалением. Мы родились в крови, лучшую пору жизни провели средь битв.

Когда она вскочила на лошадь, лицо ее выражало необычное оживление. Мы двинулись; при подъеме на каждую вершину:

— Где Община Овна? — спрашивала она с любопытством. — Не видно ее?

— Нет, мы должны перевалить через две горы. Она умолкла в неопишемом волнении.

Но вот вдали показались белые строения Общины. Эрдиджа, натянув поводья, вытянулась на стременах и с огромным любопытством принялась разглядывать местность.

— С какой стороны находится Девичий родник? — несколько раз спрашивала она.

— Справа, у подошвы горы.

— Увидим мы его?

— Нет, он скрыт лесами.

Община Овна была заранее извещена о нашем прибытии. Все население во главе с Шиброй Хатун вышло нам навстречу. Каждому было любопытно взглянуть на совершенно не похожих на нас ни внешне, ни нравом скифов. Всеобщее любопытство главным образом вызывала Эрдиджа.

¹ Жители «Еля» для определения времени на открытой площадке начерчивали круг и в центре устанавливали вертикальный столб. Круг делился на 16 частей, каждая часть носила название хора (авт.).

Она сидела на лошади с таким величавым достоинством и гордостью, что это еще сильнее подчеркивало ее и без того ослепительную красоту.

И в самой Эрдидже был замечен неменьший интерес к окружающим. Когда она разглядывала Шибру Хатун, ее блестящие раскосые глаза будто вылезали из орбит.

Наклонившись ко мне, она спросила, кто такая Шибра Хатун. Я разъяснил, на лице ее отразилось изумление.

В это время подошел Мильнир и, прижав кобзу к груди, заиграл мотив «Добро пожаловать». Я указал Эрдидже на Мильнира.

— И он гам? — спросила она.

— Он не гам, он поэт.

Эрдиджа не могла понять что значит поэт. Я с трудом растолковал ей.

По приказу Шибры Хатун были выполнены некоторые обряды. Обряды понравились гостям.

После исполнения обрядов, мы сошли с лошадей. До дома, отведенного гостям, мы шли пешком. Население следовало за нами.

Целую неделю мы гостили в Общине Овна. Прежде чем отправиться в Общину Петуха, Эрдиджа пожелала взглянуть на Девичий родник.

Так как стояли холодные зимние дни, по предложению Шибры Хатун на Девичьем роднике были устроены торжества.

Кажущийся мне теперь сном обычай выбора «начара» вновь ожил пред моим взором.

До вечера оставалось около трех хоров. Мы двинулись. Все население общины было в сборе. Девушки начали пляску.

Стоя впереди, мы любовались танцами.

Снова Мильнир с кобзой в руках вступил на арену и запел своим красивым голосом:

Мильнир:

Живут девицы в горах

Девушки:

И в сердцах, и в сердцах!

Мильнир:

Аромат весны их дар.

Девушки:

О начар, о начар!

Мильнир:

Имя друга на устах

Девушки:

И в сердцах, и в сердцах!

Мильнир:

Есть у девиц сладкий нар!

Девушки:

О начар, о начар!

Народ:

Их сердцам знакомы слезы,
Но сменяют слезы грезы.

В это время стоящая рядом со мной Эрдиджа с громким стоном распростерлась на земле.

Горячая кровь, хлынув из раны, окрасила белый снег.

И в то же мгновение в притихшей, ошеломленной толпе раздались крики:

— Нуша! Нуша!

Поднялась суматоха. Бледное лицо Нуши бросилось мне в глаза в окружившей ее толпе.

Как дитя, изнемогающее от жажды, прильнула устами и с жадностью обсосала окровавленный нож и прежде чем сотни рук успели дотянуться до нее и остановить, возникла нож в свое сердце.

Прошло три года с тех пор, как, разделив скифов на общины, я разместил их на землях к северу от Общины.

Сам я живу в Общине, носящей имя Эрдиджи (и курган Эрдиджи здесь). Мы живем вместе с главным евнухом.

Наши судьбы походят одна на другую. Мы оба одиноки. Для меня, как и для него, личная жизнь кончилась. Наши сердца, соединившись воспоминаниями о не живущем больше меж нами существе, создают незримое и нежное единение.

¹ Плод граната.

Находящие отзвуки в прошлом наше настоящее и будущее невидимыми нитями крепко связывают меня и внуха.

Больше не будет для нас любви женщин. В этом мы поклялись и наше слово непоколебимо.

Все население Общины ранним утром выходит на работу. Кто следит за стадом, кто работает в садах, кто на нивах. Постоянных обязанностей нет, работа меняется.

Вчера вместе с главным внухом мы работали в поле, сегодня выйдем на луг.

Пася стадо, мы усаживаемся на зеленом холме и отсюда любимы новенькими строениями нашей Общины.

— Чопо, — говорит мне главный внух с гордостью и надеждой: — Раньше и я подобно многим был противником общинной жизни. Кочевки, битвы, приключения, блеск и пышность дворцов влекли меня. И только труд подарил мне первую радость. Теперь я окончательно излечившийся от бывшего недуга человек, и нет границ моей радости.

Ну, а я являюсь главным виновником этой радости, и поэтому имею право считать себя счастливым.

Вспомнив этот разговор, задал я себе вопрос: «Что такое счастье?»

Счастье это умение отрешиться от личного, личных склонностей, личных желаний, служить общему благу.

Мы это свершили.

И каждый член Общины следует по этому пути.

...

Ахмед закрыл книгу. Однако мысли его были во власти прочитанного. Чопо, Нуша, Джейнис, поэт Мильнир, хаган и Эрдиджа со всей своей жизнью, полной приключений, окружив, наступали на него.

Вообразив себя гражданином «Еля», Ахмед покинул дворец тюркской культуры, но не успел он по широкому тротуару подняться до середины Коммунистической улицы, как услышал звонок быстро мчащегося трамвая; яркий свет автомобиля ударил в глаза.

Шум современного города, звуки радио, свет электрический, гул толпы разбудили его. Гудящая, звенящая действительность во всей мощи встала перед ним. И Девиный родник пронесся и угас, как мелькнувшая на экране кинолента.

В КРОВИ

Роман

«Ибрагим-хан... пригласил к себе своего приближенного, приятного собеседника, главного визиря, надежнейшего столпа государства, казаха Моллу Панаха Вагифа.

Вагиф был воплощением мудрости, учения, благовоспитанности. Если серна — дочь прекрасных китайских степей — вздумает сравниться с маралом, возвращенным на ниве его высокого вдохновения, она испытает одно лишь разочарование. Даже рубик красноречия побледнеет перед излучающими свет бейтами и редкостными жемчужинами, собранными в сокровищнице его души...»

МИРЗА АДигЕЗАЛ

«Псевдоним Вагиф принадлежит покойному ахунду Молле Панаху, который был мудрым визирем, широко известным в Иране и Турции. Его любовные стихи, написанные на тюркском языке, и поныне передаются из уст в уста».

МИРЗА ДЖАМАЛ

«Не всякий грамотей — Молла Панах»
(Пословица)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Светало. Небо от самой вершины Багрыган освещено было туманной зарей. Стоял легкий морозец, но утренний весенний ветерок, пробуждавший от сна деревья, смягчал его, делал даже приятным.

Было тихо, лишь горланили петухи, да не знающие покоя служители базарной охраны нарушали утреннюю тишину своими хриплыми, наводящими тоску голосами.

Заскрипели, отворяясь, тяжелые дворцовые ворота, замелькали темные фигуры, послышались негромкие голоса. Прошло еще немного времени, и из ворот выбежали какие-то люди, за ними появились всадники. Чинно выступали стремянные, ведя на поводу коней, за ними шли многочисленные нукеры¹. Кавалькада свернула направо — к крепостным воротам. Несколько нукеров бросились вперед — предупредить стражу, ту, что у ворот. И сразу заскрежетали замки, тяжелые задвижки медленно вышли из пазов, ворота распахнулись, и красноватые лучи рассветного солнца хлынули под темную арку. Скрестив на груди руки, стражники стояли по обе стороны от ворот, ожидая приближения всадников. Лезгини и кумыки были укрыты бурками, стражники с отвислыми, принятыми в роду Джаванширов усами, одеты в меховые безрукавки. Матово поблескивали серебряные рукоятки мечей и кинжалов, ружейные курки...

¹ Нукер — слуга.

Всадники приближались. В глубоком поклоне, не смея поднять глаз от земли, замерли стражники. Впереди всех восседала на коне дородная женщина в белой чадре. Это была одна из жен Ибрагим-хана, Шахниса-ханум. Утренний луч скользнул по ее лицу, ханша поморщилась, прищурила глаза.

— Ну, как, молодцы, все ли благополучно? Довольны ли вы? — спросила она, придерживая коня.

— Спасибо, ханум! Спасибо!.. Да благославит вас аллах! — слышались разноголосые выкрики.

Кавалькада была уже далеко, а стражники, согнувшись в глубоком поклоне, все еще выкрикивали слова благодарности.

На небе не осталось уже ни облачка, восточный край багровел, как спелый, только что разрезанный арбуз...

— Ну что, озорница, — с ласковой укоризной спросила Шахниса-ханум, повернувшись к ехавшей слева от нее дочери. — Уморилась? Вон, даже с лица спала!.. Говорила тебе вчера: поменьше прыгай!.. Не очень ты меня слушаешь!

— Ой, мама, ведь это ж единственная ночь в году! — Кичикбегим надула вишневые губки, капризно сдвинула брови. — Когда ж еще повеселиться, позабавиться? — Девушка вдруг улыбнулась и вся так и засветилась радостью, вспомнила, видно, как славно прошла нынешняя ночь; взглянула на мать и громко рассмеялась. Смех разбудил ехавшего позади ее старого дядьку — старик дремал, покачиваясь в седле, — лицо его оживилось, морщины собрались в улыбку.

— Эх, ханум, да перейдут ко мне твои беды, — пусть веселится, пусть прыгает, пока прыгается! Такая ее пора — молодость!..

И он мечтательно умолк, словно какие-то старые, волнующие воспоминания не дали ему закончить... Шахниса-ханум обернулась, понимающая усмешка скользнула по ее губам.

— Что притих, дед? Или молодость вспомнилась? Зря грустишь. Видела я вчера, как ты отплясывал!.. Ты у нас молодец, еще поддержишься!..

— Что ты, ханум, да сохранит тебя аллах! Какой уж тут молодец?! Поглядела б ты на меня в прежнее время, когда еще покойный Панах-хан — да будет земля ему пухом — жив был!.. На коне бы меня увидела — ястреб да и только!

Старик вздохнул, выпрямился в седле и плетью указал на гору.

— Ханум, да сохранит тебя аллах, вон ту гору видишь, по правую руку? Двадцать лет тому делу... Войска Фатали-хана как хлынули с нее по склону — до самой крепости ущелье заполнили... Наверх уже карабкаться было стали... Да покойник Панах-хан — пусть земля ему будет пухом — как даст из всех пушек — небо в дрожь бросило!.. Открыли гянджинские ворота, и мы оттуда!.. Как ветер неслись, как поток горный... Смелб Фатали-хана, словно и не было его тут никогда...

Маленькие глаза оживленно сверкали из-под седых бровей. Держа в поднятой руке плетку, старик хотел еще что-то сказать, но Шахниса-ханум перебила его:

— Ну, потом-то все равно он верх взял! — с улыбкой заметила она. — И Ибрагим-хана увел!..

Старый слуга резко взмахнул плеткой и гневно схватился за рукоятку кинжала.

— Так ведь, ханум! — быстро заговорил он, запинаясь от негодования: — Он же гонца прислал — мира просил. Речи сладкие рстачал... Дочь свою за Ибрагим-хана сулил отдать... На равнине Ходжалъ перемирие заключили... Овец резали, котлы повесили... Кто бы мог подумать, что предатель от своих слов отопрется, пленниками нас в Иран увезет!..

— Ну, распалился!.. — усмехнулась Кичикбегим. — Хватит тебе, дед! Что пользы после драки кулаками махать?..

Старик хотел было возразить что-то, но приступ кашля не дал ему говорить.

Зная, почему старик зашелся в кашле, Шахниса-ханум разрешила ему закурить.

— Стыдно мне, ханум, да сохранит тебя аллах, непочтение это будет...

— Ничего, ничего, дядька, кури! — за мать ответила Кичикбегим. — Набивай свой чубук!

Несколько раз испросив прощения за вольность, старик достал кисет и набил табаком свою люльку, украшенную серебряной цепочкой. Высек огонь, раскурил ее. Чтобы не причинять беспокойства ханской семье, он придерживал коня и теперь ехал шагах в пятидесяти от остальных.

Заря разгоралась все ярче, но солнце еще не поднялось из-за Багрыгана. Приятный ветерок обвеивал лица,

наполняя грудь отрадной свежестью. Дорога все круче спускалась вниз, змеей извиваясь по скалам. Кони шли сторожко, то и дело оступаясь на осыпи щебня и песка. Стремянные крепко держали их под уздцы, сердито покрикивали. Рабыни спешились и шли рядом, держась возле коня госпожи. Кичикбегим тоже отдала коня нукеру; она оказалась впереди всех; следом за ней, скользя по камням, спускался к реке и Мамед-бек, светлоглазый, русский мальчик лет тринадцати, высокий и широкогрудый. Это был племянник Ибрагим-хана, сын его брата Мехралы-бека. Когда Фатали-хан увез Ибрагим-хана в Иран, отец его, Панах-хан, собрал войско и бросился в погоню за Фатали-ханом; иранский наместник Керим-хан Зенд пришел ему на помощь; вместе они одолели Фатали-хана и вызволили Ибрагим-хана из плена. Тогда же Керим-хан Зенд прислал свой ферман¹, в котором указывал, что повелителем Карабаха назначается Мехралы-бек; Панах-хан был увезен в Шираз в качестве «опытного советчика».

Вернувшись в Карабах, Ибрагим-хан немедленно начал борьбу за власть. Тесть его, аварский хан, помог ему отнять у брата престол, а самого его изгнать из Шуши. Мехралы-бек обосновался у кубинского хана, однако сына своего, Мамед-бека, оставил воспитываться в отцовском дворце. Это был очень резвый, живой, смелый мальчик. Кичикбегим была на несколько лет старше него, но они дружили — в смелости и молодечестве девушка ему не уступала.

По матери Кичикбегим приходилась внучкой шахсеванскому Бедир-хану, и кровь деда давала себя знать. Скачки, стрельба, рубка были любимыми развлечениями ханской дочери. Добрую половину дня она верхом на коне прогуливалась по окрестностям, а бедная Шахниса-ханум и старый дядька вынуждены были повсюду поспевать за ней. Сегодняшняя поездка была очередным капризом Кичикбегим. По случаю новруз-байрама ханская дочь надумала прыгать через текучую воду.

Все слышнее становился шум воды. Наконец меж поросших кустарником скал показалась река. Вода неслась, оплетая валуны тугими струями, ее пока еще было немного. В конце весны, когда начинал таять снег и ливни не прекращались неделями, неглубокая эта

речка превращалась в безжалостного дракона; чудище хватало обломки скал, с корнем вырывало деревья и влекло в пучину, играя могучими стволками, как лихой наездник поигрывает своим ружьем... Сейчас обессиленная холодами река присмирела, в монотонном шуме ее не чувствовалось ни злобы, ни задора...

Всадники еще не добрались до последнего поворота, а Кичикбегим и Мамед были уже у самой реки. Миновали небольшую — пять-шесть домиков — армянскую деревушку и подошли к каменному мосту. На противоположном берегу, с правой стороны от них, вздымалась голая скала, вершина ее ярко желтела, окрашенная шафраном солнца. Влево от нее вырисовывались тонкие очертания леса, а за ним, вдалеке, величественно возвышалась увенчанная снеговой чалмой гора Кирсадаг.

У моста все спешились и неторопливо, осторожно направились к Готурсу. Расколов скалу, поток с четырехметровой высоты обрушился на пеструю гальку и, извиваясь, бежал меж камней, похожий на серебряную цепочку. Кичикбегим подошла к воде. «Высыпайтесь, мои горести и беды!» — воскликнула она и несколько раз перепрыгнула через поток: туда—сюда, туда—сюда... Потом обернулась к Мамед-беку, он стоял у поросшей водорослями скалы.

— Ну чего ж ты, хабрец?! — запыхавшись, выкрикнула она и потянула мальчика за рукав. Мамед-бек указал ей на Шахнису-ханум, которая, с трудом переводея дух, поднималась на мост: полагалось, чтоб сначала проделали обряд старшие. Шахниса-ханум, поддерживаемая под руки рабынями и служанками, подошла ближе и опустилась на невысокую ограду тутового сада.

— Мучительница ты моя! — жалобно протанула она, — в такие годы по горам мне таскаться!.. Чуть не задохнулась!..

— Ой, мама! Да неужели лучше дома сидеть — жир накапливать?! Как можно от людей отставать?! Ведь здесь немного погода весь город будет!

Шахниса с нескрываемой гордостью смотрела на радостно оживленное смуглое лицо дочери.

— Да уж будет тебе на счастье! — она усмехнулась и, обернувшись к нукерам, приказала: — А ну-ка, молодцы, разложите быстренько огонь, кофе пить будем!

Нукеры, перемахнув через ограду, принялись разводить костер, рабыни стали доставать ковры и скатерти.

¹ Ферман — указ.

Отдышавшись, придя в себя, Шахниса-ханум умылась в роднике, потом с помощью дочери несколько раз перепрыгнула через ручей: «Высыпьте, горести мои и беды!» Кичикбегим, ухватив Мамеда за рукав, со смехом потащила его к воде — прыгать. Мальчик упирался. Они прыгали, хохотали, толкали друг друга. Кончилось тем, что девушка уронила с ноги бархатный башмачок. Мамед-бек выхватил его из воды и поднял высоко над головой.

— Эх ты! А еще с парнем хочешь равняться!.. Не выйдет у тебя ничего!..

Кичикбегим отобрала башмак и, обиженно хныча, присела на ограду — обуться.

Под тутовым деревом расстелили тонкие кашанские коврики, бархатные тюрбаны, положили шелковые подушки и мутки. Скрестив на груди руки, рабыни покорно ожидали, когда господина натешатся. Шахниса-ханум сидела у воды, а няня Кичикбегим, много лет назад привезенная в Шушу из деревни да так навсегда и оставшаяся во дворце, присев перед госпожой на корточках, связала ей ниткой большие пальцы рук.

— Во имя святого Сулеймана, по велению Мерджан — колдуньи, от злого человека, от свирелого зверя, от джина, от шайтана, от текущей воды, от стоячей скалы, от развилки семи дорог... чтоб ни в какие пути не попала — я их все разрезаю!

Быстро-быстро пробормотав эти слова, она ножницами перерезала нитку. Трижды связав госпоже пальцы, няня каждый раз произносила заклинание и перерезала нитку. Наконец, взяв в одну руку обрывки, она подняла их над головой госпожи; в другую руку взяла латунную чашу с начертанными на ней молитвами, зачерпнула ею немного воды и смыла со своей руки обрывки ниток. Сделано это было для того, чтоб вода, стекая с головы Шахнисы-ханум, унесла бы и все ее горести. Потом няня проделала то же самое с Кичикбегим, пожелала ей счастья, прижала к губам нежные, мытые молоком тонкие руки девушки и, прослезившись от умиления, стала целовать их.

Луч солнца окрасил шафраном всю скалу, но, опускаясь ниже, к ее основанию, становился все бледнее и бледнее. На берегах реки, у арыков, прорытых от реки к мельницам, везде было полно народу. Нарядные, пестро одетые девушки и молодки пришли сюда, чтобы по ста-

ринному обычаю, перепрыгивая через текучую воду, сбросить в нее свои горести и заботы. Эхо разносило по ущелью смех и оживленные голоса...

2

Лучи солнца, падающие сквозь разноцветные стекла окна, придавали особую яркость краскам. Узоры расстеленных на полу ковров переливались, горели, и казалось, что они парят в воздухе, нанизанные на золотые солнечные нити.

У стены сидел мужчина в высокой папахе; на нем была чуха¹ с газырями, зеленые шаровары и кашемировый кушак. В окно ему видна была белеющая вдаль снежная громада Мровдага, и, когда он, забывшись, отдавался созерцанию чудесного пейзажа, морщины у рта смягчались, делались менее резкими... Потом тяжелые думы снова овладевали им, и глубокие морщины резко прорезали щеки. Это был Молла Панах Вагиф, визирь и главный советник Карабахского хана. Он взял украшенную эмалью вазочку, понюхал стоявшие в ней фиалки и подснежники и задумчиво поставил на подоконник.

Отворилась дверь, завешанная расшитой гардиной, и вошел сын Вагифа Касум-ага. Совсем еще юный, полумальчик, он подошел к отцу, неслышно ступая по коврам, — на ногах у него были лишь узорчатые джоробы — и, опустившись на колени, поцеловал отца руку.

— С праздником тебя! — приветливо сказал юноша и заглянул Вагифу в глаза.

— И тебя также, сынок! — ласково ответил Вагиф. — Дай тебе бог увидеть еще много-много таких праздников.

В комнате снова воцарилась тишина, ни отец, ни сын не произносили ни слова. Вагиф снова обратил взор к Мровдагу, в задумчивости постукивая пальцами по подоконнику; в ярких солнечных лучах сверкал агатовый перстень. Безвременно почившая жена — мать его Касума — вспомнилась сейчас Вагифу; морщины снова очертили щеки, и тихая слеза скатилась на бороду. Видимо, не за-

¹ Чуха — верхняя длинная мужская одежда.

мечая ее, Вагиф по-прежнему задумчиво глядел в окно. И лишь когда обернулся к сыну и увидел, как мгновенно подернулось печалью веселое юное лицо, он словно очнулся, достал из-под тюфяка большой платок и вытер слезы.

— Иди, сынок! Иди, гуляй, — сегодня праздник!

Юноша не успел еще дойти до двери, как гардина приподнялась, и в комнату вошла полная, среднего роста женщина. Черные локоны, выбиваясь из-под платка, змейками вились у нежного, полного подбородка. Под тонкой шелковой рубашкой выпукло обрисовывались груди. Пуговицы шитой золотом кофточкой слегка подрагивали, выдавая душевное смятение вошедшей... Глаза Вагифа — много повидавшие глаза — ярко блеснули, едва женщина переступила порог; его любовь, временами затухавшая в лабиринте сомнений и душевных мук, вспыхнула с новой силой.

— С праздником тебя, Кызханум! — с затаенной страстью произнес он, жадным взором окидывая молодую жену.

Лицо Кызханум, только что оживленное, праздничное, мигом померкло — видно было, что ей мучительно столь явное внимание мужа. Чуть заметная гримаса отвращения тронула нежные губы, и Вагиф мгновенно уловил ее — он до тонкости знал это прекрасное лицо. Ну вот — испортил жене праздник! Огорченный Вагиф сделал неловкое движение, нелепо взмахнул рукой, опрокинул стоявшую на подоконнике вазочку. Она разбилась. Кызханум с огорчением глянула на осколки. «Так и сердце человеческое, — мелькнуло у нее в голове, — такое же хрупкое, его так же легко разбить, и уже никогда не склеишь!»

Вошел слуга.

— Ага! Мирза Алимамед изволили пожаловаты!

— О! Проси, проси!

В комнате была другая, внутренняя дверь. Так и не присевшая возле мужа Кызханум мгновенно исчезла за ней. Слуга распахнул дверь на веранду.

— Прошу, ага! — и прижался к стене, пропуская гостя в комнату.

Вошел Мирза Алимамед, высокий черноглазый челонок. Он был немолод, в смоляной бороде его кое-где уже проступала седина. Быстрый, подвижный, он легко

склонился в поклоне и со скрещенными на груди руками стремительно приблизился к Вагифу, не успевшему еще подняться ему навстречу.

— Не заставляй меня краснеть! — сказал Алимамед, становясь на колени возле Вагифа, и, взяв его руку в свои ладони, крепко-крепко пожал. — С праздником! Да позволит нам аллах побольше встретить таких праздников в добром здравии и благополучии!

— С праздником, Алимамед! Но только почему ты решил краснеть? Суть ведь не в чинах и званиях: ты сенд, а почитать потомков пророка — долг каждого правоверного мусульманина... Но что же ты здесь расположился. Вставай! Пойдем в столовую. Побалуем малость свою утробу!

Они встали и, пройдя в соседнюю комнату, расположились на тюфячках у праздничной скатерти. На покрытых лазурью фаянсовых тарелках разложены были фрукты, конфеты, пахлава, сдобное печенье, отливала померанцем мазандаранский прозрачный сахар...

На скатерти в нескольких посудинах зеленела свежая травка; в широких фаянсовых чашах стоял шербет.

— Преклоняюсь, сенд, перед твоей святостью! — с доброй усмешкой произнес Вагиф, протягивая руку за конфетой, — а потому прошу: сушеные плоды — пища деревни!

Мирза Алимамед взял украшенное гвоздикой печенье, разломил, сунул в рот половинку...

— Таким деревнишем, как ты, любой рад стать!

— Эх, милый, и у деревнишей случаются беды: видишь, в утро новруза разбил вазочку. Разве не зловещая примета? — Вагиф пытался шутить, но улыбка как-то сама собой исчезла с его лица.

— Во-первых, дорогой мой поэт, в народе считается, что бить посуду к добру! А во-вторых, новруз пока не наступил, до Нового года еще целый час! Так что твоя разбитая ваза относится к прошедшему году!

— Дай бог! Дай бог... — Вагиф грустно улыбнулся. — Честно говоря, тревожно на сердце стало... Это, как в пословице говорится: «Муха хоть и не погана, а проглотить — мутит...»

Вошел нукер, тот самый, что докладывал недавно о приходе Мирзы Алимамеда. На латунном, украшенном тонкой резьбой подносе, который он держал в руках,

стояли две чашки кофе. Слуга сообщил, что изволил прибыть еще один гость — Ханмамед-ага.

— Прости! — чуть заметная усмешка мелькнула на губах Вагифа. Мирза Алимамед недовольно взглянул на дверь, появление нового гостя, доводившегося ему родным братом, явно беспокоило его.

Вошел Ханмамед-ага, произнес праздничные поздравления, сел, забросил за плечи рукава зеленой чухи, шмыгнул крупным, покрытым волосинками носом и, не дожидаясь, пока станут потчевать, принялся за халву. Набил ее за щеки и стал рассказывать городские новости.

— Хан проехался сегодня по махалле¹ Куртлар... Вернулся с Хазнагая, уехал на новую башню...

— Так все же вернулся или уехал? — со смехом перебил его Вагиф.

— Вернулся! — выпалил Ханмамед, и изо рта у него посыпались крошки халвы. — Вернулся! И комендант Агасы-бек при нем! А когда проезжал мимо дома купца Гаджи Керима, заметил во дворе его дочку. Очень уж, говорят, она ему приглянулась!.. Девчонка-то и в самом деле недурна: годочков этак пятнадцать-шестнадцать...

— Ну что ж, значит, опять попируем на свадьбе! — весело отозвался Вагиф.

— А что ж не попить, живы будем, попируем!

Мирза Алимамед, не поднимая глаз, с раздражением слушал болтовню брата. А Вагиф от души веселился, откровенно подсмеивался над гостем.

— Ну хорошо, Ханмамед, хорошо, братец! Расскажи-ка нам, какие вести от друга твоего Сафара?

Сафар был гачагом, одним из самых известных в Карабахе. Родом он был из деревни Зарыслы, в горы ушел после того, как убил старшину. В прошлом году, возвращаясь после сбора податей, Ханмамед повстречался с Сафаром. Гачаги привязали его и его нукеров к деревьям, забрали нагруженные на ослов выюки и ускакали. Через несколько дней Ханмамед случайно нашел в лесу изнемогающих от голода и жажды и полуживого привезли в Шушу.

— Вот вы смеетесь, говорите, трус. А недавно они

опять караван ограбили, из Ардебилля в Тифлис шел... Страшные это люди, как вспомню, трясет всего!..

— А какой он на вид, этот Сафар? — спросил Вагиф, становясь серьезным.

— Да еще совсем молодой! Лет двадцати двух, не больше. Но такой могучий, грозный!.. Рывкнет на тебя, сразу язык заплетается!..

— Ну что ж, видно, так оно и есть. Как говорится, устами младенца глаголет истина! — Вагиф с усмешкой оглядел Ханмамеду и перевел взгляд на другого гостя. Мирза Алимамед и сам с трудом сдерживал улыбку, но видно было, что он хотел бы прекратить этот разговор, и спросил:

— Ахунд, нам не пора ли отправляться к хану?

Вагиф достал из внутреннего кармана часы на черном шнурке, украшенные эмалью, и сразу же крикнул слугу.

— Что прикажешь, ага?

— Скажи стремянным: пусть седлают коней!

— Будет исполнено!

Через несколько минут слуга доложил, что кони готовы.

Вагиф натянул рукава чухи, застегнул их, вышел вместе с гостями. Обувь рядом стояла на веранде. Все трое обулись и по каменной лестнице спустились во двор. Под большим тутовым деревом стояли два коня в серебряной сбруе, под красивыми дорожными седлами.

Нукеры подвели коней: сначала гостю—Мирзе Алимамеду, потом Вагифу. У Ханмамеду коня не было, он ушел пешком.

Вагифа и Мирзу Алимамеду сопровождали два нукера и два стремянных.

Когда Вагиф и Алимамед вошли в просторный зал дворца, он был уже полон: прибыла вся городская знать — вельможи, беки, богатые купцы. В удаленной от входа почетной части зала, на убранном дорожными коврами троне, перед окном из цветных витражей сидел повелитель Карабаха Ибрагим Халил-хан. Возле него толпились разряженные по случаю праздника гости. Среди прочих присутствовали тесть хана Малик Шахназар,

¹ Махалла — квартал, округ, район.

комендант Шуши Агасы-бек, армянский священник Охан, городской судья—казий, с белой чалмой на голове, и несколько сеидов с зелеными чалмами на головах.

Ближе к дверям располагались купцы и главы городских ремесленников. Они сидели вдоль стен на шелковых тюфячках и помалкивали.

Вагифа и Мирзу Алиамеда все приветствовали стоя. Не поднялись только хан и его взрослый сын и наследник Мамедгасан-ага, они лишь сделали пришедшим знак, приглашая на почетное место. Вагиф и Мирза Алиамед, не переставая кланяться, прошли на указанные им места и сели. Вагиф сидел по левую руку от хана, Мирза Алиамед — по правую, рядом со священником Оханом. Ибрагим-хан, гордясь тем, что он прямой потомок внука Чингиз-хана Кулагу, старался соблюдать традиции, идущие от двора Чингиз-хана. Одной из этих традиций было сажать по левую сторону от хана особо надежных, доверенных людей. И то, что Вагиф занимал место — ошуюку, свидетельствовало о его авторитете, об уважении, которым он пользовался при дворе.

Усевшись на шелковые тюфячки, Вагиф и Мирза Алиамед вновь отвесили поклон хану, потом его приближенным, потом всем остальным, — высокие папахи одна за другой склонились в ответ на приветствие.

По случаю праздника хан облачен был в белую чуху из лемберанской ткани; в белый архалук, на голове его возвышалась белая папаха. На плечи хана наброшена была накидка из драгоценной ткани тирме, подбитая соболями. Из-под шерстяного пояса виднелась рукоять кинжала, украшенная драгоценными камнями.

Как только новые гости уселись, к ним приблизился прислужник с золотым подноском в руках и, опустившись на одно колено, поставил перед ними кофе в фарфоровых чашечках.

Потягивая ароматный йеменский кофе, Вагиф оглядывал зал. Посреди пурпурного, обрамленного тонкой каймой ковра, из конца в конец покрывавшего весь зал, разостлана была скатерть из тирме, украшенная аграмантом; в золотой и серебряной посуде разложены были сладости и налиты шербеги; в тонких вазочках меж яствами расставлены были фиалки, подснежники и нежная, только что проросшая из семян травка, привезенные из долины цветущие ветки персика и алычи.

В центре зала, как раз над скатертью, свешивалась с расписанного, изукрашенного золотом потолка хрустальная люстра, в подсвечники вставлены были свечи.

В двух противоположных концах зала тоже подвешены были люстры, точно такие же, как в центре, только поменьше. На одной из стен меж четырехугольных витражей окон прибиты были зеркала в золоченых рамах; на противоположной стене — ниши, украшенные тиснеными узорами. В одной из них стояли французские часы с золотой фигуркой ангела, в другой — инкрустированный перламутром ларец, роскошная конская сбруя, фарфоровая посуда, дорогие, в цветных кожаных переплетах книги.

Стена, перед которой возвышался ханский трон, украшена была роскошными кашмирскими тканями, персидскими коврами, оружием в золоте и серебре: здесь развешаны были щиты, мечи, кинжалы, броня, шлемы, ружья... Это были подарки иранских шахов и правителей соседних ханств.

Была пора мира и благоденствия. После кровавых дворцовых перипетий Надира Керим-хан Зенд восстановил в Иране мир и спокойствие. Сейчас оттуда опасность не грозила. Люди из рода Джаванширов — к нему принадлежал и сам Ибрагим-хан — и из рода Бехменли, угнанные некогда Надиром в Хорасан, давно уже вернулись в родные края и здесь, в междуречье Куры и Аракса, сеяли хлеб и разводили скот. С наместником Грузии Ираклием II также установлены были дружеские отношения. От Дагестана до Тебриза гремело имя Ибрагим-хана; правители всех соседних ханств прислушивались к его слову. Один лишь правитель Кубы Фатали-хан не захотел склонить голову перед повелителем Карабаха; восточная часть Азербайджана — Баку и Талыш — оставались под его властью. Впрочем, Фатали-хан не представлял серьезной угрозы для Карабаха. Пристало ли правителю, владевшему такой крепостью, как Шуша, с ее неприступными стенами и мощными башнями опасаться какого-то кубинского хана? Ведь по одному знаку властителя Карабаха ханы Карадага, Хоя, Нахичевани, Шеки тотчас поспешат ему на помощь, а тестя его Омар-хан прибедет из Аваристана с пятнадцатью тысячами бойцов...

Лицо Ибрагим-хана, округлое, спокойное, величественное, как бы отражало полноту его благополучия. Откинувшись на шелковые подушки, он с наслаждением потягивал кальян, не выпуская из рта янтарного мундштука, и с величественной невозмутимостью наблюдал за праздничным приемом. Вошел Ханмамед. Поздоровался и сел в дальнем углу. Один из хаджи поздравил его поближе. Ханмамед пересел. И сразу же попросил слугу, принесшего кофе, подать халву. Тот передал Ханмамеду тарелку с халвой. Мирза Алимамед, наблюдавший за этой сценой, готов был сквозь землю провалиться.

— Что это с Ханмамедом? — игриво усмехнувшись, спросил Вагифа хан. — Знает, что я обижен, не показывается.

— Он ожидает вашего милостивого внимания, — мягко ответил Вагиф.

— Да? Ну что ж... Может быть, произвести его в помощники начальника крепостной стражи, подойдет это ему?

— Он век вам будет благодарен! Семья у него большая, едоков много, родовитостью взять не может...

— Бездельник он! — с презрением бросил хан, перебив Вагифа. — Никчемный человек. Только и знает, сплетни разносит!..

— Что делать... — с сожалением сказал Вагиф. — Если бы вы знали, как Мирзе Алимамеду с ним тяжело, чего только он не потерпел из-за брата!..

— Понятное дело... — при упоминании имени Мирзы Алимамеда хан милостиво качнул головой. — Вот и подумай: у одного отца такие разные сыновья! — и хан снова взял в рот мундштук.

— Без хромой овцы отары не бывает — это еще наши деды говорили... — заметил Вагиф.

Хан согласно кивнул, хотел, видно, еще что-то добавить, но, заметив, что казий глядит на часы, промолчал. Казий громко провозгласил, что до наступления Нового года осталось пять минут. Известно, что тот, кто в ликование встретит новруз, до конца года будет пребывать в радости и благополучии. И потому все весело заулыбались, стараясь хоть на несколько минут стряхнуть с себя горести и заботы, и глядели только на скатерть: она сейчас являла собой изобилие и цветущую весну. На сандаловой резной подставке хану подали старинный

Коран, написанный на коже джейрана, — что может быть благостнее встречи Нового года при чтении священных стихов? Длившееся несколько минут молчание разорвал пушечный залп: Новый год наступил. Все повскакали с мест, спеша поздравить хана и его приближенных.

4

После полудня народ устремился к плоскогорью на краю города, где по праздничным дням устраивались скачки. Пестро разодетые женщины, мужчины с аккуратно расчесанными бородами и окрашенными хной пальцами, парни с франтовато взбитыми чубами — все перемешались в нарядной толпе, расцвеченной голубыми, зелеными, черными чухами ремесленников и торговцев.

Если к этой веселой нарядной пестроте прибавить шуршание кумачовых шаровар, бойкое побренкивание сазов, то можно получить полное представление о многочисленной праздничной толпе.

Карабахские скакуны, давно уже снискавшие себе мировую славу, словно чуя, что сегодня праздник, а значит, день состязаний, неслись галопом, гордо вскинув головы; их крашенные хной гривы сияли, отполированные солнцем. Весь цвет городской молодежи, все удалы, все гочаги Кумука и Аварии прибыли сегодня на скачки. Широкое поле, расположенное в самой высокой части города, кишело как муравейник. Звуки саза, оживленные возгласы, веселый смех и любовные песенки сливались в радостный, веселящий сердце гул; ржание коней придавало праздничному оживлению характер мужественности и отваги.

И вдруг над толпой будто прозвучал чей-то сигнал. Тысячи людей, мгновенно замерев, устремили взоры к установленным на холме шатрам. К ним медленно приближалась торжественная процессия. Длинной вереницей ехали вельможи; впереди каждого из них и по обе стороны от него шли нукеры и стремянные.

Кавалькаду возглавлял Ибрагим-хан, слева от него ехал Вагиф, справа наследник Мамедгасан-ага. Чуть поодаль следовали комендант крепости Агасы-бек и другие приближенные хана, в том числе несколько армянских князей-маликов. Процессия замыкали мулы с ко-

покольцами. На них были навьючены мехи с водой, походные кальяны, подвесные мангалы и множество съестных припасов.

Женщины из ханского дворца прибыли раньше и расположились в отдельных шатрах, по соседству с шатрами для мужчин. Неподалеку от шатров всадники спешили. Народ в нетерпении ждал начала состязаний. Но вот заиграла труба, скачки начались.

Кичикбегим сидела рядом с матерью, в великом волнении следя за тем, что происходит на поле. Стоило кому-нибудь скакуну вырваться вперед, она бледнела и начинала беспокойно метаться. Негодуя на отставшего, она вне себя от возбуждения начинала колотить рукой по позолоченным опорам шатра. Вот стройный, с осинной талией кумык скачет, держа в зубах обнаженный кинжал; на всем скаку он перекидывает через голову ружье, подбрасывает его; мгновение — и ружье уже на плече, кинжал — в ножнах. Смуглое лицо Кичикбегим покрывает испарина, от удовольствия она потирает руки. А вот другой джигит — вихрем пронесется он мимо шатров на лихом скакуне, вдохновленный вниманием столь высоких зрителей; подбросив в воздух монету, он на всем скаку пробивает ее пулей.

Как птица, попавшая в силки, Кичикбегим, томясь и изнемогая, то и дело бросала на мать отчаянные взгляды. Наконец она не выдержала:

— Мамочка! Можно, я выступлю?!

— Да что ты, доченька?!.. Люди-то что скажут?!..

— Люди, люди!.. Почему мне нельзя? Разве я не в седле выросла?! Вон у меня до сих пор на лбу шрам от копыта!.. — и, капризно надув губки, девушка показала матери на бледный чуть приметный шрам над правой бровью и рассмеялась, довольная, что нашла такой необычный повод.

Шахниса-ханум с нескрываемой гордостью глядела на дочь, на этот шрам, придававший особую прелесть юному девичьему лицу; но — строгая мать — она ничего не сказала, только скинула брови. Кичикбегим поняла — мать недовольна.

И тут позади, за шатрами, послышалось негромкое призывное ржание.

— Ну? — Кичикбегим чуть не плакала. — Слышишь? Он ржет — истомился! Неужели тебе коня не жалко?!

Мать усмехнулась погладила девушку по голове. — Ладно, ладно, доченька... Взгляни-ка, не наш ли это Мамед?

Кичикбегим обернулась: Мамед-бек скакал на своем буланом; рукава его чухи крыльями развевались на ветру. Вытащив из кармана монету, юноша подбросил ее вперед, между ушами коня, на скаку соскочил с него, схватил с земли монету и, мгновенно оказавшись в седле, поскокал дальше.

Сперва Кичикбегим побелела, потом сделалась пунцовая. Лишь когда Мамед доскакал до конца поля, она, немного придя в себя, облегченно вздохнула.

— Эй, дядька! — позвала она.

Старый слуга тотчас оказался возле нее.

— Что прикажет моя ханум?

— Не слышишь разве, конь ржет? Ну? Чего стоишь? — девушка строго взглянула на старика. — Садись и выезжай на поле!

Пряча в усах улыбку, старый слуга вопросительно взглянул на Шахнису-ханум.

Та рассмеялась.

— Выезжай, раз говорит, что я могу поделаться! Уж если ей что взбредет на ум!..

Старик поклонился и ушел. Немного погодя он уже гарцевал на скакуне, выезжая на поле. Поравнявшись с шатрами, он на всем скаку высек кресалом огонь и под смех зрителей раскурил свою трубку.

— Дядька, мой старый дядька! Все-таки сделал моему! — и девушка, сияя от радости, изо всех сил стиснула матери руку.

Вагиф родился в начале восемнадцатого века в деревне Гырак Салахлы, что в Казахе. Он был из рода Саатлы, издревле занимавшегося скотоводством и хлебопашеством. Однако бесконечные ирано-турецкие войны нарушили мирную жизнь, лишили народ Казаха почти всех его мужчин, способных носить оружие.

Первоначально Казах, как и Шамсадини, входили в Гянджинское ханство. Позднее, когда сыновья гянджинского повелителя Зияд-хана не обнаружили желаний примкнуть к Надиру, тот в наказание отделил Казах от

Гянджи и передал его во владение наместнику Грузии Ираклию.

Вместе с войсками Ираклия казахи принимали участие во всех походах Надира и показали себя храбрыми воинами. Однако воинская доблесть дорого стоила народу. Турки неоднократно проходили по родной земле, топча и опустошая ее. Вконец измученные казахи не знали, где искать спасения. Основание Карабахского ханства и постройка в 1754 году крепости Шуша давали надежду, что в городе-крепости, расположенном высоко в горах, в стороне от больших дорог, люди обретут наконец мир и покой, и казахи начали переселяться в Карабах. Вагиф вместе с другими семнадцатью семьями из рода Саатлы переехал в Шушу, обосновал махаллу, которая так и называлась—Саатлы.

Ко времени переезда в Шушу Вагифу было лет тридцать. Он сумел получить хорошее образование, прекрасно знал турецкий и персидский языки, был весьма сведущ и в некоторых других науках, а потому по прибытии в Шушу открыл в своей махалле школу и стал обучать детей. Работа эта мало что давала Вагифу, удовлетворения от нее он не чувствовал. Но Вагиф твердо верил в свои силы, он знал, что у него острый взгляд, что он умеет все подметить, каждого понять, и когда-нибудь он все равно обретет возможность оказывать влияние на людей и на ход событий.

В первые годы жизни в Шуше Вагифа знали лишь в махалле: он был грамотей и детский учитель. Правда, он писал стихи, и время от времени стихи эти распространялись по городу, так как любители поэзии охотно переписывали их в свои тетради. Вагиф вел жизнь уединенную, скромную и не стремился к новым знакомствам. В этом отношении он не хотел считаться с принятыми обычаями; сидел в своем небогатом домишке, несколько не сомневаясь в том, что его ждет большое будущее.

И вот однажды случилось происшествие, привлекавшее к Вагифу внимание самого хана.

Какой-то чабан, желая уберечь от сглаза любимую свою собаку, надумал заказать какому-нибудь грамотею охранительную молитву: бедняга и понятия не имел, какое это кошунство. Пригнав в Шушу несколько овец, он обратился к первому встречному и объяснил, что ему надобно: тот направил чабана к мяснику, мясник, выслу-

шав чабана, направил его к кондитеру на Шейтанбазаре. Бедняга обходил весь базар, пока кто-то не сжалился над ним и не направил к Вагифу. Тот сразу все понял, однако вида не подал и, не желая обижать простодушного крестьянина, сел и написал для него следующую молитву:

Он спасти решил собаку,
Умстил меня, писаку.
Кто раскроет мой секрет,
Угодит в пастушью ср...¹

Он свернул трубочкой листочек грубой простой бумаги, на котором было написано четверостишие, отдал пастуху и наказал, зашив в тряпицу, вместе с бусинкой повесить псу на шею.

Чабан ушел. Как-то раз Ибрагим-хан охотился неподалеку от тех мест, откуда был этот чабан. Притомившись, охотники решили отдохнуть и расположились в тени развесистого дерева. И вдруг среди бродивших поблизости собак они заметили одну — на шее у нее висела зашитая в тряпицу бумажка. Подивившись, что какому-то крестьянину пришло в голову устроить такое, хан велел снять с собаки тряпицу и дать ему,

Читая «молитву», хан не мог удержаться от смеха, однако потом разгневался не на шутку. Вернувшись во дворец, он призвал смотрителя двора Шахмамеда и велел немедленно сыскать автора «молитвы». Шахмамед приказал доставить в город чабана, тот сразу указал на Вагифа, и поэты привели в диванхану. Допрашивал его сам хан, облаченные в красное палачи стояли наготове.

Одна из дочерей Ибрагим-хана Сенем-ханум безмерно увлекалась стихами и каждое новое стихотворение Вагифа обязательно переписывала в свою тетрадь. Прослышав, что поэт, которого ей ни разу еще не удалось увидеть, прибыл в судилище, девушка бросилась к окну и жадно стала разглядывать его. Сухощавый, крепкий, в черной чухе, в архалуке из узорчатой ткани, он гордо и спокойно стоял перед судом, засунув руку за пояс, поглядывая вокруг блестящими черными глазами, и бесстрашно отвечал на вопросы. Зная доселе лишь стихотворения Вагифа, влюбленная в его поэзию, Сенем была покорена поэтом: его умом, находчивостью, приятной

¹ Перевод В. Кафарова.

внешностью и благородными манерами. А Вагиф, выслушав разгневанного хана, ответил ему так:

Сто двадцать с лишним тысяч
архангелов прошло,
Любому из живущих
пришлось немало вынести.
Где Нуширван великий,
где Сулейман премудрый?
Исчезли трон Джемшида
и все иные дивности.
Не хвастай: много золота
и много денег есть,
И много сел богатых
в моих владеньях есть,
На свете смерть-разлука,
куда ни день их, есть. —
Мир без тебя устрои,
сказать по справедливости:
К пророку я зываю —
свершить стремленья дай,
Ворот моей надежды,
молю, не закрывай,
Несчастливого Вагифа
забвением не карай:
Слуга не без провинности —
хозяин не без милости¹.

Сенем жадно слушала стихи, в смятении глядя то на отца, то на поэта: впрочем по лицу хана видно было, что он уже несколько смягчился. Наконец стало ясно, что хан сменил гнев на милость, и у Сенем отлегло от сердца. Повелитель Карабаха долго пребывал в молчании, потом махнул рукой и Вагифа отпустили.

Поэт остался на свободе, зато сердце Сенем-ханум оказалось в плену; теперь оно билось лишь для Вагифа. Все дни ханская дочка проводила у окна в одной из верхних комнат, разглядывая прямую улицу, ведущую от дворца к мечети и далее в махаллу Саатлы, затерянную на западной окраине города; сердечный огонь, который разгорался в ней от каждой строки Вагифа, девушка пыталась погасить слезами...

Как-то раз, прохаживаясь по цветнику, разбитому перед его скромной мазанкой, Вагиф заметил парня с ношей на голове, выглядывавшего из-за садовой ограды.

— Дядя, не скажешь, где живет Молла Панах Вагиф?

¹ Перевод В. Кафарова.

Вагиф, удивленный, подошел к забору.

— Здесь он живет, а что?

Парень усмехнулся, молча отворил калитку, снял с головы покрытое шелком блюдо, отдал его матери Вагифа и, не спеша, стал объяснять, зачем явился.

— Сынок! — раздался вдруг из дома голос матери. — Иди-ка сюда! Ханская дочь Сенем-ханум прислала тебе фрукты в подарок!

Вагиф приподнял шелк, прикрывавший серебряное блюдо: на золотом блюде красовались два спелых персика.

Вагиф был рад безгранично. А мать его, хоть и была польщена столь высокой честью, обеспокоилась:

— Ох, сынок, как же нам теперь быть? Опозоримся мы, пустую-то посуду не вернешь, а что у нас есть, чтоб ханскую дочь одарить? — Женщина пригорюнилась, раздумывая. — Сынок! У меня пара джорабов припасена, давно еще связала, может их послать? А?

Вагиф молчал, понимал, что положение создавалось нелегкое, а мать его продолжала раздумывать вслух:

— Футлярчик для расчески у меня есть... Красивый... Еще духи в сундуке припрятаны, твой отец-покойник из Шираза привез... И пемза для ног, в серебро оправленная... Тоже из моего приданого, отец в Тебризе покупал... Что-нибудь из этого пошлем, а?

Вагиф, ничего не ответив, вышел в садик. Под грушей разложен был палас и небольшой тюфячок. В свободное время поэт обычно усаживался здесь и писал — бумага и перо всегда лежали под подушкой. Вагиф сел, подумал и положил на колено дощечку с листком голубоватой бумаги. Камышовое перо проворно забегало по бумаге, то и дело окунаясь в чернильницу. Скоро стихи были готовы. Вагиф положил листок на блюдечко, где прежде лежали персики, и отдал посыльному.

Сенем-ханум с нетерпением ожидала возвращения слуги. Наконец тот явился, Молла Панах Вагиф прислал ей письмо, письмо это лежит внутри, на блюде. Девушка нетерпеливо сдернула с блюда шелковое покрывало — письма не было. Обыскали двор, дорогу, по которой шел посыльный, письмо не находилось. Разгневанная и огорченная, Сенем хотела уж было послать парня обратно. Но письмо нашлось, один из слуг поднял его на лест-

нице и отнес хану. Вне себя от гнева читал Ибрагим-хан дерзкие строки:

Нам та, что слышет образцом доброты,
Два чуда небесного сада прислала,
Два спелых плода из теплиц красоты,
Принятых для вкуса и взгляда, — прислала.

...Скажите же той, чьи уста как рубин,
Ланита — хрусталь, грудь — цветущий жасмин,
С таким мы восторге, как если б Ширин
Нам ценности рая и ада прислала.

...Аллах! Кто сказал ей, что жаждет плодов,
Что болен такой-то от долгих постов?
Всю жизнь я, Вагиф, посвящать ей готов
За то, что она нам услуду прислала¹.

Когда Ибрагим-хан увидел внизу техаллюс² «Вагиф», его затрясло от негодования. В гневе он начал покусывать ус — это было очень скверной приметой, после этого обычно начинались аресты, пытки и казни...

Старшая жена хана Бике-ага, заметив, в каком состоянии повелитель, велела другим женам и детям хана оставить их наедине. Бумажку, которая привела мужа в исступление, она прочла, подобрав с пола. Ханша сделала вид, что тоже негодует, — иначе нельзя, — на самом деле она несколько не огорчилась. Наоборот, Сенем была девушка на выданье, женихов пока что-то не предвиделось, а оставаясь во дворце, она лишь мешала младшим сестрам — прежде всего положено было выдать замуж старшую. Ведь в те времена, посылая сватов, говорили примерно так: «Такой-то желает породниться с ханом», причем имелась в виду ханская семья, а не какая-нибудь определенная его дочь. Хан в таких случаях всегда отдавал старшую. Зная эти порядки, Бике-ага и решила поискать окольного пути к сердцу хана, сделав ему деловое предложение. Она согласилась с мужем, что вся эта история: и посылка и ответное письмо — явная непристойность, двух мнений тут быть не может, но...

— Ведь вот беда-то: время ее подошло, кровь играет... Как говорили деды, «предоставь девушке волю, за зур-

нача замуж выскочит!..» — Ханша вздохнула, подумала и добавила осторожно: — А Вагиф этот, видно, стоящий парень. Грамотный и почерк превосходный...

— Почерк! — пробормотал хан, правда, уже не столь гневно. — Чтоб он ему боком вышел, этот почерк! Выходит, если человек умеет хорошо писать, ему все позволено?!

— Ну зачем такое говорить? — невозмутимо заметила Бике-ага. — Только я прикидываю... ученый человек всегда нужен. Разве хороший писец лишний будет во дворце? А главное — взрослая дочь — спелый орех; кто ни идет, все камнем сбить норовит... А что он пишет, так пусть себе — от ветра скале ничего не станется... От молодых ума не дождешься. Такое уж их время — кровь бурлит!..

Хан призадумался. Бике-ханум была старшей и самой уважаемой из восьми его жен, и он привык прислушиваться к ее советам. А ханша, не отрывая глаз от лица мужа, не спеша, терпеливо продолжала убеждать его.

— Ну, погляди сам: разве у всех нынешних ханов деды и прадеды шахи да ханы были? Набир из чабанов! Другой — вот от самого Чингиз-хана род ведет, а попал в заложники, и нет ничего... А захочет судьба, простой нукер трон захватывает и не хуже хана управляет. Был бы ум в голове, а остальное приложится...

— Значит, ты полагаешь, — прервал жену хан, — отдать Сенем за этого Вагифа? — Голос у него был совсем уже мирный.

— Тебе решать, — уклончиво ответила Бике-ханум. — Ты ему пока дай место писаря, пусть бумагу какую поставит...

Хан давно уже понял, что жена права. Однако твердого ответа пока не дал. Припоминая, как Вагиф держал себя и прост был в обхождении, хан чувствовал, что нет в нем злобы против этого человека, скорее признью; поэт всерьез заинтересовал его. Не раскрывая пока никому своих намерений, хан призвал Вагифа и назначил его проетым писарем. Однако Вагиф показал столь великое рвение и такую мудрость в государственных делах, что очень скоро завоевал во дворце всеобщее уважение и стал правой рукой хана.

А бедная Сенем-ханум в один прекрасный день, ве-

¹ Перевод Т. Спендиаровой.

² Техаллюс — псевдоним.

селясь в своей девичьей комнате, вдруг почувствовала боль, дурноту и скоропостижно скончалась от сердечного припадка.

Так и не смогла Сенем-ханум насладиться счастьем с любимым мужем, но своей страстной любовью помогала ему стать тем, кем он стал, навсегда оставив в сердце поэта незаживающую рану.

6

Скачки были закончены. По обычаю приближенным хана, военачальникам и другим достойным лицам были преподнесены подарки. Наследник Мамедгасан тоже одарил некоторых вельмож; Вагиф был среди награжденных.

На второй день праздника, согласно обычаю, полагалось нанести визит наследнику. Вагиф и Мирза Алимамед отправились в гости верхом — предстояло проехать через весь город. Узкой улочкой они поднялись на городскую площадь. По случаю праздника базар был закрыт, но народу на площади было полно. Сновали продавцы сладостей, селлебиджи, размахивая заново вылуженными чайниками, громко выкрикивали: «Пей селлеби¹ — сердце улади!», а в полукруглом ящичке, прикрепленном на груди, поверх красного фартука, весело позвякивали стаканы. В стороне, собрав вокруг себя толпу, дервиши читали касиды², чуть поодаль заклинали змей, вытаскивая одну за другой из мешка, обвинял себе змеями шею, запястья, опоясывался ими... Какой-то чудодеев в длиннющем архалуке³ из зеленой бязи, в колпаке, который во имя двенадцати имамов повязан был чалмой в двенадцать слоев, раскалив в огне железный скребок, прикладывал его себе к языку...

Вагиф ехал, не спеша раздвигая толпу конем, улыбался. Все встречные приветствовали его, поздравляли с праздником. Поэт отвечал на приветствия, поднося окрасненные хной пальцы сначала к губам, потом ко лбу.

Проехали базарную площадь, стали спускаться вниз. При въезде в махаллу Чухур возле армянской церкви

повстречали священника Охана. Вагиф и Мирза Алимамед придерживали коней.

— Мирза Охан, — шутливо заметил Вагиф, — а ты, я гляжу, все за Иисусов подол держишься!.. На щедрость его надеешься — одарит?

— Да будь у него чем одаривать, он бы первым делом себя от креста избавил!

Посмеялись. Вагиф окинул взглядом небольшую каменную церковь: по внешнему виду прихожане ее мало чем отличались от азербайджанцев; так же, как и мусульмане, они снимали при входе обувь. Справа на крыше стоял какой-то служитель в подряснике и подобно муэдзину призывал армян на молитву. Армянки в белых чадрах и красных шальварах, входя через особую дверь, располагались на айване¹, так же, как у мусульман, выделенном специально для женщин. На паперти, по обе стороны от двери, толпились нищие и калеки.

— Ты, видимо, тоже поженешься к Мамедгасан-аге? — спросил Охана Вагиф, трогая коня.

— Если бог даст! — улыбнувшись, ответил священник.

Дворец Мамедгасана расположен был в превосходном месте, на вершине скалы, с которой открывался вид на Топхану и Багрыган. Крепостная стена шла отсюда в направлении на Киблу², на юг, Шахнишин и Казнагая. Просторный, с большим количеством покоев, с обширными верандами, весь светящийся цветными витражами окон, дворец этот сложен был из камня. Арку дворцовых ворот украшал узор из кирпичей. Слева от дворца располагались амбары, сарай, конюшни и другие службы. Мощенная камнем дорожка, ведущая от ворот к лестнице, прикрыта была плетеным из лозы навесом.

Слуги встретили гостей, просили пожаловать в покои. Оттуда слышалась музыка, но, кроме певцов с музыкантами и самого хозяина, в зале никого еще не было. Мамедгасан поздоровался с гостями и указал им места: Вагифу — слева, Алимамеду — справа от себя. Сели.

¹ Селлеби — прохладительный напиток из молока.

² Касида — стихотворная форма.

³ Архалук — короткая верхняя одежда.

¹ Айван — подобие веранды.

² Кибла — местонахождение Мекки, в сторону которой магометане обращаются при молитве.

Апатичное лицо Мамедгасана было бледно, глаза припухли. Наследник давно уже болел чахоткой, дворцовый лекарь пользовал его снадобьем, настоянным на хне, и сорок дней, в течение которых необходимо было принимать это лекарство, для поддержания духа больного непрерывно играла музыка.

Как только они вошли, Мамедгасан знаком велел музыкантам прекратить игру. Вагиф попросил не делать этого.

— Зачем же? — сказал он, улыбаясь. — Гостеприимство и безмерная щедрость наследника карабахского престола известны всему миру. Дом ваш — полная чаша, и вы ничего не жалеете для друзей, но вот искусством почему-то предпочитаете наслаждаться в одиночестве.

— Да я так... — Мамедгасан смущенно улыбнулся. — Голова от них болит.

— Что так? — удивился Вагиф. — Платон называл музыку пищей духа.

Снова послышалась нежная мелодия. Вагиф глубоко чувствовал музыку; она доставляла поэту огромное наслаждение. Приподняв тонкие брови, полуприкрыв глаза, он молчал, отдавая гармонию звуков, переполненный страстной, неутолимой жаждой жизни...

Почему-то ему пришла на ум волшебная свеча из восточных сказок: стоит зажечь ее, и исполнится любое, рожденное в твоём сердце, желание. Будь здесь сейчас та свеча, в полумраке перед Вагифом замелькали бы обольстительные красотки, пленительные похитительницы сердец... Да, музыка и женщины пьянят без вина...

Начали собираться гости. В числе прочих приехали и оба брата Мирзы Алимамеда — Ханмамед и Шахмамед. Три эти человека приходились друг другу родными братьями, но родственной близости меж ними не было. Ханмамед в Шуше не любил. Алимамед много раз испрашивал для него у хана должность, но ни в одной из них тот не проявил должного рвения. Сам хан терпеть не мог Ханмамеду за трусость и беспечность. Шахмамед, будучи полной противоположностью брату, отличался смелостью, исполнительностью, был в милости у хана и не однажды смягчал его гнев. На беду Шахмамед был чрезвычайно нехорош собой: большой, весь в рябинах нос, толстые брови, маленькие тусклые глазки — лицо

его невольно вызывало неприязнь. И в голосе ханского любимца слышалось какое-то свиное завывание: стоило Шахмамеду произнести слово, человека охватывал ужас. Но тут уж виной было скорей его положение при дворе. Ни единый человек в ханстве, к какому бы слою общества ни принадлежал, не мог быть гарантирован от немилости повелителя, а кара, которую назначал виновному разгневанный хан, почти всегда приводилась в исполнение через Шахмамеду.

Появился священник Охан. Сначала он приветствовал всех сидящих в почетной части зала, потом, обернувшись к остальным гостям, поздоровался с каждым в отдельности. Но вот взгляд его упал на Шахмамеду — священник побледнел. Трижды поклонился он этому человеку и занял свое место с таким видом, словно садился на шипы.

7

Ближе к полуденному азану гости начали расходиться. Вагифа, Мирзу Алимамеда и Охана Мамедгасан-ага оставил обедать. Прошли в столовую. Посреди комнаты расстелена была на ковре богатая скатерть, вокруг нее — шелковые тюфячки. Как только гости расположились вокруг скатерти, слуга подал умывальные принадлежности. Все вымыли руки, вытирая их полотенцем, висевшим на руке у прислужника. Принесли медные подносы, расставили на скатерти. Перед каждым из обедавших оказался поднос, на котором стояла тарелка плова с анисом, поверх риса лежали куски вареной баранины; рядом — гатыг¹ с пахучей травкой и паштет из печени. В украшенные эмалью стаканы налит был шербет с зернышками рейхана.

Мамедгасан отломил кусочек белого тонкого лаваша, лежавшего на краю подноса, взглянул на гостей и произнес: «бисмиллах!» — это был знак начинать трапезу. На некоторое время воцарилась тишина, гости целиком были поглощены вкусными яствами. Когда тарелки наполовину опустели, Вагиф сказал, щепотью собирая с тарелки рис:

¹ Гатыг — простокваша.

— Поистине каждому овощу свое время: сейчас, весной, ничто не может заменить плова с анисом!.. Он у нас входит в моду...

— Да, — согласился Мамедгасан. — Анис из Агдама прислали. Жаль только, что половина сгорела...

— Очень молодой, нежный, — заметил Охан, — вот и сгорел.

Все снова принялись за еду. Обед — если не считать коротких отрывистых реплик — прошел в молчании. Наконец хозяин сделал знак нукерам, ожидавшим в дверях со скрещенными на груди руками, — скатерть убрали. Снова подали умывальные принадлежности, все вымыли руки и рот теплой водой с мылом. Появился кальян, кофе. Хозяину вместо кофе был подан чай с корицей — она поглощает излишнюю, дающую озноб влагу, которую вносит в тело рис.

За кальяном разговор постепенно оживился. Почему-то вспомнили армянина по имени Юсуф Амин, приехавшего из Лондона и несколько лет тому назад промелькнувшего в Карабахе.

Вагиф высказал сожаление, что не повидался с этим, как говорят, увлекательным собеседником.

— Он красноречив, это верно, — деликатно заметил Мирза Алимамед, — однако, по мнению вашего покорного слуги, у этого щедрого на слово молодого человека имеется один весьма существенный недостаток: он то и дело призывает собеседника к мятежу. Хан проявляет великое терпение, все грехи Юсуфа Амина объясняя горячностью молодости.

— Да, — согласился с Мирзой Алимамедом Охан. — Великое терпение и благородство. А человек этот весьма опасен. Родом он из Хамадана, учился в Лондоне, потом связался с какими-то негодяями, они его и подбили... Поезжай, мол, на родину, собирай вокруг себя армян, учи, чтоб били басурман, а в случае чего мы поможем. Вот он и начал. Побывал в Дагестане, в Тифлисе, здесь у нас поразнюхал... у армянских купцов денег пытался раздобыть... В Учкильсе наведалься к патриарху, а тот, безмозглый, благословение ему дал... Однако дальше дело не пошло. Потыркался туда-сюда, видит, плохи дела — в Индию подался...

— Мы были осведомлены о том, что Юсуф Амин прибыл сюда, чтобы сеять смуту, — с обычной своей

мягкостью заметил Мирза Алимамед. — Он ведь и к Ираклию ездил — только не сталкивались они... По поручению хана я встречался с этим... молодым человеком. Он мне все свои мысли высказал. За моей спиной не кто-нибудь, сам английский король стоит. И если его пушки грянут, земля разверзнется. Нашпиговали они его крепко!..

— Безумцы! — взволнованно прервал его Охан. — Они не понимают самого главного! Нельзя ради выгоды английского короля причинять зло соседям, с которыми мы живем бок о бок со времен Ноя! Он будет угождать королям и падишахам, а народ ни за что ни про что погибать должен? В жарком пламени и сырое полено горит!..

Священник умолк, губы его дрожали. Он терял самообладание всякий раз, когда речь заходила о преступных замыслах авантюристов, сеящих вражду между армянами и азербайджанцами. Только сунув в ноздрю добрую щепоть нюхательного табака, священник немножко поостыл.

— Он пробовал заигрывать с ханом, — продолжал Мирза Алимамед. — Мы понимали, что это враг и враг опасный, однако, когда Юсуф Амин прибыл, хан его принял. Мы думали: не вернуться Юсуфу живым. Но нет, ничего. «Гость неприкосновенен». Хан даже коня ему пожаловал...

— Чтoб им всем подарки боком вышли! — пробормотал Охан, и у него опять задрожали губы...

8

Во времена ханов в Шуше плохо было с водой. В городе несколько колодцев, при них всегда стояли сторожа и в строгой очередности выдавали воду населению. Воду эту использовали только для питья и приготовления пищи, стирать же ходили на речку. Кроме городских колодцев, в махалле Чухру был еще источник Мехралы-бек, но вода в нем была солоноватая.

Вот как-то раз одна семья расположилась на берегу Дашалты, чтобы заняться стиркой. Дочка, девушка лет шестнадцати, пошла вниз по реке — набрать хворосту для костра.

Неожиданно навстречу ей выехал из леса красивый смуглый парень. Он подъехал ближе, придержал коня и спросил с улыбкой, тыльной стороной ладони поглаживая тонкие усики:

— Ты откуда взялась, красавица?

Девушка обмерла, зардевшись как маков цвет. Не смея поднять глаза, глядела она на вдетые в стремена запыленные башмаки и черные обмотки вокруг ног.

— Ты чья же будешь? — снова спросил всадник.

— Дочь позументщика Кязыма, — чуть слышно промолвила девушка.

Парень окинул ее оценивающим взглядом: выбившиеся из под платка завитки черных волос принакивали к нежным, как лепестки розы, пылающим щекам; крепко прижимая к груди охапку хвороста, девушка трепетала, как дикий птица.

Не долго думая, парень в черных обмотках направился к ее родителям. Поздоровался, ему приветливо ответили.

— Не примите ли гостя? — начиная разговор, обратился парень к Кязыму; тот сидел на траве, сложив ноги калачиком.

— Гость — посланец аллаха! — приподымаясь, ответил Кязым.

Парень прыгнул с коня, вынул у него изо рта удила, отпустил подпругу — чтобы пассив. Подсел к расстеленной на траве скатерти. Женщина в яшмаке принесла угощение. Парень ел, поглядывая на хозяев, разговорился... Спросил, между прочим, как идут дела в крепости.

— Спасибо, сынок, вроде все по-прежнему. Разве что про гачага Сафара уж больно много судачат...

— И что ж о нем говорят?

— Да толкуют, будто он смельчак и совестливый парень. Народ защищает. Один пройдоха сиротское добро прикарманить хотел, так Сафар, говорят, встретил его да и пострашал хорошенько. В тот же день хапуга все вернул, до последней ниточки!..

Парень слушал, закусывая; глаза у него весело поблескивали. А Кязым, поглядывая на свои руки, с которых никогда не сходила краска, увлеченно рассказывал про гачага:

— В одной деревне чиновник казния до смерти забил

старика, тот пост, мол, нарушил. Уж как бедняга ни молил его, как ни клялся, что недужен — аллах, мол, с него не взыщет, — слушать ничего не стали. Скончался несчастный под розгами... А Сафар, как прослышал, явился в деревню и тут же, при всем честном народе, суд учинил над негодеем: повесил его прямо над стариковой могилой!

Парень с любопытством поглядывал на Кязыма. А тот оживился, глаза у него сверкали, видно было, что по душе ему этот гачаг Сафар.

— Ну что же, дядя, — сказал парень, покончив с угощением, — благодарствую. Да пошлет тебе аллах всяческого благополучия, да не оскудеет твой дестерхан!

— Уж не обессудь, если что не так... Чем богаты, тем и рады!

— Что ты! Я твоим угощением премного доволен. Теперь вот что... Я ведь к тебе не просто так... Я сватом от того самого Сафара. Породниться он с тобой хочет. Кязым вскинул на парня удивленные глаза.

— Ты напрямик скажи, отдашь дочку за Сафара? Как свату мне ответ дай!

Не зная, что ответить, позументщик смущенно заулыбался, заерзал, бросил вопросительный взгляд на жену. Та лишь плотнее прикрыла лицо.

— Уж не знаю, что и сказать... Так-то оно вроде лучше и желать нельзя... Вот только... гачаг он... Ни кола, ни двора...

Кязым умолк, не зная, что еще добавить. Парень понял.

— Ты хочешь сказать: положено, чтоб у человека дом был, хозяйство... Так ведь это дело наживное!.. Ты подумай, дядя, подумай!

На том и кончился их разговор. Парень распрощался, вскочил на коня и скрылся в лесу.

Как-то в летний грозовой вечер раздался громкий стук. Кязым пошел открывать ворота. Сверкала молния, невдалеке грохотал гром...

¹ Дестерхан — дорожная скатерть.

— Кто там?

— Гостя аллах посылает!

Кязым отпер ворота, впустил незнакомца, провел в дом и при свете светильника сразу узнал давешнего парня. На этот раз гостя встретили с почетом, как положено принимать свата.

— Я-то согласен, — несмело сказал Кязым, когда они перешли к делу. — Мать малость сомневается. А ведь ее тоже послушать надо, потому ее молоком дочь вскормлена.

— И что ж, она не желает отдавать?

— Не желает! Да напрямик сказать не смеет. Твердит только, какой, мол, он муж, если в гачагах скрывается! Пускай, дескать, объявится хану!

Парень призадумался, озадаченный.

Да, не так-то это просто — жениться... Завел семью — значит все: смирись, не задирай нос! В драку не лезь, словом заденут — смолчи. Теперь все твое геройство в том, чтоб жена не бедовала врагам на радость. Такое у них, у городских, понятие о жизни.

— Тут, дядя, вот дело-то какое... Сафар на все согласен, как скажете, так и будет. Только объявиться-то ему нельзя. Не помилует его хан — грехов много.

Кязым помолчал озадаченно.

— А может ничего? Если слово дать? А? Мирно, мол, жить буду. Мне думается, смиростивится над ним хан, простит...

Гачаг Сафар появился в лесах несколько лет назад. Между Курой и Араксом не было человека, которому известно было бы это имя, и слава его росла день ото дня. В любой деревне Сафара принимали как дорогого гостя, кормили, снаряжали в дорогу. И ни угрозы, ни посулы не могли заставить простых людей выдать его хану.

Народ слагал песни о гачаге Сафаре, прославляя его бесстрашие, мужество, благородство... Не раз во дворце заходил разговор о смелом гачаге, не раз посылались на поимку его конные отряды, но только ничего из этого не вышло — гордо заломив папаху, гачаг по-прежнему свободно разъезжал по горам и долам...

Смелый гачаг был родом из оймака¹ Гылынчлар, родился и вырос в деревне. Зимовал их оймак в низовьях, на ханских землях, на лето же поднимался в горы. Сафар вырос сиротой, отец его был убит в сражении под Нахичеванью. Был у них клочок земли, с трудом перебивались: уплатят все подати и поборы и кое-как кормятся до весны... После смерти отца совсем стало тяжело, но односельчане не оставили в беде: помогали и посеять и собрать урожай. Вырос Сафар, вошел в года; теперь уж он и один легко управлялся с хозяйством. Силы ему было не занимать — высокий, широкоплечий, смуглолицый, Сафар был из тех молодцов, которые берут призы на скачках, метко стреляют, лихо рубятся. Девушки и молодичи только вздыхали да томились, завидев Сафара, парни безропотно подчинялись ему, старики хвалили за дерзость и бесстрашие.

Как-то раз в пору уборки приехал чиновник, согнал крестьян убирать урожай на ханских землях: косить, молотить, ссыпать в мешки. Сафара, понятно, тоже не забыли. Скосили крестьяне хлеб, снопы перевезли на ток, начали молотить. Старшина прохаживался рядом, зорко поглядывал по сторонам... Вечером, когда стемнело и пришлось прекратить молотью, старшина, опасаясь, как бы крестьяне не польстились на ханский хлеб, взял да и пометил неполные мешки — крест нарисовал на пшенице. А ночь выдалась ветреная, утром он пошел проверить свои метки, глядь — крестов-то и нет.

Старшина взбеленился.

— Кто воровал пшеницу?! — а у самого от злости глаза на лоб лезут.

Молчат крестьяне. Он снова орет, схватил двоих за руки.

— Кто украл?! Говорите, сукины дети, не то шкуру спущу!

А одним из тех, на кого он набросился, как раз Сафар оказался. Не по нутру пришлось смельчаку такое обхождение.

— Зря орешь, старшина! — сказал он. — На что нам твоя пшеница — небось и без нее не сдохнем!

Тот, конечно, не ожидал подобной дерзости.

¹ Оймак — община, хутор.

— Ты, — кричит, — бунтовать?! Против ханской воли идешь?!

Крикнул нукеров — привязать парня к дереву да проучить розгами, чтоб помнил. Только не на того напали — вырвался Сафар из рук нукеров, схватил косу и на старшину!.. Тот так и рухнул, из горла — кровь фонтаном, — а Сафар на коня и напрямик — к ущелью, только его и видели...

Вот с того самого дня и стал Сафар гачагом и скрывался в горах и в лесах. Гроза старшин, ханских чиновников и военачальников с бедняками обходился по-дружески, был и защитником и покровителем. Стоило Сафару появиться в деревне, к нему тотчас являлись жалобщики. Сафар собирал аксакалов, устраивал совет и тут же, на месте, карали виновного.

9

Ткач и позументщик Кязым был земляком Вагифа, когда-то они вместе учились в школе. Во времена Надир-шаха Кязым воевал, не раз бывал ранен, мастерскую его сожгли.

Когда сын Панах-хана Мехралы-бек занялся укреплением Шуминской крепости, Кязым вместе с другими казахами перебрался в Шушу. Поначалу ему пришлось поступить подручным в мастерскую одного тебризца, но когда благодаря междоусобицам караванные пути из Ирана оказались отрезанными и стал ощущаться недостаток в тканях, Кязым, поднакопив деньжонок, открыл собственную мастерскую. Ткацкое дело в Шуше расширялось, и вскоре он вместо землянки построил небольшой домик.

Вагиф не чурался земляка-простолюдина, помогал всем, чем мог, и позументщик хорошо знал дорогу в его дом. Теперь он тоже решил навестить к Вагифу — познакомиться, попросить совета.

Вагиф велел просить сразу как только слуга доложил о Кязыме. Гость разулся и, несколько робея, вошел в комнату. Вагиф сидел на своем обычном месте, писал стихи.

— Хо! Кязым, — весело воскликнул он, увидев земляка, и положил перо. — Ну здравствуй, здравствуй!.. — Вагиф указал ему место подле себя.

Кязым, благодарственно сложил на груди руки, несколько раз склонил в поклоне голову и пристроился на тюфячке возле хозяина.

— Ну, какая беда тебя привела? — Вагиф приветливо взглянул на гостя.

— Благодарствуй, ахунд! Есть одно дельце... Никак решить не могу...

— А что такое? — заинтересовался Вагиф.

— Да вот с дочкой морока... Как говорится, час от часу не легче... Гачаг Сафар породниться надумал!

— Гачаг Сафар?! — Вагиф удивленно глянул на гостя. — Это как же так?

— Я и сам толком не пойму... Прислал свата — вот и думай, как хочешь: и отдать боязно, а не отдашь, как бы беды не нажить! Ехать на ишаке срамно, а свалиться с него еще хуже!..

— Постой, постой!.. Неужели гачаг сам не понимает: какая может быть женитьба, когда у него самого всего и хозяйства что конь под седлом?

— Вот то-то и беда, что не понимает. Знал бы грешник, что грешит, может и греха бы не было!..

— Да... — Вагиф призадумался. — Ну, а чем я тебе могу помочь?

— Да видишь, ахунд, парень-то что твердит: объявиться хочу. Пускай, дескать, хан меня простит, я честным трудом жить буду!

— Значит, гачаг Сафар надумал покончить с этой жизнью? Но ведь если что не так, у хана разговор короткий: устроит суд и повесит!

— Клянется, что верой и правдой послужить будет!..

Вагиф помолчал, задумчиво разглядывая агатовый перстень на мизинце правой руки.

— Тут я только один путь вижу, — сказал он и повернул перстень. — Тегеранский наместник сватов к Ибрагим-хану прислал. Хан согласился, старшую свою отдает — Кичикбегим. Скоро свадьба. Вот к невесте и надо обратиться, чтоб отца упростила. Она как будет прощаться, у хана сердце смягчится, ни в чем не сможет дочери отказать. Только придется сперва с матерью ее, с Шахинсой-ханум, переговорить. Я сегодня буду у нее, зовет для совета... Посмотрим, что она скажет.

— Спасибо тебе, ахунд! — обрадованно воскликнул Кязым, с жадным вниманием слушавший Вагифа. — Сра-

зу от сердца отлегло! Ужаленный змеей и веревки всю жизнь боится. Сам знаешь, как мне на моем веку досталось... Только-только в люди выбился, верный кусок хлеба детям добывать начал, опять напасть на мою голову!.. Вот уж воистину: «Козел за шкуру свою дрожит, а мясник прикидывает, сколько сала будет!..»

— А чего козлу за шкуру дрожать? — с улыбкой спросил Вагиф. — Вроде нет причин...

— Не скажи, ахунд! Людям на язык попасть боязно. Ничего нет хуже, как станут про тебя судить да рядить! Вагиф от души посмеялся над этими опасениями, успокоил земляка, и они распрощались.

Шахниса-ханум занимала комнату, окна которой смотрели на Дабтелеб¹ и Халфали². Стены и потолок ее покоев были красиво расписаны, простенки украшены сценами из «Лейли и Меджнуна», «Фархада и Ширин». Над тюфячком, где любила сидеть Шахниса-ханум, изображен был Фархад, киркой прорубающий скалу. Вагиф застал ханшу на обычном месте. Одна из рабынь, стоя на коленях перед госпожой, показывала сшитое из кусочков покрывало. Увидев Вагифа, Шахниса-ханум сделала знак женщине, та поспешно удалась.

— Ну, ашуг, — кокетливым голосом сказала ханум, ответив на приветствие Вагифа (она всегда звала его шутливо — «ашуг»), значит, непременно звать тебя надо, чтоб пришел? А ведь Кичикбегим твоя ученица! Пристало ли наставнику забывать ученика? Дурно это, ашуг, дурно!.. Да ты сделай милость — садись!

Вагиф расположился на тюфячке напротив Шахниса-ханум.

— Твоя правда, Шахниса-ханум, — виновен! — согласился Вагиф, печально склоняя голову. — Но смилуйся — ведь тебе должно быть известно, что на свете творится... В Гяндже Мамед-хан мятеж поднял, Фатали-хан опять разорил две деревни. Хану эти только и знают друг друга задирать, а нам от них одна морока! Мне бы на твоём месте сидеть! — Взгляд Вагифа остановился на изображении Фархада на стене на уровне головы Шахниса-ханум.

— Почему? — не поняла ханша.

¹ Дабтелеб — название местности в Шуше.

² Халфали — село близ Шуши.

— Потому что кирка Фархада всегда над нашей головой.

Женщина обернулась, взглянула на Фархада, улыбка тронула ее губы.

— Ох, ашуг, всегда найдешь, чем оправдаться!.. Напрасно только ты думаешь, что у матери забот меньше, чем у тебя! Видит аллах, не меньше! Вот отправляю дочку свою, цветочек свой в Тегеран, а каково ей там придется, на чужбине?

Слезы навернулись у нее на глаза, она вытерла их тонким платочком.

— Не надо горевать, — с легкой укоризной произнес Вагиф. — Ведь ты — мужественная женщина, Шахниса-ханум. Ты дочь Шахсевена и не уступишь мужчине в твердости духа!

— Нет, ахунд, нет!.. — Шахниса-ханум снова оттерла слезы. — Знал бы ты, как мне горько!.. Будь я простой женщиной с мозолистыми руками, дети мои всегда были бы при мне... Отправить дочку в Тегеран — что Азраилу отдать — увезут, и не увидят мне ее никогда. Да и зятя своего будущего я в глаза не видала. Кто знает, какой он человек... — Женщина всхлипнула. — Да, ахунд, не дорог и золотой таз, коли в него кровь цедить!..

Неожиданно впрорхнула Кичикбегим. Увидела Вагифа, остановилась в растерянности. Поздоровалась, вся красная от смущения, хотела уже уходить.

— Ты куда ж это, смуглянка, — ласково окликнул ее Вагиф.

Девушка потупилась, нерешительно приблизилась к нему. Ласково улыбаясь, смотрел поэт на свою ученицу, с наслаждением вдыхая исходящий от нее аромат розовой воды. Кудри, выбившись из-под белой кисеи, касались стройной шеи, келагай, соскользнувший с головы, открыл ее тонкий стан, в вырезе воротника белела мраморная грудь, низ шаровар и бархатные башмачки были расшиты жемчугом.

Девушка протянула поэту руку, и янтарный браслет, скользя по ее запястью, коснулся пальцев поэта.

— Выросла и теперь знать не хочешь наставника? — не выпуская ее руки, Вагиф укоризненно покачал головой. — Забыла меня?

— Я вас никогда не смогу забыть! — горячо воскликнула девушка и еще больше зарделась.

— Да есть ли у тебя хоть одно стихотворение, чтоб она не переписала?! — поддержала дочку Шахниса-ханум. — Каждый день слышу: на весь сад заливается, твои стихи распевает!

Окончательно смутившись, девушка вырвала у Вагифа руку и метнулась к дверям; черные кудри раскинулись по спине, звякнули вплетенные в них золотые монеты...

— Коза! Как есть коза горная! — Шахниса-ханум с тихой гордостью поглядела вслед дочери и глубоко вздохнула.

Небо начало темнеть уже, когда Вагиф ехал во дворец. И вот гроза разразилась. Сверкнула молния, мгновенно расчертив черную тучу ослепительными кривыми линиями, горы задрожали от грома. Шахниса-ханум кликнула рабыню. Женщина тотчас явилась, закрыла ставню. В комнате стало совсем темно. Ливень со страшным шумом хлестал по стеклам, вода стала затекать в комнату. Пришлось отодвинуть тюфячки от окна. Рабыня принесла свечу. И вдруг громынуло так, что Шахниса-ханум привскочила.

— Ла илахе иллаллах! — пробормотала она, в ужасе косясь на окно.

Но гроза длилась всего несколько минут, небо начало очищаться, в просветах облаков весело проглянуло солнце. Свечу унесли, открыли ставни, и вместе с чистым весенним воздухом в комнату хлынули соловьиные трели. Шахниса-ханум взглянула на чинары под окнами.

— Безмерна сила господня, — с радостным изумлением воскликнула она, любуясь яркой листвой. — Только что гроза бушевала, а теперь! Красота-то какая!..

Вагиф, радостно-задумчивый, кивнул, соглашаясь с хозяйкой. Наконец они перешли к основному разговору. Шахниса-ханум хотела знать, что думает Вагиф о сватовстве тегеранского бейлербея¹.

— У меня прямо сердце разрывается. Отправить дочку в чужую страну!.. За тридцать земель!..

— Хан уже советовался со мной, — осторожно заметил Вагиф. — Что я могу тебе сказать?.. Каждая девушка должна стать чьей-нибудь женой. А за первого встречного ханскую дочь не отдашь. Такая, значит, ее судьба — идти за бейлербея. Тегеран, пусть он и далеко, все же это Тегеран. А что разлучиться придется, так и тут горю можно помочь: пройдет месяц-другой, поедешь, проведешь дочку... Потом, глядишь, и она в гости соберется. Если муж ее окажется человеком благодарным...

Шахниса-ханум задумчиво слушала Вагифа. Она хорошо знала: все это — политика. Выдать Кичикбегим в Тегеран — чрезвычайно важный шаг для создания прочных связей с Ираном. Отказать тегеранскому жениху — значит нарушить и без того неустойчивое равновесие, породить в отношениях с Ираном холод и недоверие. Все это Шахниса-ханум понимала, очень хорошо понимала, но материнское сердце не хотело признавать доводов логики и рассудка.

Не зная, на что решиться, так и не сказав хану ни «да» ни «нет», Шахниса-ханум словно бы плыла по течению, подчинившись безжалостной судьбе.

— Ну хорошо, — вздохнула она. — Ты скажи, как отправлять-то: одну или кого-нибудь из братьев послать в провожатые?

— Мне думается, никого из ханских сыновей отправлять в Тегеран не надо. Кто знает, как оно обернется. Завтра Керим-хан возьмет да отдаст богу душу, и опять смута, опять — в каждом городе новый хан объявится!.. Ханского сына могут захватить — заложником оставить... Тогда пляши под их дудку — деваться некуда!

— А дочь? — испуганно воскликнула Шахниса-ханум.

— Женщин заложницами не берут. Об этом не тревожься, ханум.

Обсудили, как обставить заключение брачного контракта, потолковали о свадьбе, о приданом. Вагиф завел разговор о делах богоугодных — предложил по случаю замужества Кичикбегим отпустить на волю нескольких рабов и рабынь — пусть за нее вечно богу молятся! И его под самый конец Вагиф рассказал ханше о Сафаре.

¹ Бейлербей — бек бекон, самый знатный среди бекон.

— Помочь бы кызымовой дочке! Пусть счастлива будет, пусть тоже за твою дочь вечно бога молит! Может, как будет она уезжать, на прощанье-то и сумеет упротисить отца, чтоб разрешил Сафару объявиться. Дело это благое. Недаром ведь говорится: раскаявшийся грешник вдвойне приятен богу!

Шахниса-ханум согласилась и на это — ради благополучия Кичикбегим она готова была испробовать все.

10

Во дворце Ибрагим-хана готовились к свадьбе: кроили, примеряли, шили; собирали по деревням «свадебное», составлялся список будущих гостей.

А бедная Кичикбегим не находила себе места; в тоске бродила по комнатам, пядь за пядью обходила сад, негромко напевала печальные баяты. Ей предстояло навсегда покинуть родину: расстаться с горами Карабаха, с его прохладными, прозрачными родниками, приветливыми лесами. Увидит ли она их когда-нибудь? Промчится ли верхом на скакуне по любимым своим тропинкам, веселая и беспечная? Девушка представляла себе дворец в Тегеране, где ей предстояло провести жизнь: толстые, словно тюремные, стены, мужская и женская половины, бдительные, ревнивые евнухи, жестокий и злобный блюститель гарема... Стоило девушке подумать о том, что ее ожидает, тоска начинала душить ее. Но что поделаешь, судьба — от нее не уйдешь! Кичикбегим свято верила в предначертания.

И все же, чем больше думала Кичикбегим, тем яснее понимала, что счастья ей не видать. И вдруг к ней пришло успокоение, мысли ее прояснились, она почувствовала, что вытерпит все. Она позвала старого своего дядьку и велела приготовить лошадей и позвать Мамед-бека, она хочет прокатиться верхом.

Старик поклонился и вышел. Старый слуга никогда не перечил девушке, не задавал никаких вопросов, он только всякий раз сообщал матери, какой приказ получен им от молодой госпожи. Шахнисе-ханум не по душе была эта затея, но запретить она не решилась: пусть проедется, пусть развлечется, великое горе — разлука с родиной — ждет ее девочку.

Они выехали из крепости через ворота Халфали: впереди Кичикбегим и Мамед-бек, за ними дядька, няня Кичикбегим Гюлю и несколько нукеров. Поднялись на кручу, перевалили, стали спускаться по склону. На том берегу виднелся лес, меж голых скал горы, затаенные голубоватой дымкой; оттуда тянуло прохладным ветерком...

— Мамед, — весело воскликнула Бегим, — давай по-скачем!

Кони рванулись с места, и скоро два всадника скрылись из виду, окутанные облаком пыли.

На дороге валялся обломок подковы. Кичикбегим издали заметила его, подскакала, метнулась вниз, словно хищная птица, схватила подкову и через секунду снова была в седле. Увидев такое, Мамед-бек не выдержал — вскочил и, стоя в седле, начал стрелять на скаку. Кичикбегим издали наблюдала за смельчаком. Мамед-бек раскраснелся, лоб у него блестел от пота. Девушка подскочила к нему, обхватила рукой за шею и, трижды с жаром поцеловав в губы, умчалась вперед...

Конь медленно вышагивал бок о бок. Кичикбегим искоса поглядывала на юношу. Светлые глаза его устремлены были на гриву коня, на лице было написано счастье.

Остальные всадники подъехали ближе и теперь держались шагах в пятидесяти от них. Старик, оживленно размахивая руками, рассказывал очередную историю...

Кичикбегим обернулась, бросила беглый взгляд на слуг.

— Мамед! Через два дня мы навсегда расстанемся. Скажи, будешь ты скучать по своей амикызы¹!

Юноша не ответил, только поднял глаза, взглянул ей в лицо и снова опустил голову; крупная слеза блеснула на его ресницах. Кичикбегим увидела эту слезу, хлестнула коня. Мамед-бек, не пытаясь догнать, грустно смотрел ей вслед — концы платка, словно крылья ангела, развевались у девушки за спиной. Зачарованный этим зрелищем, Мамед-бек не мог оторвать от нее глаз; душа его томилась неведомой доселе сладкой мукой...

¹ Амикызы — дочь дяди (по отцу).

А Кичикбегим уже скрылась в лесу, только песня ее слышалась вдалеке.

Если б саду волю дать —
Ни цвести, ни увядать!
Если б смерти и разлуки
Нам вовек не увидеть!

Присоединившись к Мамед-беку, всадники по склону стали спускаться к реке. Слева от них высился, уходя в поднебесье, утес Хазна, справа негромко журчала река, на противоположном берегу, истомленный зноем, кутался в дымке лес. Из-под копыт коней то и дело выпрыгивали кузнечики, без умолку стрекотали цикады, дурманил голову аромат душистой, разогретой солнцем травы. Кони шли медленно, пробираясь между усыпавшими склон камнями, а седоки вели неспешный разговор о прошлых днях, подвигах и сражениях. Вдалеке переправлялась через реку Кичикбегим, время от времени она останавливалась, давая коню напиться...

Родника девушка достигла первой. Она соскочила с коня, перетянула поводом его переднюю ногу, пустила пастись. Умылась в бурлящем меж камней ручье и пошла навстречу остальным.

— Пойду к пиру, — печально потупившись, сказала она. — Вы ждите меня.

Тропинка вилась меж деревьев, золотыми пятнами ложилось на влажный лес солнце. Кичикбегим шла, пригибая кусты орешника. Тропинка вела на поляну, поросшую густой травой. На краю ее высилось большое иссохшее дерево. В огромное его дупло вела лесенка, сложенная из нескольких валунов, на ветках пестрели лоскутки. На одной привешена была крошечная колыбелька, к другой прикреплены лук и стрела. Кругом чернели следы очагов, разбросаны обглоданные кости... Это и был пир — святилище.

Сюда, на поляну, приходили те, кто жаждал от чудесного дерева помощи или исцеления, а чтобы пир не забывался об их просьбе, паломники привязывали к его ветвям тряпочки и разноцветные нитки; бесплодные женщины вешали на дерево колыбельки, причем те, кто просил сына, прикрепляли к ветке лук и стрелу. Боль-

ные тащились сюда с солидным запасом пищи, они так и жили под деревом, по целым неделям вымаливая у святилища чуда.

Кичикбегим внимательным взглядом окинула дерево, но просить у него ничего не стала. Судьба распротерла над ней черные свои крылья, навсегда преградив дорогу к счастью, — о чем же она может просить? Девушка даже не подошла к пиру, повернулась и ушла в лес.

Ты очами не играй,
И плечами не играй,
Как стрелой, играешь мной —
Шлешь меня из края в край!

Эхо вторило ей, разнося песенку по горам, Мамед-бек слушал голос девушки, и сладкая мука терзала его сердце. Обмирая, краснея от стыда, пошел туда, где звучал этот голос. Кичикбегим сидела над родником с веткой в руках; один за другим обрывала она листочки и роняла их в воду... Заслышав треск ветвей, девушка обернулась. Мамед-бек остановился, опустив глаза, румянец заливал его щеки.

— Иди сюда! — позвала его Кичикбегим, — мне надо что-то сказать тебе.

Юноша послушно приблизился и остановился подле нее, положив руку на рукоятку кинжала, не смея поднимать глаза.

— Садись!

Мамед-бек сел.

— Значит, ты очень любишь свою амикызы!

Юноша молчал. Кичикбегим повернулась к нему, обхватила руками за шею и горячими страстными, отчаянными поцелуями стала осыпать губы, щеки, глаза, лоб, волосы...

Когда юноша пришел в себя и снова мог видеть и слышать, он увидел, что Кичикбегим плачет. Мамед-бек молчал, потрясенный, не зная, как помочь ее горю, как унять ее слезы...

Наплакавшись вдоволь, девушка утерла слезы шелковым носовым платком и протянула его Мамед-беку.

— Возьми. Как вспомнишь меня, прижми его к сердцу... А теперь уходи! Я умоюсь и тоже приду.

¹ Перевод К. Кафарова.

¹ Перевод В. Кафарова.

Юноша поднялся, хотел уже идти, но Кичикбегим оклинула его:

— Смотри же: никому ни слова!

Она окинула его печальным, полным тоски взглядом.

— Поцелуй вот сюда и иди! — Кичикбегим пальцем дотронулась до щеки.

Мамед-бек несмело наклонился, робкий поцелуй коснулся девичьей щеки...

Как только юноша скрылся в кустах, Кичикбегим, прикрыв ладонью ухо, снова запела тонким, за душу хватающим голосом:

Нас, ашуг, не обессудь,
Загляни поглубже в грудь.
Не садись на трон с немилым,
Нищей стань, но с милым будь!¹

II

По случаю большого праздника — замужества дочери — Ибрагим-хана просили помиловать Сафара. Хан не сразу принял решение. Простить разбойника, известного по всему ханству, значило бы проявить слабость, подорвать свой престиж. А ответить отказом — значит нанести обиду дочери и огорчить ее в час разлуки. Не зная на что решиться, Ибрагим-хан решил поискать третьего пути. Наконец решение пришло: простить и тотчас же послать Сафара на опасное, безнадежное дело — просьба дочери будет уважена, а от гачага он избавится навсегда.

У кубинского Фатали-хана были два скакуна: Гамер и Шахбаз, слава об этих конях гремела по всему Кавказу, Фатали-хан безмерно гордился знаменитыми жеребцами и уверял, что не променяет бесценных скакунов на всех коней Карабаха. Ибрагим-хан, с давних времен враждовавший с Фатали-ханом, завидовал ему черной завистью. И вот выдался удобный случай: он пошлет этого парня выкрасть скакунов: сумеет — его счастье, хан простит его, даруя свою благостыню.

Вагиф рассказал Кязиму, какое хан поставил условие. Тот опечалился — выходил, сторговал рыбу, а та в реке, — однако никому ничего не сказал. «Что будет,

то и будет, — решил Кязым, — от судьбы не уйдешь». И на том успокоился.

Была пятница. Кязым полел грядки во дворе. Вдруг отворилась калитка и вошел парень, тот самый, в черных обмотках. Сегодня он был принаряжен, шаровары его шуршали при ходьбе — не иначе, как их опускали на ночь в темный колодец, — парень, видать, еще с вечера готовился наведаться в их дом.

Кязым встретил свата приветливо. Расстелил под тутовым деревом палас, усадил гостя.

— Ну, что у вас нового? — с веселой усмешкой осведомился парень. — Люди толкуют, будто хан на радостях арестованных из тюрьмы выпустил?

— Это так, выпустил. И Сафара решил помиловать.

Парень просветлел.

— Только... Только хан решил поручить ему одно дело...

— Дело? — парень нахмурился. — Какое еще дело?

— У кубинского хана два жеребца есть, бесценные кони. Вот их добыть приказал.

Кязым стал подробно толковать гостю про коней, а сам украдкой поглядывал на него — вроде не больно-то горюет.

— Ну, что это за дело! — парень беззаботно махнул рукой. — Такое Сафару — раз плюнуть! Приведет хану жеребцов!

— Приведет, говоришь? — Кязым вытаращил глаза. — Неужто сумеет добыть?!

— А чего ж тут мудреного!..

Кязым беседовал с гостем, а Телли, прижавшись к окну, затаенному промасленной бумагой, жадно разглядывала незнакомца. «Был бы он моим суженым!» — Телли даже содрогалась от этой мысли. Девушка стояла, прижавшись к стене, и щеки ее пылали. В дверях показалась ее подруга Гюльназ, дочка соседа Аллах-кулу.

— Чтой-то с тобой? — воскликнула она. — Красная вся и вроде сама не своя! Что случилось-то? Или, рассказывай! — И Гюльназ бесцеремонно оттащила подругу от окна.

Смушенно улыбаясь, Телли шепнула что-то подруге.

¹ Перевод В. Кафарова.

Та в изумлении прижала к губам согнутый указательный палец.

— Вот это да! — воскликнула она и глянула в окошко. Парень в черных обмотках чинно пил кофе, устроившись на коленях. Смоляные кудри выбивались из-под заломленной набекрень серой папахи; тонкие усики были слегка подкручены на концах.

— Ой, Телли, какой красивый парень! — Гюльназ обернулась к подруге.

Телли снова глянула в окно. Парень что-то говорил, Кязым поддакивал ему, утвердительно кивая головой. Они еще малость потолковали, потом гость поднялся и стал прощаться. Калитка за ним захлопнулась, и словно солнце зашло — Телли сразу помрачнела, насупилась...

— Не грусти! — Гюльназ понимающе поглядела на подругу и тронула ее за подбородок. — Увидишь еще его, придет!

Телли улыбнулась, но улыбка у нее почему-то получилась грустная.

Вдруг с улицы донеслись крики. Все бросились к калитке. В узкой улочке схватились в драке кумыки, жившие в их махалле. Разделившись на два враждебных лагеря, они лезли друг на друга, размахивая саблями и кинжалами. Один уже бился в судорогах, окровавленный... Телли не раз видела такие драки и знала, что есть обычай: если женщина бросит между врагами свой платок, драка тотчас же прекратится.

Девушка подбежала к дерущимся, метнулась в самую свалку и, сорвав с головы цветастый платок, швырнула его на землю. И в тот же миг затихли злобные крики, мечи и кинжалы были вложены в ножны, жаждущие мести вынуждены были отступить...

Жених Кичикбегим Мирза Мамед-хан прислал в Карабах за невестой своего родного брата. Ему наказано было удовлетворять любые требования нареченной, все делать, как она пожелает. Потрачено было великое множество золота. Самым торжественным образом прошло заключение брачного контракта, щедро одарено было все духовенство Шуши. Десять тысяч золотых и

целый батман драгоценностей — «перване ганады»¹, которые положено было класть на брачный контракт для того, чтоб брак был незбылемым, нерасторжимым, чтоб невозможной казалась даже мысль о разводе.

Но когда дело дошло до приданого, которое давал за дочерью Ибрагим-хан, то перед великолепием его померкла даже тегеранская щедрость.

Комната, в которой обычно проходили приемы, забита была вещами, а старый слуга приносил все новые и новые. Каждую вещь он показывал толпившейся в комнате знати, а молла здешней махаллы делал соответствующую запись.

Огромный, в несколько аршин длинной список, написанный на плотной, с узорами бумаге, в свернутом виде похож был на продолговатую подушку-мутаку.

Составление описи приданого отняло несколько часов. И не мудрено — ведь ничего не было забыто, от футляра для часов до пемзы — чистить пятки. Различные ковры, всех расцветок и всех размеров, посуда, чистокровные карабахские скакуны, белье, дорогие наряды, меха... Золотые вещи и драгоценности сложены были в инкрустированную перламутром шкатулку. Большинство драгоценностей невесты сделано было ювелирами Шуши; приданое составлено большей частью из того, что дал свадебный оброк: штуки лемберанской ткани, шелк из Агджабеди, ковровая ткань из Гюляблы... Омар-хан прислал из Аваристана дорогое оружие и отделанную серебром сбрую...

Наконец опись приданого была составлена, и свидетели приложили к ней свои печати.

Пока мужчины заняты были официальными делами, женщины готовились к тою. Невесту сводили в баню, поправили ей брови, покрасили хной руки. В должный час начался праздник. Празднество в доме невесты устраивалось только для женщины, мужской той должен был справляться в Тегеране, в доме мужа.

Под вечер на веранде дворца появились зурначи Гюляблы и Абдала. И сразу двор наполнила толпа. Ее поначалу составляли лишь слуги, те, что прислуживали ханским женам и их гостям. В стороне расположились человек пятьдесят сокольников, на руках у них трепы-

¹ Перване ганады — крылья мотылька.

хались соколы с колпачками на глазах; птичий клекот смешивался с веселым свадебным шумом.

Несколько нукеров взяли за руки, завели яллы. Верховодил в этом веселом танце старый дядька Кичикбегим. А народ все прибывал, валом валил на призывные завывания зурны. Танец закончился; стоявшие на веранде стали бросать в толпу монеты, а те, кто был во дворе, давая друг друга, бросились подбирать их.

До захода солнца продолжались подобные развлечения. Вечером начался праздник во дворце. В передней, почетной части зала, разместились женщины из ханской семьи — их было не меньше пятидесяти, по обе стороны от них жены и дочери городской знати. Горели сотни свечей, звучали сазы, пели певцы, и их нежные мелодии то печалили, то горячили кровь. Невеста, с головы до ног в белом, сидела среди подружек, печальная, отрешенная; особенно трогательные песни заставляли ее тяжело вздыхать, она вынимала из кармана свой тонкий платочек и утирала слезы... Подружки старались утешить Кичикбегим, но что были ей утешения?! Огромным неизбывным горем исполнено было сейчас все ее существо...

Начались выступления ашуггов. Высоко держа свои изукрашенные перламутром сазы, прохаживались они из одного конца зала в другой, распевая баяты и пританцовывая. Песни их были о любви, о тоске, о разлуке и печально отдавались в сердцах. На невесту музыка действовала сейчас как-то странно: наполняла гордостью, давала силу и стойкость и в то же время рождала в душе нечто, что убивало и стойкость и силу, и грудь ее все чаще вздымалась от глубокого вздоха...

Начались танцы, гости повеселели. Поплыли в танце красавицы Карабаха. Легкими птичками порхали по коврам бархатные, шитые жемчугом башмачки. Томно прищуренные глаза, изящные движения нежных белых точеных рук, — от них невозможно было оторвать взора. Стоило одной девушке закончить, ее тут же сменяла другая, у каждой было свое особое обаяние, своя манера танцевать — это было воплощение красоты, чистоты, женственности.

Кичикбегим едва могла усидеть на месте, невеста откуда взявшаяся радость, изгнав из сердца тоску, звала ее на середину зала. Какой-то голос, шедший из глуби-

ны души, настойчиво твердил ей: «Иди! Танцуй!» К этому внутреннему зову присоединились другие голоса — голоса подруг. Две танцевавшие посреди зала девушки, скользя по ковру, приблизились к невесте, движениями тонких рук приглашая ее выйти на середину.

Кичикбегим встала. Все смолкли, устремив глаза на невесту. Дрожащей рукой коснулась она упавших на грудь кудрей, смуглые щеки ее раскраснелись. Невеста начала танцевать. Танцовщица в ней не уступала джигиту; каждое ее движение, трепетное и вдохновенное, исполнено было женственности и грации.

Танцем невесты закончилась первая часть праздника; теперь настала очередь шутов. Они танцевали «гювенк». Это был особый танец, требовавший огромного искусства; ноги в нем не участвовали, двигались лишь руки и плечи.

Но вот музыка смолкла, начались словесные состязания. Шуты проявили высокое умение, стараясь превзойти друг друга в остроловии и находчивости.

Потом наступила очередь шута Наджафа. Изображая муллу, он наverts на голову огромную чалму, помощник его одет был простым ремесленником. Он подошел к «мулле», почтительно поклонился ему и попросил его разрешить одну задачу, связанную с вопросами веры.

— Вот какое у нас вышло сомнение. Стояли рядом кувшин масла и кувшин меда, и вдруг на полу между ними валяется дохлая мышь. Никак мы не можем разобраться: от меда она слохла или от масла... Если от меда, мед надо выбросить, если от масла — масло. Скажи, мулла, как нам поступить, чтоб действие наше соответствовало шарияту?

Наджаф-«мулла» солидно откашлялся.

— В священной книге сказано так: если возникнет сомнение насчет кувшинов, то следует приподнять гнусного грызуна, явившегося причиной сего недоумения, на уровень головы, поднести ко рту и пососать у него изпод хвоста — если пойдет мед, значит он побывал в меду, если покажется масло — в масле. Таково будет решение, угодное шарияту.

Женщины хохотали, Кичикбегим тоже покатывалась со смеху.

— Ахунд! — снова начал помощник шута. — Вот ка-

кая у меня трудность. Я просил аллаха о милости и дал обет: если все кончится благополучно, я пожертвую пять золотых сирому, голодному и нагому творению божию женского пола. Возьми эти пять золотых, — ибо кому, как не тебе могу я их доверить — отдай их какой-нибудь несчастной: нагой и сирой.

Наджаф взял деньги, дождался, пока проситель уйдет, потом достал из-под абы обезьянку, снял с нее курточку и штанишки и сказал:

— О ты, голозадное создание господне: ты нага и голодна, ибо утроба твоя пуста, — ты с утра не вкушала пищу! К тому же ты женского пола. Возьми же, о женщина, эти золотые, они предназначены тебе!

Снова все хохотали, веселясь от души... А Наджаф уже готовился показывать новые свои штуки...

13

Вся площадь от диванханы до дворца запружена была толпой. Перед дворцовыми воротами полукругом стояли верблюды, покрытые пестрыми пологами, — их охраняли нукеры; головы верблюдов украшены были цветными кисточками, бусами и ракушками, на длинных верблюжьих шеях позвякивали цепи. Пяти верблюдам предстояло нести прикрытые дорогими тканями паланкины, остальные навьючены были тюками с приданым. Каждого верблюда держал в поводу погонщик в высокой папaxe, с кинжалом у пояса.

Толпившиеся вокруг люди дивились на верблюдов, старались получше разглядеть вьюки с приданым. Конники плетками отгоняли тех, кто пытался пролезть поближе к дворцу. Все веранды, все крыши поблизости усеяны были женщинами и ребятишками. У дворцовой стены, в толпе простых женщин, стояли Телли и Гюльназ. Обе были в бязевых чадрах, лица их были прикрыты.

— Гюльназ, а Гюльназ! Вот я думаю, счастливая эта Кичикбегим! Никогда, наверное, горя не знала...

Гюльназ пожала плечами:

— Кто знает... Есть ли такой человек, чтоб горя не ведал?

Толкая друг друга, женщины стали все настойчивее продвигаться к дворцовым воротам. Толпа подхватила девушек и потащила во двор, к лестнице, ведущей на

веранду. Некоторым удалось проникнуть внутрь, в покои. Телли и Гюльназ оказались среди этих счастливиц. Среди множества нарядных ханум, сидевших в комнате, одна сразу бросилась в глаза тоненькая, одетая во все белое, под белой вуалью — невеста. По обе стороны от нее сидели енге¹ — тоже под белыми вуалями. Мать что-то говорила невесте, обе плакали... Глаза Кичикбегим были красные, опухшие, лицо осунулось, побледнело от горя, шрам на лбу казался сейчас заметнее, чем обычно.

Одна за другой подходили к невесте гости, благословляли, целовали ей руку, некоторые целовали ее в щеку. Девушки-невесты, пожелав Кичикбегим счастья, прокалывали иглой ее вуаль, потом воротник; в иголку продета была зеленая нитка. Обряд этот означал, что подруги невесты просят бога и им даровать счастье. Кичикбегим молча поглядывала на них: «Неужели это и есть счастье?» — думала она и в который раз тяжело вздыхала...

Но вот зазвучали сазы, и звонкий голос певца завел веселое:

И у вас миндаль,
И у нас миндаль.
Сваху, змей, ужалъ —
Пусть она попляшет!
И у вас кетмень,
И у нас кетмень.
Сваху не задень —
Пусть она попляшет!²

Обе енге, отбросив на спину белые вуали, притоптывая, вышли в круг. Сразу стало весело. После них в центре круга оказался старый дядька невесты и ее нянюшка: размахивая цветастыми платочками, они протанцевали «Агабала ризанси». Потом оба подошли к Кичикбегим, упали ей в ноги и зарыдали. Кичикбегим тоже не смогла сдержать рыданий. Вместе с ними рыдала и Шахниса-ханум...

Но вот снаружи послышалась барабанная дробь — это означало, что караван готов к выходу. Посторонние покинули зал. Отворилась внутренняя дверь и вошли

¹ Енге — сваха.

² Перевод В. Кафарова.

Ибрагим-хан, Вагиф, Мамедгасан-ага, священник Охан, младший сын Малик-Шахназара Джамшид и другие ханские сыновья; был среди них и Мамед-бек. Хан поздоровался с дочерью, поцеловал ее. Вагиф тоже поцеловал свою ученицу в лоб, потом поздоровался с остальными женщинами и скромно отошел в сторонку.

Невеста и обе енге опустили на лицо вуали. Брат жениха подошел к невесте, снял с себя папаху, надел ей на голову и опоясал ее талию своим поясом — это был обряд опоясывания.

Ты — красавица, невестка,
Будешь славиться, невестка,
Семь сынов, а дочь одна —
Так нам нравится, невестка!¹

Когда и с этим было покончено, Ибрагим-хан и Вагиф вышли на середину, ведя под руки невесту. Впустили пятерых рабынь, обвели их вокруг невесты, потом повернули лицом к дверям и кто-то крикнул: «Вы — свободные!»

Это был последний обряд, Ибрагим-хан и Вагиф повели невесту к выходу. Перед дверью положена была тарелка. Невеста должна была раздавить ее, наступив ногой, — так же, как она будет сокрушать все трудности, которые могут встретиться ей в жизни. Кичикбегим наступила ногой на тарелку и раздавила ее.

Невеста появилась на веранде, толпа пришла в волнение, заколыхалась... К веранде подвели верблюдов, на спинах которых укреплены были паланкины, заставили верблюдов присесть к земле. В первый посадили невесту и одну из енге. Остальные, те, кто должен был сопровождать невесту, в том числе и вторая енге, сели в другие паланкины. Верблюдов подняли, раздались печальный перезвон цепей... Приподняв вуаль, Кичикбегим в последний раз окинула взглядом родной дом, лица близких... Все вроде было как должно. Только вот у Мамед-бека, словно ножом его по сердцу, был печальный, полный муки взор...

¹ Перевод В. Кафарова.

Кичикбегим увезли, и жизнь в Шуше снова пошла своим чередом. Казалось бы, ничто не могло нарушить ее спокойного, мирного течения. Но уже через несколько дней оглушительные звуки трубы и барабана возвестили о новых тревожных событиях — по городу проходили войска. Народ высыпал на улицы. Телли и Гюльназ тоже вышли к воротам и, прикрывая лица, с любопытством разглядывали всадников, кумыков и лезгин, любящих их горделивой посадкой. За конницей тянулась вереница лошадей, мулов и ишаков, навьюченных поклажей. Девушки заметили, что среди воинов есть и молодые и пожилые люди.

— Гляди-ка, — шепнула Гюльназ подруге, — видишь того седоусого? А рядом с ним парень — наверно сын?

— И правда сын! Похож-то! Две капли воды!

Кязым и отец Гюльназ Аллахкулу, оставив работу, тоже стояли у ворот, невеселым взглядом провожая войска.

— Ну, Аллахкулу, — с усмешкой обратился к другу Кязым. — Видно, мы с тобой под счастливой звездой родились — не попали в эту заваруху! А то бы сейчас тоже топали!..

— Ох, сосед, не говори «гоп», не перепрыгнул! Будь у гянджинского хана побольше войска, и до нас бы очередь дошла!..

— Ха! Будто он сам по себе, этот гянджинский хан! Да он против Ибрагим-хана — ничто! Это знаешь, как в той притче: вышел раз волк на дорогу, глядит — овца на горе. А та завидела его и давай браниться. Смотрит на нее волк, а сам думает: «Нет, овца, это не смелость твоя кричит, тут дело в горе, на которую ты вскарабкалась!» Вот и Мамед-хан гянджинский. Не будь за его спиной кубинского хана, ему бы и в голову не пришло задраться!..

Войска проходили отряд за отрядом вразброс, без строя. У многих были фитильные или кремневые ружья. Многие и обряжены были на старинный манер: в броне, в шлемах, со щитами и мечами. Поблескивали на солнце копыя, булавы, дротики... Позади всех вышагивали верблюды, навьюченные пушками.

— Уста Кязым! — негромко сказал Аллахкулу, чуть

заметно кивнув другу. — Ведь как получается-то: ханы ссорятся, счёты сводят, а простой народ кровью умывается!..

— Это верно! — подтвердил Кязым, повывавший на своём веку немало всяческих войн и браней. — Теперешняя-то драка за добычу! Поделят — помирятся. Это, как спит однажды Молла Насреддин, вдруг слышит шум какой-то снаружи. Завернулся в одеяло, вышел. Вернулся, одеяла на нем нет. Жена спрашивает, что это, мол, там шумели. А молла ей: «Да все из-за моего одеяла, забрали и угомонились». Так и тут. Гянджинский хан сколько лет дань платил и Ираклию и Ибрагим-хану. А теперь вдруг заартачился...

Войска прошли. За ними в облаках пыли шли заплаканные женщины, бежали мальчишки...

Кязым и Аллахкулу вернулись к себе во двор. Повсюду на веревках развешаны были для подсушки яркие ткани; под ними стояли разноцветные лужицы. В пыли озабоченно возились куры. Дружья помыли руки и расположились на циновке под большой сливой. Стояла жара. На чистом ярком небе светило небольшое серебристое облачко. Кязым поглядел на него, недовольно покачал головой:

— Надо же, сушь какая!.. Постоит, не приведи бог, еще неделю, весь хлеб сгорит!..

Один из учеников принес на подносе чуречки, овечий сыр, два стакана чая, поставил все это перед мастерами. Те, помянув аллаха, принялись за еду. Нехотя жевали плохо пропеченные лепешки, лениво перебрасывались словами... Посетовали на купцов, что не в срок платят за товар и что в торговле застой... Потом завели речь про войну...

— Совсем плохо с торговлей-то получается, — сокрушенно сказал Аллахкулу. — Для дела надобно, чтоб товар шел без перебоя, а тут что ни караван, то разбойники. Да если б одни разбойники грабили!.. По какой земле не идешь, каждый хан норовит с тебя содрать — по его владениям ступаешь! Никакой нет возможности торговать!.. Вон соседние армяне в русские земли ушли. Третьего дня приезжал один из Кызлара, дела, говорит, идут — хоть куда! Виноделы лопатой золото гребут! А здесь у нас что? Хоть и получишь какой барыш, все равно отнимут!

— Да что ты все про товары да про барыш толкуешь?! — с досадой бросил Кязым. — В могилу все равно деньги не возьмешь, а без савана не похоронят, не бойся! И не морочь ты себе голову, Аллахкулу! Нет таких мест, чтоб человек беспечно жил... По мне, пускай поменьше добра, была б голова цела! Прожить бы хоть как-нибудь срок, что отпущен тебе в этом бренном мире!..

Как ни красноречиво уговаривал Кязым друга, переубедить Аллахкулу он был не в силах. У того крепко засело в голове: рано или поздно, а случай свой он не упустит; Аллахкулу знал, что ткани, которые они с превеликими трудностями вырабатывают здесь на своих первобытных станках, в России изготавливают машины, и получают эти ткани намного дешевле и лучше здешних. Аллахкулу рассчитывал закупить у русских побольше машинных тканей и продавать здесь, а местные товары возить в русские земли. Таким образом собирался он разбогатеть.

А тем временем карабахское войско, выйдя из Шуши через гянджинские ворота, медленно продвигаясь вперед, заполняло все дороги и горные проходы. Впереди ехал Ибрагим-хан, по левую сторону от него Вагиф, вокруг — ханские сыновья и военачальники. Застоявшиеся кони нетерпеливо грызли удила.

Узнав о приказе хана, Сафар тотчас тронулся в путь. Вскоре он переправился через пограничную Куру, заночевал. Там, на земле Ширвана, встретился гачагу беглый крестьянин, спасавшийся от Фатали-хана. Они подружались, и Сафар попросил нового знакомого быть его проводником до границы Кубы. Тот согласился, вместе тронулись в путь. В дороге, ночуя в разных деревнях, встречая разных людей, Сафар постоянно разузнавал все, что ему было нужно.

Наконец они добрались до Кубинского ханства. Новый друг объяснил Сафару, как ехать дальше, и повернул обратно, а Сафар заночевал в деревне неподалеку от того места, где они расстались. Здесь ему сказали, что ханские табуны отогнаны далеко в горы. Он все доподлинно разузнал, снова тронулся в путь и после долго-

го пути однажды под вечер достиг становища, которое искал.

Сафар подошел к кибитке хозяина, поздоровался.

— Гость — посланец божий! — сказали Сафару и пригласили к очагу.

Вышла рабыня. По обычаю вымыла гостю ноги, постелила перед кибиткой тюфячок, принесла угощение. Хозяин становища Мирахур сидел рядом с Сафаром, ведя неторопливую беседу. Постепенно сгущался сумрак, блекли пурпурные краски заката.

Покой разлит был кругом, лишь мечтательное журчание реки нарушало блаженную тишину. Сон подступал незаметно, как сама темнота; он тяжелел веки, старался притушить живой блеск глаз... Давно уже были постланы постели, люди спали, положив головы на подушки. Мирахур тоже ушел к жене. Ночь шла навстречу тьме, и тысячи небесных светильников освещали ей этот путь.

Все спало вокруг, лишь Сафар никак не мог заснуть, все думал о конях, которых должен добыть. Он лежал на спине, глядел на звезды, и мнилось ему, что это глаза скакунов, мерцая, светят во мгле. Потом среди этих горящих пугливых глаз блестящими виноградинами засияли глаза Телли, смущенные, робкие, полные любви и тоски... Сафар беспокойно заворочался на своей постели и снова устремил взор на звезды, слушая как тревожно и сладко поет в груди сердце. И вдруг в ночной тишине Сафар услышал осторожные шаги. Погруженный в сладкие мечтания, он поначалу не придал им значения, затуманенным взором глядя на звезды. Но шаги становились слышнее. Сафар, не шевелясь, не издав ни звука, зорко всматривался в темноту. Кто-то подошел к кибитке, остановился, воровато огляделся по сторонам, потом нагнулся, нашел что-то на земле и резко взмахнул рукой. Тотчас в кибитке послышался хрип, потом вопль, крики... Сафар выхватив из-под мутки кинжал, тигром метнулся к темной фигуре. Но человек уже исчез, растаял в темноте, словно пыль осела на дороге. Преследовать его Сафар не стал, приложился ухом к остову кибитки, прислушался... Изнутри слышались голоса: гневный хриплый голос Мирахура и звонкий, как колокольчик, нежный женский голос. Мирахур в чем-то упрекал жену, та оправдывалась, плача...

Сафар отошел, лег. Минуты через две из кибитки вышел Мирахур, подсел к нему и, облокотившись на мутаку, сказал негромко:

— Ну, гость, видел, что удумали? Во сне порешить хотели! Опутала мне горло веревкой, а конец наружу сунула, под кибитку... Хорошо ты не спал, спугнул негодяя...

Голос Мирахура прервался от негодования, он схватил Сафара за руку, потащил его в сторону от кибитки. Они сели, Мирахур раскурил трубку и, малость успокоившись, поведал Сафару свою беду. У его молодой жены любовник, он точно знает это, вот только поймать не может. Один раз хотел было прикончить ее, лиходея, да возмолвилась, в ноги упала... Пожалел на свою голову...

Мирахур глубоко затынулся, взглянул на темные облака, клубившиеся на горизонте, горестно, тяжело вздохнул... Обернулся к Сафару.

— А теперь, дорогой гость, скажи мне, кто ты и зачем в наши места пожаловал, какая у тебя на душе работа. Я для тебя все сделаю. Нас пятеро было у отца, четверо братьев на войне сгинули. Один я на свете, как перст. Будь же мне братом до скончания мира!

В голосе Мирахура Сафар слышал неподдельную искренность и настоящее мужество; такому можно было открыться во всем. И Сафар рассказал ему свою жизнь, ничего не скрыл. И что сюда его привело — тоже выложил. Мирахур выслушал его, помолчал, подумал и сказал, не скрывая огорчения:

— Все бы ничего, да жаль, что женщина замешана! Сними этот камень с шеи! Свяжешься, потом ведь не развяжешься! Лучше возьмем этих самых коней, переправимся через Аракс, а там — и в Кербелу! Бросим этот обманный мир... в нем только ложь да скверна — проведем жизнь в молитвах и благодати!...

Сафар промолчал. Он глядел на розоватые облака, клубившиеся на самом краю неба, и ему виделся нежный взгляд Телли, ее алые щеки, разметавшиеся по плечам черные кудри... Сердце его исходило тоской по невесте.

— Ты только, гость, не сомневайся! — снова заговорил Мирахур. — Коня твою, а сам я — должник твой по гроб жизни! Потому говорю, что жалко мне тебя:

вот ты сейчас молод, а вдруг в мои годы ни при чем останешься?

Сафар и на этот раз ничего ему не ответил. Среди облаков мерещились ему щеки Телли, и были они такие нежные, такие розовые! И глаза ее светились, как звезды...

Мирахур досадливо кашлянул, молча поднялся и ушел. Немного погодя вернулся, ведя в поводу двух скакунов.

— Вставай, гости! Время терять нельзя!

Они тронулись в путь. Переправились через ближнюю речку, в ивняке Мирахур придержал коня.

— Ружье забыл, — сказал он. Подожди тут, я сейчас.

Он передал Сафару повод своего коня и ушел. Минут десять его не было, Сафар любовно поглаживал гриву Гамера, дивясь его прекрасной, выгнутой, как дамаская сабля, шее, гордо посаженной голове. Конь этот давал ему силу, веру в себя; Сафар словно бы восседал сейчас на спине того самого золотого быка, от движений которого сотрясается земля и рушатся горы...

Послышались торопливые мужские шаги. Мирахур выскользнул из темноты и в ярости швырнул на землю какой-то круглый предмет.

— Ты заслужила это, бесчестная! — воскликнул он и вскопил на коня.

Гамер пугливо шарахался, косясь на предмет, брошенный Мирахуром. Сафар всмотрелся внимательно, на траве лежала женская голова, опутанная длинными волосами.

До Куры они ехали вместе, а там распрощались: Мирахур направился к Араксу, Сафар повернул к Шуше.

По дороге Сафар встретил войско Ибрагим-хана, они с победой возвращались домой. Ослепленного Мамед-хана везли привязанным к ишаку, тут же, в обозе, были его жены, дети и брат Рагим-бек. Медленно двигались тяжело нагруженные мулы, ослы, выюнные лошади — они везли добро, награбленное в Гяндже и ее окрестностях.

Конь Сафара сразу привлек все взоры. Сафар еще не достиг дороги, по которой двигалось войско, а вперед

уже посланы были гонцы — узнать, что там за чудо-конь. И сразу у всех на устах зазвучало имя Сафара, тысячи глаз устремились на него с завистью и восторгом. И вот Сафар предстал перед Ибрагим-ханом.

— Я выполнил приказ, — сказал Сафар, покорно опустив голову, — теперь на все ваша ханская воля!

Вагиф взглянул на хана — резкие черты повелителя, казалось, несколько смягчились.

— За геройство твое и удалество я милую тебя, — величественно промолвил хан. Он улыбнулся, перевел взгляд на Вагифа и, прочтя на его лице одобрение, добавил снисходительно: — Садись на Гамера, я поручаю тебе этого коня — ходи за ним, холь его!

Сафар поклонился, взял коня и отошел; хан и его свита проследовали дальше. Как только военачальники миновали Сафара, он вне себя от радости птицей вскопчил в седло. Он прощен! Он на Гамере въезжает в город! Он едет к Телли! Минуты тянулись годами, а жажда свидания жгла Сафара не меньше, чем полуденное солнце. Но все имеет свой конец, и как ни терзала, как ни томил его мучительная, словно мираж в пустыне, тоска по любимой, все испытания и волнения были уже позади.

Огненное солнце клонилось к закату. С близких уже гор повеяло долгожданной прохладой; до крепости оставалось лишь два поворота.

В городе уже знали, что войско возвращается. Народ высыпал из крепости и заполнил пустырь перед крепостными воротами. Кязым, Аллахкулу, Гюльназ и Телли тоже были в толпе. Вот в ущелье закружилась пыль — это прибыли гонцы сообщить о приближении хана. Толпа пришла в движение. Те, на чью долю пришла низина, пытались подняться, чтобы не проглядеть хана, но на них кричали со всех сторон, требуя, чтоб не застали; приходилось снова опускаться на землю.

— Телли! — попросила Гюльназ, — подвинь-ка голову!.. Ничегошеньки за тобой не видно! Тянешь шею, как гусыня!

Телли рассмеялась.

— Ты чего все надо мной подсмеиваешься!?! — она скособочилась, передразнивая Гюльназ, а подруга из-за ее головы старалась разглядеть, что делается внизу, в той стороне, где кладбище. И вдруг закричала:

— Едут, ей-богу едут!..

Телли повернулась. Хан и его свита подымались на плоскогорье. Стало тихо, все взгляды были устремлены вниз. Теперь видна была уже и конница. Хан в сопровождении свиты медленно проехал перед народом; лица победителей были в пыли, потемнели от степного солнца. Вагиф обернулся, оглядел собравшихся возле крепости женщин, заметил Телли. Девушка зарделась, опустила глаза. Когда хан и его приближенные скрылись за городскими воротами, она вскинула голову и стала жадно вглядываться в воинов. И вдруг взор ее застыл, кровь бросилась в голову, сразу обесилев, она припала к подруге.

— Гляди, Гюльназ! Гляди! Тот самый парень, что к нам приходил! Какой под ним конь! О!..

Все вокруг уже только и твердили, что о чудо-коне, спрашивали друг друга, что за всадник на нем. Наконец кто-то назвал его имя — Телли ушам своим не поверила.

— Гюльназ, слышишь, Гюльназ! Они говорят — Сафар! Как же так?! Ведь это тот парень, которого он присылал!

— По-твоему выходит люди — лгут? Понятно — Сафар! Схитрил. Не мог же он прийти к вам и сразу: «Вот, он я, гачаг-Сафар!»?

Но Телли уже не слушала ее, она не отрывала глаз от Сафара. Какая жалость, что городские ворота были так близко!.. Уже через несколько минут подковы Гаме-ра звенели по камням под аркой городских ворот...

Телли не хотела смотреть ни на пленных, ни на живописно разодетых солдат, ни на нанизанные на копья почерневшие человеческие головы. Все помыслы ее, как и черные блестящие от счастья глаза, были устремлены туда, к воротам, за которыми скрылся Сафар.

Гянджинский поход заметно усилил влияние и авторитет Ибрагим-хана. Во дворце по случаю победы состоялось грандиозное торжество, город был празднично освещен, палили пушки, приближенным хана щедро раздавались подарки. И вдруг пришло известие о смерти Керим-хана Зенда, около тридцати лет бывшего наместником в Иране. Торжество было нарушено — радость

померкла. Снова тревога поселилась во дворце карабахского хана.

Получив известие о смерти Керим-хана, Ибрагим-хан тотчас призвал к себе Вагифа. Они заперлись в одной из дальних комнат и стали обсуждать положение, создавшееся на Востоке.

— Что ж, в Иране каждые двадцать-двадцать пять лет происходят перевороты и кровопролитие, — с присущей ему невозмутимостью заметил Вагиф. — Сейчас там, по всей видимости, создается положение, подобное тому, какое предшествовало появлению Надир-шаха. В каждом городишке объявится хан, все они будут посягать на трон, и снова рекой польется людская кровь...

— Но ведь это и нас может коснуться? — встревоженно спросил хан, заглядывая в лицо Вагифу.

— А как же — непременно коснется, — кивнул Вагиф, неспешно перебирая четки. — Было ли хоть раз, чтоб мы остались в стороне, если в Иране смута? Надир тогда места живого не оставил от Карабаха, мечом и огнем прошел... Ведь это он угнал в Хорасан все население нашего ханства и Ширвана!.. Сколько тогда погибло народу!..

Они помолчали, вспоминая не столь уж давнее прошлое: кровь, пожары, голод, холеру. Бессчетные беды и несчастья...

— Проклятье!.. — пробормотал Ибрагим-хан. Он приподнялся и сел удобнее, скрестив перед собой ноги; под левый локоть сунул шелковую подушку. — Пусть бы бесились, пусть бы делали все, что заблагорассудится, только там, у себя, по ту сторону Аракса!..

— Ну, это едва ли будет... — с сомнением произнес Вагиф... Он не хотел скрывать от хана серьезности создавшегося положения. — Они непременно будут требовать от нас повиновения! Согласишься на их условия — горе, не согласишься — вдвое!

Хан снова сделал несколько суетливых, выдающих душевную муку движений, затянулся кальяном и, касаясь бороды концом мундштука, с надеждой заглянул Вагифу в лицо. Тот улыбнулся:

— Прямой опасности пока нет. Мы действовали правильно, в соответствии с обстановкой. В Тегеране у нас родство, мы расширили переписку с бейлербеем, полу-

чаем точные сведения, принимаем соответствующие меры...

Невозмутимость Вагифа в какой-то мере передалась хану: он помолчал немного, подумал и сказал невесело, но спокойно:

— Под влиянием покойного наместника и благодаря огромной силе, которой тот располагал, Фатали-хан долгое время держал себя в узде. Как бы он теперь голову не поднял!..

— Да, сейчас у Фатали-хана дела пойдут несколько иначе.

Вагиф прекрасно сознавал, сколь серьезно создавшееся положение, и все-таки голос его был ровен и бесстрастен. — Четыре года тому назад в Дербент были призваны русские войска. Но тогда в Табасаране и Казыкумук шла междоусобица. Теперь же...

— А что теперь?! — прервал его Ибрагим-хан. — Разве тот, кто призвал русские войска четыре года назад, не может сделать того же сейчас?!

— Эта мысль мне тоже пришла в голову, — ответил Вагиф, — но я сомневаюсь, смогут ли русские войска прийти теперь. Вашей милости известно: прийти-то они тогда пришли, но не задержались, значит была причина. Екатерина заключила мир с турками, и Фатали-хан не может не знать, как это влияет на наши дела.

Долго продолжалась беседа. Наконец решено было принять некоторые меры. Мамедгасан и Мирза Алимамед должны были отправиться на Аракс, Ибрагим-хан и Вагиф — на Куру: надо было незамедлительно проверить состояние войск, наличие продовольствия и фуража.

Облегченно вздохнув, хан благодарно посмотрел на Вагифа и затаился — весело забулькала вода в эмалированном кальяне...

Покурив, хан кликнул нукера:

— Прими! — он взглядом указал на кальян.

Нукер осторожно взял кальян, понес к выходу. В дверях показалась Шахниса-ханум.

— А! — шутливо протянула она, — опять ашуг что-то хану наештывает!

Вагиф поднялся, уступил место ханше. Та села, тяжело отдуваясь.

— Значит, траур решили продлить? — женщина ус-

мехнулась и, сразу вдруг помрачнев, спросила встревоженно: — Ахунд, а как там бейлербей, ничего?

— Если не ввяжется в драку...

Шахниса-ханум тяжело вздохнула, глаза ее наполнились слезами.

— Что будет, то и будет, — сказала она, теребя свой рукав, — на все воля аллаха!

Ибрагим-хан сидел, устремив взгляд в открытое окно, думал о чем-то. Ему видна была западная часть города, мазанки махаллы кочерли, темные кровли, дым, выходящий над отверстиями в крышах... Женщины сушили кизяк, ребятишки стреляли в цель, несколько парней в коротких штанах состязались в метании палиц...

Направо, возле крепостной башни упражнялись с пушкой бомбардиры — все они были из рода Джаванширов; смотреть на пушкарей было приятно, и лицо хана на секунду просветлело... Выше, за крепостью, вздымались поросшие кустарниками скалы, над ними — хмурое, все в густых облаках небо...

— Ахунд! — сказал хан, отрывая взор от невеселой картины. — Надо обо всем сообщить Ираклию, пусть будет в готовности. Ты напиши ему.

— Письмо уже готово! Я вчера написал. Когда пошлете гонца?

— Немедленно! Время терять нельзя. Утром сразу и отправим! Что там ни говори, а с Фатали-ханом надо держать остро! — И добавил, подумав: — Омар-хану тоже напиши, пусть и он подготовится на всякий случай.

— Будет сделано! — коротко ответил Вагиф. Взглянул хану в лицо, хотел что-то добавить, но промолчал. «Не стоит пока, сразу все объяснить трудно».

Вагиф сидел перед изукрашенным резьбой зеркалом. Предстояло высушить хну, которую приглашенный на дом цирюльник положил ему на бороду.

— Давай мастер, начинай, — попросил Вагиф, — мне надо спешить!

Цирюльник нацепил ему на грудь красный передник и стал смачивать голову. Как все цирюльники на свете, он был человек словоохотливый, но пока еще помалки-

вал, не находя повода развязать язык. Потом, видно, решил, что для начала годится хна.

— Вот, ахунд, — заговорил он, — хна-то как вздоржала!.. Не думает хан принять меры? — Не прекращая смачивать Вагифу голову, цирюльник наклонился и заглянул ему в лицо. Вагиф отмолчался. Тогда брадобрей решил зайти с другой стороны.

— Сказать по правде, хоть она и дорога, да денег своих стоит! Прекрасная это вещь — хна, человек словно заново родится!..

Вагиф опять ничего не ответил. Цирюльник достал из футляра широкую бритву, принялся за бритье. Несколько раз рука у него дрогнула, и он порезал Вагифу голову. Когда он прикладывал к порезанным местам конец фартука, Вагиф вздрогнул, но и на этот раз промолчал. А брадобрею и кровь — повод для болтовни.

— Вот, порежешь, всегда кровь течет! Отцы наши говорили, это к добру!

Вагиф вынес все молча, терпеливо выслушал все изречения своего мучителя. Покончив, наконец, с бородой и усами Вагифа, цирюльник снял с него фартук и направился к двери. Но тут его осенило, он решил изречь еще несколько истин. Вагиф встал, вынул из кошелька несколько монет и, передавая их цирюльнику, сказал:

— Я не ведал того, что хна подорожала, но то, что она вещь полезная, — это мне было известно. Что из порезанного места всегда течет кровь, это ты тоже точно заметил. Но я вот что хочу еще сказать тебе:

Ты силу для меня сберег, цирюльник,
И кровь моя — тебе в упрек, цирюльник.
А бритва, что в руке твоей сейчас,
Пусть треснет вдоль и поперек, цирюльник!

Когда, расставшись с брадобреем, Вагиф вошел в соседнюю комнату, Кызханум занималась там своими волосами, поглядывая в небольшое зеркальце. В комнате стоял аромат розовой воды. Лучи солнца, падавшие из окна, тысячами бликов играли на ее свежих щеках. Черные глаза светились — то, что она видела в зеркале, наполняло женщину гордостью. Как пристали ее белым руками янтарные браслеты!.. Вагиф стоял, скрытый тяжелой портьерой, и глядел, глядел на нее,

как на ангела. Он ревновал ее к зеркалу, к окну, к солнечным лучам — ко всему на свете ревновал он свою молодую жену. Стоял, боясь шелохнуться, чтобы не испугнуть ее, не нарушить чудесной гармонии. Но не смог справиться с собой: горечь поднялась из глубины его существа, тело содрогнулось, он глубоко вздохнул и, сделав безразличное лицо, отворил дверь. Засылав скрип двери, женщина вздрогнула, как испуганный джейран, обернулась... Вагиф искося взглянул на нее: это была уже совсем не та Кызханум, что минуту назад, гордая и счастливая, расчесывала перед зеркалом волосы. У нее было уже совсем другое лицо, и Вагифу больно было смотреть на нее.

— Кызханум, дай мне чуху! — дрогнувшим голосом сказал поэт, и голос его пресекался.

— Чуху? Зачем тебе чуха? Куда ты опять собрался? — голос ее прозвучал укоризненно.

— Мне нужно. К Мирзе Алимамеду съезжу.

— Вечно тебе что-то нужно! Вечно у тебя дела... Так и заболеть недолго...

Вагиф понял ее намек.

— Слушай, Кызханум, ради бога! Не лезь ты в мою жизнь, и без того тошно!.. Я ведь только попросил — дай чуху. Идешь же ты в гости и иди, я ничего не говорю, и ты в мои дела не вмешивайся. Ведь я от тебя не требую ничего! Ничего, кроме приветливого обращения!

Кызханум фыркнула, вскочила с места и, достав из ниши узел, вытащила оттуда чуху с газырями. Вагиф оделся и, выходя, украдкой глянул на жену: в черных, джейраньих глазах ее блеснули слезы обиды...

Три дня тому назад сыграли свадьбу, сегодня предстоял обряд открытия лица. Когда Кызханум пришла, Телли с подружками находилась за пологом, а по эту сторону полога сидели приглашенные на праздник гости. Кызханум проводили на почетное место; по лицу ее все еще заметно было, что ей не по себе.

Гостей становилось все больше. Мешетте — женщина, убравшая новобрачную, пошептавшись о чем-то с матерью Телли, вышла. Немного погода внесли свечу. Поставили ее на блюдце посреди комнаты, зажгли и накрыли медным тазом. На таз постелили коврик, поло-

жили тюфячки, подушки, получился красивый трон; сверху его покрыли шелковым сюзане¹. Гюльназ и мешетте вывели Телли из-за свадебного полога — лицо ее прикрыто было тонкой вуалью, — усадили на только что сооруженный трон. Мешетте принесла полный поднос погула и приговаривая: «Да быть тебе плодovitой!..», — высыпала все конфеты невесте на голову. Потом вперед выскочил мальчик со скалкой в руках, один из родственников невесты. Он поддел этой скалкой тюль на невестинной голове и, схватив его, выбежал из дома. Целая ватага ребятишек ринулась вслед за ним, они схватили вуаль невесты и забросили ее на ветку плодоносного дерева².

Пока Кызханум веселилась на празднике у Телли, Вагиф проводил время в беседе с возлюбленной. Медина была вдовой военачальника, убитого в одном из иранских походов Ибрагим-хана. Вторично выйти замуж она не захотела и жила одна, средства к жизни давало ей небольшое имение.

Бездетная, свободная, Медина могла заниматься собой, всегда была красиво одета, весела и неизменно молода, хотя тридцать ей исполнилось уже давно. Ее приветливость, гостеприимство, остроумие не могли не очаровывать Вагифа. Да и лицом она была хороша. Полные, алые губы, перламутровые зубки, короткие ровные брови, живые карие глаза — все в ней было очаровательно. На редкость обаятельная женщина, Медина была к тому же умной, приятной собеседницей.

Медина, как обычно, усадила Вагифа в разукрашенном простенке.

Снова в горящее пламя меня
Ввергла разлука, моя дорогая!..

— стихами сказал он, любуясь цветущей красотой женщины.

Окно с ее стороны было открыто и Вагифу виден был зелено-желтый, отдающий багрянцем лес; окутан-

¹ Сюзане — тонкое покрывало.

² Обычай бросать вуаль невест на ветку плодоносного дерева означает пожелания новой семье быть богатой многочисленными детьми (сыновьями и дочерьми).

ный синеватой дымкой, он пламенел в тумане. Вагиф перевел взгляд на возлюбленную.

— Знаешь, Медина, — задумчиво сказал он, — осенние краски леса рожают во мне какую-то светлую грусть. Все кончается, угасает, но, угасая, во всей полноте проявляет свою суть, во всем великолепии раскрывается перед миром. Вышее, последнее проявление человеческой сущности — любовь. Или же ко мне, дорогая!

Кокетливо склонив головку, Медина с наслаждением слушала вдохновенные слова Вагифа; стройная шея ее белела меж непослушных кудрей, улыбка трогала нежные губы.

— Но почему ты все время толкуешь о последнем проявлении? — спросила она, лукаво усмехнувшись.

Больше Вагиф уже не глядел на лес, он любовался Мединой. Женщина сидела, горделиво откинувшись на бархатную подушку; стрелы ее ресниц ранили влюбленное сердце, перед красотой этой женщины померкли бы все красавицы двора.

— Медина! — Вагиф улыбнулся. — Я говорю о последнем проявлении лишь потому, что оно более бурное, более пламенное. О молодости я не забываю. Разве мыслимо забыть весну? Но в последнем проявлении человеческой сути — обилие, полнота, щедрость, столь присущие осени! И та же грусть... Ведь за великолепием осени, за буйным торжеством красок идет сядя зима и черная беспощадная смерть!..

— Ради бога, не поминай об этом! Ты здесь, здесь твоя Медина — значит, здесь жизнь!..

Вагиф попытался возразить ей, но не нашел слов и беспомощно огляделся по сторонам, как бы отыскивая их. Медина торжествующе рассмеялась и весело захлопала в ладоши.

Вагиф тоже не смог сдержать улыбки.

— Слово, что соловей... Вспугнешь замолчит!

— Вспугнешь? — удивленно протянула Медина. — Да кто я такая, чтоб пугать соловья твоих речей?

— О, ты пери! Капризная, привередливая пери! Ты бродишь в саду поэта, мешая ему петь свои песни!

— Мешаю! Только мешаю?

— Конечно нет, — с нежностью произнес Вагиф, наслаждаясь ее милым кокетством. — Ты приносишь в этот сад сладость печали, волшебство любовной тоски! Ах,

Медина, я слишком отчетливо вижу лицо нашего времени! Ничто, кроме сладкозвучного неясного поэзии, не может облегчить боль моего сердца, истерзанного бесчисленными заботами и тревогами.

— А перс любви? Разве она не дает тебе счастья? Забвения от мирских забот?

— Счастье? Что такое счастье? Добрая минута... Бескорыстная улыбка... Юношеская влюбленность...

— О поэт! — Медина с жадностью слушала Вагифа, но согласиться с ним не могла, — тебе ли говорить о горестях и невзгодах! Ты видишь, ты правая рука хана, опора трона!..

— Медина! — прервал ее Вагиф, — государственные дела — это всего лишь долг, служба! Жизнь сердца — не имеет к этому отношения. Сердце поэта — особый мир: его любовь — необычная любовь, слава — не просто слава, блаженство его сердца — особое блаженство...

— А кому же принадлежит это сердце?

— Сердце — одной любимой!

— Ой-ли? — Медина шутливо покачала головой. — Трудно верить мужчинам. Их сердца, словно пнялы с шерботом: переходят из рук в руки, а досыта никто из них не пьет!..

— Что значит досыта, Медина? Наслаждению, страсти, поэзии чужда сытость!

— Ах так! — Медина расхохоталась. — Мне привезли из деревни прекрасные яблоки и груши, я оставила их для тебя. Но теперь вижу, что сделала это напрасно, ты насытишься и не станешь ни страсти твоей, ни стихов...

Вагиф не смог не оценить ее шутки и весело рассмеялся.

— Нет, Медина, без лакомства нам не обойтись! — сказал он, когда она поднялась, чтобы выйти из комнаты.

Одетая в алое и зеленое, среди ярких ковров и занавесей, она напоминала поэту полевой мак, трепещущий от прикосновений ветерка. Он проводил ее долгим взглядом.

Предположения и опасения, высказанные Ибрагим-ханом и Вагифом во время их беседы, не замедлили оп-

¹ *Ней* — музыкальный инструмент, подобие флейты.

равдаться: со смертью Керим-хана иранские ханы схватились в ожесточенной — не на жизнь, а на смерть — борьбе за власть. Самыми сильными из них были ханы из рода Каджаров. Они уже не раз, хотя и безуспешно, покушались на иранский престол. После смерти Надира Мамедгасан-хан Каджар долгое время сражался за власть с Керим-ханом Зендом и был убит, так и не достигнув цели. Сын его Агамухамед, оскопленный по приказу Адиль-шаха Афшара, вместе с братом Гусейнкулу был увезен Керим-ханом в Шираз — заложниками. Сразу же после смерти Керим-хана Агамухамед-хан бежал из Шираза, овладел Астрабадом, Мазандараном и Гиляном и вступил в ожесточенную схватку за трон.

То, что Агамухамед захватил Астрабад, чрезвычайно не понравилось Екатерине, поскольку она давно уже решила построить в Астрабадском заливе порт — повернуть на север пути европейской торговли с Индией. Порт еще не был заложен, но ему уже было дано название — Мелиссанал.

Агамухамед-хан решил установить хорошие отношения с Россией и отправил в Петербург посольство, однако посольство это принято не было. К тому времени против Агамухамед-хана выступили Муртузакулу-хан и властитель Гиляна Хидаят-хан. Для ведения переговоров об Астрабаде Екатерина направила в Астрабадский залив флот во главе с графом Войновичем. По приказу Агамухамед-хана его военачальники сначала встретили русских дружелюбно, хорошо обошлись с ними, а потом, войдя в доверие, зазвали на берег и взяли под арест. Некоторое время пленников продержали в тюрьме закованными в цепи, потом Агамухамед приказал их освободить, изобразив дело так, будто он и понятия не имел об этом аресте. Выйдя из тюрьмы, граф Войнович тотчас же увел флотилию в Россию.

В связи с этими чрезвычайными обстоятельствами Ибрагим-хан собрал во дворец совет, пригласив на него всех приближенных. Мирза Алимамед сообщил собравшимся о донесениях, полученных от тайных агентов, причем каждое, даже самое незначительное, сопровождал собственным комментарием.

Мирза Алимамед давно уже кончил, но никто из присутствующих не осмеливался высказать своего мнения.

Одни безмолвно перебирали четки, другие потягивали чай.

— Ну так что же? — спросил хан, обводя взглядом высокое собрание. — Какие у кого мысли? Чувствуете, что сидим на пороховой бочке?

И опять никто не произнес ни слова. Тогда, испросив разрешения, стал говорить Вагиф.

— Да будет благополучен хан, — начал он. — Я слышал все, что сообщил почтенный Мирза Алимамед. Полагаю, что пока прямой опасности для нас нет. Сейчас самое главное — правильная, разумная политика. Фатали-хан тяготеет к России, это нам известно. Что ж, владения его достигают Дербента, и в случае чего он может рассчитывать на помощь с Севера. Мы же граничим с Ираном, и стоит Агамухамеду перейти Аракс, он может огнем и мечом пройти по землям нашего ханства — в этих условиях идти на обострение отношений было бы весьма опасно. Если Агамухамед потребует от нас подчинения, мы соберемся снова и будем решать. Пока необходимо выжидать, будучи готовыми ко всему. Таково мое соображение.

Мысли, высказанные Вагифом, восприняты были с одобрением, все кивали, высказывая этим полное согласие.

— Беки! Скажите же и вы, какие мысли, какие тревоги тяготят ваши умы, — снова обратился Ибрагим-хан к вельможам. — Пусть не останется невысказанного!

— Что может сказать простой смертный после того, как свое слово произнес всеведущий Ахунд Молла Панах?! — с улыбкой заметил Мамедгасан-ага. — Агамухамед-хану пока что приходится туго... Если он тронется на Шираз и Исфаган, Муртузакулу-хан с помощью русских может отбить Астрабад. Так что непосредственной опасности для нас пока, видимо, нет.

Снова воцарилось молчание. Оно было нарушено кашлем Мамедгасан-аги. Он откашлялся, достал платок и, вытерев рот, спросил:

— Других новостей не имеется?

С разрешения хана ответил ему Вагиф:

— Эриванский хан обратился к пашам Эрзерума и Карса — решил рассчитаться с Ираклием. Оба пашы прислали нам письма, в которых выражают мнение, что помогать Ираклию было бы позором. Мы ответили не-

определенно. Ни да, ни нет. — Собравшиеся оживленно зашевелились. — Эти пашы не ведают, что тут у нас происходит; при нынешних обстоятельствах рисковать нашей дружбой с Ираклием недопустимо! А эриванский хан — ну что ж! Ему хочется освободиться от даней — от тех шести тысяч туманов, которые он ежегодно вынужден отдавать Ираклию. Как говорится, козел шкуру бережет, а мясник прикидывает сколько сала будет!.. — Вагиф засмеялся. Хан тоже усмехнулся, кивнул молотово...

В этот момент дверь нерешительно отворилась и показался юноша лет семнадцати, краснощекий, с широкими ноздрями. Это был новый писарь Мирза Джамал. Юноша поклонился, сложив на груди руки, и обратился к хану.

— Да буду я жертвой вашей, — сказал он. — Бакинский хан Хаджи Маликмамед-хан выражает желание получить аудиенцию у вашей милости.

Хан бросил на него гневный взгляд. Розовые щеки юноши мгновенно стали багровыми.

— Хаджи Маликмамед-хан?! — переспросил хан, и глаза его вспыхнули мрачным огнем. — Зять Фатали-хана?!

Все переглянулись в ужасе. Вагиф, склонившись к хану, что-то шепнул ему. Лицо повелителя несколько смягчилось.

— Пусть его ответят в дом Шахмамед-а! Я пока не имею времени беседовать с ним! Завтра!..

Мирза Джамал поклонился, вытер со лба пот и, пятью, вышел из зала.

Зима была в разгаре, снега уже выпало на пол-аршина. Хаджи Маликмамед-хана пешком привели во дворец. Целый час прождал он на ветру, на открытой веранде, пока, наконец, Ибрагим-хан велел позвать его. В комнате, куда его провели, не было никого, кроме хана и Вагифа. Встретившись впервые в жизни, все трое некоторое время молча изучали друг друга; сложные чувства выражали их взгляды. И хотя кроткий вид Хаджи Маликмамед-хана, покорное его поведение произвели благоприятное впечатление не только на Вагифа, но и на Ибрагим-хана, взгляд хана был гневен. Вагиф же, вы-

нужденный в присутствии повелителя внешне выражать негодование, в душе только жалел этого доброго человека, никому не сделавшего зла.

— Ну, что ты хочешь?! — срывающимся от гнева голосом спросил Ибрагим-хан, даже не пригласив гостя сесть.

— Я старый человек, — начал бакинский хан, красными от мороза руками поправляя собольи воротник. — Я никому в жизни ни на волос не причинил зла. Вот я и надумал: пойду, выполню долг мусульманина. Потому что в святые места намерение имею отправиться... Решил попытаться: может примирю... Ведь то, что произошло между кубинским ханом и вашей светлостью, ханом Карабаха, это недоразумение... Мусульманам не пристало...

У Ибрагим-хана задрожали губы, он прервал гостя на полуслове.

— Кто тебя просил вмешиваться? А? Мы что тебе чело били?

Стены сотрясались от крика Ибрагим-хана. Вагиф думал, что уже все: сейчас хан кликнет Шахмамеда и прикажет скормить незваного гостя соколом. Но Хаджи Маликмамед-хан так жалобно, так робко зывал о милосердии, что даже хан, казалось, смягчился. Нескольким раз он сердито откашлялся и проговорил хриплым, сдавленным от негодования голосом:

— Знай же, хан! — в том, как он произнес слово «хан», была открытая насмешка. — Фатали неисправим в своем вероломстве. Положиться на такого вероломного человека?! Он прекрасно знает, что брат мой Мехрали — мой злейший враг, и все-таки он пригрозил его у себя! Он послал войска Хидаят-хану, он сверг ширванского хана, сгоняет население новой Шемахи в старую, истязает людей!.. На днях он перешел Куру и разорил наше собственное поместье — зачем ему это было нужно? И после всего, что он сделал, ты говоришь, что я должен поверить ему? Помириться с ним? Вы решили обвести меня вокруг пальца? Для этого он и прислал тебя?

На весь дворец прогремел голос Ибрагим-хана, требовавшего к себе Шахмамеда.

Тот явился незамедлительно.

— Шахмамед! — от ярости хан брызгал слюной. — В зиндан¹ этого негодяя!

¹ Зиндан — темница.

Маликмамед-хан побледнел, хотел что-то сказать, но слуги уже схватили его и потащили вон.

Туманным утром во двор к Кязыму вошел посланный из дворца.

— Кто тут Сафар? — громко спросил он. — Его во дворец требуют!

Телли и Гюльназ ткали, сидя на веранде. Услышав про дворец, Телли побелела.

— А зачем он понадобился? — заплетаящимся от страха языком пролепетала она.

Парень сдвинул на затылок папаху, поскреб макушку.

— Нужно, стало быть... Где он есть-то?

— Да зачем он? — с упрямым отчаянием повторила Телли.

— Почему я знаю! Сказано: привести! — Поглядывая по сторонам, ханский нукер рассеянно скреб у себя под шапкой. И вдруг папаху свалилась с него, и спутанный клок волос упал ему на лоб. Гюльназ улыбнулась, Телли же, поглощенная тревогой, быстро встала, отряхнула пыль с шаровар и с горестным выражением на лице вышла со двора. Неподалеку от мастерской, на пустыре, Сафар строил дом: он поставил четыре столба и теперь переплетал их прутьями. Сафар спокойно выслушал жену.

— Ну чего переполошилась? Зовут, стало быть надо идти. Вернее всего опять куда-нибудь пошлют!..

Он надел куртку и вместе с нукером отправился во дворец.

На базаре собралась большая толпа. Оказалось, что дарга¹, обнаружив у одного из продавцов неточные весы, приказал привязать виновного к фалагге² и бить его прямо тут же, посреди базарной грязи. После тридцати ударов человек потерял сознание. Ханский нукер глядел на несчастного, равнодушно почесывая макушку, ничто

¹ Дарга — начальник базарной охраны.

² Фалагга — деревянные колодки, к которым привязывают ноги провинившегося и бьют по ним палкой.

не дрогнуло в его лице; Сафар кусал губы, с трудом сдерживая гнев.

Не останавливаясь, миновали они многочисленные лавки: здесь торговали тканями, лекарственными снадобьями, ювелирными изделиями...

Дошли до диванханы¹. У ее стены, меж других казенных, томился в предсмертной муке посаженный на кол человек. Мальчишки швыряли в него камнями, а он все отворачивал искаженное мукой лицо и повторял монотонно:

— Не... бросайте... В глаза... попадете...

«Безжалостные!» — подумал Сафар, однако произнести это слово вслух не осмелился.

Нукер привел Сафара в комнату для прислуги. Человек восемь дворцовых слуг, расположившись на килиме², вели задумчивые беседы. Дядька Кичикбегим тоже был здесь. Он сидел в переднем углу, скрестив ноги, потягивал люльку. Один из нукеров оживленно описывал сцену, которую видел вчера на рынке:

— Дарга кричит: «Говори, мерзавец, ты гатыг выпил?» «Нет», — отвечает. «Правду говори, сукин сын! Куда он девался?! Ты сожрал!» А тот упрямится. Ну дарга разозлился да как пхнет ему ножом в брюхо, гатыг во все стороны!.. Потеха!..

Сафара привели к Мирзе Алимаведу. Большая устеленная коврами комната, с выходящими на веранду окнами, помещалась на первом этаже; ниши заполнены были книгами и тетрадами. Когда Сафар вошел, Мирза Алимавед что-то писал, положив на колено дощечку с бумагой.

Сафар поздоровался, Мирза Алимавед ответил на его приветствие и указал ему место сесть. Убрал перо в пенал и окинул Сафара внимательным взглядом. Тот продолжал стоять.

— Садись же! — повторил Мирза Алимавед.

Сафар опустился на колени, сел.

— Ты хорошо знаешь Кубу, — начал Мирза Алимавед. — И хан решил дать тебе поручение... Важное по-

ручение... Фатали-хан подтянул войска к Шемахе, видимо, у него есть какой-то замысел. Поезжай, поброди там, вызнай, сколько у них сабель, когда войско должно выступать, в каком направлении. Пойдешь под видом разносчика товаров. купишь кой-какие товары — денег я тебе дам. Побольше толкайся среди людей. Ты понял меня? Хорошо понял? Дело очень важное! И срочное!

Мирза Алимавед подробно растолковал Сафару, что от него требуется. Товары, которыми он должен был торговать, и конь вскоре были готовы. На следующий день Сафар спозаранку снарядился в путь. Заплаканная Телли, отворив ворота, вылила вслед мужу полный таз воды, чтобы сопутствовала ему удача.

Мамед-бек уже вырос, стал взрослым, образованным юношей. У специального учителя брал уроки. В те времена обучение состояло из чтения нескольких книг. Начинали с «Черেকে», потом переходили к корану на арабском языке, а уж под конец читали персидских классиков. Азербайджанского языка в школах не изучали, но поскольку для Ближнего Востока это был язык международного, говорить на нем умел каждый. На азербайджанском языке существовала устная народная литература; остроумные пословицы и поговорки, прелестные сказки, задумчивые лирические песни, поэтичностью своей подчас превосходившие персидскую поэзию, столь почитавшуюся в официальных кругах. У любого грамотного молодого человека имелась в те времена особая тетрадь: в нее переписывались лучшие из стихов, созданных на родном языке, прежде всего стихи Вагифа; нередко их заучивали наизусть. Как любой богатый городской юноша того времени, Мамед-бек увлекался поэзией, охотой, сказками... Примерно так же жил и сын Вагифа Касум-ага.

Наступила весна. Лед таял, и по улицам, журча, бежали потоки. Вершины гор еще прятались в тумане, но было уже тепло. После долгой, нудной зимы каждый стремился на солнышко: на веранду, на крышу, на улицу; во дворах женщины чесали шерсть.

¹ Диванхана — суд, судилище.

² Килим — палас.

Когда Мамед-бек и Касум-ага пришли в зорхану¹, там уже было полно народу. Зорхана представляла собой довольно широкую крытую арену, окруженную деревянными трибунами. Юноши переодевались здесь же, на трибунах, снимали свою одежду и облачались в короткие штаны из мягкой кожи.

Мияндар — смотритель зорханы, рослый, широкогрудый, с могучими мышцами мужчина — спустился на арену и прохаживался по ней, держа в руке стрелу с колокольчиками; бритая его голова поблескивала на солнце. Музыканты с крашенными хной бородами настраивали тары и кеманчи.

Один за другим юноши вышли на арену. Раздался громкий голос мияндара, и тотчас же прозвучал колокольчик. Заиграла музыка. По знаку мияндара юноши разделились на две группы и по двое стали строиться слева и справа от него. Посреди арены сложены были похожие на скалки деревянные палицы. По знаку наставника юноши разобрали их и стали метать. Для начала брали самые легкие и, постепенно меняя, переходили к более тяжелым. Первая палица показалась Мамед-беку игрушкой. Он с усмешкой взял ее и забросил на край арены. Мияндар строго глянул на него, призывая к порядку.

По указанию наставника юноши меняли палицы, снова и снова повторяя упражнения. Потом они парами прошлись по кругу, постояли, отдохнули немного и снова стали упражняться с палицами.

Наконец с этим было покончено. Стали готовиться к борьбе — смазывать друг друга салом. Снова раздался звон колокольчика. Юноши встали в круг. Зазвучала веселая, бодрая музыка. По знаку мияндара Мамед-бек и Касум-ага вышли на середину арены.

Сначала они медленно кружили друг за другом, нараспев произнося реджас — похваляясь собственной силой и устрашая соперника; зрители, сидящие на трибунах, криками подбадривали их.

Наконец Мамед-бек, громко вскрикнув, бросился на противника, схватил его за правое запястье, рванул на себя. И снова они начали кружить по арене, все более возбуждаясь выкриками зрителей, громкой дробной

музыкой и собственными угрозами. Вот они сблизились, уперлись друг в друга макушками, опять разошлись. Еще громче зазвучал реджас. Борцы сошлись, схватили друг друга за кушаки. Они старались покрепче обхватить друг друга, но тела их были смазаны салом... Попробовали другие приемы — безрезультатно. Наконец Касум-ага, уловив момент, зашел сбоку и, рванув Мамед-бека, опрокинул его на землю. Но, словно кошка, всегда падающая на четыре ноги, Мамед-бек уперся в землю руками и ногами и замер в таком положении. Как ни старался Касум-ага вывести противника из стойки, ему это не удавалось. Наконец он решил вскочить Мамед-беку на спину, но тот, воспользовавшись моментом, мгновенно перевернулся и, схватив противника одной рукой за руку, другой — за горло, прижал к земле. Он, кажется, задушил бы Касум-агу, но зазвенел колокольчик мияндара; противников рассталили.

Тяжело дыша, стояли они друг против друга, грязные, потные, глаза их горели ненавистью.

Но колокольчик мияндара покончил и с этим; борцы обнялись и расцеловались. Такой был обычай, установленный в зорхане, — в сердцах противников не должно было оставаться ни злобы, ни ненависти.

Мамед-бек и Касум-ага освободили арену, следующая пара начала борьбу.

Часа через два, выйдя из зорханы, Мамед-бек собрал вокруг себя приятелей.

— Ребята! Движем вечером на Куру!

— Правильно! Едем! — поддержало его несколько голосов.

— Да разве сейчас время? — одиноко прозвучал чей-то нерешительный голос... — Реки разлились...

— Помалкивай! — презрительно бросил Мамед-бек. — Неужели разлива побоимся?! Ну кто как хочет, а я не баба, чтобы дома сидеть!.. Беру с собой вечером нукеров и еду!..

— И я поеду!

— И я!!

— Вот это дело! — весело бросил Мамед-бек, лихо сдвинув на глаза высокую белую папаху. — Только смотрите — не спасовать! Сразу после вечернего азана!

¹ Зорхана — спортплощадка.

¹ Азан — призыв мусульман к молитве.

буду ждать у крепостных ворот, чуть выше кладбища. Уговор — дома ничего не говорить, отправимся в Кяг-ризили, в мою деревню, погостим там денек-другой, шашлычком побалуемся, а потом переправимся через Куру, и в Ширван! А там уж разгуляемся — потешим свою душеньку! Пусть знают, каких сыновей рожают женщины в Карабахе!

Слова Мамед-бека пришлись по душе его приятелям. Каждому не терпелось помахать саблей, показать удалство и смелость.

В тот же вечер, как только луна скрылась в облаках, шестнадцать всадников выехали из крепости и по Кяхратской дороге стали спускаться в долину.

Сафар возвратился из Ширвана через пятнадцать дней. Он обернулся быстро, потому что скакал без остановки: стоило его коню притомиться, старшины и мелники тотчас давали ему другого — таков был приказ хана.

Прибыв в Шушу, Сафар, не медля, отправился во дворец. Мирза Алимамед тотчас принял его, отложив все дела.

— Ну, удалец, с какими вестями прибыл?

— Ага! Вести такие: у Шемахи стоит огромное войско. По дорогам не пройти, не проехать — все заполнили конные, в деревнях ни одной папачи — всех мужчин забрали. В тот день, как мне приехать, Тарги Шамхал привел восемь тысяч лезгин. Удальцы — ничего не скажешь — соколами смотрят!

— Хорошо, но почему он не выступает, раз собрал такое войско?

— Говорят, приласов маловато. Послали ширванского хана по деревням — добывать. А люди не отдают, прячут. В одной деревне упали старосте в ноги: «Смилуйся, не забирай семеня! Чем сеять будем?!» А тот отобрал человек десять, привязал их к стене, а головы — к буйволиным упряжкам, — те рванулись, головы прочь от тела!.. Своими глазами видел!

— Ну и что, боязно было смотреть? — удивленно спросил Мирза Алимамед.

— Нет, ага. Боязнь мне неведома. Но когда над людьми, над живыми людьми, такое лихое действо!.. Не терпит мое сердце!..

Мирза Алимамед исподлобья глянул на Сафара.

— А самого Фатали-хана ты не видел? — помолчав, спросил он.

— Нет. Он, сказывали, в Дербенте. Из Аждарханы корабль прибыл с артиллерией, принимать ее поехал. Они, говорят, русским сальянскую рыбу продали, а те им оружие...

Мирза Алимамед молчал, думал. Потом, словно очнувшись, задал Сафару еще несколько вопросов и отпустил — отдыхать.

Когда Мирза Алимамед поднялся наверх, у хана были Вагиф и Мамедгасан-ага, Алимамед-ага сообщил о возвращении лазутчика и передал хану все, что услышал от Сафара. Хан слушал молча, не перебивая, но губы у него подергивались.

— Войска Ираклия уже миновали Гянджу, — сказал Вагиф, пытаясь хоть несколько унять гнев хана. — Мы увеличили численность своего войска на Куре. Следует, мне думается, направить туда Мамедкулу-агу с артиллерией. Десять тысяч мы выставим, пять приведет Ираклий — Фатали не сможет перейти Куру!

— Ты полагаешь, Фатали не одолеет пятнадцати тысяч? — уже несколько спокойнее спросил Ибрагим-хан.

Вагиф улыбнулся.

— Не одолеет, хан, да буду я жертвой твоей! Сам не одолеет. Он только на русских и надеется. Не зря же он направил сюда этого Хаджи Маликмамеда. Но я опасюсь, что, если дела у него примут несколько иной оборот, Агамухамед-хан улучит момент и начнет жечь наши деревни!..

Опустив на бороду мундштук кальяна, хан внимательно слушал Вагифа.

— Ну, хорошо, что же ты советуешь?

— Мое мнение прежнее, — спокойно сказал Вагиф. — Но то, как вы обошлись с Маликмамед-ханом, я думаю произвело на Фатали весьма неблагоприятное впечатление. Посол неприкосновенен...

Вагиф не стал продолжать, ибо знал, что сказанного и без того достаточно, чтобы хан заупрямился.

Ибрагим-хан чувствовал, что допустил ошибку, но не хотел признать ее. «Если я выпущу этого юрдивого, — лихорадочно работала его мысль, — Фатали ре-

шит, что я испугался. И все равно это ничего не изменит. Нет, я соберу все силы и двинусь на него! Я должен опередить Фатали!»

Все молчали. Зловещая улыбка тронула губы повелителя.

— Я сам выступлю против Фатали-хана. Я покажу ему! Отца его подниму из могилы!

В тот же день на улицах города забили барабаны, заиграли военные трубы. Ко всем старшинам и меликам разосланы были гонцы с приказом выставлять конников, собирать и везти припасы. Вся земля между Курой и Араксом заволновалась, тронулась с места, двинулась на Ширван. Тысячи людей, оторванных от полей и пашен, отправились в поход за смертью.

Соединив с войсками Ираклия, которых привел его сын Георгий, своих пять тысяч воинов, набранных большей частью в Казахе и Шамседдине, Ибрагим-хан направился к Куре. Здесь, расположив отряды вдоль берега, он отправил в разведку Сафара. Тот переправился через Куру как только стемнело и вернулся под утро. Он привез весть, что три тысячи лезгин под командованием Шамхала быстро движутся к Куре. Ибрагим-хан привел войска в боевую готовность.

Стояло ненастное, холодное утро, ветер резал лицо. Среди прибрежных камышей и кустарников то там, то тут торчали палахи — это сидели в засаде воины Ибрагим-хана. Стрелять было запрещено.

Подойдя со своими частями к Куре, Шамхал огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, приказал начать переправу. Когда его конники были на середине реки, с противоположного берега началась пальба. Лезгины смешались... Шарахались раненые лошади, падали с седел всадники, а части все подходили и подходили... Кое-как Шамхал повернул конников, и, давая друг друга, они начали в панике отходить. И тут из засады выскочили карабахцы и грузинские воины. Засверкали сабли, рубя отступающих лезгин. Ударил артиллерия — все вокруг заволокло пороховым дымом... Ибрагим-хан на коне, размахивая саблей, сам бросился через Куру, тысячи всадников ринулись за ним.

Отступающих преследовали долго. Вагиф следом за

Ибрагим-ханом скакал по усыпанному окровавленными телами полю; время от времени ему становилось так тяжело, что он вынужден был хвататься за гриву коня — сердце сжималось от невыносимой острой боли...

Компания Мамед-бека подъезжала к Кягризли. Весна была в разгаре: луга уже зеленели, распустились фиалки, деревья стояли в белом и розовом цвету, нарядные, как невесты. Словно подвешенные на солнечных лучах, в воздухе вились тысячи пчел, рождая волшебную мелодию. Торжествовала земля, радостно сияло небо, и только люди оставались печальными, безучастными к этой красоте. Мужчины уже год как на войне, кто убит, кто изуродован, вся тяжелая работа на женщинах, а старшина знает одно — налоги требовать.

Мамед-бека встретили в деревне вроде бы приветливо, но про себя каждый думал: «Пронеси аллах! Пока что от этих ханских сынков никто добра не видел!..» Впрочем деваться было некуда, оставалось лишь полагаться на судьбу.

Старшина, прослышав о приезде Мамед-бека, бросился навстречу, сам ввел его в господский дом и, приложив руку к жирной груди, с трудом сгибаясь от тучности, сказал:

— Я твой слуга! Приветствую тебя в твоём доме! Счастлив служить тебе и твоим гостям!..

Через минуту веранда в двухэтажном доме была застелена коврами, молодые беки, вымывшись у колодца, удобно расположились на них. Коней развели по двору — по одному на крестьянский двор; старшина послал людей по деревне — собирать «гостевые».

— Ну, ребята, — сказал Мамед-бек, с гордостью оглядывая цветущие сады, — как вам мое имение?

— Замечательно! Чудо. Просто рай!.. — слышались восторженные голоса.

Мамед-бек прищурил светлые глаза.

— Подождите, я вам еще не такое покажу! — и он приоткрыл губами.

Нукеры поспешно разводили в саду костер, беспрепятственно дуя в огонь и то и дело вытирая слезящиеся глаза полами рваных архалуков. Поодаль свежевали только

что заколотого барашка, у колодца мыли зелень. Женщины, закрытая яшмаком, расстелила скатерть, положила на нее чурек, овечий сыр, гатыг...

— Ну, ребята, с богом! — командовал Мамед-бек и протянул руку к угощению; гости последовали его примеру.

Старшина, распорядившийся неподалеку от веранды, то и дело подходил к господину и тянул умоляющим голосом:

— Ради аллаха! Не набивайте вы себе животы кое-чем — сейчас мясо будет готово!

И правда, садж¹ уже стоял на огне, и пукеры клали на него куски жирной баранины. Гости, порядком проголодавшиеся в пути, потягивая носом, с наслаждением слушали, как шипит мясо. Скоро оно было поджарено, его залили гатыгом и подали. Принесли стаканы, наполненные свежей водой из кягриза².

Перед верандой толпились оборванные ребятишки. Жадными глазами глядели они на угощавшихся господ. Старшина с бранью стал разгонять их.

— Не надо! — Мамед-бек покачал головой. — Пускай стоят! — и он бросил вниз несколько костей.

Голодные ребятишки мигом похватили их. Те, кому не повезло, налетали на счастливых, пытались отнять добычу; схватившись не на жизнь, а на смерть, мальчишки катались по земле, а Мамед-бек снова и снова бросал им кости и до слез хохотал над этим зрелищем.

Наконец с едой было покончено; старшина принес несколько мутак, и гости расположились отдохнуть.

Приезд молодого господина был старосте очень кстати: люди его обшаривали дом за домом, отнимая «для гостей» все, что можно; то и дело слышалось всполошенное кудахтанье кур, крики и проклятия женщин.

Когда гости проснулись, солнце еще стояло высоко. Молодые беки спустились к воде, напились и отправились побродить по деревне.

— Посмотрим, может что и приглянется!.. — Мамед-бек подмигнул приятелям.

Но что там могло приглянуться?.. В беспорядке разбросанные бедные хибарки, за ними кучи высушенного

кызяка... Женщины, старики... Все в изношенной, лняной одежде... Встретились им несколько человек с отрезанными ушами и носами. За гостями бежала стайка ребятишек, их становилось все больше и больше...

Гости вышли за деревню. Несколько девушек с кувшинами на плечах шли за водой к кягризу. Одна из них, в сдвинутой на бок чалме, рассказывала что-то подругам. Вдруг она обернулась, взгляд ее встретился с взглядом Мамед-бека, и щеки девушки запылали огнем. Но и Мамед-бек пронзил ее быстрый взгляд. Он тихонько пошел следом, любясь тонким станом, загорелыми, стройными икрами, длинными девичьими косами, на концах которых позвякивали серебряные монеты.

Заметив, что молодой бек преследует их, девушки притихли. Подошли к кягризу, спустились, стали набирать воду. Мамед-бек стоял в сторонке, не отрывая глаз от той, что нарушила покой его сердца. Улучив момент, спросил трепетно:

— Как тебя зовут, девушка?

Красавица молчала, устремив взгляд в землю. Время от времени она нерешительно поднимала голову, но, встретив страстный взгляд Мамед-бека, смущенно отворачивалась.

— Как твоё имя? — настойчиво повторил юноша.

Девушка метнула на Мамед-бека испуганный взгляд.

— Айша! — вымолвила, и голос ее пресекался. Она стояла вся красная от стыда.

— Чья ты?

— Дочь мельника Османа.

— Пойдешь за меня? — жарко проговорил Мамед-бек. — Хочу чтоб женой моей была! — Он горделиво выпрямился, положив руку на рукоятку кинжала, ждал ответа.

Девушки переглянулись. Айша еще больше покраснела, смущенно улыбнулась и, поставив на плечо кувшин, поспешила прочь от колодца.

Девушки торопливо возвращались в деревню, а Мамед-бек стоял, прислонившись к дереву, и с тоской глядел им вслед.

— Надо же! — сказал он и вздохнул. — Обворожила, проклятая! Душу из меня вынула!

— Зачем же так, ага? — с хитрой улыбкой спросил

¹ Садж — круглый выпуклый железный лист.

² Кягриз — подземный водопровод.

старшина. — Девка того не стоит, чтоб из-за нее душу терять! Пожелай только, любая будет к твоим услугам!

Но Мамед-бек вернулся в деревню притихший, задумчивый. Старшина все юлил, все увивался вокруг него.

— Ага! Да ты только прикажи, тотчас пойду и посватаю! Правда, отец у этой красотки упрям малость... Ну да и это не беда — добром не отдаст, ему хуже — увезем ночью и вся недолга!

Мамед-бек сидел у моста, отмалчивался... И приятели его приуныли, молчали, обхватив руками колени, глядели на воду. Один старшина, стремясь выказать свою преданность, говорил без умолку, то и дело прикладывая к груди руки.

— Ну выданное ли дело, ага? В кои-то веки ты к нам пожаловал, да чтоб уехал с тяжелым сердцем?! Не хорошо это! Разреши, потолкую с ее отцом!

Мамед-бек поднял на него глаза, взглядом дал знак, что согласен. Старшина сразу понял его, готовно прижал руки к груди и исчез.

Дома он отца Айши не застал, поспешил на мельницу. Под ивой, на берегу арыка, сидел человек с густой проседью в бороде; он только что вымыл ноги. Это был мельник. Когда старшина приблизился, мельник не вскочил, не бросился ему навстречу, лишь морщинистое лицо стало чуть радушнее.

— Садись! — сказал он, ответив на приветствие старшины.

Тот сел.

— Вот шел мимо, дай, думаю, зайду погляжу, как он там... — начал старшина гораздо ласковее, чем говорил обычно. — Что, думаю, поделявает...

— А что можно делать?... Вот, говорят, молодой бек приехал. За «гостевыми» пришли, полмешка муки как не бывало... — Мельник подвернул до колен свои рваные шаровары и окинул взглядом гостя: большое толстое его тело, одутловатое красное лицо... — Чем хочешь, тем теперь и кормись! Ты ведь знаешь, я хлеба не сею, только что за помол получу. Едоков семь душ...

— А я с доброй вестью к тебе, — с улыбочкой прервал его старшина. — Больше печали не будешь ведать!

Мельник окинул старшину недоверчивым взглядом — неоткуда было ждать ему добрых вестей.

— Сам господин наш, Мамед-бек, сватом меня к тебе прислал! Айшу твою у колодца углядел...

— Старшина! — прервал его мельник, и в голосе его отчетливо слышен был гнев. — Ты лучше меня знаешь — господин нам не ровня и не быть ему моим зятем! Мне такое дело не подходит! — Он мрачно оглядел старшину и повторил твердо: — Не ровня мы с господином!..

Старшина пустил в ход свой сладкий язык. Но как он ни расписывал, как ни соблазнял мельника рассказами о том, какая жизнь ожидает Айшу в бекском доме, мельник не уступал.

— Да ведь тебе-то тоже выгода будет! — продолжал убеждать его старшина. — Податей не платить — семья в достатке будет! Припеваючи заживешь!..

Мельник слушал, молчал. Наконец ему это надоело, он положил старшине руку на плечо и сказал:

— Вот что, браток, ты знаешь, у меня пять дочерей. Сыном бог не наградил. Вот я и думал: выдам Айшу за хорошего парня, станет он хозяином мельницы, и как придет время в землю ложиться, знать буду, что сына на этом свете оставил, будет кому о дочках моих позаботиться. А бек что? Мне с ним в одной упряжке не ходить!.. Понял? Ну и все, давай эти речи кончим!

Как ни распинался старшина, переубедить мельника ему не удалось. Он наперед знал, что к мельнику и на козе не поедешь, и не больно-то на него рассчитывал, и все-таки, окончательно потеряв надежду, мысленно обругал упряма меднолобым.

Мельник Осман родом был из Ширвана; в один из своих набегов Мехралы-бек пригнал его сюда в числе других пленников; домишко Османа был среди первых построек, выросших возле кягриза. Нравом Осман заметно разнился от соседей, человек он был решительный, твердый, из тех, у кого слово с делом не расходится; в деревне его прозвали «Осман-упрямец». Все это старшине было доподлинно известно, а потому он не стал больше тратить слов, однако, явившись к молодому беку, твердо сказал ему, чтоб не терял надежды.

Так прошло три дня. Старшина из кожи вон лез, чтобы развлечь молодых гостей. Каких только затей не устраивал — и охоту, и всякое другое, а сам тем временем направил к мельнику деревенских стариков. Но и хода-

тайство аксакалов не помогло, упрямец стоял на своем. Что тут поделаешь? Старшина велел схватить девушку у колодца да и увезти — тем дело и кончилось.

23

Разбитый Ибрагим-ханом на Куре, Фатали-хан не успокаивался — требовал выдачи Хаджи Маликмамеда и спешно накапливал войска. В августе 1780 года Фатали-хан с десятью тысячами лезгинских всадников снова начал продвигаться к Куре. Однако, не получив вовремя жалования, лезгины-наемники разбежались по домам.

В конце осени стало известно, что в Кубе опять неспокойно. Сафар разведаль, что там сосредоточено восьмипушечное войско. Мирза Алимамед, получив эти сведения, сообщил их Вагифу, тот — Ибрагим-хану.

— Хан, — с присущей ему мягкой настойчивостью говорил Вагиф, — преданность моя известна тебе. Для величия и благополучия твоего и твоего ханства я делаю все, что в слабых моих силах. Люди, познавшие науку жизни, искушенные в делах государственных, давно уже пришли к такому выводу: «Друга привечай, врага выпроваживай!» Владыки, не желавшие прислушиваться к советам умудренных, всегда оставались в накладе. Послушай же моего совета! Держать огромное войско слишком тяжело и для казны и для народа. Не лучше ли поискать других путей?.. Нам нужно обмануть Фатали, превзойти его в хитрости.

Хан молча покусывал губы, глаза его налились кровью, однако возразить Вагифу было нечего — это он понимал.

— Хорошо, что же делать? — спросил он срывающимся голосом.

— Прежде всего то, на что я уже не раз обращал внимание хана. Нет никакого расчета и дальше держать в тюрьме Хаджи Маликмамед-хана. Его надо освободить, а Фатали припугнуть...

— Как? — нетерпеливо прервал его хан.

— Надо предупредить кубинского хана, что, если он не уговорится, мы объединимся с Агамухамед-ханом — камня на камне не оставим в его владениях!..

— А Фатали поверит?

— Заставим поверить. Неплохо было бы также войти с ним в родство... Если одна из сестер Фатали поселится в гареме хана, это отнюдь не повредит делу...

Ибрагим-хан начал осыпаться, слушал с интересом. На мгновение резкие черты его смягчались, словно затуманенные негой страсти... Потом хан вдруг снова нахмурил брови — какая-то новая мысль придавала его лицу злое выражение.

— Ну, а что ты скажешь насчет гянджинского Мамеда? — насмешливо спросил он, имея в виду ослепленного им хана Гянджи.

— Мамед понес заслуженное наказание. Того, кто осмеливается перечить хану, возмездие не минует... Но его семья... Чем провинились беспомощные женщины, дети? Хан всегда был милосерден к слабым. И аллах благословляет его за это, даруя богатство и непобедимость. Семья Мамед-хана в беде, они ждут помощи от хана Карабаха, в щедрости не уступающего Хатамтаи!..

— Ну хорошо, хорошо! — Хан смягчился окончательно. — Скажи Шахмамеду, пусть распорядится... — Он вдруг улыбнулся какой-то своей мысли и с довольным видом начал поглаживать бороду.

24

Хаджи Маликмамед-хан был выпущен из зиндана в тот же день. Многие месяцы не знавший ни бани, ни ножниц цирюльника, арестант весь оброс — волосы свисали ему на плечи, борода закрывала грудь, к тому же он обовшивел. Вагиф отправил беднягу в баню, приказал обрить, привести в порядок его бороду, дал теплую одежду.

Зима была в разгаре. Дороги замело снегом, тропинки сковало льдом — сообщение с Агдамом прекратилось. Немало уже насчитывалось жертв: люди замерзали в пути или срывались в пропасть с обледенелых троп. Ехать было немисливо, и Вагиф пригласил бакинского хана к себе — погостить, пока не откроется перевал.

После долгого пребывания в темнице Хаджи Маликмамед-хан похож был на скелет, обтянутый кожей. Но,

¹ Хатамтаи — миф щедрости, легендарный богач, раздавший людям все свое состояние.

несмотря на все страдания, он не потерял веры и по-прежнему уповал на мудрость всевышнего.

— Значит мне предначертано было терпеть эти муки, — смиренно сказал он Вагифу. — От судьбы никуда не скроешься!

С сочувственной улыбкой слушал Вагиф этого мягкого, доброго, глубоко верующего человека. Спорить с ним не хотелось. И все-таки он спросил:

— Хан, но ведь человек — разумное, сильное существо. Аллах дал ему рассудок, дал волю. Что может сделать всевышний, если ты не желаешь пользоваться его дарами, если отринул их?

— Ничто не происходит без соизволения аллаха, — повторил Хаджи Маликмамед-хан непреклонно и твердо. — Совершается лишь то, что должно свершиться. Люди отвернулись от аллаха, и в наказание им всевышний создал тиранню. Вот мы и терпим муки. Ты ученый муж, ты мудр, сведущ в науках, в истории человеческой, и тебе, конечно, известен случай с той птицей, что, не ко времени сбросив оперение, осталась вдруг обнаженной, беззащитной пред холодами. Но приказал аллах: не быть зиме! И не выпал снег, и было тепло, как летом; и тепло стояло до той поры, пока малая птаха эта не оперилась вновь... Разве земные повелители, чужие шариат, могут совершить хоть что-нибудь подобное?! Нет, ахунд, занятые мирскими заботами, обольщенные мирскими соблазнами, мы по уши погрязли в грехах. Там, в тюрьме, я дал обет: как только приду в Баку, откажусь от престола, уйду в Мекку и буду служить лишь аллаху...

Хан умолк, смиренно перебирая четки. С мягкой усмешкой смотрел Вагиф на этого чистого сердцем человека, размышляя над его словами...

Прошло три дня, погода смягчилась. Хаджи Маликмамед-хану дали коня, двух нукеров в сопровождение, и он отправился в путь. Освобождение его лишило Фатали-хана хорошего предлога снова двинуться на Карабах. Ни один из его единомышленников, ни ширванский хан, ни Шамхал не пожелали понапрасну проливать кровь.

Был морозный вечер. Снег, сыпавший всю ночь, утих, луна заливала все вокруг перламутровым призрачным светом. Дома сидеть не хотелось.

— Кызханум! — Вагиф обернулся к жене, расположившейся против него у камина со спицами и чулком в руках, — собирайся, пойдем к хану в гости!

Не вынимая спиц, Кызханум молча сложила вязанье, поднялась и вышла из комнаты. Слуга принес Вагифу верхнюю одежду, папаху. Минут через пятнадцать они были готовы. На Кызханум был подбитый мехом бархатный кафтанчик, на ногах — короткие, подвязанные у колен чулки. Голову украшала чалма из шерстяной ткани. Вагиф облачился в соболью шубу.

Они вышли. Ярко светила луна, но тем не менее их сопровождали два нукера с фонарями: один — спереди, другой — сзади.

Во дворце они разошлись в разные стороны. Кызханум отправилась к женщинам, Вагиф — в зимние покои хана. Потрескивая, горел камин, бросал отблески на приглушенные полумраком стенные росписи, на пестрые ковры и гардины. По обе стороны от камина, в нишах, сияли вставленные в подсвечники свечи.

Ибрагим-хан, облокотясь на шелковые подушки, играл с Агасы-беком в «чашечки». Чуть поодаль стоял молодой нукер — прислуживал. Игра была не из мудреных: на луженый поднос опрокидывалось двенадцать чашек, под одной из них спрятано было кольцо. Задача состояла в том, чтоб угадать эту самую чашку. Когда Вагиф вошел, прислужник только что расставил чашки; играл хан, он медлил поднять руку. Хотел было уже взять одну из чашек, но увидел Вагифа и опустил руку.

— Ну, ахунд, ты вовремя явился! Я тут коменданта на петуха посадил! — хан рассмеялся довольный. — Везет мне сегодня!.. С первого раза накрываю!

Вагиф сел на указанное ему место у камина. Хан весело взглянул на него и снова принялся за игру.

— Ну, Агасы-бек, будешь знать, как со мной связываться! Это тебе не Алиммамед!.. Вот, гляди! — и хан

смело поднял одну из чашек, полукругом выстроенных на подносе. Кольца под чашкой не было.

Агасы-бек невольно улыбнулся. Хан, несколько обескураженный, поднял чашку, стоящую на другом краю подноса, кольца опять не оказалось. У повелителя Карабаха начал подрагивать подбородок, — и Агасы-бек притих. Хан резко взмахнул рукой, потянулся к третьей чашке. Агасы-бек побледнел, он страстно желал, чтоб злоподучное кольцо хоть на этот раз оказалось под чашкой. Но, словно назло ему, кольца снова не было. Хан отшвырнул чашку и обернулся к слуге.

— Иди сюда! Собери все это! — голос его звучал злое.

— Хан, — начал Вагиф. — На днях мне довелось увидеть прелюбопытную книжицу. В ней описывается прошлое этих мест. Ты ведь знаешь, я любопытен до таких вещей...

Хан, казалось, заинтересовался, гнев его вроде бы стал утихать. Вагиф, мгновенно уловив это изменение, быстро продолжал:

— Лет за тысячу до хиджры здесь, на земле Карабаха, жили огнепоклонники. Потом туранские племена, преодолев Вал Искандера, нахлынули со стороны Дербента и разграбили страну. Ирано-туранская война, описанная в «Шахнаме», протекла именно здесь, в междуречье Куры и Аракса. Многого повидала наша земля...

Поняв, что опасность миновала, Агасы-бек облегченно вздохнул, выпрямился и, выпитив неширокую, но крепкую грудь, решился вступить в разговор.

— Вашей милости известно, что, когда покойный Панах-хан ходил на Фатали-хана, я был ранен и несколько недель пролежал в Ардебиле. Присматривать за мной тамошний бейлербей поручил одному дервишу. Это был очень старый шейх, день и ночь проводил в молитвах. И лекарь был искусный, умело лечил мою рану. Бывало покончит с молитвой, садится у постели и начинает рассказывать... Он говорил, какая огромная страна была Аран. Столицу имела в Гяндже. На погибель этому прекрасному краю аллах создал ядовитых гадюк — все здесь кишело змеями...

— Ну, а армяне в те времена где обитали? — спросил хан, совсем уже успокоившись.

— Армян здесь тогда еще не было, — объяснил Ва-

гиф, — они пришли много позднее. — Здесь, в горах, они спасались от Чингиз-хана и от Тимурленга. Ведь армянские поселения так и называются: «сыгынак» — убежище... Армяне многое испытывали, хлебнули горя, тяжелая судьба у этого народа...

Разговор становился все оживленнее. Хан слушал с интересом, — он узнал немало такого, о чем доселе ему не приходилось слышать. Кончились рассказы об истории края, пошли басни, присказки, всякие забавные приключения... Вагиф стал рассказывать о том, как вскоре после переезда в Карабах они с Ханмамедом и еще несколькими приятелями собрались погулять по окрестностям...

— Молодые мы тогда были, и вот захотелось нам в Топхану наведаться. Стали в путь снаряжаться. Денег у Ханмамеда нет. Я ему говорю, ничего, мол, обойдемся, ты возьми из еды что-нибудь: масла, яиц немного... Ушел Ханмамед за провиантом и пропал, нет как нет. Послали меня за ним. Прихожу, вижу, мать его возле тендира усадила, сама чурочки лепит, а он их печет, следит, чтобы зарумянились. Стою я в сторонке, гляжу на Ханмамеда. Вдруг вижу: масло у него из-под пояса течет!.. Ну что ты скажешь! Увидела мать, — а она не знала, что мы ехать собрались, — он ведь потихоньку хотел: «Ах ты, — кричит, — такой-сякой, мало того, что масло своровал, вон куда спрятать исхитрился!..»

Треснула его со злости по голове, а у того из-под шапки как потечет — в шапку-то он яйца спрятал.

Хан покатывался со смеху. Агасы-бек тоже нет-нет да и вытирал выступившие от смеха слезы на глазах. В самый разгар веселья вошел слуга и поставил перед гостями яблоки, груши, гранаты, айву... Все это прислали из деревень — сады были обложены налогом в пользу хана.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Вести, поступавшие с севера, вызвали во дворце большое волнение. Согласно донесению из Тифлиса, русские войска, размещенные на Северном Кавказе, со-

средоточились сейчас у Кызлара. Фатали-хан то и дело переправлялся через Куру и грабил карабахские деревни. Непрекращающиеся в Иране междоусобицы давали себя знать и здесь, по эту сторону Аракса. Ибрагим-хан вынужден был заняться усилением гарнизонов крепостей и держать войска на Куре и Араксе. В самом ханстве тоже не было мира: армянские мелики¹ и духовенство то и дело открыто выражали недовольство.

Хан вызвал к себе шурина своего Джумшуда. Когда тот, на смерть перепуганный, явился во дворец, Ибрагим-хан сидел погруженный в глубокое раздумье, при нем был Агасы-бек. Джумшуд поклонился, приветствуя хана, тот не ответил на приветствие. Некоторое время гость молча стоял перед ним, наконец, хан смерил шурина гневным взглядом и бросил:

— Садись!

Гость сел.

— Ты армянин, я мусульманин, — заговорил хан тоном, не предвещавшим ничего хорошего, — видел ты от меня когда-нибудь зло?

— Избави бог! — смиренно ответил Джумшуд. — Только почет и уважение.

— Сколько лет твоя сестра в моем гареме, слышала ли она от меня хоть одно грубое слово?

— Избави бог!

— Может, я или мой отец отца твоего когда-нибудь обижали?

— Нет и нет, да продлит всевышний твою жизнь! Ни от родителя твоего хана Панаха — царство ему небесное! — ни от тебя самого никогда не было нам обиды!

— Тогда чего ж они от меня хотят, эти ваши мелики? Иса, мелик Дызак, учинил бунт! На что он надеется? Не ведает, неразумный, что для меня изничтожить десять, сто таких, как он, все равно, что воды хлебнуть!

— Конечно... — чуть слышно проговорил Джумшуд. — Но эти четверо безрассудных, они и с моим отцом вечно враждовали... Вzbесились они!

— А вzbесившимся ломают шею, — сказал Ибрагим-хан, все больше и больше распаляясь. — Мой отец из го-

лов таких же вот бешеных минарет в Хаджине построил, да видно не на пользу наука!

Ибрагим-хан поднес мундштук к злобно поджатым губам, затаился разок-другой и уже спокойнее продолжал: — Мы намеревались жить в мире, потому я и взял в жены твою сестру, пусть, думаю, родство укрепит нашу дружбу... А выходит, на словах — одно, а на деле — другое! Вас, армян, во всем моем ханстве шести тысяч не наберется — мигни я только, мокрого места от вас не останется!

Хан умолк, занялся кальяном. Потом вдруг вынул изо рта мундштук. Рука его задрожала, дрогнул подбородок.

— Агасы! Немедленно отправь в Дызак три сотни конников! Схватить этого собачьего сына Ису и повесить! Не затем я его старшиной поставил, чтоб он смуту чинил! Дом, хозяйство — все сравнять с землей! Чтобы камня на камне не осталось.

— Будет исполнено! — и, пятясь задом, Агасы-бек поспешно вышел из комнаты.

Джумшуд побледнел: нет ничего мучительнее, чем остаться наедине с разгневанным повелителем. К счастью, хан отпустил его...

— Можешь идти, — сказал он. И когда Джумшуд поднялся, добавил несколько мягче: — Иди и скажи своим армянам, чтоб получше ворочали мозгами! Пусть по одежке протягивают ножки!

Джумшуд вышел на веранду; только тут смог он, наконец, вздохнуть свободно.

Оставшись один, Ибрагим-хан долго не находил себе места: то вставал, то садился, скрестив ноги, то становился на колени, то, расправив тюфячок, снова скрешивал ноги. Нукер, стоявший у дверей, вдруг кашлянул. Хан обернулся, смерил его удивленным взглядом.

— Другого места не нашел кашлять?! Иди, позови Шахмамеда!

Тот побелел, услышав это имя, и бросился перед ханом на колени.

— Смилуйся, милосердный хан! Прости меня! Отпусти мне мою вину!

Хан недоуменно смотрел на распростертого перед ним на ковре слугу. Тот, рыдая, продолжал умолять о пощаде.

¹ Мелик — владыка.

— Тыфу, дурень! — хан усмехнулся. — Шахмамед мне совсем для другого надобен!

Нукер поднял голову, взглянул на хана, еще не веря в спасение...

— Да буду я жертвой твоей! — радостно воскликнул он и исчез.

Вскоре явился Шахмамед. Grimаса отвращения искажала лицо Ибрагим-хана. Хан морщился всякий раз, когда видел этого до безобразия некрасивого человека.

— Дошло до меня, — начал хан, — что твой братец опять проявил геройство?

Зная, о чем идет речь, Шахмамед, мгновенно вспотев от стыда, молча опустил голову.

Вошел Вагиф. Он сразу оценил положение.

— О Ханмамеде речь? — спросил он непринужденно. — Да, хоть он и старинный мой приятель, а прямо нужно сказать — трусоват!

— Ты иди теперь, — сухо сказал хан Шахмамеду, — и прикажи, чтоб позвали твоего брата.

Шахмамед согнулся в поклоне, вышел.

— Ну вот, ахунд, ты всегда твердишь — добром, добром!.. — хан обернулся к Вагифу, и лицо его приняло жестокое выражение. — А армяне опять бунтуют. Один перерезал дорогу на Баллыдже, грабит всех подряд, другого в гачаги потянуло!.. Осмеливается выступить против самого хана!

— Это все мелкии орудуют... — задумчиво произнес Вагиф. — Они народ баламутят, от дела людей отбивают. Думают, армяне по их слову сразу так и подымутся против нас!.. Не могут уразуметь, что несбыточное это дело!..

Хан сообщил, что послал в Дызак карателей!..

— Что делать! — огорченно сказал поэт. — Значит, у вас не оставалось иного средства...

Они замолчали. Вдруг дверь распахнулась, и в ханские покои вбежала беленькая светлоглазая девчушка лет шести. Она подбежала к хану и замерла, прижавшись к его груди. За дверью послышался женский шепот: женщина о чем-то просила нукера, стоявшего у дверей; тот вошел в комнату и направился к ребенку — увести.

— Постой, — сказал Вагиф, ласково глядя на малышку. — Пусть побудет с нами. — А ну-ка, Агабегим-ага, иди к дяде! Иди, иди!

Девочка весело поглядывала на Вагифа, обнимая ручонкой отцовскую шею.

— А знаешь, дядя, — сказал хан, — целуя русую головку. — моя дочка тоже стихи знает!

Агабегим-ага, застыдившись, прижалась к отцовской груди.

— Ну, что ж, пусть почитает, послушаем! — ласково сказал Вагиф. — Только она, наверное, не знает!..

— Нет, знаю! — девочка недовольно взглянула на Вагифа.

— Тогда читай! — сказал хан и что-то прошептал дочке на ухо. Та выпрямилась и, глядя на оконную решетку, начала смело звонким, чистым голосом:

Мне порезал ручку нож,
С костяною ручкой нож,
Сала мне кусочек дайте,
А еще платочек дайте —
Сало к ране приложу,
Да платком перевяжу.
А платок в суме верблюда,
А верблюд вдали отсюда,
По дороге он бредет,
На дороге гололед.
Близ дороги сад цветет,
Мне бы те цветы срывать,
Мне бы в косы их влетать.
Мне б сплясать на свадьбе брата,
С выкрутасами сплясать!¹

Прелестный ребенок читал прекрасные стихи, созданные народом для детей.

— Молодец! Ты просто молодец!

Вагиф попытался подозвать девочку к себе, но та, весело подпрыгивая, уже выбежала из комнаты. Исполненный нежности и отцовской гордости, хан, улыбался; казалось, он забыл все свои заботы и огорчения.

— Такая умница! — хан не скрывал восхищения. — Знаешь, ахунд она ведь уже «Черек»² одолела, теперь коран учит. А уж любопытная! Все-то ей знать надо, до всего она доходит, и сказки чтоб ей рассказывали, и чтоб стихи учили!.. А сколько загадок знает!..

— Да, — радостно согласился Вагиф. — Толковая де-

¹ Перевод В. Кафарова.

² «Черек» — начальный учебник грамотности у арабов, наподобие букваря.

вонка! Давно ли кажется я впервые ее увидел, а выросла как — совсем взрослая!..

Вошел слуга, доложил, что явился Ханмамед. Хан усмехнулся, потом сделал строгое лицо.

— Пусть войдет!

Шмыгая поросшим волосинками носом, вошел Ханмамед; завитки на его папаче намокли, видно, что шел он под дождем.

— Так... — сурово начал хан. — Дошло до меня, что ты отрекся и от аллаха и от пророка его! Так это? Говорят, гачаг Капы на испуг тебя взял?

Ханмамед молчал, опустив голову. Вагиф с усмешкой смотрел на него.

— Ну, рассказывай, как дело было! — приказал хан. — Только правду! Оговорить кого, — головы не сносить!

Ханмамед вздрогнул, кровь отхлынула у него от лица.

— Беда с любым... приключиться может... — запинаясь, начал он. — А дело, стало быть, было так... Перебрался я через Баллыджы, и вдруг — кричат! У меня сразу душа в пятки. Вижу: выходит из леса гачаг Капы — прямо на меня! «А! — кричит — басурман проклятый, повторяй за мной: Мухаммед — ничто, только Иисус — пророк истинный!» Гляжу я на него, хан, — да продлит аллах твои годы, — и вижу: порешит он меня, как есть порешит!.. Место такое пустынное... А жизнь сладка... Что делать — сказал, как он велел. «Теперь, — говорит: «Скажи: аллах — не бог, истинный бог — христианский бог...» Вижу — убьет он меня ни за что ни про что, детей моих осиротит...

— Так... — сквозь зубы процедил хан. — Значит, и от аллаха отрекся?

— Эх, хан, — смущенно сказал Ханмамед, — там такая глушь?! Доведись тебе, может тоже сплеховал бы... Гачага Капы за бога принял бы!..

Хан не смог скрыть улыбки. Вагиф же сидел глубоко задумавшись, как говорится, палец отрежь, не заметит...

2

— Сынок, — сказал Ибрагим-хан, вызвав к себе Мамед-бека. — Ты смел, и мне по душе это. Но спойт ли переправляться через Куру и грабить людей для того, чтоб Фатали, придя в неистовство, в свою очередь разо-

рял наши деревни. Если ты ищешь подвига, бери своих людей и отправляйся ловить гачага Капы. Ты понял меня?

— Понял, дядя!

— Перво-наперво повесь этого мелника Бадары. Потом отыщи Капы — хоть из-под земли достань. С гачагом надо покончить! Я сейчас в Нахичевань собираюсь. Кельбели задурил, не признавать меня решил — надо его проучить. Управившись с Капы, выходи к Худаферинскому мосту, вместе в Нахичевань тронем!

Мамед-бек отправился в тот же день. Через два дня, снарядив войска, двинулся в поход на Нахичевань и Ибрагим-хан.

Коменданту крепости Агасы-беку даны были чрезвычайные полномочия — для обеспечения мира и порядка.

Когда Ибрагим-хан достиг Худаферинского моста, Мамед-бек уже ожидал его со своим отрядом. Он преподнес дяде насаженную на пику голову гачага Капы. Хан щедро одарил Мамед-бека и его людей, и они двинулись к Нахичевани.

Ереванское ханство, подчинившись Грузин, платило Ираклию дань. Ибрагим-хан требовал того же от нахичеванского хана. Но Кельбели-хан, сговорившись с ханом Хоя Джафаркулу, тяготевшим к России, отказался признавать Ибрагим-хана. Тот, естественно, не мог смириться с таким бесчестьем и спешил покарать обидчика.

Стоял зной. Войска шли по голой степи, окутанные облаками пыли. Наконец они достигли окрестностей Нахичевани; начались хлопковые поля, баштаны, сады... Завидев войска, крестьяне в ужасе разбежались. И вдруг вдалеке, за садами, столбом взметнулась пыль — это показался отряд кенгерлийских конников, знаменитых своей удалью и храбростью. Отряд Мамед-бека поскочил им навстречу. Засверкали сабли, крики, стоны наполнили все вокруг... Мамед-бек одним ударом снес кудрявую голову какому-то длинноусому военачальнику — она отлетела словно перышко. Другому, бросившемуся вперед воину, мечом разрубил плечо, свалил с коня. Подоспел Сафар, рубя направо и налево. Кенгерлийцы не выдержали — повернули. Мамед-бек со своим отрядом бросился преследовать их.

Карабахцы осадили нахичеванскую крепость. Две медные пушки забрасывали город ядрами; осаждающие, преодолев рвы, подобрались к самым стенам и, установив лестницы, уже собирались начать схватку за крепостные башни! Но тут прибыл гонец с известием, что властитель Карадага Мустафа-хан напал на Карабах.

Ибрагим-хан находился в это время в своем шатре. Весть, принесенная гонцом, потрясла его. Много лет назад Мустафа-хан оказался его пленником; тогда он раскался, признал власть Ибрагим-хана и тот даже послал его с войсками на Тебриз. А теперь напал... Однако негодовать и раздумывать было некогда, хан отдал приказ, заиграли фанфары, войска в спешном порядке начали готовиться к отходу. И в этот момент Джафаркулу-хан подоспел на помощь Кельбели-хану, а конники Мамедшериф-солтана оказались в тылу у карабахцев.

По приказу Ибрагим-хана с верблюдов сняли пушки, открыли огонь по коннице. Несколько человек выбиты были из седла, однако отбить наступление не удалось, всадники приближались. Конница Ибрагим-хана понеслась им навстречу. Началась ружейная пальба, засверкали сабли.

Карабахцев уже теснили к лагерю, когда Мамед-бек выбил из седла Мамедшериф-солтана. Сафар достал саблей другого важного военачальника; карабахцы начали одолевать врага. К вечеру Кельбели-хан и Джафаркулу-хан вынуждены были отступить. Повсюду громоздились мертвые тела, стонали раненые; на мулов грузили военную добычу...

Воспользовавшись вечерней прохладой, Ибрагим-хан отдал приказ отходить.

— Так не годится, — сказал Мамед-бек Сафари, когда они уже были в пути, — если двигаться со скоростью пехоты, мы придем к шапочному разбору — Мустафа-хан все изничтожит! Надо скакать быстрее!

Испросив позволения Ибрагим-хана, Мамед-бек с отрядом конников на рысях поскакал вперед. На следующий день, к вечеру, они увидели вдалеке на берегу Аракса отряды Мустафы-хана. Те возвращались, разграбив карабахские деревни.

Отряд Мамед-бека налетел на врага из-за холма.

Первым же ударом сабли Мамед-бек выбил из седла полководца по имени Сафигулу. Наскочивший сбоку на Мамед-бека, Мамедвели-солтан вынужден был ретироваться. Мамед-бек и его достал саблей. Увидев такое, Мустафа-хан повернул к Араксу.

Один из карадагцев занес саблю над головой Сафара, но тот извернулся, и сабля вонзилась ему в руку. Победа была за карабахцами. На месте жестокой схватки остался десяток убитых и раненых. Восемь выюков награбленного у крестьян добра отбил у врага отряд Мамед-бека.

Как только исход боя был решен, Мамед-бек поскакал к брошенному врагом каравану. Целая толпа пленных — молодые парни и девушки — молча стояли со связанными за спиной руками. С осунувшихся усталых лиц глядели полные страха глаза, люди еще не пришли в себя от ужаса. Мамед-бек приметил смуглую кареглазую девушку; она робко глядела на него из-под длинных ресниц, словно взглядом хотела выразить свою благодарность. Мамед-бек подошел к ней, развязал руки.

— Как твое имя?

— Хуру, — чуть слышно ответила девушка.

— Иди к речке, умойся, — сказал Мамед-бек, ласково глядя на нее. Он приказал нукерам развязать пленных, накормить их.

Нукеры принялись развязывать пленных. Сафар сидел в сторонке на камне, рассеченная саблей рука его висела на перевязи. В горьком раздумье глядел он на мертвые тела, на раненых, стонущих в лужах крови...

Русско-турецкая война, длившаяся несколько лет, закончилась Кучук-Гайнарчайским миром; Россия получила Крым и вышла к Черному морю. Но «Восточная программа» Екатерины этим не ограничивалась. Сразу же после Кучук-Гайнарчая царица начала готовиться к походу на Кавказ. Потемкин-Таврический, ведавший восточными делами, поручил Кавказ своему племяннику генерал-поручику Потемкину. Прежде всего генерал-поручик принялся налаживать отношения с христианами Закавказья — грузинами и армянами. Это сразу же вскружило головы некоторым армянским священникам и

меликам. Мелики были не кто иные, как вчерашние старшины, назначенные в армянские поселения падишахом Ирана. Используя постоянные неурядицы в Иране, старшины эти постепенно стали считать себя наследственными владыками, а население подвластных им армянских деревень своими подданными. Царское правительство намерено было с помощью этих самозванных князьков и духовенства использовать армянский народ для достижения своих целей. Впрочем, многие армянские священники держались осторожно, не слишком веря в «христианскую добродетель» русских царей. Одним из таких скептически настроенных священников был Охан. Он ездил по армянским селениям и читал проповеди, предостерегал народ...

Однажды вернувшись из такой поездки, Охан сразу же явился к Вагифу. Поэт гулял по саду, собирал фиалки — весна только начиналась.

— Мирза Охан! Добро пожаловать! — приветствовал он гостя и, передавая ему фиалки, добавил с шутливой улыбкой: «Цветы—цветам».

Охан усмехнулся, взял фиалки, поднес к носу, поспевавшему от долгого употребления нюхательного табака.

— Создаст же бог подобную красоту! — восторженно произнес он, любуясь цветами.

— Прекрасного на свете немало, — с улыбкой заметил Вагиф. — только вот не для нас с тобой! Взяли на плечи заботы: ты — свои проповеди, я — свое, запретными стали для нас улады мира!..

— А зачем же создавать себе запреты? — спросил Охан.

Вагиф наклонился, сорвал фиалку:

— Тебе-то что! Здоровье из тебя так и прет, бодрости хоть отбавляй — недавно опять женился!.. А у меня одна жена, и от той не знаю куда деваться!..

— Нет, ахунд, это ты зря... — Мирза Охан вздохнул. — Как говорится, чужую беду руками разведу! Замучился я с ними! Старая новой дыхнуть не дает. Каждый раз скандал... Как ночь подходит...

— Вагиф усмехнулся.

— А ты ложись сразу с обеними! В середку!

— Все равно ничего не получится: одна будет кричать, чтоб к ней повернулся, другая, — чтоб к ней!

Перекидываясь шутками, они, не спеша, поднялись на

веранду. В залитом солнцем уголке расстелен был на полу палас, лежали тюфячки, подушки... Вагиф и Охан удобно расположились на них, подставив бока ласковому весеннему солнышку.

— Ладно, ахунд! Шутки в сторону, я ведь к тебе за советом. Не знаю, что делать. Мелики-то наши опять возно подняли, да покарает их господь на том и на этом свете!

Вагиф вопросительно взглянул на священника.

— Написали русскому царю прошение... Обижают, мол, нас здешний хан, то-то и то-то чинит... Приложили руку, отправили...

— И чего же они хотят от царя?

— Чего хотят. Хотят, чтоб помог им армянское царство учредить!.. Я ведь чего боюсь: рознь посеют, вражду, погубят армянский народ!..

Охан умолк, от волнения ему трудно было говорить. Вагиф задумчиво разглядывал облака: они то наплывали, плотно закрывая солнце, то снова рассеивались... Деревья стояли все в белом цвету, влажный воздух пропитан был нежными ароматами весны...

Вагиф долго молчал, упиваясь красотой весеннего дня, наконец, перевел взгляд на гостя.

— Нужно рассказать хану! Все рассказать. Чем губить целый народ, пусть лучше погибнет несколько зачинщиков! — И Вагиф взглянул гостю прямо в глаза.

К хану они отправились вместе. Сообщение священника чрезвычайно разгневало повелителя Карабаха. Первым его движением было немедленно послать в армянские селения карателей: жечь, вешать, рубить головы!.. Вагифу удалось несколько урезонить хана — он один умел это делать, — и тот стал подробно расспрашивать обо всем священника. Наконец, Охан был отпущен — повелитель Карабаха хотел остаться наедине с Вагифом.

— Я не советовал бы сейчас применять крутые меры, — спокойно, но настойчиво начал убеждать хана Вагиф. — Подобные действия произведут дурное впечатление на Россию и другие государства; уронят престиж карабахского хана. Да и чем виноваты армяне? Сколько лет мы живем, как добрые соседи; всегда вместе: и в горе и в радости. Несколько безумцев затеяли все это. Но против них есть верное средство, более на-

дежное, чем мечи и виселицы. Они написали русскому царю, мы тоже напишем, расскажем, как в действительности обстоят дела. Посмотрим, чья возьмет!.. Я думаю так: составим подробное, обстоятельное письмо. Напишем, что ты, Ибрагим-хан, сын хана Панаха, с двадцати лет правишь Карабахом. Опишем сколь ты силен, сколь велико твое влияние... Даже, — Вагиф немножко помедлил, — напомним, что готовы пойти под покровительство России, платить им дань, да, да, дань! Послание завтра будет готово. Дадим Мусе-Солтану, он отвезет его русскому генералу и на словах что надо передаст... Муса-Солтан человек степенный, обходительный, он с поручением справится. Надо это сделать, хан! Надо!

— Хорошо, — вздохнув, сказал Ибрагим-хан. — Пиши.

— Здешние армяне, — продолжал Вагиф, видя, что хан уже совсем спокоен, — друзья наши, а не враги. А вот некоторых меликов неплохо было бы проучить... Прикажи арестовать Абона, упрячь на некоторое время в тюрьму. Он у них всему голова, — ему и ответ держать. А народ карать — это противно смыслу!

Письмо армянских меликов прибыло в Петербург в марте 1783 года, а в апреле того же года доставлено было Екатерине письмо, написанное Вагифом. Это послание в корне изменило отношение Петербурга к Карабахскому ханству. Князь Потемкин-Таврический просил передать, что преданность, в которой заверяет императрицу повелитель Карабаха, дороже ее величеству, чем любая, самая богатая дань.

4

В июне 1783 года стало известно, что согласно договору, заключенному между Россией и Грузией, последняя принимает протекторат России. Сообщалось, что властитель Грузии сохраняет суверенность в делах внутренних, право на грузинский престол остается наследственным; Грузия может также выпускать свои деньги. В Тифлис направляются русские войска, они будут охранять страну от любой опасности извне.

Ибрагим-хан собрал на совет всех государственных мужей, всех своих приближенных. Положение, которое возникло теперь в Закавказье, обсуждалось подробно

и всесторонне. Одни предлагали обратиться за помощью к Ирану, другие — заключить союз с турецким султаном.

— А я полагаю, — тихим, болезненным голосом сказал наследник хана Мамедгасан-ага, — что следует искать соглашения с Россией — это огромная, могучая страна, у нее регулярная армия...

Сразу же разгорелся ожесточенный спор.

— Допускать гяуров в страну правоверных?! — трагическим голосом воскликнул один из советников хана. — Отдать страну на поругание?! Унизить нашу честь?! Растоптать веру? Нет, я никогда не соглашусь на такое!..

— А кто сказал, что мы намерены отдаться на милость русским?! — мрачно произнес хан, с трудом сдерживая себя. — Разве это следует из слов Мамедгасан-аги?!

Голос хана прерывался от гнева, он побледнел. Взял кальян, затянулся, поостыл немного. Но присутствующие уже замолкли. Тишину нарушил голос Вагифа:

— Да будет благополучен хан! — начал он спокойно, но твердо. — По слабому моему разумению, тревожиться сверх меры нет основания, враг не стоит у ворот. Разумеется, мы должны быть готовы к отпору. Многие мы уже сделали. Мы содержим три тысячи дезгин, своего войска у нас четыре тысячи. Я полагаю также, что следует написать Омар-хану, попросить у него десять тысяч наемников. Казна хана обильна, и запасов у нас достаточно, можно содержать большое войско. Но ведь дело не только в количестве сабель. Прежде всего нужна осмотрительность, без этого в политике нельзя. Нужно направить в Тифлис посла, принести поздравления Ираклию, а заодно и вызвать, каково истинное положение дел. Увидеться с русскими начальниками, войти к ним в доверие... — Вагиф помолчал, оглядел собравшихся; все внимательно слушали его, можно было высказать и последнюю, главную мысль: — Ничего страшного не вижу я и в том, чтобы наш посол сообщил русским, что мы тоже имеем намерение заручиться покровительством русских. — Он снова оглядел собравшихся и добавил: — Разумеется, это вовсе не значит, что, сообщив о подобном намерении, мы немедленно примемся выполнять его...

Несмотря на оговорку, предложение Вагифа привело собравшихся в неистовство, со всех сторон слышались

негодующие возгласы. Снова твердили о гяурах, о поношении веры, о бесчестьи... Вагиф спокойно выслушал все возражения, потом улыбнулся и сказал:

— Однажды один падишах бросил клич: тому, кто научит говорить его осла, он подарит целый мешок золота. Но если взявшийся за это дело не сумеет выучить осла, он будет казнен. И вот один старый бедный человек приходит к падишаху и говорит: «Я научу твоего осла говорить, дай мне три месяца сроку». Забрал мешок золота и ушел. Приходит домой, а жена и давай его пинять: «Что ж ты наделал, неразумный?! Мыслимое ли дело — научить осла человеческой речи! Пройдет три месяца, падишах казнит тебя и останусь я одна-одинешенька!..» А муж взглянул на нее с усмешкой и говорит: «Не горюй, жена, три месяца — это три месяца. За такой срок и падишах может почить, и осел сдохнуть, да и сам я могу преставиться...» Это я вам к тому рассказал, что не стоит печалиться прежде времени. Русское покровительство — это пока так, разговор... Далеко до всего этого...

Присказка пришлась по вкусу, даже хан просветлел, сидел, улыбался и, потягивая кальян, задумчиво рассматривал красок, изображенных на сосуде. Потом внимательно оглядел присутствующих; устремив на него взгляды, все ждали решения.

— Значит, дело обстоит так: Ахунд Молла Панах сделал разумное предложение. Пусть он сам и выполняет его; в сопровождении нескольких беков я его отправлю в Тифлис. Писцом при нем будет Мирза-Джамал, у него великолепный почерк. Я предоставляю ахунду полную свободу действий: пусть поступает так, как того потребуют обстоятельства, — он человек мудрый и рассудительный, сведущ в политике, и внутренние наши дела ему досконально известны.

Приближенные хана молчалим выражали свое одобрение.

5

Была прекрасная осенняя пора. Деревья стояли в охре и багрянце, нарядные, как букеты цветов. Летний зной уже спал, а дожди еще не начинались, погода стояла мягкая, теплая. Пестрые сухие листья грустно шуршали под ногами.

Агабегим целые дни проводила во дворцовом саду со своей няней, дожимая ее бесчисленными вопросами. Назлы души не чаяла в своей воспитаннице, своей умнице и на каждый ее вопрос старалась, как умела, ответить. Грамоты она не знала, но зато ей ведомы были бесчисленные дастаны, сказки, басни, веками хранившиеся в памяти народной. Все, что говорилось в этих сказаниях, Назлы считала непререкаемой истиной и потому бережно хранила в тетради своего сердца. Каждый день она как бы распакивала ее перед воспитанницей: читай, смотри!

Дракон напал на луну, хочет удушить, проглотить ее, и, чтобы отогнать чудовище, люди начинают стрелять из ружей, бить в медную посуду — так она рассказывала Агабегим о лунном затмении. А ненастье возникает вот отчего: один из небесных ангелов садится на скакун и мчится, погоняя коня гамчы¹, — сверкает огненный гамчы; небо грохочет под ударами копыт...

Немало хранилось в памяти Назлы и сказаний о животных и птицах. Вот удод. Когда-то в давние-давние времена жила-была девушка. Купалась она как-то в реке и вдруг застыдилась своей наготы и, устремив взор к небу, стала просить аллаха: «Сделай меня птицей, всевышний, мне стыдно оставаться девушкой!» Вот и стала с тех пор она птицей, той самой, с гребешком на голове...

С утра до ночи готова была слушать Агабегим-ага эти чудесные сказки и предания. Тяжко было бедняге возвращаться к «Черее» и отрывкам из корана, которые заставляла ее заучивать учительница!.. Там все было трудно, скучно, непонятно...

Сегодня занятий не было — учительница занемогла, и Агабегим с самого утра не расставалась с няней. После ужина они опять вышли в сад. Уже село солнце, кровавым заревом окрасив край неба.

— Доченька, смеркается уже... — Назлы тронула девочку за руку. — Пойдем домой!

Агабегим послушно шла за ней по тропинке, ко двору, и вдруг багровые облака заката привлекли ее взор.

— Няня, — с любопытством спросила девочка, — а почему небо такое красное?

¹ Гамчы — кнут, плеть, хлыст.

Назлы обернулась, взглянула на небо...

— Жил-был однажды падишах, — со вздохом начала она. — И был у него любимый сын — единственная его отрада. И вот однажды шах взял себе молодую жену. Не ужились между собой жены, молодая каждый день наговаривала мужу на старшую жену, старалась навлечь на нее немилость. А шах слушал... Дальше больше, решила молодая жена сына падишахова оклеветать. Поверил ей падишах, разгневался и велел палачу отрубить голову единственному сыну. Казнили шахского сына. Несчастная его мать набрала в горсть сыновней крови и, крикнув: «Пусть не остается на земле эта праведная кровь!», выплеснула ее на небо. И растекалась праведная кровь по всему небу... Вот как наступит светопреставление, призовет всевышний падишаха пред очи свои, свершит над ним суд, и кровь сойдет с неба.

Агабегим, замерев, слушала нянину сказку, пугливо поглядывала на окрашенные пурпуром облака. Ей было жаль шахского сына. Безвинно погубленный юноша завладел ее помыслами.

— Няня, — прошептала девочка, когда они уже вошли в комнату, — а юноша тогда оживет?

— Нет, милая, уже не оживет, он умер.

— А его в землю зарыли, да? Он под землей?

— Да, милая, под землей. Зарыли...

Мать Агабегим Тутубегим-ага сидела перед окном, потягивая кальян.

— Ну, о чем она тебя пытается, наша всезнайка, — с улыбкой спросила ханская жена, заметив, что дочь что-то шепнула няне.

— Да вот, почему, говорит, небо красное?

Тутубегим прищурила в усмешке серые глаза.

— И чего оно ей далось, небо это?

Назлы рассмеялась. Агабегим, зардевшись, подбежала к матери. Та схватила дочурку, принялась целовать.

— Приготовь-ка поужинать, — сказала она няне: — Девочка наша притомилась, ей спать пора!..

Назлы подошла к маленькому стенному шкафчику с изукрашенными резьбой дверцами, достала простоквашу, варенье, испеченные в тендире чуреки и, расстелив на ковре скатерть, стала кормить девочку.

Агабегим ела без всякой охоты, снова и снова рас-

спрашивая няню про безвинно убитого юношу. Потом спросила, как делается простокваша, варенье... Как пекут чуреки она видела, а вот как растет пшеница, как из нее на мельнице мелют муку, это пришлось объяснить.

Тутубегим, потягивая кальян, вела разговор со старшей дочерью Тутубегим. Стараясь доказать дочери свою правоту, мать то и дело клялась могиллой своего отца — Шахверди-хана.

Тутубегим была родом из Гянджи и в разговоре часто употребляла непонятные карабахцам слова, чем очень забавляла дочерей.

— Мама! Как, как? Земля волглая?

— Да, волглая! А гора долгая!

— Долгая! Ха! Ха! — девушка залилась смехом.

Услышав эту веселую перебранку, Агабегим вскочила и с криком начала бегать по комнате.

— Земля волглая! Земля волглая! Гора долгая! — под общий смех радостно вопила девчурка.

— Назлы! Хватит ей шалить, — строго сказала, наконец, ханша. — Мой и укладывай. Давно пора спать! Дурной сон томить будет!

Каждой из жен Ибрагим-хана отведены были во дворце двухкомнатные покои, одна из комнат предназначалась для детей. Няня увела девочку, уложила на стоявшей перед окном тахте.

Луна спелым яблоком висела над Багрыганом. Стоял теплый погожий вечер. В глубине сада, из-за дальнего башни, доносились негромкие переборы саза — кто-то пел протяжно жалобную песню. С лужайки, слева от дворца, ему отвечал другой певец, голоса их сливались, придавая ночи неповторимое очарование; сердце Назлы было переполнено; сквозь полуопущенные ресницы глядела она на засыпающую природу и слушала, слушала... Назлы казалось, что она растворяется, исчезает, сливается с песней. Но девочка не дала няне предаваться блаженной дреме.

— Сказку! Расскажи сказку, няня! — настойчиво повторяла она, маленькими теплыми ручонками открывая ее отяжелевшие веки. Назлы потерла глаза и облокотилась на подушку.

— Было это давным-давно, в незапамятные года... Жил среди прочих рабов божьих богатырь по имени Огуз-хан. Коснется его конь земли копытом, земля со-

дрогається, зарветься — в небе гром гремит. Вот какой он был Огуз-хан... И вот однажды осадил Огуз-хан со своим войском крепость Демиркапы¹. А тамошний падишах и кричит ему из-за крепостных ворот: «Эй, ты кто: гоч или овца?»². Огуз-хан как рявкнет «Гоч!», да так громко, что падишах даже сомлел со страху. Подбежали к нему визири да беки, привели в чувство. «Чего это, — говорят, — падишах сомлел, с какой такой напасти?» А падишах и говорит: «Ой, визири вы мои, беки вы мои! Много всяких полководцев подходило к нашим воротам и всех их я спрашивал: «Гоч или овца?» и все они отвечали: «Овца» и сразу же разбивали свои головы о железные ворота». А этот кричит «Гоч!» да так кричит, что от крика его ворота железные сотрясаются. Грозный он человек. Стал падишах с визириями судить-рядить, и надумали они открыть ворота добром...

— А теперь, доченька, — продолжала Назлы, — я о другом речь поведу. Была у Огуз-хана дочка — по имени Гюльтекин. И такая она была красавица: ночью будто луна светила, днем — словно яркое солнышко. Мало того — богатырка она была, и было у нее под началом целое девичье войство. Вот пришел однажды Огуз-хан вместе с дочерью к Араксу и говорит девицам-воиннам: «Вот, девицы, равнина здесь, и ничего-то мне отсюда не видать, а хочу я, чтобы был здесь холм и чтоб видны мне были с него все земли, какие только на свете есть!» Поклонились девицы хану, взяли каждая по пригоршне земли и стали сыпать ее в одно место — высоченный холм среди равнины там и поднялся. Взошла ханская дочь Гюльтекин на тот холм, стала вокруг озиаться... А тем временем сидел иранский падишах в своем дворце, глядит — из-за Аракса солнце взошло — глазам больно!.. Спрашивает он своих беков да визирей, что это, мол, за чудо за такое, почему солнце из-за Аракса? А они ему, это, мол, не солнце взошло, это Огуз-ханова дочь Гюльтекин на холме стоит: днем она как солнышко ясное, ночью луне подобна. Задумался падишах, закручинился, даже палец с досады при-

кусил: «Хочу, говорит, эту девицу в жены взять!» Собирает падишах свое войско, идет с ним к Араксу.

А Огуз-хан видит, стоит у подножия холма человек, о камень стучит — знак подает, что сватать пришел. Посылает Огуз-хан своих нукеров — узнать, кто такой. И говорят ему, что шлет иранский падишах к нему сватов, дочку его сговаривать. Прослышала про это красавица Гюльтекин, собрала свое девичье войско, идет прямо к шаху. «Кто, говорит, тут меня сватать хочет?» Выходит падишах: «Я», — говорит, — а Гюльтекин ему: «Я за того замуж пойду, кто меня в бою одолит. Но знай: еще ни один человек не смог меня одолеть!»

И было у них великое сражение с иранским падишахом. Разбила его Гюльтекин в пух и в прах, за Аракс погнала... Гнала, гнала, притомилась, назад повернула — вся в поту, в крови. Ищет холм, на котором Огуз-хан, отец ее сидел, а холма-то и нет как нет... Взошла она тогда на гору Багрыган. Распустила свои девичьи косы — всю гору ими укрывала, — сидит, отца оплакивает. И где падут ее слезинки горькие, там фиалка взойдет... С тех пор и зовут гору Багрыган¹, — потому что здесь Гюльтекиново сердце кровью изошло — так она по отцу своему горевала. А фиалки с тех пор всегда головки клонят, это чтобы Багрыган не видеть, сердце печалью не терзать.

Сказка кончилась. Назлы взглянула на девочку. Но та давно уже спала, засунув под щеку пухлую ручонку.

6

Возглавляемое Вагифом посольство с превеликими трудностями добралось, наконец, до Тифлиса. Посланники вязли в снегу, пробивались сквозь буран — приехали чуть живые.

По прибытии в Тифлис придворный, ведавший приемом гостей, сразу же поселил их в доме одного из вельмож, где путники, наконец, могли отдохнуть. Однако Вагиф решил немедленно же навестить в знаменитые тифлиские бани, о которых был премного наслышан.

— Ахунд, — с присущей ему заботливостью заметил Мирза Джамал, — в такую погоду, да к тому же после

¹ Демиркапы (старинное название Дербента) — означает «железные ворота».

² Игра слов: «гоч» — баран; а второе значение — гочаг, храбрец, смельчак.

¹ Багрыган — дословно «кровь сердца».

трудного пути, вы сразу отправляетесь в баню?! Упаси бог, простудитесь!

Вагиф ласковым отцовским взглядом окинул своего помощника, румяного, ясноглазого, по-юношески наивного...

— Сынок, я ведь в горах вырос, мне ни мороз, ни ветер не помеха! А вода, она на пользу, всю усталость смоешь: и с души, и с тела. А там денек-другой и дома посидеть можно...

Подали лошадей, Вагиф облачился в соболью шубу; сопровождал его нукер, несший принадлежности для письма.

Стоял декабрь. Тифлис утопал в снегу. Впрочем, это не помешало русским войскам войти в город, и народ ликовав. Народ радовался приходу русских, потому что жаждал избавления от иранского ярма и кровавых набегов.

Обо всем этом Вагиф узнал от банщика Оджагулу. Он лежал на каменной скамье, а банщик, то и дело взбивая пену, старательно намыливал его. Вагиф наслаждался, он изнемогал от блаженства, однако это не мешало ему поминутно задавать банщику вопросы.

— Ну и каково же теперь положение? — спросил Вагиф, когда мытье уже подходило к концу.

Банщик, человек бывалый и осторожный, не торопился с ответом. Внимательно оглядев Вагифа, он в свою очередь задал вопрос:

— А что, ага, ты человек не здешний?

— Не здешний.

— Так, так... — Оджагулу кивнул понимающе. — Каково, говоришь, положение? Да сейчас не плохое, а бог даст и получше будет... Караваны вот из Ирана с каких пор не приходят... Погода-то сам видишь...

Банщик умолк, взглядом окинул Вагифа. Много было в этом взгляде — только умудренный жизнью, долгие годы проживший на Востоке человек в состоянии был разгадать и перевести на простой, понятный язык то, что он выражал. «Жить в Тифлисе трудно, самого необходимого нет, а все потому, что война! Бесконечные войны за власть душат бедного человека!.. Может, скоро и полегче станет, да, по правде сказать, сомнительно...» Вот что хотел сказать банщик. Замечание же насчет погоды не имело к делу ни малейшего отношения и пере-

вода не заслуживало — это был, так сказать, «обходный маневр».

— Ты сам-то откуда будешь? — спросил банщика Вагиф.

— Из Тебриза, — все с тем же непроницаемым лицом ответил Оджагулу. — Я сюда ненадолго, на родину думаю вернуться, семья у меня там осталась.

Вагиф и эту фразу понял как надо: Оджагулу не хотел воевать, не хотел стать шахским сарбазом и потому вынужден был бросить семью и бежать сюда, на чужбину.

Кончив мыть Вагифа, банщик укутал его полотенцем и, провояжая в предбанник, сказал:

— А ты, ага, видать, не зря приехал: в такую погоду попусту разъезжать не станешь. Ну давай тебе бог! — и он понимающе улыбнулся.

После бани Вагиф два дня никуда не выходил; писал стихи, в которых восхвалял Тифлис и наместника; одно из стихотворений он посвятил наследнику Ираклия.

Мирза Джамал, неоднократно выходивший на прогулку, принес известие, что в Тифлис прибыли послы Омар-хана и Фатали-хана.

Вагиф был озадачен. С человеком Омар-хана непременно нужно повидаться, но как это сделать — их встреча может породить ненужные слухи, а людям Фатали-хана это будет только на руку. Вагиф долго раздумывал и наконец решил ни с кем не встречаться, пока не нанесет официального визита Ираклию. Но встречи избежать не удалось — оказалось, что есть люди, которые сами стремятся повидать посланца карабахского хана.

На третий день пребывания в Тифлисе слуга доложил, что пришел какой-то коробейник.

— Коробейник? — удивился Вагиф. — Какой же такой коробейник?

— Обыкновенный. Шелка продает.

У Вагифа сразу зародились сомнения, тем не менее он велел звать. Вошел человек, одетый на грузинский манер.

— Разрешите, эфенди?¹

Вагиф сразу понял: «коробейник» этот из Турции.

¹ Эфенди — господин (турецк.).

— Милости прошу! — он указал гостю место у камина. И знаком велел своим помощникам удалиться.

Коробейник тотчас разложил свой товар: красота французских и стамбульских тканей поразила поэта. Продавец же, раскладывая товары, негромким мягким голосом стал объяснять истинную цель своего посещения. Оказалось, что он послан Сулейманом-пашой, правителем Ахалсыха. В Тифлис, повидаться с посланцами азербайджанских ханов, он прибыл тайно; пришлось принять обличье коробейника. А суть дела, которое привело его сюда, состоит в следующем. Русские построили мост через Терек, проложили дорогу в горах и вот — они в Тифлисе...

— Брат мой, — проникновенно сказал «коробейник», — дорога эта построена не только для солдат, по ней можно перевозить и тяжелые пушки. Сегодня русские завладели Тифлисом, завтра придут в Карабах, послезавтра — захватят Иран и владения султана — меч гяура врезается в сердце ислама!..

Посланец Сулеймана-паши говорил долго и обстоятельно, он предлагал объединиться и всем вместе оказывать сопротивление русским.

Вагиф слушал его спокойно, время от времени брал щипцы и помешивал угли в камине.

— Скажите, каковы нынешние отношения между Россией и Высокой Портой? — спросил он, когда гость наконец умолк.

— Эфенди! — У посланца Сулеймана-паши взволнованно блеснули глаза. — Вашей светлости известно, что согласно Кучук-Гайнарчайскому соглашению мы с Москвой пребываем в мирных отношениях. Документ этот, будучи итогом жестокой шестилетней войны, весьма ограничивает нас... И хотя дело обстоит именно так...

Отворилась дверь, нукер доложил о приходе придворного, ведающего приемом гостей.

— Проси! — сказал Вагиф и, взяв в руки кусок шелка, стал внимательно разглядывать его.

— Отложи, это мне подойдет! Покажи еще что там у тебя есть!

Появления придворного Вагиф «не заметил» — так вдруг увлекся нарядными тканями.

— Извини, сынок! — сказал он «коробейнику», ре-

шив, наконец, увидеть вошедшего. — Проходите, милости прошу!

— Двадцать второго дня сего месяца, — учтиво кланяясь, сообщил придворный, — его высочество устраивает официальный прием, на который ожидает вашу милость. Об этом мне и поручено уведомить вашу милость!

— Благодарю, дорогой! — весело ответил Вагиф. — Прекрасно!

С улицы послышалась музыка. Вагиф подошел к окну. Одетые в доспехи всадники в сопровождении музыкальных команд проследовали по улице, возвещая о приближающихся торжествах.

Торжества начались утром двадцать второго января; о начале их возведено было сто одним пушечным залпом. Церемониальный марш должен был начаться от дома полковника Бурнашева, представлявшего в Тифлисе русское правительство, и закончиться у дворца Ираклия. Вагиф со своими помощниками тоже вышел на улицу, однако к парадному маршу они не присоединились, наблюдали со стороны.

По обе стороны улицы стояла вооруженная охрана, середина оставалась свободной. Процессия приближалась. Впереди шла грузинская пехота, потом следовали грузинские кавалеристы, за ними — две русские воинские части. Затем проследовал главный церемониймейстер грузинского двора и главный писарь Ираклия; их сопровождали двадцать четыре всадника в доспехах. Потом прогарцевал на коне русский офицер, за ним — пешим строем прошли младшие офицеры. Они несли дары, пожалованные Ираклию русской царицей, — знамя, булаву, корону и указ ее императорского величества. Офицеров, несших эти подарки, сопровождали вельможи, шедшие справа и слева. Возглавляемые офицером, прошли еще две русские части; грузинские кавалеристы замыкали процессию.

Вагиф повернул коня и переулками, боковыми улицами направился к двору. Ехать было трудно, снег лежал по колено, к тому же тифлиссские улицы то взбирались на гору, то круто спускались вниз.

У дворца церемониальную процессию громкой музыкой встречали русский военный оркестр и грузинские зурначи. Как только процессия проследовала в дворцовые ворота, Вагиф и сопровождавшие его люди тоже въехали во двор. Спешились на указанном им распорядителем месте. Нукеры, стремянные и неизменно сопровождавший Вагифа Сафар остались при конях, а сам он в сопровождении Мирзы Джамала и других членов посольства стал подниматься по дворцовой лестнице. Церемониймейстер, с почетом встретив их, провел в зал.

Русские офицеры и грузинская аристократия уже собрались. В передней части застланного дорогими коврами зала возвышался трон, покрытый драгоценным покрывалом, покрывало это прислано было русской царицей.

Ираклий стоял возле трона, окруженный сыновьями и внуками, возле него находились также вельможи и министры.

Вагиф, расположившись на указанном ему месте, с интересом поглядывал вокруг.

Церемония началась. Один из старших офицеров вышел вперед и, поздравив Ираклия с принятием русского покровительства, стал подавать ему один за другим доставленные из Петербурга дары. Последним он преподнес Ираклию указ императрицы; бумага эта была в кожаном, в серебро и золото оправленном переплете.

Ираклий стоя принимал дары и тотчас передавал их приближенным. Корону и булаву он положил возле себя, на особые бархатные подушечки. Как только вручен был указ, тотчас грянули пушки — сто один залп. Но вот залпы отзвучали, Ираклий, оставив на ступеньках семерых своих сыновей и двух внуков, взошел на трон и уже оттуда, с высоты трона, обращаясь к русскому офицеру, преподнесшему ему дары царицы, выразил свою благодарность.

Торжественная церемония была закончена. Русские начальники один за другим подходили к Ираклию и поздравляли его, пожимая руку. Грузинские вельможи и чиновники лобызали повелителю руку, некоторые из них вытирали слезы умиления.

Подошла очередь Вагифа. Он встал, не спеша, с достоинством приблизился к трону, пожал Ираклию руку и сказал, слегка поклонившись:

— Да пребудете вы в благополучии на троне ваших отцов и дедов! Повелитель Карабаха, гордость наша и слава, Ибрагим-Халил-хан с двадцати лет неизменно пребывал другом и союзником вашего величества. Дай бог, чтоб и впредь процветала эта дружба и взаимная преданность!..

Ираклий исподлобья взглянул на Вагифа и ответил по-азербайджански:

— Я несколько в этом не сомневаюсь! Передайте мой искренний салам другу моему Ибрагим-Халил-хану!

Полковник Бурнашев, стоявший подле трона, с интересом смотрел на Вагифа, одобрительно кивал, внимательно слушая переводчика.

Гостей пригласили в столовую. Был избран тамада — один из грузинских вельмож, — и пир начался. Тамада предложил наполнить вином роги и произнес тост в честь царицы Екатерины; все стоя выпили; сто один раз ударили пушки.

Второй тост поднят был в честь Ираклия; вино выпито было под пятьдесят один пушечный залп.

После официальных тостов слово было предоставлено Вагифу. Он поднялся с места, переводчик наклонился к Бурнашеву, сказал что-то и обернулся к Вагифу, приготовившись переводить. Карабахский визирь Вагиф Молла Панах с присущим ему спокойным достоинством вышел немного вперед, достал из-за кушака свиток дорогой, красивой бумаги, развернул его и стал читать стихи:

Мне нравится в этом саду кипарис и платан.
Какие душистые розы раскрыл гюлистан!
Колышет надменной чашечку стройный тюльпан!
И мак пламенеет, — он так бархатист и багрян!
Красавиц Тифлиса с цветами сравнил мой дастан.

Большинство присутствующих понимали по-азербайджански и слушали стихи с удовольствием. Однако последние строки стихотворения вызвали некоторое сомнение и истолкованы были по-разному.

Ты не был, Вагиф, никогда лицемерен и лжив.
Проси же всевышнего, душу в молитву вложи, —
Пусть будет наместник с его домочадцами жив
И пусть, неусыпной заботой всех окружив,
Аллах благодати ему испошлет океан¹.

¹ Перевод В. Потаповой.

Ираклию не понравилось слово «вали»¹, упоминавшееся в стихотворении, поскольку теперь, после принятия русского протектората, он был уже не одним из четырех вали — наместников шаха, а самостоятельным воеводой. Бурнашев тоже испытывал некоторое неудобство. Ему показалось, что посол маленького безвестного Карабахского ханства не придает никакого значения тому факту, что русские войска столь торжественно вступили в Тифлис; мало этого, он, вроде бы, даже не понимает величия императрицы, признанного ныне во всем мире. Видимо, Бурнашев впервые встречался с восточным дипломатом такого уровня и не мог по достоинству оценить его предусмотрительности. Вагифу ничего не стоило вместо «наместник» сказать «правитель», но он трезво учитывал ситуацию: употреби он слово «правитель», отношения Ибрагим-хана с Ираном сразу могли бы ухудшиться, а в этом Карабах был сейчас меньше всего заинтересован.

В тот же день Вагиф присутствовал в храме, где происходило торжественное богослужение, — правитель Грузии Ираклий присягал на верность России.

Вагиф пробыл в Тифлисе две недели. С Ираклием он больше не смог встретиться: согласно договору с Россией тот мог теперь входить в дипломатические отношения только через посредство Бурнашева и был обязан действовать в соответствии с рекомендациями русских советников. Такое положение несколько озадачивало Вагифа: приняв протекторат России, Ираклий навечно сблизился с великой державой, и это давало Грузии несомненные преимущества, но в то же время было ясно, что правитель Грузии потерял всякую свободу действий.

Тщательно обдумывая создавшееся положение, учитывая и положительные и отрицательные стороны такого союза, Вагиф так и не пришел к окончательному выводу — благо ли это? Во всяком случае с официальными переговорами он не торопился. Очарованный чудесным городом, он дал волю своему сердцу — сердцу поэта; он писал стихи. Во время церемонии присяги в храме Вагиф увидел одну грузинку и был потрясен ее красотой. Волнение, которое вызвала в душе поэта красота

неизвестной женщины, в тот же день претворилось в стихи:

...Кудри вьются волной и фиалок струят аромат.
И, лица не закрыв, покрывало отбросив назад,
Стройным станом, прекрасным лицом она радует
взгляд,
О господь, пощади, — мне беду ее брови сулят!
Чтобы веру сгубить, неверна тихо вышла из церкви.
...Я, Вагиф, увидел ее взор и пленительный стан,
Позабыл про минбар и михраб, веру всех мусульман.
Лишь теперь понял я, что случилось с тобой,
Шейх-Санан.
Иль Тифлис затоплю я слезами, тоской обуян.
Иль она для меня, влюблена, тихо выйдет из церкви!¹

Вагиф был целиком захвачен поэзией, но прибыл посланный Ираклием человек и с эмпиреев пришлось вернуться на землю. Ираклий настоятельно советовал карабахскому послу встретиться с Бурнашевым. Вагиф принял этот совет, были определены день и час приема.

Посещение Бурнашева Вагифом обставлено было с необычайной пышностью — нужно было всячески подчеркнуть величие Карабахского ханства. Вагиф приехал на коне, украшенном серебряной сбруей; двое стремяных вели его под уздцы, двое шли позади, вооруженные нукеры на великолепных карабахских скакунах сопровождали Вагифа; Сафар, ехавший впереди, расчищал дорогу послу.

Беков Вагиф решил не брать с собой, во время встречи с Бурнашевым при нем был только личный его писец Мирза Джамал.

На веранде бурнашевского дома Вагиф сбросил теплую шубу и один из нукеров набросил ему на плечи, поверх чухи, шелковый, подбитый соболями плащ; Вагиф прошел в кабинет.

Бурнашев стоял возле письменного стола; на нем были кафтан с галунами, туфли, чулки до колен; грудь его пересекала перевязь, украшенная крестами и звездами. Вагифа особенно заинтересовал напудренный парик и бритое лицо Бурнашева, хотя он и не впервые его видел. Позади письменного стола на дорогом ковре висел

¹ Вали — наместник.

¹ Перевод М. Замаховской.

портрет императрицы Екатерины. Вагиф впервые увидел русскую царицу. Когда он, взглянув на портрет, перевел взгляд на Бурнашева, ему, показалось, что они чем-то похожи друг на друга: царица и этот русский военачальник.

Бурнашев подошел к Вагифу, вежливо протянул ему руку, потом, указав на мягкий диван, молча пригласил его и Мирзу Джамала присесть. Сели. Появился переводчик. После официальных приветствий, высказанных с чрезвычайной галантностью, Бурнашев стал говорить о милосердии и бескорыстии Екатерины; он уверял, что, посылая в Тифлис войска, императрица действует бескорыстно: мир и всеобщее благоденствие — единственная ее забота.

— Наша цель, — продолжал Бурнашев, — достичь взаимопонимания и с вашим досточтимым повелителем Ибрагим-Халил-ханом. Всемилостивейшая императрица и вам готова протянуть дружескую руку. Только в союзе с нами Ибрагим-хан сумеет сохранить свой трон...

Вагиф слушал Бурнашева, не отрывая глаз от его тонких губ, за которыми поблескивали белые зубы. Как только русский закончил, стал говорить Вагиф. Он упомянул о том, что правитель Карабаха принадлежит к династии Аргуна, является одним из потомков великого Чингиз-хана, что владения карабахского хана огромны, простираются до самого Тебриза, что Ибрагим-хан владеет Шушой, а крепость эта, как известно, является ключом ко всему Востоку.

— Мы искренне жаждем дружбы и союза с ее величеством, однако... — Вагиф помедлил, холодным взглядом окинул собеседника и сообщил, что для его повелителя Ибрагим-Халил-хана были бы приемлемы лишь точно такие же условия, на которых Россия заключила договор с Грузией.

Бурнашев усмехнулся. Усмешка эта показывала, что его подобные условия, напротив, никоим образом не устраивают. Вагиф понял это сразу, однако виду не подал. Перейдя к положению в Иране, он сообщил, что Ибрагим-хан намерен в недалеком будущем овладеть иранским престолом.

В этом месте Бурнашев вдруг сразу посуровел и начал повторять, что карабахцы должны верить в добро-

желательность и милосердие царицы, ибо ее доброта и милостивое расположение — великое благо для народов.

— Доброта и милосердие, разумеется, великое благо, — согласился Вагиф, — тут не может быть двух мнений. Однако отношения между государствами регулируются договорами и законами.

Бурнашев снова начал распространяться о доброте и милосердии. Он убеждал, доказывал, приводил аргументы, но Вагиф стоял на своем. Для Карабаха приемлемы только те условия, на которых был заключен союз с Ираклием; впрочем, добавил Вагиф, это лишь его личные соображения, мнение Ибрагим-Халил-хана ему пока неизвестно. Вагифа всерьез беспокоило то, что, бесконечно разглагольствуя о милосердии, Бурнашев ни словом не обмолвился ни о правах хана, ни о судьбе карабахского населения в будущем, ни об армии; было очевидно, что Бурнашев по-разному относится к Грузии и к Карабаху.

Продолжать беседу в том же духе не было смысла; Бурнашев продолжал еще некоторое время превозносить царицу, но Вагиф лишь вежливо, молча слушал. Когда же он, наконец, заговорил, то заговорил о вещах, совершенно посторонних, весьма озадачив этим полковника Бурнашева.

7

Сразу же по возвращении в Шушу Вагиф явился к хану и подробно изложил все, что видел и слышал в Тифлисе. То, что русские осмеливаются предлагать ему не союз, подобный тому, который заключили с грузинами, а безоговорочное и безусловное принятие русского подданства, повергло Ибрагим-хана в негодование. Его начала бить дрожь, причем такая сильная, что дрожал не только подбородок, но и все тело повелителя Карабаха сотрясалося от ярости и возмущения.

— Так... — произнес он наконец. — А рассказал ли ты ему о моей мощи, о несокрушимости нашей крепости? — Разумеется, — спокойно ответил Вагиф. — Все это я объяснил.

— Ну и что?

— Он все равно стоял на своем. Так мы ни о чем определенном и не договорились.

Хан молчал. Напряженно раздумывая, он помешивал в камине щипцами.

— В этом деле необходимо терпение, выдержка, — сказал Вагиф, пытаясь хоть немного успокоить Ибрагим-хана, — поспешнись, людей назмешнись. Посмотрим, подумаем, найдем какой-нибудь выход...

Хан молча продолжал помешивать угли. Потом, словно очнувшись от забытья, сказал невесело:

— Я послал за Алимамедом. Надо посоветоваться...

— Хан, — сказал Вагиф, по-прежнему не теряя спокойствия, — существует немало средств, которые помогут нам избежать серьезных затруднений. Первое из них — немедленно заняться укреплением Шуши. Конечно, недовольные нами мелики не замедлят сообщить о наших действиях в Тифлис, но я думаю, что не опасно... — Вагиф помолчал, потом осторожно заметил:

— Если бы нам удалось договориться с Фатали-ханом...

— Я не хочу слышать этого имени! — выкрикнул хан, окончательно теряя власть над собой. — Разве мыслимо входить в соглашение с негодяем?! На него невозможно положиться!..

Дверь отворилась, вошел Мирза Алимамед. Нос у него был красный от мороза, ресницы заиндевели. Он поздоровался, сел и, потирая озябшие руки, устремил задумчивый взгляд в окно.

Хан положил щипцы и повернулся к Мирзе Алимамеду.

— Ну, что нового?

Мирза Алимамед положил руки на колени.

— Пока ничего, — сказал он почтительно и покорно, — но говорят, что русские отправили подарки Агамухамеду. Раньше вроде и знать его не хотели, а теперь вон как дело обернулось. А Алимурад-хан укрепился в Исфагане и знать не хочет Агамухамеда. Башбук напал на Садык-хана и убил его вместе с восемнадцатью сыновьями. Купцы принесли весть, будто Франция направила в Исфаган посла, ведутся переговоры...

Вагиф слушал эти новости, задумчиво перебирая четки. Когда Мирза Алимамед кончил свое сообщение, хан вопросительно взглянул на Вагифа.

— Хан! — сказал Вагиф и невольно выпрямился. — Весьма возможно, что все эти сведения достоверны, и все

это очень важно. Однако мне думается, что для нас гораздо важнее, как сложатся наши отношения с Россией. Надо искать пути. Если рассчитывать только на силу, мы можем оказаться в тяжелом положении...

Вагиф умолк, взял каминные щипцы, поднял выпавшую из каминной головню, сунул ее в огонь...

— Может быть, — продолжал он, — вы все-таки считаете возможным вернуться к вопросу о союзе с Россией... Через какое-то время, разумеется. Спешить нельзя. Такие решения требуют осторожности, терпения. Вместе с тем теперь же надо принять меры предосторожности. Омар-хан должен быть готов к выступлению. Нужно оказать помощь Агасы-хану, лишенному трона. Возможно, тот уже встретился с ханом Шемахи Мамедгасаном. Шекинский хан Гаджи-Абдылкадыр тоже не дремлет... Если мы не примем должных мер, нам не сдобровать...

— Абдылкадыр... — задумчиво протянул хан, — Абдылкадыр... — И кому верить после этого? Не помнят люди добра! — хан сокрушенно покачал головой. — Неподдельная горечь была в его словах. — Этот Абдылкадыр, как из Мекки вернулся, все в Дардогазе прятался, на Куру — не знал, где голову преклонить... Кумыкский хан Мамед убил его брата Ага-киши, ханством завладел. А племянник Абдылкадыра Гусейн-хан, получив помощь от Агасы-хана, прогнал Мамед-хана из Шехи, сам на трон сел. Так вот этот самый Абдылкадыр человека ко мне прислал, умолял помочь... Пожалел я его, послал людей. С моей помощью он захватил город, племянника своего Гусейн-хана повесил, снова ханом стал... Да, ахунд, коварен человек!..

— Эх, хан! — Вагиф усмехнулся. — Нашел о чем толковать! Так было и так будет! На лжи и коварстве замешан фундамент мира! Конечно, и в недавнем прошлом, и в незапамятные времена были правители, которые пытались править по справедливым законам, стараясь жить в мире и со своим народом, и с соседними государствами... И все-таки ложь и насилие всегда брали верх над правдой и справедливостью! Много лет бьюсь я, пытаюсь размотать клубок этой тайны, стремясь понять, почему так устроен мир, но конца нити мне пока не удалось ухватить... Что ж, теперь сын того самого Гусейн-хана Мамедгасан-хан сможет расправиться с Гаджи-Абдылкадыром. Он уж давно у нас без дела ходит. При-

кажи: пусть завтра же отправляется в Джар, займется фуражом для войска.

Этот совет Вагифа пришлось по душе хану. В свое время в те дни, когда Абдылькадыр собирал в Дардогазе войска, захвативший Шеки Гусейн-хан Муштаг послал к нему своего сына Мамедгасана, предложил заключить мир. Абдылькадыр схватил Мамедгасана, доведившегося внуком его брату, и со связанными руками отправил в Шушу к Ибрагим-хану, на расправу. По совету Вагифа хан не убил Мамедгасана, а Абдылькадыр-хану — чтоб тот остался доволен — послал его окровавленную одежду. Теперь этот самый Мамедгасан имел полную возможность рассчитаться с Абдылькадыром.

Давно уже зашло солнце, а совещание все продолжалось. Наконец Вагиф и Мирза Алимамед покинули дворец. Хан сидел у камина, задумчиво помешивая щипцами угли. Неслышными шагами приблизилась рабыня.

— Хан, да пошлет тебе аллах долгой жизни, где прикажешь накрывать?

По заведенному во дворце обычаю хан ужинал у той жены, с которой намеревался провести ночь. Каждый вечер рабыня являлась, чтобы узнать волю хана.

Несколько секунд Ибрагим-хан молчал, потом промолвил негромко:

— Накрой здесь. И скажи, чтоб подбросили дров!

Рабыня поклонилась, вышла.

Поужинав, хан долго сидел у камина; потрескивая, горели дрова... Он было совсем успокоился, и вдруг его снова охватило негодование. «Мыслимое ли дело: Ираклию, которого я столько раз спасал, вызволял из беды, ему — и корона, и царские подарки, а мне — подданство и ничего более!.. Мне, Ибрагим-Халил-хану, сыну Панах-хана, прямому потомку Аргун-хана, мне, слову которого — закон для всего Азербайджана, мне предлагают безоговорочно и безусловно принять русское подданство!.. Стать рабом, склонить голову перед гяуром?! Дожили, ничего не скажешь!..»

Давно уже наступила ночь, а мучительные мысли, отгоняя сон, терзали хана. И вдруг в черноте ночи засветилось, забрезжило что-то: хан принял решение, то, которое подсказывал ему Вагиф. Улыбка смягчила жесткие черты. В сущности не так уж все плохо, — проводить ночь без сна нет никакой причины.

Ибрагим-хан поднялся, зевнул, потянулся. Легкий озноб прошел по всему телу... Он бросил взгляд на свечу, свеча догорала, шипя. Он взял из подсвечника новую, зажгет ее, погасил догорающую... Со свечой в руках вышел из комнаты, потом вернулся, окинул взглядом замершего у стены слугу.

— Гаси свечи и иди спать!

Хан шел по своему гарему. Мирно похрапывала во сне Ханум — мать его наследника Мамедгасана. Повернувшись к стене, спала Шахниса-ханум, жена, взятая им из Карадага. По соседству с ней была комната Хурзад, дочери мелика Шахназара, за ней — комната Хуршудбегим, дочери Шахверди-хана. Ни к одной из этих жен хан даже не заглянул, не задержался возле их покоев. Приметив, что дочь Аллахра из Ункута разбросалась во сне, подошел, заботливо поправил одеяло... Пошел дальше. Свеча таяла, застывая на пальцах. Тутубегим, сестра Джавад-хана, мирно спала, забросив за голову белые руки. Хан замедлил шаги, оглядел ее... Свет упал на лицо спящей женщины, она открыла глаза, секунду смотрела, ничего не понимая, потом потянулась, зевнула...

— Так поздно не спишь, хан? — она с улыбкой приподняла голову. Толстые косы змеями шевельнулись на подушке. — Замерз? — громко спросила она, с улыбкой глядя на хана. — Поди сюда!

Хан сел возле нее. Тутубегим взяла у него из рук свечу, поставила на ковер, прижала к груди холодные руки мужа, он ощутил сладостное тепло ее тела.

— Чего ж не ложишься? — ласково прошептала она.

И снова вернулась тревога. Тифлис, Шеки, Куба — все это, переплетаясь, перемешавшись, тяжелой глыбой навалилось на его плечи. Ничего не ответив, хан отнял руки от горячей женской груди, встал.

В самом конце коридора была комната Анаханум, дочери шшинского купца Гаджи Керима, торговавшего коврами, тканями, шелками. Анаханум была самой молодой женой Ибрагим-хана — крепкая, полнотелая, семнадцатилетняя... Хан вошел к ней. Опыленный ароматом розовой воды, дрожащей рукой поднял хан свечу, освещая раскинувшуюся во сне Анаханум. Шелковое одеяло сползло на ковер, обнажив белоснежную девичью грудь; легкая тень длинных ресниц легла на тугие, свежие, рдеющие, как заря, щеки...

Хан поставил свечу и дрожащими пальцами начал развязывать пояс...

Проснулся хан на рассвете. Анаханум не раз слышала, как он стонал и бредил во сне. Дракон напал на него, терзал, душил, рвал тело... Раны ныли, глухая боль до сих пор стояла где-то внутри. Все в это утро раздражало, гнетало хана.

Он прошел в комнату совещаний и долго сидел там в одиночестве. Это была дурная примета: весь дворец трепетал. Послали за шутами, со всего города собрали забавников и балагуров. Пришел и знаменитый Лотуоглу, уж этот-то должен развеселить хана!

Лотуоглу вышел на середину и долго выделял замысловатые коленца, однако ни одна морщинка не разгладилась на лице хана. Он то и дело обращался к сидящему возле него Шахмамеду и приказывал бросить кого-нибудь в тюрьму. Ужас, охвативший дворец, перекинулся на город. «Сажают на кол! Заливают глотку свинцом! Соколам не дают еды: живьем будут скормливать им обреченных...»

Шуты выбивались из сил, стараясь развеселить хана, смягчить его, но ничего не могли поделать. Тогда Лотуоглу придумал такую штуку. С гордым видом подошел он к хану и сел возле него, сурово нахмурив брови. Потом подозвал к себе одного из шутов.

— Я гневен, — мрачно произнес он, подражая голосу Ибрагим-хана. — Если вы не развеселите меня, не развеее мои тяжкие думы, я вас яйца нести заставлю!

Шуты тотчас принялись за дело. Они лаяли, кудахтали, завывали шакалами, кричали по-ослиному, ржали. Хан пребывал в унынии.

— Я гневен! — вскричал Лотуоглу. — Вы не сумели исступленно кудахча, принялись «нести яйца».

Шуты бросились врассыпную и, присев на корточки, исступленно кудахча, принялись «нести яйца».

Хан не менялся, гнев по-прежнему мерцал в его глазах. И вдруг появился Ханмамед. Сел, потирая замерзшие руки, и тотчас же принялся рассказывать соседу какую-то историю. Хан исподлобья наблюдал за ним.

— Эй, Ханмамед, — крикнул вдруг он. — Что это ты там рассказываешь?

Все замерли; даже шуты, смелее других привыкшие держаться при повелителе, обомлели от страха.

— Сон свой рассказываю, да пошлет аллах долготелю хану!.. — нерешительно отозвался Ханмамед.

— Сон? Ну что ж, давай погромче, я тоже хочу послушать!

Все облегченно вздохнули — Ханмамеду не раз удавалось смягчить ханский гнев, может быть, и на этот раз он сумеет развлечь хана какой-нибудь забавной историей.

— Да пошлет аллах долготелю хану, — начал Ханмамед, — привиделся мне сегодня сон, будто ты приказал повесить меня перед диванханой. Обмыть повелел у родника Мехралы-бек, а похоронить — под Дабтелебом.

Хан обернулся к Шахмамеду. Тот с поклоном приблизился к повелителю.

— Скажи палачу, — спокойно произнес хан, — пусть повесят твоего глупого братца перед диванханой, обмоют у родника Мехралы-бек, а похоронят под Дабтелебом. Пусть сон будет в руку!

Шахмамед безмолвно повиновался. Через минуту вошли одетые в красное палачи и увели Ханмамеду...

Вагиф еще толком не отдохнул с дороги, к тому же ему неможилось, замучил насморк. Он отлеживался в постели, читал Физиули. Бессчетное число раз читал Вагиф его стихи и все-таки каждую свободную минуту снова брал в руки эту книгу.

Старый слуга на цыпочках вошел в комнату.

— Ага! Тебя люди спрашивают...

— Кто такие?

— Да вот говорят — хан-то вроде опять...

Вагиф сразу понял в чем дело.

— Зови в дом! — сказал он, поспешно одеваясь. — На дворе такой мороз!..

— Нельзя в дом, — объяснил слуга, — не поместятся, их там тьма-тьмущая!..

Вагиф вышел на веранду — двор, лестница, веранда — все было забито толпой. Несколько женщин без памяти лежали на снегу... Острая боль пронзила сердце

Вагифа, хотя ему не раз приходилось видеть подобные зрелища.

Стараясь казаться спокойным, Вагиф велел позвать к себе несколько просителей. Оказалось, что почти у каждого был брошен в темницу кто-нибудь из ближних.

Вагиф стал объяснять, как нужно поступить.

— Соберитесь человек тридцать-сорок, наденьте саваны и отправляйтесь ко дворцу. Я сейчас дам пару зикиров,¹ будете распевать их, а головы раскровяните, пусть кровь течет... Остальное я беру на себя.

Вагиф вернулся в комнату, присев на тюфячок, написал что-то на клочке бумаги и свернул его.

— Будете раздирать себе головы и петь вот это, — сказал он, передавая бумажку. — Идите и сделайте все так, как я сказал. Я скоро буду.

Проезжая мимо диванханы, Вагиф на виселице увидел труп бедного Ханмамед, снежный ветер покачивал труп. Толпа молча наблюдала за палачами; разложив оковы, те готовили свои страшные орудия...

Ибрагим-хан все еще неистовствовал. Когда появился Вагиф, хан, призвав даргу,² казначея и управителя дворца, требовал, чтоб те назвали ему людей, заслуживших наказание. Шахмамед показался Вагифу потрясенным: каменное сердце было у этого человека, но к казни брата и он не мог остаться равнодушным...

Вагиф поздоровался и прошел на свое обычное место. Отвечая на его приветствие, хан лишь шевельнул губами, не произнеся ни звука. Молча, с горькой усмешкой глядел Вагиф на кривляющихся шутов. Вдруг со двора послышались зикеры.

Хану доложили, что весь двор заполнен людьми: они раздирают себе головы и распевают зикеры. Ибрагим-хан бросил взгляд на Вагифа. Тот постарался выразить на своем лице полное безучастие. Хан послал узнать, что нужно этим людям, но никто ничего не мог объяснить. Душераздирающие вопли по-прежнему проникали в комнату.

¹ Зикир — у религиозных мусульман памятное словосочетание, наподобие заклатья.

² Дарга — начальник охраны.

— Взглянуть, что там такое... — предложил Вагиф, заметив, что хан не остался равнодушным.

Они вышли на веранду. Люди в белых саванах раздирали себе крючьями головы, выкрикивая слова зикиров. Жутко было глядеть на эти залитые кровью белые саваны. С появлением хана вопли стали еще громче, еще пронзительней. Звуки зикиров, срывающиеся с окровавленных губ, видимо, растрогали хана.

— Ахунд, ты ученый человек, — дрожащим голосом произнес он, обернувшись к Вагифу. — Объясни мне, что это значит!

— Хан, да пошлет тебе долголетие аллах, ради имама Гусейна, погибшего в Кербеле от руки злодеев!.. — голос Вагифа прервался, он прижал к глазам платок.

— О чем они просят? — тихо спросил хан.

— Сегодня должны быть приведены в исполнение твои приговоры... Но ты не можешь не смириться!.. Ради имама Гусейна!

— Ахунд, — сказал хан, и слезы полились ему на бороду. — Ты знаешь, я не хочу греха!..

Ибрагим-хан был набожным человеком, Вагиф знал, что это значит.

— Люди! — свесившись через перила, обрадованно закричал он. — Хан милует осужденных! Ради имама Гусейна! Идите по домам и молитесь аллаху, чтоб даровал хану здоровье и долголетие...

— Да пошлет ему аллах здоровье! Да сохранит его аллах всемогущий!

Голоса, славящие хана, слились в оглушительный гул...

Вагиф снова приподнял чашку и достал из-под нее кольцо.

— Ну вот, Мирза Алимамед. Мне сегодня везет!

Слуга взял поднос и стал расставлять на нем чашки. От движения воздуха огонек заколебался и несколько раз лизнул свечу, расплавляя сало.

— Еще бы! — с улыбкой отозвался Мирза Алимамед. — В чем тебе не везет? Даже в государственных делах — успех!

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Вагиф.

— Все твои начинания всегда достигают цели.

Чашки были расставлены снова. Вагиф с усмешкой взглянул на Мирзу Алимамеда.

— Что дашь, если снова мой верх?

— Что хочешь!

Вагиф поднял чашку — под ним лежало кольцо.

— Ну, это уже чересчур! — воскликнул пораженный Мирза Алимамед.

Вагиф рассмеялся.

— А тебе не кажется, что некоторые ханы довольно часто допускают в своих поступках это самое «чересчур»?

Мирза Алимамед с опаской взглянул на Вагифа. Тот, кончив игру, взял со стоящего перед камином низкого столика несколько сушеных плодов тутовника, съел и, пододвигаясь к камину, возле которого грел руки Мирза Алимамед, негромко произнес:

— Посмотрим, какие новости доставит Муса-Солтан. Когда он в первый раз вернется из России, вести были хорошие.

— И теперь будут хорошие.

— Как знать... — Вагиф задумался. — Примут ли они наши условия? Я написал, что мы согласны принять покровительство России при условии сохранения ханского трона. Поймут ли они, в чем тут дело? И согласятся ли?

— А если не согласятся, что мы теряем?

— Ничего, разумеется. Но нам нужно время. Нужно выждать, посмотреть, как будут разворачиваться события. Продвижение русских на Кавказ весьма обеспокоило и Иран и Турцию. Знаешь, что пишет Сулейман-паша? Русские в Тифлисе — это огонь, который сожжет нас всех. Как тебе это кажется — убедительно? — Вагиф вдруг улыбнулся.

— Ты что смеешься? — Алимамед удивленно взглянул на друга. — Смешное вспомнил?

— Нет! Мне вдруг пришла в голову мысль: в кои-то веки удастся нам побыть наедине, но мы и тут не можем спастись от этих нудных разговоров!.. Ведь во всем ханстве ты единственный человек, с которым можно пошутить, потолковать, излить душу... — Вагиф помолчал. — А все-таки правильная эта пословица: «От чрезмерного усердия только чарыки рвутся». Зря хлопочем. Конечно наши старания не бесплодны, и когда-нибудь мы достигнем цели. Но очень уж она далека!.. Жизнь — это река, поток... Что мы с тобой против этого потока? Ха-

ны дерутся, хватают друг друга за глотку. Ради власти они готовы на все: брат убивает брата, отец — сына! Они выкалывают друг другу глаза, рушат селения, губят тысячи людей, и все ради прихоти того или другого повелителя!.. Сил нет глядеть! Сердце ноет, ноет, и ничем не заглушишь, не утишишь проклятую эту боль!.. Знаешь что, давай пошлем за Кязымом! Очень занятый человек! Может, развлечет немножко!..

Вагиф велел слуге тотчас отправить нукера за Кязымом.

— К добру ли? — спросил Кязым, появляясь в дверях. Он был встревожен — слуга Вагифа поднял его с постели.

— Только к добру! — приветливо отозвался Вагиф. — Проходи, располагайся, как дома!

Кязым сел. Взглянул на угощение: сушеные плоды тутовника, очищенные орехи.

— Отведай! — предложил ему Вагиф.

Кязым засмеялся.

— Как нахичеванскую дыню есть, небось не вспомнил! На орехи зовешь!.. Знаешь, что не по зубам мне! Вагиф попытался что-то сказать, но Кязым прервал его, у него уже готова была присказка:

— Однажды Молла Насреддин увидел во сне, будто деньги даром раздают. Всех оделили и ему дали, только всем светлые деньги, а ему почему-то черные! Обиделся Молла, крик поднял. Даже проснулся от своего крика. Глядит — в руках-то пусто. Закрыв опять глаза: «Ладно, пускай будут черные, давайте!» Так и я, давай хоть орехи!

Он взял с блюда несколько ореховых ядрышек и бросил в рот. Вытирая платком слезы, Вагиф глядел на Кязыма — ждал от него новых веселых историй. А тот мял беззубными челюстями ядрышки, пытаясь разжевать.

— Что, братец, — усмехнулся Вагиф, — сломалась твоя мельница?!

— Да как же ей не сломаться-то: за свой век столько ячменя челюстями перемолол, что, как услышу на улице «Тоггуш!»¹, враз останавливаюсь.

¹ Тоггуш — оклик, которым останавливают ослов.

— Ну, Кязым, — воскликнул восхищенный Вагиф, — и впрямь нет тебе равного в остроумии! Теперь, как начнет хан понапрасну гневаться, отправляйся во дворец! Большие дары получишь!

Кязым, опустив голову, смущенно потер руки.

— Спасибо на добром слове, только мы, ахунд, люди простые, нам дворцы ни к чему. Знаешь, небось пословицу: «Кто с ханом бахчу засекает, у того урожай со спины снимают»?

Мирзе Алимамеду, человеку осторожному и осмотрительному, не по себе стало от подобных вольностей, и он поспешил переменить тему.

— Смотри, ахунд, — Мирза Алимамед кивнул на догоревший камин, — огонь-то, кажется, хочет нас предать!..

— Ничего, с этим мы справимся!

Вагиф крикнул слугу, приказав подбросить в камин дров и сменить догоравшие свечи.

— И скажи, пусть халвы приготовят! — попросил Вагиф. — Посидим еще — ночь длинна!..

— Ты сказал «халва», и мне сразу случай один вспомнился, — с усмешкой начал Кязым. — Я тогда молодой еще был, в Иране воевал. Возле Ахара в плен попал. Пригнали нас в Ахар, меня одному хану продали в нукеры... Важный хан был, из самих Джаванширов!

— Выходит, у вас родство!.. — усмехнулся Вагиф.

— Да уж выходит... Вообще-то он вроде меня: не больно за богатством гнался. Как говорится, «пушкяк брюхо пусто, лишь бы забот не густо». Небольшое имение у него было, тем и жил, в войны особо не ввязывался. Пуще всего на свете любил он занятых людей — все добро свое на них перевел. И нукеров себе выбирал повеселее, позабавнее. Вот раз поднимается он по лестнице, а я — за ним следом. Взял да прямо на лестнице и пощекотал ему ногу. Обернулся он, глядит гневно, а я ему: «Прости, хан, ради аллаха, я ведь думал, это ханум!..» Расхохотался он: «А ты, — говорит, — весельчак, мне это нравится! Откуда родом-то будешь?» — «Из Карабаха». «Это почему же он так называется?» — «А потому, — говорю, — что мы все снегом скрепляем: ведут люди меж собой счет, обязательно на снегу пишут, чтоб крепче морозом скрепило». Усмехнулся хан: «Ну что ж, считай, что твою сегодняшнюю проделку я тоже на снегу записал. Иди!» Я сошел бы-

ло с лестницы, и окликнул его: «Хан, а хан! Не понял я: мою судьбу ты написал черным, или на снегу мою вину?». Усмехнулся хан, только эта его усмешка мне уже не понравилась, струхнул я. Какой-никакой, а хан, перечить ему не положено; разгневался, так и голову отрубить может. А он вдруг как закричит: «Убирайся, не то халву будут есть на твоих поминках!» — «Я бы рад убраться, хан, да ворота запеты!» Рассмеялся он, осветил лицом: «Ты, говорит, видно, большой забавник! Ладно, проси у меня что хочешь, только уходи с глаз долой!» «Раз такое дело, — говорю, — отпусти меня. Вели через Аракс переправить, на родину вернись! Подумал, подумал хан — и согласился. Даже денег на дорогу дал».

— Выходит, не по вкусу ему пришлось твои штучки, хоть он и любитель! — Вагиф улыбнулся.

— Не в том дело, ахунд. Хан очень жен своих берег. Решил, видно, что шуточки мои до добра не доведут. — А я ведь нарочно все так и подстроил, чтоб он меня прогнал!

Принесли халву, пшеничные лепешки. Сблзнительно запахло шафраном.

— Эх! — протянул Кязым, вожделенно глядя на халву. — От такой еды, как говорится, и мертвый воскреснет!

Вагиф разломил лепешку, для смягчения обильно сбрызнутую водой.

— Посмотрим, чем ты нас после этой халвы удивишь, — сказал он, раскладывая халву. — Шафран, он ведь веселость придает!

Кязым быстро умял два солидных куска халвы, глаза у него весело заблестели.

— Ахунд, — сказал он, с чавканьем дожжевывая халву, — ты сказал «веселей» и мне сразу случай один на память пришел. Попал я как-то в Ардебиль. Осень стояла, грязь непролазная... Холодно, голодно, да и поистратился я... И встречается мне на улице человек, небольшого росточка, косоглазый. Я ему: «Как эта махалла называется?» Спросил и гляжу на него, а он как на меня набросится с кулаками! Папаха с меня свалилась и прямо в грязь. А ведь я всего только и спросил, как махалла называется. Я всерьез, а он почему-то воспри-

¹ Непереводамйа игра слов: *gar* — снег; *gara* — черный.

нял мой вопрос как насмешку... Ну да ладно, напялил я свою грязную папаху, иду дальше, вдруг вижу люди чего-то все в один двор сворачивают. Что, спрашиваю, случилось. Оказывается, покойник в этом дворе. «Это, — думаю, — кстати, зайду. Сочувствие выражу, а заодно силы подкреплю поминальным пловом!» Захожу, присаживаюсь. И вдруг вижу: встает один из гостей, подходит ко мне, сочувствие выражает. Я малость опешил. Или, думаю, они здесь все чумовые, или это я спятил... А оказывается, в том городе такой порядок: в знак траура папаху грязью мажут. Папаху-то у меня вся в глине была, вот и сошел за родственника. Уж похотел я потом...

Они просидели до полуночи, и Вагиф от души веселился, слушая бесконечные истории Кязыма...

10

Ласковое весеннее солнце добралось до зенита, но как-то не верилось, что уже полдень, с земли поднимался туман, горы стояли, окутанные облаками, горизонт был нечистый, мутный. А потом и солнце пропало, скрылось за темной, плотной тучей.

Стало темнее. Гром, давно уже прогремывавший вдалеке, с оглушительным треском обрушился на город; казалось, небо рассыпалось на мелкие кусочки, словно оконное стекло. Забарабанил по кровлям град, приводя в ужас горожан.

Телли вытащила во двор треножник, перевернула его вверх ножками, но град все не унимался.

— Гюльназ! — крикнула она сидевшей за сновальней подруге. — Нашла время работать! Иди сюда — ты ведь первая у матери, — набери семь градин, разгрызи — град кончится!

Гюльназ засмеялась, быстро выбежала во двор, перепачканными в краске руками стала ловить прыткие, скользкие градины. Набрала семь штук, разгрызла и побросала на землю. Град лупил по-прежнему, сшибая с веток листву и зеленые завязи.

Мать Телли поспешно перебирала четки. «Господи милосердный! Опять ты на нас беду послал! Все завязи посбивало, опять бедовать!.. За что караешь, господи?! Не иначе, опять невинную кровь пролили!..»

Снова треснуло, раскололось небо, но гром уже укатился куда-то... Облака поредели, приветливо улыбаясь, выглянуло из-за них солнце и вновь начало золотить землю лучами. Телли и Гюльназ, бросив работу, вышли во двор. Под деревьями кучами лежали истерзанные листья, сбитая градом зеленая-презеленая алыча. Когда девушки собирали алычу, ворота отворились, вошел Сафар. Лицо у него было встревоженное.

— Телли! Возьми ключ, за домом присматривай! Я уезжаю.

Телли уже привыкла к неожиданным отлучкам мужа и все-таки, расставаясь с ним, каждый раз обмирала от страха. Она только нашла в себе силы спросить:

— Куда уезжаешь-то? — И следом за мужем пошла к воротам.

Выйдя на улицу, Сафар отвязал коня, вскочил в седло...

— Кубинский и Шекинский ханы перешли Куру. Войска у них огромные!

Это было все, что он успел сказать. Разбрызгивая копытами грязь, конь помчал его по улице, а Телли вернулась во двор, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Прослышав о спешном отъезде зятя, пришел из мастерской Кязым; вся семья собралась вокруг Телли. Она тихо плакала, отвернув в сторону лицо, — стеснялась отца. Гюльназ утешала ее. Мать стояла, опершись на сновальню, скрестив на груди руки...

Кязым сидел на краю веранды и ковырял грязь мыском своего чарыка.

— Велико же твоё терпение, господи! — со вздохом сказал он и бросил сердитый взгляд на небо. — Когда только кончится грязня ханская, чтоб простым людям вздохнуть спокойно! Ведь это что ж — опять урожай не жди, опять ячменем пробавляться!.. Что ни день — грабёж, разорение! От дела людей отбивают! Эх, нет, видно, для нас у бога легкой смерти!..

Пришла мать Гюльназ.

— Кязым, — жалобно сказала она, прикрывая рот концом белой чадры, — от моего-то ни слуху ни духу...

— И не говори, сестрица! Вот и мы горюем — Сафар уехал, не дай бог, что случится, обездолит он нашу дочь!..

Телли заплакала в голос, плечи ее затряслись от рыданий. Кязым смутился.

— Ну тут уж, как говорится, ничего не поделаешь: подневольный человек, против ханского приказа не пойдешь, а тебе-то уж и вовсе досадно: сам ведь все устроил. «В Тифлис поеду! Товар привезу! Разбогатею!» Слушать ничего не хотел! Ты уж не обижайся, сестрица, только я прямо тебе скажу — жадноват твой мужик! А насчет упрямства — так ему его не занимать!

Издавна жившие бок о бок, эти две соседние семьи отличались только вероисповеданием; и образ жизни, и обычаи, и заботы, и горести — все у них было общее. И та, и другая семья прекрасно знала — что такое война, и какие неисчислимые беды несут им чужеземцы, те, что, перейдя Куру, ринулись теперь на их землю...

А тем временем Ибрагим-хан в сопровождении свиты выезжал из крепости, чтобы ввести войска в Аскеран. Командант крепости Агасы-бек, держа своего коня рядом с конем хана, слушал его наказы и беспрестанно повторял: «Будь спокоен, хан! Не тревожь себя понапрасну. Все будет, как должно!»

Когда они доехали до кладбища, Агасы-бек приложил руку к груди, отвесил глубокий поклон хану и его свите и повернул обратно, в крепость.

Хан ехал молча. Молчали и все сопровождавшие его. Вагиф не мог оторвать глаз от сверкающей, обновленной дождем травы, от ярких, свежих цветов, но грозные события последних дней, тревожа ум, угнетая душу, мешали отдаться созерцанию красоты.

Все чаще попадались беженцы: спасаясь от врага, люди бросали поля и посевы, уходили в горы. Тревожное ржание коней, блеяние овец, детский жалобный плач — все это мешалось, сливаясь в один голос — голос народной беды. Народ уходил. Вагиф молча созерцал страшное зрелище, горькие думы терзали его душу. В суровом взгляде Ибрагим-хана горел мрачный огонь.

— Хотел бы я знать, — после долгого молчания обратился он к Вагифу, — о чем он думает этот человек. — Ибрагим-хан говорил о Фатали-хане.

— Не знаю, хан, думает ли он о чем-нибудь, однако о будущем своем ему неплохо было бы поразмыслить... Он ведь знает, что ты тверд в своих решениях.

— Да! — мрачно произнес Ибрагим-хан. — Пусть мир рухнет, но такие условия я не приму! На одно соглашусь: если мне будут представлены полномочия наместника!

Вагиф замолчал. Хана, преисполненного честолюбия, эгоизма и жажды власти, меньше всего волнует то, что не дает покоя ему, Вагифу.

Муса-Солтан, тот, что недавно отвезил письмо в Россию, прильнув длинным телом к крупу коня, внимательно прислушивался к разговору. Когда Вагиф умолк, Муса-Солтан выждал немного и сказал, подкручивая усы:

— Они тоже на своем стоят. Верьте, мол, на слово... Милосердие царицы безгранично... и...

— Нет! — резко оборвал его Ибрагим-хан. — Так не будет! Я не подчинюсь, не склоню перед ними голову! Я — Ибрагим-Халил-хан!

Отряд Мамед-бека двигался в арьергарде, Мамед-беку было не по себе. Конь нетерпеливо грыз удила, вскидывая голову, но нельзя же было обгонять хана. Наконец, осмелев, Мамед-бек подъехал к Ибрагим-хану.

— Дядя! Дозвольте вперед поехать! — светлые его глаза умоляюще смотрели на хана. Тот сурово взглянул на племянника, бросил коротко:

— Езжай! — И добавил: — Разведай, сколько сабель у Фатали... И веди отряд горными тропами. Нападать только с тыла!

— Слушаюсь! — коротко ответил Мамед-бек и, резко натянув поводья, пустил коня в галоп. Сорок всадников поскакали за ним.

Большую часть войск Ибрагим-хан временно разместил в Аскеране — не узнав, какими силами располагает противник, рискованно было выводить части на равнину. Чтобы получить необходимые сведения, кроме отряда Мамед-бека, вперед было выслано еще несколько небольших отрядов.

Сразу за Аскераном Мамед-беку и его людям пришлось придержать коней, — все дороги и тропы забиты были толпами беженцев, отарами скота... Когда конники подъезжали к Караагачу, какой-то белобородый старик бросился к Мамед-беку и упал в ноги его коню.

— Ага, спаси! Двух дочерей увели...

— Откуда ты? — взволнованно спросил Мамед-бек.
— Из Барды мы. Сожгли Барду! Всю как есть сожгли!..

Мамед-бек молча тронул коня. Он думал сейчас о женах, оставшихся в Кягризли. В Агдаме их встречала целая толпа: старшина привел всех жителей Кягризли. Мамед-бек проводил Айшу и Хуру до Караагача, а сам вернулся к отряду... Как-то они там?..

Вздыхая облака пыли, конники Мамед-бека скакали к Барде. Пустые, брошенные деревни, поля, распахан-ные лишь наполовину...

Авангард Фатали-хана — человек пятьдесят — встретился им у Карванда. Всадники ехали не спеша, шагом. Позади вели верблюда, нагруженного пушкой. Мамед-бек отвел своих людей в ущелье, приказал спешиться, залечь в гранатовой рощице. Враги приближались. Уже можно было различить голоса. Минута-другая, и меж кустов засвистели пули. Первая сразила пушкря — он кубарем скатился с верблюда, — остальные бросились враспынную.

— По коням! — крикнул Мамед-бек, скидывая на плечо ружье.

С саблями наголо, мчались они, преследуя врага. Мамед-бек догнал одного и сзади, со спины, рубанул шашкой по шее. Кровь брызнула фонтаном, заливая седло и сбрую... Слово подрубленное дерево, всадник повалился на бок; левая нога его зацепилась за стремя, конь усккал, волоча по земле хозяина...

Вдалеке облаком за клубилась пыль. Мамед-бек поднялся на холм и, прикрыв ладонью глаза, стал внимательно всматриваться.

— Ребята, — сказал он нукерам. — Подходят основные силы, видите? Сдается мне, что впереди сам Фатали-хан... Делать нам здесь больше нечего, будем отходить в горы. Возьмем побольше людей: попробуем ударить с тыла!

Ибрагим-хан со свитой все еще оставался в Аскеране. Согласно донесениям лазутчиков, объединенные силы Фатали-хана и Гаджи-Абдылкадыра достигают десяти тысяч человек; у неприятеля имеются также четыре медные пушки.

Хан собрал в своем шатре совет, обсудили положение. Было решено: отходить в горы, большие надежды Ибрагим-хан возлагал на Мамедгасана; с помощью

Омар-хана Мамедгасан должен был собрать силы и ударить по южному флангу Фатали-хана.

Над Агдамом висели облака пыли — свидетельство того, что войска Фатали-хана уже достигли Агдама. Ибрагим-хан верхом на коне сам объехал окопы; появление Фатали-хана ожидалось с часу на час. Однако шли дни, а противники не показывались. Ночью в Агдам посланы были конные разведчики. Они привезли известие, что Фатали-хан покинул Агдам и повернул к Араксу.

11

Сафар отлеживался после ранения; Телли и Гюльназ не отходили от его постели. Лекарь только что сменил повязку, раненому полегчало, он сидел в постели, откинувшись на подушки, веселый и словоохотливый.

— Ну, как, Гюльназ, — спросил он, — кончили?

— Нет, братец, — зардевшись, ответила девушка, — еще не управились, денька через три кончим.

Сафар засмеялся.

— А вы с Телли неплохой заработок нашли. Ты денежки тоже припрятываешь от отца, как Телли от меня. Гюльназ вопросительно взглянула на подругу: «Что это он?»

Вошла тетя Перзад, и Сафар прекратил свои насмешки. Соседка поздоровалась, спросила Сафара, не полегчало ли.

— Спасибо, тетя Перзад. На лад идет дело. Вчера нога меня замучила — сил никаких не было, теперь вроде ничего...

Перзад склонилась к Телли, зашептала ей что-то на ухо, верно опять хотела одолжить съестного...

— Тетя Перзад! — мягко улыбувшись, сказала Телли. — Не успеешь ты сварить, ведь уже полдень скоро, одолеют тебя ребяташки! Лучше веди их сюда, вместе и пообедаем, я бозбаш уже заправила! И Сафару веселее будет; посидим — поболтаем.

Сначала Перзад вроде застенялась, стала отказываться, но видя, что приглашают от чистого сердца, согласилась.

— Ты мне тогда хоть хлеба дай, — шепнула она

Телли, — усмирю малость своих огольцов, чтоб до обеда-то дотерпели...

Телли достала из кадки большой, испеченный в тендире чурек, отдала соседке.

Когда отзвучал полуденный азан, Телли собрала обедать. Перзад привела малышей. Принялись за еду. Покрошили в бозбаш чурек, съели, взялись за мясо. Вдруг на пороге показался оборванный, заросший волосами человек. Некоторое время все удивленно смотрели на незнакомца, потом ахнули все разом:

— Аллахкулу!

Да, это был он, муж Перзад, безвестно пропавший несколько месяцев назад.

Аллахкулу долго плакал, прижимал к себе детей. Когда слезы радости были выплаканы, неожиданного гостя отвели во двор и дали ему помыться. Теперь обе семьи были в сборе, Кязым с женой тоже пришел — все расселись вокруг скатерти.

— Ну, милый, — сказал Кязым, поздоровавшись с другом, — от тебя только кожа да кости остались! Как говорится, легких денег искал, и котомку промотал!

— Святая правда! — согласился Аллахкулу, старательно обтирая тарелку кусочком чурека. — Все в точности так и получилось!..

Телли и Гюльназ убрали скатерть, подали чай.

Стояла жара, и хотя окна были распахнуты, в тесной комнатке не чувствовалось ни малейшего ветерка: все сидели потные, истомленные зноем, но деваться было некуда. Внезапно разразившаяся война не дала Сафару достроить терраску, а молодые саженцы во дворе еще не давали тени.

— Ну, ладно, Аллахкулу, — облокотившись на подоконник, с усмешкой обратился к гостю Кязым, — гостицев мы так и быть не требуем, бог с тобой, — но расскажи хоть, где побывал, где тебя носило столько месяцев?

— Значит так, — неторопливо начал Аллахкулу, — приехал я в Тифлис. Сначала все получилось складно. Продав русским пару ковриков, еще кое-какую мелочь... Вижу, идет дело, закупил в окрестностях ячменя, привез, опять заработал кое-что. Ну, думаю, если так дальше пойдет, я и дом в Тифлисе куплю, семью перевезу. И что ты думаешь — купил! Закупил еще кое-что по

мелочам, пристал к одному каравану — сюда ехать. И вдруг — такая незадача — нападают на наш караван разбойники-лезгины.

Взволнованный воспоминанием, Аллахкулу поднес к губам пиялу, отхлебнул, помолчал немного...

— Обстреляли они наш караван; кого убили, а кому руки за спину, и перед собой погнажи; груз весь, конечно, забрали.

Привели нас куда-то, смотрю окружают нас покупатели... Какой-то купец и меня сторговал. Загнажи нас в лачугу, дали по куску хлеба, воды... На другой день погнажи куда-то. Два дня шли, сторожили нас всадники. На третий день откуда ни возьмись — налетают какие-то кочевники, стрельба, суматоха, перемешалось все. Мы видим такое дело, руки друг другу кое-как распутали и дали тягу! Потом уж узнал я, что гнали нас в Турцию... Одним словом, сбежали... Стали домой пробираться. Бродили, бродили без воды, без пищи. Набредли на кочевье... Ну, думаю, будь что будет, пойду туда. Пришел к ним, а это, оказывается, наши, в Карабах из Казаха пробираются... Вот так с ними и добрался до дому, дай бог им здоровья...

— Да, не иначе, мир с места стронулся!.. — Кязым сокрушенно покачал головой. — Дай бог, чтоб добром все кончилось!..

Аллахкулу единым духом осушил свою пиялу, и снова протянул ее Телли:

— Нацеди-ка еще, доченька, дай бог тебе счастья.

Но Аллахкулу еще не кончил свой рассказ. Он должен был выложить все, что узнал, что видел и слышал в Тифлисе — без этого не было ему покоя.

Приняв от Телли пиялу с горячим чаем, он поставил ее на подоконник, рваным рукавом вытер со лба пот...

— Хуже всего сейчас, говорят, в Дагестане. Оттуда бежал один человек, так он толкует, будто объявился в горах один человек по имени Шейх Мансур, к джахаду горцев призывал, к священной войне... Большое, говорят, войско против русских двинул... Сам-то он чабаном был, а сейчас вроде глава всего народа, именем его люди кланутся... Да, прав ты был, Кязым, что отговаривал меня. Честно тебе скажу, умнейший ты мужик. Ведь чуть не пропал я, не раз от смерти на волосок был!

Кязым усмехнулся.

— Да, сосед, упрям ты! Бывало, твердишь тебе: «Не лезь ты в эти дела, знай, сверчок, свой шесток!» — а ты только посмеиваешься!.. Не по себе ношу взял, Аллах-кулу. Ну, да ладно, после драки кулаками не машут! Уцелел, и то слава богу. Хочешь живь быть, опусти голову, смиришься с бедностью, ребятишек своих расти. Не зря, видно, сказано: «Ты у бога сирота, так и спи комочком!» Больше, видно, ничего не придумаешь!

Но и на этом беседа не кончилась. Сафар стал рассказывать о себе, о том, что довелось пережить. Потолковали о семейных делах, о хозяйстве. Аллахкулу от души благодарил Кязыма и Сафара, что заботились, не забывали его семью.

— Да я, правду сказать, и не особо о них тревожился, знал, что не с чужими остались. Как говорится, хлеб-соль вместе ели и после смерти рядом лежать!

— Ясное дело! — благодушно отозвался Кязым. — Тут и толковать не о чем. По мне, что Телли, что Гюльназ, все одно — дочка!

Перзад кинула благодарный взгляд на Кязыма, потом на его жену и концом головного платка вытерла глаза.

— Ну, ладно, Аллахкулу, — сказал Кязым, — ты теперь иди, одежду смени, обрети вид человеческий.

Аллахкулу усмехнулся.

— А есть она у меня, смена-то?

— Да... Ну тогда что ж... Мое возьми. Мы ведь с тобой как по одной мерке сработаны. — И он велел жене, чтоб достала соседу архалук, черную чуху и синие шаровары.

Отступление Фатали-хана продолжалось несколько недель. Все это время хан Карабаха оставался в Аскеране — он опасался, что отступление — лишь хитрый маневр: Фатали-хан отходит для того, чтобы сразу обрушиться на Шушу. Вагиф вынужден был неотступно находиться при хане, и это было мучительно. Душа его томилась; каждый час, каждую минуту он рвался туда, в город...

День был прекрасный. Нежный ветерок легко касал-

ся цветов, ярким ковром застилавших склоны и сладостным ароматом наполнявших прозрачный воздух...

Покинув шатер, Вагиф не мешая прошелся по мягкому пестро-зеленому ковру лужайки... Глаза его, всегда такие живые, блестящие, в любую минуту готовые засветиться улыбкой, сейчас были подернуты дымкой грусти...

Солнце клонилось все ниже, мешая оранжевые и багряные краски заката, стгущая синеву дальних лесов; как бесценный дар, медленно спускалось оно все ниже и ниже, яркими, щедрыми красками расцвечивая вселенную...

Вагиф остановился, очарованный великолепием вечера. В теснине меж гор таинственно журчала Гаргар, «Человек живет только раз...» — слышалось поэту в меланхолическом журчании струй...

Вагиф повернул голову; окутанные синеватыми тенями, цветы казались сейчас крошечными живыми существами — трогательные и печальные... Словно колени преклоненные девушки, чистые и непорочные, они воздавали почести величию природы, ее пышной, торжествующей красоте...

Издали доносился печальный, похожий на плач звук, это стонали струны саза. Одиночество, безысходная тоска охватили Вагифа, больно сдавили сердце. Надо было возвращаться, унять нестерпимую муку. Поэт повернулся и вздрогнул, увидев позади себя нукера.

— Зачем ты здесь?

— Ага... я вижу, вы далеко... Я боялся...

Вагиф горько усмехнулся.

— Иди! В шатре у меня маленькая переметная су-ма — принеси ее.

Он ждал нукера, сидя на камне. Взял у слуги сумку, открыл ее.

— Можешь идти! — сказал он слуге. Достал из сумки перо, бумагу... Начал писать. Все, что томило его, тоской переполняло душу, строчками ложилось на бумагу:

Если, красное надев, ты сойдешь в цветник,
Соберутся вокруг тебя, в пляс пойдут цветы.
Подчиняется тебе каждый час и миг
Верный раб твой человек — пленник красоты.

Милый ангел, кто тебя не превозносил!
Ах, терзаниям нет границ, стражду свыше сил.
Горе! Натиска ресниц я не отразил, —
Прямо в грудь вошла стрела глужей остроты.

Ты — прекрасная Ширин, я же — твой Фархад,
Ах, весь мир перед тобой преклониться рад.
Жаждут тысячи рабов уловить твой взгляд,
Горе держишь на виду, но таишься ты.

Ввергла ты меня в любовь. Стал я нищ, убог.
День и ночь брожу без сна, жребий мой жесток.
Бьет в пучине глаз моих жгучих слез поток, —
Знаю, сторожит тебя враг из темноты.

Улыбаются уста, боль мне причинив,
Ты мне рану нанесла, кровью грудь залив.
Ах, в Межнуна превращен злой тоской Вагиф,
По ущельям бродит он. Дни его пусты¹.

Уже ночь распластала над миром темные крылья,
когда Вагиф оторвался от бумаги. Медина в белом своем
одеянии встала вдруг перед ним, и две жаркие капли
упали из глаз поэта, пятнами расплываясь на бумаге...

Вагиф свернул бумагу со стихами, приложил к ней
письмо, запечатал. Завидев господина с сумкой в руках,
в задумчивости идущего к шатру, слуга бросился ему
навстречу, принял сумку из рук.

— Седлай коня и сейчас же скачи в город! — прика-
зал Вагиф. — Отвезешь это письмо Медине-ханум. Толь-
ко быстро!

— Будет исполнено! — Нукеру уже приходилось до-
ставлять по этому адресу письма своего господина.

Вагиф лег, но сон бежал от него. Он смотрел в проем
шатра на луну, неслышно плывущую по небу, и думал
о том, что веками, тысячелетиями влюбленная луна хо-
дила вслед за солнцем, изнемогая от тоски по нему...
Истомленная страстью, она являет миру усталое свое
лицо, не в силах поведать о том, как велики ее муки.
Один лишь поэт в состоянии понять ее...

Прошли часы... Нет, месяцы, годы! А нукер все не
возвращался. Вагиф сел в постели, прислушался. Вышел
из шатра на поляну. Дорога белела под яркой луной.
Вот далеко, далеко вроде бы пыль... Слава богу! Радость
охватила сердце поэта, оно забилося чаще, быстрее... Не
в силах сдержаться, Вагиф заспешил навстречу гонцу,
он ждал его, как ждут вестника счастья.

Взяв письмо, Вагиф быстро вошел в шатер, дрожа-
щими руками зажег свечу... В письме были только стихи:

Позови — джейран придет,
По любви джейран придет.
Кто полюбит, тот к любимой
Сквозь ночной буран придет¹.

Ни о чем больше не раздумывая, ни в чем не сомневаясь,
Вагиф быстро вышел из шатра.

— Седлай мне жеребца! И себе коня смен — мы
едем в Шушу!

И он поспешно стал одеваться.

13

Фатали-хан вернулся в Кубу, народ Карабаха — в
свои разрушенные деревни. Мамед-бек наведлся в Кяг-
ризли, несколько дней провел с женами. Он был на охоте,
когда прибыл гонец.

— Ага! Из Агдама прискакал человек, срочно требу-
ют тебя туда!

Мамед-бек нахмурился, светлые, веселые глаза его
сразу стали озабоченными.

— Кто требует? — спросил он. — И что случилось?

Гонец замаялся, видно не решаясь говорить. Мамед-
бек вспылил:

— Говори, собачий сын, что случилось!

— Не смею, ага... Сердце твое ранить... — дрожащим
голосом промолвил гонец.

— Ты что это себе позволяешь?! — в ярости выкрик-
нул Мамед-бек. — Говори!

— Ага, привезли тело Мехралы-бека, — с трудом
выдавил из себя нукер.

Мамед-бек обомлел, ведь отец его Мехралы-бек был
в безопасности — уже много лет он жил при Фатали-
хане.

— Так... — сквозь зубы процедил он. — Отец сам
умер или его убили?

— Ага из Баку возвращался, — начал объяснять ну-
кер. — по дороге Ахмед-бека встретил, сына слепого
Агасы-хана. Оказывается, покойный Мехралы-бек, да
будет земля ему пухом, повздорил с ним, Ахмед-беком...
его и убили...

¹ Перевод Т. Спендиаровой.

¹ Перевод В. Кафарова.

Мамед-бек, собрав нукеров, тотчас же поскакал в Агдам.

Гроб Мехралы-бека стоял в дворцовом саду. Ибрагим-хан был возле тела. Увидев Мамед-бека, он, рыдая, обнял племянника.

— О, Мамед! Они сокрушили меня! В самое сердце ранили! Видишь, каков Агасы! Забыл мою хлеб-соль, — на такую низость пошел!.. — Хан платком вытер слезы. — Ты вскормлен чистым молоком, мой мальчик. Ты должен отомстить за отца!

И Ибрагим-хан встал на молитву возле тела.

Мехралы-бека похоронили в дворцовом саду, там, где поконился прах его отца Панах-хана. После похорон состоялись пышные поминки. На них присутствовали и люди Фатали-хана, — те, что привезли тело. Забыв на время вражду, Ибрагим-хан оказывал должное внимание гостям, с почтением доставившим сюда тело его брата.

На следующий день Ибрагим-хан послал помощника Фатали-хану; обстоятельства неожиданно сделали их союзниками.

Под командованием Мамед-бека объединенные части кубинцев и карабахцев отправлялись на Ширван — мстить Агасы-хану.

Вагиф ничего не мог предпринять, чтоб воспрепятствовать этому безумному шагу, — Ибрагим-хан был вне себя от негодования и ничего не желал слушать. Но с Мирзой Алимамедом, старым испытанным другом, поэт поделился своими тяжкими думами.

— Ну, что скажешь, сенд, да быть мне жертвой твоих святых предков, — спросил Вагиф, когда вечером они прогуливались в дворцовом саду. — Ты еще не спятил от того, что у нас тут творится?

— Что поделаешь... — Мирза Алимамед закинул на плечо свисавший от локтя длинный рукав своей чухи. — Брат... Хотя он и враг, а все равно родная кровь.

— Хорошо, мирза. Значит, чтобы усмирить Фатали-хана, мы послали в Джар Мамедгасана. Он собрал войско, убил Гаджи Абдулкадыра, взял Шеки, и таким образом помог Агасы-хану снова завладеть Ширваном. Сейчас, когда войска Шеки и Ширвана теснят Фатали-хана, мы делаем резкий поворот и идем на поводу у Фатали-хана. С нашей помощью он расправится с Агасы-ханом, прижмет Мамедгасана, а потом... Потом

он повернет на Шушу... Вот так, — Вагиф горько рассмеялся.

Мирза Алимамед молчал.

Вскоре их пригласили к хану на поминальную молитву. На этот раз Ибрагим-хан был настроен благодушно, видимо, хорошо поспал после обеда. Посреди комнаты расстелено было богатое сюзане, на нем лежали тридцать две книжечки — части Корана. Ашраф-бек, старшины и армянские мелики тоже явились на поминки. Когда Вагиф и Мирза Алимамед вошли, молла произнес: «Аллахун мин гаратил, фатиха!»¹. И снова принялся громко читать. Вагиф и Мирза Алимамед, расположившись на передних местах, тоже стали читать фатиху...

Шла весна 1786 года; только-только отшумели весенние ливни. Гостей принимали в дворцовой башне, в той, что окнами на Аскеран. Вся знать, весь цвет города присутствовали на приеме у Ибрагим-хана. Торжество это устроено было в честь аварского хана Омара, только что прибывшего в Шушу. Напав на Грузию, Омар-хан захватил крепость Ваханг, взяв в плен грузинского князя Абашидзе; одну из его дочерей он сделал своей женой, другую, по имени Елена, вместе с прочими богатыми дарами привез Ибрагим-хану в подарок. Пораженный красотой грузинки, Ибрагим-хан нарек ее Джавахир²; в сокровищнице его гарема новая жемчужина заняла подобающее ей место. Наслаждение, которое испытал Ибрагим-хан, обладая этой красавицей, стерло с его лица ставший уже привычным налет суровости; сейчас это был приветливый, доброжелательный, радужный хозяин. В центре его внимания был Омар-хан; дорогой гость сидел на почетном месте, рослый, быстрый в движениях; у него был острый взгляд и хищный орлиный нос. С аппетитом поедая плод и на дагестанский манер коверкая азербайджанскую речь, Омар-хан рассказывал о своем походе на Грузию:

¹ Религиозное поминальное изречение (арабск.).

² Джавахир — драгоценный камень.

— Прочел я письмо Сулейман-паши и тошно мне стало. Прав он; сражение с русскими у Кызлара давно уж мне сердце жгло. Да и Шейх Мансур уж очень размахнулся: всю Чечню, всю Кабарду на ноги поднял... Нельзя было и дальше отсиживаться... Собрал своих людей.

Омар-хан отправил в рот горсть плова и бросил горделивый взгляд на хозяина. Тот ждал, приятно улыбаясь, не отрывая взгляда от гостя. Вагиф тоже внимательно слушал. Омар-хан жевал плов.

— Брат, клянусь тебе, я плакал от досады, когда узнал, что ты с войском на Гянджу ушел. Словом, с Кумушханай я разделался... А тут как раз наступила зима, я отошел к Ахисгая. Сулейман-паша принимал нас с великим почетом. Летом я вернулся, и от крепости Ваханг камня на камне не осталось... Теперь Ираклий подумает, покусает себе локти!.. И сам виноват: вольно ему было русских призывать! Письма шлет: и мне, и Сулейман-паше. Мира просит. Золото прислал... А главный над русскими войсками золотую табакерку — в подарок! Но мы так ответили: пока русские из Тифлиса не уйдут, о мире и разговора быть не может!..

Омар-хан прервал свой рассказ, взял с плова кусок румяной корки и стал есть, с хрустом кусая ее крепкими зубами.

— Ну и что же они сказали, уйдут или не уйдут? — поинтересовался Вагиф.

— Уйдут! Это уж — будь спокоен! — с уверенностью заявил Омар-хан. — Если Шейх Мансур отрежет дорогу на Терек, Тифлису туго придется... Ведь Шейха Мансура за святого имама почитают, хоть на смерть людей пошлет — весь Дагестан тронется!..

— А Ираклий-то, небось, рассчитывал, что, прикрывшись Россией, всех нас прижмет!.. — Ибрагим-хан скрипнул губы в злорадной усмешке. — Не вышло. Эривань он ведь тоже из рук выпустил. И там дела пошли поному...

Гости молча жевали, не слышно было ничего, кроме громкого чавканья. Вагиф покончил с пловом, принялся за доугу. Съел несколько ложек, усмехнулся...

— А наши казахи перекочевывают сюда, Ахмед-ага полторы тысячи семей привести намерен...

Обед уже заканчивался, когда слуга Вагифа сообщил, что к нему приехал гость — поэт Видади. Испросив позволения у хана, Вагиф немедленно отправился домой.

Старый друг, сидя у окна, оживленно беседовал с его сыном. Вагиф не дал гостю подняться, сам бросился к нему; друзья обнялись, расцеловались.

— Ты как, сыт, голоден? — поинтересовался Вагиф.

— Премного благодарен, — Видади скромно потупился. — Меня уже накормили, я совершенно сыт.

Вагиф обернулся к сыну.

— Скажи, чтоб нам подали кофе! — и уселся напротив Видади, нетерпеливо поглядывая на него. Он так давно не видел друга, так истосковался по нему!..

Видади был среднего роста, худощавый, с густой проседью в бороде. Он был немногим старше Вагифа, лет на восемь, не больше, но по характеру своему — замкнутый, изверившийся, разочарованный, лишь в религии находивший утешение, — представлял собой полную противоположность Вагифу. Тем не менее поэтов связывала крепкая, искренняя дружба. Они постоянно переписывались, неизменно посылали друг другу свои новые стихи.

— Ну слава богу — приехал, — сказал Вагиф, с невыразимой теплотой глядя на старого друга. — Я так давно тебя жду!

— Да вот надумал... В Казахе жить трудновато стало, дай, думаю, поеду, разуюзнаю, как в Карабахе, может, стоит перебраться? Тогда и семью привезу...

— Значит, ты вроде меня: сначала «джаваншир», потом «кызылбаш»! Ну что ж, хорошо сделал!

Вагиф рассмеялся. Сдержанный Видади ответил ему мягкой улыбкой.

— А ты, Панах, все тот же: веселый, общительный, жизнерадостный... Не берет тебя старость!

— А это, дорогой Молла Вели, — с глубокой убежденностью сказал Вагиф, — зависит только от тебя самого, полегче надо жить, полегче, не больно-то в глубину лезть. Жизнь человеку дается только одна, значит не кинуть надо, а взять от нее все, что можно! А смерть что ж?... Она все равно нас не минует. А пока живы, надо жить так, чтобы, когда конец придет, было что вспомнить!.. Это и есть высшая мудрость!

Видади не стал опровергать эту мысль, только заметил невесело:

— Многие беды и горести существуют независимо от человека...

— Как это независимо? Все зависит от человека! Человек может все!

— А эти войны, эта понапрасну пролитая кровь?! Сожженные деревни, отрубленные головы, выколотые глаза? Можно ли быть веселым и спокойным, когда такое творится на свете?! Ну скажи мне, за что Хаджи Абдулкадыр удушил несчастного Гусейн-хана Муштага? В чем повинен был этот щедрый, великодушный человек? Потом сын Гусейн-хана Мамедгасан-хан убил Гаджи Абдулкадыра — отомстил за отца. Пусть даже он прав, пусть он должен был так поступить, но чем, скажи, виноваты были дети покойного — семеро его несчастных сыновей?.. Нет, невозможно радоваться, глядя на этот ужас!

— А что изменится, если ты только и будешь, что негодовать и предаваться отчаянию? В жизни бывают беды и огорчения, как у розы — шипы; не будь этих шипов, она, может быть, потеряла бы даже часть своей прелести! Ты наслаждаешься радостями жизни, ну так и муки ее принимай за благо, ибо они тоже — жизнь!

Видади улыбнулся, но мука была в его улыбке.

Сто лет еще пройдет, завесы все раскроются,
Сто маков прорастет и по весне раскроется,
Сто весен расцветет, мир, как во сне раскроется.
Душа не расцветет, в ней радость не раскроется!¹ —

прочел он. Это было одно из самых любимых и самых известных его четверостиший.

Слуга принес кофе.

— Молла Вели, — с легкой улыбкой сказал Вагиф, протягивая чашку другу. — Вот тебе пример: держа в руках чашечку кофе, наслаждаясь ароматом этого удивительного напитка, я забываю все тревоги, все муки мира. Нет, жизнь наша — земная жизнь, и, право, она неплохо устроена! Муха, простая, пошлая муха, поминутно кусающая нас, представляется нам подчас легкомысленным ангелом, и тогда мне хочется сказать ей:

Постой, исчезнуть не спеши, постой,
Такой не палкуюю красотой!
То грудь твоя блистает белизной,
То ножки появляются наружу!¹

На этот раз Видади рассмеялся от души; на минуту даже четки перестал перебирать.

— Нет, дорогой Панах, — сказал он с лукавой улыбкой, — все-таки я прав: такой уж ты уродился: тебе и за мушиной головкой видится белая шейка!

Вагиф поставил чашечку на скатерть и долго хохотал...

15

Видади все гостил у Вагифа. Когда Вагиф возвращался из дворца, друзья усаживались рядом и подолгу увлеченно беседовали; читали друг другу стихи, обменивались мнениями о положении в стране и за ее пределами. Вагиф, как всегда, много шутил, нередко ему удавалось развеселить и Видади.

— У нас каждый день что-нибудь чрезвычайное: то празднуем, то горестно вопим, — рассказывал он, — середины нет. Приехал Омар-хан, подарил хану грузинскую красотку, взамен увез сестру хана. Ибрагим-хан готов был взять в гарем и вдову покойного своего брата Мехралы-бека, да не вышло...

— Скажи, Панах, это правда, что Мамед-бек убил мать за то, что она дала согласие?

— Правда... — со вздохом ответил Вагиф. — Бедная женщина!.. Расстегнула платье, грудь открыла... «Сын мой!» — кричит, — я же выкормила тебя этой грудью! Спрячь свой кинжал!..» Куда там! Злобой глаза застлало, — вонзил матери нож в сердце!

— Да... В страшное время мы живем! — Видади горестно вздохнул. — Ни почтения к родителям, ни благодарности!.. Предают самых близких людей...

Угнетенные тяжелыми думами, друзья долго молчали.

— Ну и что Ибрагим-хан? — с выражением гадливости на лице спросил Видади, — что он сказал на это?

— Что он может сделать — у него и без того забот

¹ Перевод В. Кафарова.

¹ Перевод В. Кафарова.

полон рот, положение незавидное... А Мамед-бек он ведь как: поднял своих людей и был таков! Никто даже не знает, где он сейчас. А жаль его, не дай бог, к Агамухамед-хану пристанет, тогда совсем беда — он ведь места здешние, как свои пять пальцев знает, и сторонников у него здесь немало...

— А что сейчас в Иране? — поинтересовался Видади. — Все еще дерутся? Все льется мусульманская кровь? — Великая мука была в глазах Видади, когда он произносил эти слова.

— Льется, Молла Вели, льется понапрасну!.. Алимуррад-хан умер от болезни, на его трон сел Лютфали-хан. Агамухамед-хан в Тегеране, там его род — Каджары... Изгнал из Астрабада родного своего брата Джафаркулу, теперь тот у Фатали-хана спасается, под покровительство России пойти решил... А англичане, говорят, в Исфаган артиллерию перебросили, много пушек... Одним словом, как сказал бы Молла Насреддин, каша какая-то получилась, ничего разобрать нельзя...

— И ведь подумать только, — Видади с горькой улыбкой взглянул на Вагифа, — конец все равно один — смерть! И стоит ли так изводить себя ради нескольких мгновений земного существования? Ведь и шах, и последний нищий — все умрут, все станут прахом! Так не лучше ли срок, отпущенный тебе в этом тленном мире, провести в молитвах и воздержании?

Вагиф лишь усмехнулся. Видади не раз призывал его к аскетизму.

— Я знаю, — поспешно добавил Видади, заметив эту усмешку. — Тебя не влекут ни молитва, ни воздержание. Ты все еще молод. Но подойдет старость, почувешь приближение смерти, тогда... Тогда ты поймешь меня. Пока ты еще не настоящий «Вагиф» — всеведущий и посвященный, — ты лишь Панах, суетное существо! Все твои помыслы принадлежат бренному, земному!..

Вагиф усмехнулся.

— Дорогой Молла Вели! Но ведь бог создал для людей не единую только смерть; любовь, красота, наслаждение — все это тоже уготовано для нас всевышним. И разве в час светопредставления, бог не скажет мне так: «Я дал тебе сердце, Панах, — а ты не любил; дал губы, а ты не целовал, дал глаза, а ты не упивался красотой!» Что тогда ответчу всеблаговому?

— Нет, ты неисправим, Панах! — Видади засмеялся. — Таким и оставайся! Послушаешь тебя, и на душе светлеет!..

Но Вагиф уже стал серьезным.

— Я мало бываю дома, ты не скучаешь? — озабоченно спросил он друга. — Читаешь то, что я тебе дал?

— Читаю, конечно, читаю! — успокоил его Видади. — Потому мне и некогда скучать! Но ты удивительно аккуратный человек: не только свои, ты и чужие стихи хранишь. Я тут увидел у тебя послание покойного Мамедгусейна Муштага, так сердце защемило...

— Да, бесценный был человек, — с грустью сказал Вагиф. — Доброта, благородство, щедрость... Помню попросил я у него ружье и шубу, — давно уже это было, он подарил, но как он это сделал, — с какой простотой! — У Вагифа лицо подернулось грустью. — Вот Молла Вели, — сказал он, помолчав, — ты всегда привык видеть меня веселым и беззаботным; но все это больше внешнее: как и всякий поэт, живущий в наше время, я немало мучаюсь и тоскую; бывает, такое вдруг охватит отчаяние!..

— Ну вот! — усмехнулся горько Видади. — Вот ты и пришел к тому, о чем я толкую. Это же неизбежно, Панах; чем дольше живет человек, тем глубже погружается он в пучину отчаяния! Рушатся основы мира, уж не найдешь ни верности, ни чести, ни справедливости! Агамесих Ширвани прекрасно сказал:

Души точит вероломство,
чистой благодетельности нет.
За динар уступит веру
всяк народ, твердыни нет.
В духе мужеского рода
праведной святости нет,
Благонравья нет у женщин,
благочестия ныне нет.
Добродетель, человечность
в запустении остались.

— Будь добродетель и человечность, разве ж творились такие бесчинства? Послушай, что пишет Нишат Ширвани:

Вмиг возвел дом — вмиг разрушил
и скитальцем оказался...
От людей в краю родимом
натерпелся зла Нишат,
Потому в краях чужих я
постояльцем оказался...¹

— Да, Панах, разве мое горе не подобно горю Нишата? И у меня была родина, дом, и вот в один прекрасный день кто-то прискакал, налетел, разграбил... Сколько людей убито!.. А те что остались? Обездоленные, лишенные крова, умирающие от голода!..

Вагиф поднялся, взволнованно заходил по комнате. — Молла Вели, — сказал он, — а помнишь нашего земляка Абдулрахмана-ага, писавшего под псевдонимом «Шаир»? Ираклий приказал выколоть ему глаза. Лишил света божьего. Теперь каждая его строка словно кровью сочится...

— Хватит, Панах! — Видади тоже поднялся с места. — Закрой тетрадь бед и напастей, и без них сердце разрывастся!.. Вечер уже, жара спала... Выйдем! Надо хоть немножко развентиться...

Вагиф согласился, друзья вышли, сели на коней. Миновали городские ворота, направились к Дабталебе. Четкая гряда гор, лесистые склоны, речки, нежно воркующие в объятиях ущелий, — все это умиротворяло, веселило душу... Прохладный свежий воздух обвеивал лицо, тишина бальзамом ложилась на измученные души. Два престарелых поэта молчали, преисполненные благоговения — они слушали музыку природы...

Заклучив союз с Омар-ханом и тем обезопасив Карабах от нападения Фатали-хана, Ибрагим-хан снова отправился в Нахичевань и взял город.

Сразу же по возвращении в Шушу Ибрагим-хан по установившемуся уже обычаю собрал приближенных. Мамедгасан-ага, Вагиф, Мирза Алиммеда, Агасы-бек и другие важные лица прибыли во дворец.

Хан загорел под жарким солнцем долины, посвежев-

шее лицо его отливало бронзой, сейчас не так заметно было, что он уже очень немолод.

Не выпуская изо рта кальяна, хан каждого приветствовал, расспросил о делах, о самочувствии — он казался спокойным и умиротворенным.

— Ну, так какие же у вас здесь новости? — спросил он, обращаясь к высокому собранию.

Присутствующие промолчали. Хан обвел всех требовательным взором, взгляд его задержался на Агасы-беке.

— Да, продлит аллах дни хана! — торопливо заговорил комендант крепости. — Положение в городе прежнее. Один из ратников пытался бежать, захватив ружье. Был схвачен и сброшен со скалы.

Хан перевел взгляд на Мирзу Алиммеда. Тот вздрогнул, поспешно достал из-за пояса какой-то свиток, развернул и сказал, глядя в бумагу:

— Казахец Ахмед-хан с полутора тысячей семей откочевал в Карабах. Весьма обеспокоенный этим обстоятельством Ираклий при поддержке русских солдат напал на Гянджу и потребовал возвращения вышеупомянутых казахов. Используя этот повод, некоторые армянские мелики, и прежде всего мелики Або и Меджунун, а также монах Гандзасар снова взялись за свои козни, вступили на стезю мятежа и неповиновения. Это все, что я могу сообщить, да пошлет милосердный аллах долготы хану!

Лицо хана, которому удача нахичеванского похода придала такое спокойствие и благостность, дрогнуло вдруг, словно лес под внезапным порывом ветра; резко обозначились морщины.

— И я этого самого Або выпустил из зиндана! — прохрипел он, покусывая ус.

Подбородок хана дрожал все сильнее, собравшиеся настороженно молчали. Никто не осмеливался поднять головы.

— Агасы-бек, встань! — сказал хан и отбросил в сторону кальян.

Агасы-бек вскочил. Сложив на груди руки, он покорно склонился перед ханом.

— Тотчас же бери пятьсот всадников, отправляйся к этим армянам, и чтоб камня на камне не осталось! Меджунун и монаха схватишь и привезешь ко мне!

¹ Перевод С. Мамедзаде.

— Слушаюсь!

Хан поправил усы, взял кальян.

— Вы мне больше не нужны, — сказал он, ни на кого не глядя. Совещание было окончено.

Погода стояла чудесная, и, выйдя из дворца, Вагиф, Мирза Алимамед решили пройти пешком. Слуги вели позади лошадей, а двое государственных мужей неспешно шли по улице, изредка перебрасываясь словечком; они отдыхали... Миновали диванхану, направились к махалле Саатлы. У мечети Мамайы повстречали Охана. Поздоровались. Вагиф, как обычно, начал с шутки:

— Ну, Мирза Охан, как говорится, зачешутся у козла рога, так он о пастушью палку готов башкой тереться! Не сидится вашим мелникам!

— Да, ахунд, это так! — с горечью отозвался Охан, шутить он сейчас не был расположен. — Ну что ж, пусть получают по заслугам! Ничего не поделаешь!.. Только бы народ не пострадал из-за этих безумцев.

Вагиф промолчал, но взгляд, который он бросил на священника, был полон грусти. Оба думали сейчас об одном: «Когда сухие поленья горят, и мокрые загнивают...»

Агасы-бек вернулся из армянских селений через две недели. Монах Гандзасар умер со страха — сердце не выдержало. Мелники Або и Меджун, услышав о приближении Агасы-бека, бежали в Гянджу.

17

Агабегим-ага подрастала, ей уже минуло четырнадцать. Как белый тюльпан, раскрылся бутон ее красоты, источая нежный аромат. Слава о красоте дочери Ибрагим-хана гремела по всему Азербайджану, имя ее звучало в песнях ашугов, в стихах поэтов.

Многие сохли по ней: беки и ханские сыновья, доблестные мужи, не знающие себе равных во владении мечом, считали за честь умереть с ее именем на устах. Но Ибрагим-хан знал цену жемчужине Карабаха и пока что от-

казывал всем; беззаботно и радостно вырос этот прекрасный цветок в дворцовом саду.

Назлы — няня девушки — по-прежнему рассказывала воспитаннице сказки и предания, и юная красавица жила ожиданием своего рыцаря любви, смелого, как Кероглу, страстного, как Меджун, упорного, как Фархад. Ждала, что в один прекрасный день он перемахнет, наконец, через толстые крепостные стены, схватит ее в объятия, прижмет к могучей груди и умчит... И всегда, когда Агабегим мысленно видела своего героя, лицо ее заливалось румянцем, девушку начинала бить дрожь...

Но не только сказки и легенды обогащали душевный мир Агабегим, бесконечно любила она и стихи; девушку прочла всех поэтов Азербайджана, и самые лучшие, самые увлекательные стихи переписывала и заучивала наизусть. Любимыми ее поэтами были Физули и Вагиф. Девушка не раз мелком видела Вагифа, но вот встретиться, поговорить с ним — такой возможности ей пока не представлялось. Каждый раз, когда девушка начинала приставать к матери с просьбой устроить ей встречу с Вагифом, мать дивилась — откуда у нее такая смелость — и объясняла дочери, что она еще ребенок и не о чем ей толковать со взрослым человеком.

Наконец Тутубегим все-таки уступила и пригласила Вагифа к себе.

— Ахунд, — сказала она, прикрывая лицо чадрой, — ты, наверное, и не подозреваешь: у тебя во дворце растет почитательница... Уж сколько времени все пристает ко мне, чтоб пригласила тебя в гости — хочет видеть Ахунда Моллу Панаха!

Вагиф улыбнулся, бросил лукавый взгляд на девушку — та стояла, опустив голову, сложив на груди нежные тонкие руки. Глаза ее были прикрыты ресницами, а щеки горели стыдливым румянцем. На левой темнела очаровательная родинка; аккуратно расчесанные каштановые кудри нежно касались подбородка. В вырезе красного чепкена¹ белела юная шея.

— Молодец, доченька! — воскликнул Вагиф, протягивая девушке обе руки. — Умница!

Агабегим вздрогнула, как вспугнутая птичка, вски-

¹ Чепкенъ — верхняя одежда на Кавказе, полукафтан, со сборками сзади.

нула голову и, метнув на Вагифа быстрый взгляд, кончиками холодных пальцев несмело коснулась его рук. Впервые ощутил Вагиф колдовство ее взгляда. Немало красавиц повидал он на своем веку, немало их прелестей воспел в своих стихах, но такого совершенства Вагиф еще не встречал. Яркость ее губ посрамила бы рубин, блеск зубов — любой жемчуг...

Тутубегим указала Вагифу место и села напротив него. Девушка продолжала стоять.

— А ты что ж не присаживаешься, дочка? — Вагиф вопросительно взглянул на девушку.

— Иди принеси свои записки, — строго сказала Тутубегим, — ахунд взглянет... — И когда дочь направилась к двери, с нескрываемой гордостью поглядела ей вслед.

Вагиф тоже не мог оторвать взгляда от девушки, от расшитых жемчугом и кораллами шальвар, от нарядных бархатных башмаков — он любовался ее движениями, ее стремительной и в то же время плавной походкой.

— Вот, ахунд, — Тутубегим сокрушенно вздохнула, — ночи напролет просиживает, все стихи сочиняет! Стихами только и живет!..

— Что ж, — усмехнулся Вагиф. — Такая у нее теперь пора! Юность и старость — самые лучшие поэты! — Почему? — спросила Тутубегим.

— Таков уж закон природы. Солнце прекрасно лишь на восходе да при закате. А когда оно в зените, в нем нет особой привлекательности.

— Это, кажется, в мой огород камешек? — ханша обиженно прищурила светлые глаза.

Вагиф понял, что оплошал.

— Ханум! — укоризненно воскликнул он, спеша загладить неловкость, — к тебе это не имеет ни малейшего отношения; ты из тех звезд, что не меркнут с годами, лишь сна ашугов!..

Вошла Агабегим, держа красивую тетрадь в зеленом сафьяновом переплете, исписанную прекрасным почерком «ширази».

— Ну, доченька, давай поглядим! Садись-ка! — Вагиф указал девушке место рядом с собой.

Агабегим протянула ему тетрадь и опустила на колени возле матери. Поэт надел очки, раскрыл тетрадь. Вагиф, Видади, Муштаг, Наби, Раджи, Рафе, Муштери, Ага-Месих, Нишат, Ариф, Аджиз, Ашик Али, Абдул-

рахман-ага Шанр и другие современные азербайджанские поэты были представлены здесь лучшими своими стихами.

— Почитай вот это! — Вагиф указал девушке строфу у Госи Тебризского.

Слегка зардевшись, Агабегим начала читать:

Прекрасны роза и нарциссы, но верь, твои цветы — особые,
Лицо твоё, глаза твои — истоки красоты особые,
Нет, я в бутоне ни в одном не хаю ни единой черточки,
Но ты прекрасней потому, что все твои черты — особые!

Сама юность звучала в ее голосе.

Тутубегим искоса поглядывала на Вагифа и улыбалась, довольная...

— Молодец! Великолечно! — с искренним восхищением воскликнул Вагиф, когда Агабегим кончила.

— Ахунд, — заметила Тутубегим, — она ведь и сама сочиняет. — И обернулась к дочери. — Почитай-ка из своих, дочка, ахунд послушает...

Тут Агабегим стала совсем пунцовая, и сколько ни настаивала мать, сколько ни просил Вагиф, все было бесполезно, — свои стихи девушка читать не стала.

Агабегим была необычайно горда, что встретила с Вагифом. Подумать только: она беседовала с настоящим поэтом, сидела рядом с ним, читала ему стихи — значит, она теперь совсем, совсем взрослая! Она стала потихоньку собирать те стихи, что писала по ночам при свече: вот наберется смелости и пошлет Вагифу... Но неожиданный поворот судьбы помешал свершиться ее планам, опрокинув чашу надежд, нарушил безмятежное течение девичьей жизни.

Как-то, гуляя с няней в саду, Агабегим увидела в угловой башне юношу: русого, ясноглазого, широкогрудого... Его шлем и доспехи на широких плечах огнем сияли под лучами утреннего солнца.

— «Это он! Мой Кероглу!» — у девушки подкосились ноги. Впервые в жизни бутон ее сердца ощутил сладостный укол шипа...

— Няня! — воскликнула Агабегим! — Няня! Кто это?

— Как кто? — удивилась Назлы. — Неужто не уз-

¹ Перевод В. Кафарова.

наешь? — Двоюродный братец твой, сынок дяди покойного. Вон он, красавец! — И Назлы кивнула на башню.

— Но, няня... — прячась за дерево, пролепетала Агабегим, — когда я его видела, он был маленький, мальчик еще, а теперь!..

— Так ведь лет-то сколько прошло, доченька!.. Он долго пропал. Убил мать и не смел хану на глаза показаться. А как порешил Агасы-хана и сына его Ахмедбека — это он им за отца мстил, — хан и смиловился, Допустил до себя!..

Прячась среди листвы, Агабегим снова бросила взгляд на башню и вдруг... глаза юноши, светлые, ясные, жестокие, двумя книжками пронзили девичье сердце.

Больше она уже не отрывала взгляда от башни. Детское самолюбие бесследно покинуло ее душу, предоставив место тоске, мучительному, непонятному томлению...

Прибыв в Кубу, Мирза Алимамед и Сафар сразу направились во дворец Фатали-хана. Во дворце полно было слуг, одетых в самые разнообразные одежды; кроме азербайджанцев, здесь были лезгины, аварцы, кумыки и другие жители Дагестана.

Мирза Алимамед велел сообщить смотрителю двора, что беженцы из Карабаха хотели бы видеть хана. Его пригласили в просторную комнату; окна ее выходили в большой сад. У стены сидел пышноусый человек в сдвинутой набекрень громадной папахе, с книжком на боку, он курил трубку: это был смотритель двора.

Мирза Алимамед склонился в поклоне. Пышноусый вельможа, не переставая курить, ответил на его приветствие и пригласил сесть.

— Мне доложили, — неторопливо произнес он, — что ты бежал от Ибрагим-хана?

— Это так, ага. Хан задумал ослепить меня, но благодарение аллаху, мне удалось узнать о его замысле и спастись бегством. Вот почему я прибыл во владения милосердного Фатали-хана.

Смотритель двора ухмыльнулся, польщенный.

— Что ж, ты правильно поступил! С благополучным приездом! — он помедлил немного и спросил: — А тебе

не удалось захватить с собой каких-нибудь ценностей? Или...

Алимамед быстрым движением сунул руку в карман. — Вот — сто золотых... — он протянул кошелек смотрителю двора. — Это тебе, будь моим покровителем! На небе бог, на земле — ты, да будет во благо!

Смотритель двора взял кошелек, проворно сунул в карман. И сразу заметно повеселел.

— Ну что ж, располагайся!.. Все для тебя сделаем, с превеликим удовольствием! — он широко улыбнулся. — Гости у нас сколько пожелаешь — рады будем слушать!

— Да не оскудеет милосердие ваше! — Мирза Алимамед низко поклонился.

— Я отведу тебя к хану, — сообщил смотритель двора: — Пока что он занят. Сестра его — Хуру Пейкар-ханум прибыла из Шеки, с ней и беседует... Ты, наверное, знаешь Мамедгасана — он одно время жил в Карабахе. — Так вот сестра Фатали-хана за ним заужем...

— Знаю, — сказал Мирза Алимамед, — знаю этого предателя. Напал на Фатали-хана возле Агсу!..

Смотритель двора сделал предостерегающий жест.

— Все это верно, он допустил ошибку, понес наказание... Теперь обстоятельства изменились. Видишь, он Хуру Пейкар-ханум прислал — снисхождения просит... — Смотритель двора помолчал многозначительно и продолжал, приняв гордый вид: — Могущество Фатали-хана растет... В этом году Ардебиль взял, все шахсеванские ханы ему покорились... Благодарение аллаху, земли Фатали-хана простираются от Дербента до Тебриза. Такой герой, как Омар-хан, и тот старается жить в мире с ним, один лишь недоумок Мамедгасан кукиш в кармане кажет...

Смотритель двора не спеша набил трубку, слуга подал огня.

— Просители ждут, ага.

— А что, какие дела? — спросил смотритель, не поворачивая головы.

— Да так, мелочи...

Смотритель усмехнулся.

— Я не о том... Ладно, пусть войдут!

Вошел длиннородый, носатый мужчина и, упав смотрителю в ноги, стал излагать свою жалобу: старшина без времени требует налог с сада.

— Садовые-то осенью положено собирать, как урожай, а сейчас только зима на исходе! Мыслимое ли дело, ага?!

— Мыслимое, мыслимое! — успокоил его вельможа. — Свежих фруктов нет, сушеными отдай! Осенью-то невесть сколько, небось, собрал!..

Проситель хотел что-то сказать, объяснить, но слуга, взяв его за рукав, потянул к выходу. Вошла женщина. Эта жаловалась на мужа:

— А ты пойдй к судье, — научил ее смотритель. — Он даст бумагу. Неужели не знаешь?

Торопливыми шагами вошел слуга.

— Ага, тебя хан требует!

Смотритель двора проворно поднялся, опираясь руками об пол, оправил архалук и чуху, передвинул на брюхо сгехавший на сторону кинжал.

Через несколько минут вельможа вернулся и повел Мирзу Алимамеда к хану. Они вошли в роскошно убранные покои. Фатали-хан оказался мужниной лет пятидесяти; суровое лицо его обрамлено было густой черной бородой. Он ответил на приветствия Мирзы Алимамеда и велел ему сесть.

Сначала хан расспросил, что привело к нему гостя, потом заговорил сам:

— Ибрагим-хан дурью мучается. Все ханы со мной считаются, один он нос воротит! Думает, крепостные стены спасут!.. Как ушли русские из Тифлиса, совсем обнаглел. А не понимает того, что сегодня они ушли, а завтра опять придут!.. Русские сейчас турецкой войной заняты. Так... Ну, а почему ж все-таки тебе пришлось бежать из Карабаха? Чем ты провинился перед Ибрагим-ханом?

— А тем, что, когда войска твоей милости вторично пришли в Карабах, я посоветовал Ибрагим-хану подчиниться. «Фатали-хан, — сказал я, — опытный и мудрый повелитель, не следует затевать с ним вражду». За это и пришлось поплатиться... Бросили в зиндан, хотели ослепить... Благодарение аллаху, удалось бежать, спастись от злодея...

Мирза Алимамед сумел войти в доверие к Фатали-хану, добиться его благосклонности. Вскоре хан уже не скрывал от него своих намерений, и Мирзе Алимамеду стало известно, что ближайшей своей целью Фатали-хан считал подчинение себе всего Азербайджана, причем рассчитывал на помощь России. Он переписывался с Ираклем, советовался с ним по поводу своих планов. Покрепче прижать Ибрагим-хана — это Фатали считал самой неотложной своей задачей.

Вызав все, что нужно, детально изучив планы и намерения Фатали-хана, Мирза Алимамед написал подробное донесение Ибрагим-хану. Донесение это предстояло передать Сафару, скрывавшемуся в одной из близлежащих деревень. Доставив письмо по назначению, Сафар должен был тотчас вернуться в Кубу, отлучка его не должна быть замечена.

Сам Мирза Алимамед, дабы не вызвать подозрений, все это время оставался в доме смотрителя двора, ни на минуту не разлучаясь с хозяином. Они проводили время в беседах — прогуливались по городу и окрестностям, охотились у подножия Шахдага. Погода установилась, чувствовалось приближение весны: на полях появились фиалки, кое-где уже зацветали деревья...

— К хану прибыл гость Мамедгасан-хан из Шеки, — сказал как-то Мирзе Алимамеду хозяин дома. — Дел у меня теперь будет по горло, — смотритель двора гордо приосанился. — Так что поручаю тебя сыну, он будет твоим проводником и спутником.

Вскоре Мирза Алимамед направился с юношей в ханский сад, расположенный на склоне горы у реки. Улицы были полны вооруженными людьми, причем ружья у большинства были русские. В одном месте собралась толпа — двое затеяли драку. Тотчас же посреди дороги расстелен был коврик, и противники, встав на колени на противоположных концах его, обнажили кинжалы. Горожане спокойно наблюдали за происходящим; какой-то старик следил за честным выполнением правил.

Первый же удар заставил противника, находившегося по правую руку от судьи, скорчиться — голова его бессильно упала на плечо...

— Ну что?! — возликовал другой. — Получил?!

Но он поторопился. Поддерживая голову левой рукой, раненый изловчился и правой рукой с силой воткнул противнику в живот свой кинжал. Однако раненный в живот, падая, успел нанести врагу второй удар. Окровавленные тела унесли. Толпа неспешно расходилась, спокойно, словно ничего особенного не случилось... Мирза Алимамед был потрясен — впервые в жизни видел он подобное зрелище.

— Почему их не разняли? — спросил он у какого-то парня.

— А чего вмешиваться?.. — спокойно отозвался тот. — Обычай такой. Каждый день убивают...

В ханском саду уже зеленела трава. Фиалки усыпали склоны гор, река, по-весеннему маловодная, негромко журча, вилась по широкому полупустому руслу. На противоположном берегу виднелись темные лагуны еврейской махаллы...

Неделю спустя Мирза Алимамед в свите Фатали-хана прибыл в Шеки — в гости к Мамедгасан-хану. Шекинский хан давно уже покорился Фатали, считая сопротивление бесполезным.

Несколько дней провели они в нарядном доме Гусейн-хана Муштага: хозяева не останавливались ни перед чем, чтоб угодить дорогому гостю; одно развлечение сменялось другим. Мирза Алимамед с интересом наблюдал схватку двух самых известных в Шеки борцов, любовался танцовщицами из Ширвана, наслаждался виртуозной игрой сазандаров... Под конец в окрестностях Девичьего родника устроена была большая охота.

Но вот с пирами и развлечениями было покончено, и Фатали-хан двинул свои войска к Куре.

Шатры были разбиты на самом берегу. Правитель Гянджи Джавад-хан со свитой был уже здесь; он ожидал Фатали-хана, чтобы торжественно, с бесчисленными подарками встретить его.

Затрубили трубы, войска построились. Джавад-хан, держа в руках поднос под шелковым покрывалом, приблизился к Фатали-хану, встал на колени, — свита следовала то же самое — и почтительно протянул Фатали-

хану поднос. Тот с гордым видом приподнял покрывало, полюбовался серебряными ключами от городских ворот, знаком поздравил смотрителя двора, принял поднос и указал Джавад-хану место подле себя.

— Ну как здоровье? Благополучен ли ты? — милостиво осведомился Фатали-хан.

— Милостью вашего высочества я благополучен! Вполне благополучен! — поспешил заверить Джавад-хан.

— Милостью аллаха! — поправил его Фатали-хан и добавил после паузы: — Русские отвели свои войска, это несколько осложняет положение; теперь за спокойствие и порядок в наших владениях ответственны мы сами. Я написал хану Ираклию, думаю, что он уже в пути. Необходимо посоветоваться и принять решение...

Джавад-хан поклонился, по-прежнему держа руки сложенными на груди, он полностью одобрял действия Фатали-хана. Судьбы кубинского и дербентского ханов настолько потрясли Джавад-хана, что на любое слово Фатали-хана он только кивал головой и покорно повторял: «Справедливо! Совершенно справедливо!»

Заколото было великое множество баранов. На славу угостив и Фатали с его свитой, и всех воинов, Джавад-хан проводил их в дальнейший путь.

Шатер Ираклия возвышался на берегу Шамкира — он поджидал Фатали-хана. Издали завидев повелителя Кубы, грузины дали несколько пушечных залпов, после чего навстречу ему вышли зурначи. Фатали-хана повели к шатру Ираклия.

Правитель Грузии встретил гостя шагах в пятидесяти от шатра. Это был красивый, слегка сутуловатый человек с густой проседью в бороде; Мирзе Алимаведу, видевшему Ираклия впервые, он показался опечаленным чем-то. Когда, разговаривая с Фатали-ханом, Ираклий поднимал на него свои усталые глаза, их взгляд ясно говорил, как трудно приходилось сейчас правителю Грузии. Отход русских и неустойчивость политического положения на Кавказе, раздоры в семье, приведшие к тому, что наследники начали драку за трон уже теперь, при живом правителе, — все эти тяготы прежде времени состарили наместника Грузии.

Ираклий и Фатали-хан удалились в шатер. Секретная, с глазу на глаз, беседа длилась не менее двух часов.

У входа выставлены были часовые, однако сохранить беседу в тайне не удалось. В тот же вечер смотритель двора, ночевавший в одном шатре с Мирзой Алимамедом, во всех подробностях рассказал ему о чем было говорено.

Главной задачей Ираклием и Фатали-ханом было признано — сломить упрямство Ибрагим-хана, затем Джавад-хан крупными силами обеспечит взятие Шуши; кроме того, он обязуется привлечь к участию в походе Казах и Шамседдин; в награду за это обе эти области отойдут ему.

На другой день с помощью все того же Сафара Мирза Алимамед отправил все эти сведения Ибрагим-хану. А на третий день произошло событие, прервавшее переговоры: Фатали-хан внезапно занемог и отбыл в Кубу. О болезни хана мгновенно стало известно в войсках, боевой дух упал. Возникло много дополнительных забот, смотритель двора сразу потерял голову; ему было уже не до гостей. Воспользовавшись суматохой, Мирза Алимамед и Сафар ночью, в темноте, покинули лагерь и напрямик поскакали в Карабах.

19

Вскоре после возвращения Мирзы Алимамеда в Шушу пришла весть о смерти Фатали-хана. Во дворце ликовали. Ибрагим-хан устроил праздник; вся знать города присутствовала на пируестве, начавшемся в полдень и продолжавшемся до глубокой ночи. Ибрагим-хан торжествовал — самый главный враг устранился с его пути.

Агабегим тоже радовалась в этот день, хотя для ее радости была совсем другая причина: девушка с утра жила надеждой, что сегодня увидит Мамед-бека. Она надела самый красивый свой наряд, вплела в косы фиалки, и, хотя сгорала от нетерпения, это не помешало ей весь день не отходить от зеркала. А он все не появлялся. Садилось солнце, сумерки пеленой затягивали землю... Надежда, сомнения, отчаяние — сердце девушки готово было разорваться...

Агабегим стояла, прислонясь к дереву, и не сводила глаз с башни, обращенной к Аскерану. Башня словно

бы растворялась, исчезала, все глубже и глубже погружаясь во тьму...

Назлы только дивилась, глядя на Агабегим, не в силах понять, что творится с девушкой.

— Доченька! — в который раз звала она свою любимицу. — Ночь на дворе, чего тут зря стоять?..

Измученная тоской и ожиданием, девушка будто и не слышала ее. Назлы подошла к Агабегим ближе, обняла, приласкала...

— Что с тобой, доченька? Или занедужила?

Словно очнувшись, Агабегим с улыбкой взглянула на няню, но в улыбке ее была мука, и Назлы сразу почувствовала это. Она молча взяла девушку за руку и повела к веранде. Облокотившись на перила, они стояли и смотрели на мерцающие звезды. Задумчива и печальна была Агабегим.

И вдруг в противоположной стороне двора показались два всадника. Передний быстро соскочил с коня и взбежал на веранду, в свете факелов блеснули его доспехи. Девушка вздрогнула, с тоской и надеждой глядя в темный силуэт: «Дай бог, чтоб он!» Это был он — Агабегим узнала любимого.

А Мамед-бек уже исчез — прошел прямо в залу, туда, где Ибрагим-хан принимал гостей. Девушку снова охватило отчаяние. Кто знает, когда он вернется с этого пира? Как она хочет его увидеть! Хотя на минуту! Пусть бы он летучей звездой мелькнул перед ее глазами! «О птицы, счастливые птицы! Вы свободны! Вы летите куда угодно!.. О если б и мне полететь неведомо куда и отыскать путь к его сердцу, и раскрыть перед ним тетрадь своих страданий — пусть и он горит тем же огнем, в котором сгораю я!.. Как хотела бы я, чтоб слезы мои стали жемчужинами, я нанизала б их на волос свой, отдала бы ему в подарок: «На, любимый, храни, не теряй!..»

Голоса, донесшиеся из дворца, прервали ее горестные мечтания. Кто-то вскочил на коня, снова под факелами сверкнули доспехи...

— Нет, я вернусь только через три дня! — донесся до нее мужской голос. — Нужно еще по пути в Кягризид завернуть!

Всадники ускакали.

«Это он!» — снова боль пронзила пострадавшееся

сердце. Понура Агабегим вошла в комнату. Свечи озарили девушку печальным призрачным светом. Она легла на шелковый тюфячок, взяла в руки перо.

Любимый ночью приехал, и тут же ночью ушел,
И жизнь моя, лишь начавшись, покинула вдруг меня...

Глаза ее наполнились слезами, перо задрожало в руках, несколько светлых капель упало на бумагу, размазывая строчки...

— Да что ж это с тобой творится? — Назлы бросилась к девушке. — Откройся мне, доченька!

Шелковым платком няня отерла ее слезы, взяла в руки холодные руки девушки, стала гладить их, согревая... Словно стыдясь своих слез, Агабегим попыталась улыбнуться:

— Ох, няня! Как нам с тобой раньше было хорошо! Ты мне каждый вечер сказки рассказывала, я слушала... И горя не ведала!

— А что ж теперь-то? Что случилось, деточка ты моя? — Назлы с состраданием глядела на девушку. — Ну чего тебе печалиться? Слава аллаху, хороша ты, как зоренька ясная, по всему миру слух идет о твоей красоте!

Девушка печально взглянула на простодушную женщину; Назлы была предана ей всем сердцем, но разве она могла понять муки любви?

— Няня! Расскажи что-нибудь... Только не сказку, а что-нибудь такое.., что было на самом деле. О себе расскажи!

— Есть о чем толковать! Да что для тебя в моей жизни интересного?

Агабегим улыбнулась.

— Ну, няня! Ты расскажи, как подрастала... Как замуж выходила.

Улыбка чуть тронула губы Назлы.

— Замуж? Да как выходила?... Как все выходят. Ходила каждый вечер за водой на родник, один раз пастуха повстречала, сидит себе у воды, на свирели наигрывает... Вижу, уставился он на меня, прямо глаз не сводит. Ну, а мне ни к чему... Пришла, дела домашние справила, спать улеглась. А пастух после того раза как начал к нашему забору ходить, каждый вечер наведы-

вался, все на свирели играл... Я уж, бывало, лягу, а он все заливается... «Вот, думаю, бесстыдник, — и чего ему неймется — до полуночи под забором торчит!..»

— Какая же ты счастливая была, няня! — воскликнула Агабегим. — Как бы я хотела быть на твоём месте!

— Не приведи аллах! Да чего тут хорошего, доченька, — чабан бесстыдный поведился!.. А ты сама что стала бы делать на моем месте?

— На твоём месте?! Да я прижалась бы к тому плетню и плакала бы там до утра!..

— Вот уж придумала!.. — Назлы с удивлением поглядела на девушку. Та печально улыбнулась в ответ.

— Ну, а что ж дальше было, няня?

— Что дальше? Пришли какие-то люди... Сватать меня стали. Я им вроде понравилась. Потом свадьба была. На свадьбе я жениха своего и увидела: так и есть, тот самый чабан!..

— А ты счастлива была, няня? Радовалась?.. Или плакала?

— А что ж радоваться-то? Пришел мой срок замуж идти, значит надо идти. Понятное дело, плакала... Так уж заведено: девушка всегда плачет, когда с родительским домом расстается.

— Нет, няня, не понимаешь ты меня! Никогда не поймешь. Как пришла ты в этот мир вслепую, так и уйдешь незрячей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Когда Аллахкулу зашел к соседу, тот вместе с ребятами сидел возле кюрсю, которое сооружено было из столика на коротких ножках, поставленного посреди комнаты над очагом; в очаге тлели угли; сверху столик накрыт был одеялом, а вокруг него разложены подушки.

Кязым лежал на подушках, до подбородка натянув одеяло; видна была только голова. Телли и Гюльназ сидели поодаль, чесали шерсть. Жена Кязыма прjala. За окном белели сугробы снега.

Аллахкулу подышал на руки, снял возле двери покрытые снегом башмаки, поздоровался и присел к кюрю. Здесь было жарко, как в бане. Аллахкулу протянул ноги к самому очагу и стал согревать застывшие руки.

— Ну и мороз сегодня — камни трескаются!..

— Если бы только камни... — Кязым печально покачал головой. — Сердце человеческое не выдерживает! Сиди, жди! А до каких пор? До каких пор мне без дела сидеть? Сколько шелка, сколько хлопка погибло — где их теперь взять?!

— Да-а, — протянул Аллахкулу. — Если б все по порядку, землешек хлопок бы сеял, шелковод разводил бы тутовых шелкопрядов... А сейчас? Все порушено, никто не знает, доживет ли до завтрашнего утра... — Аллахкулу помолчал и сказал с сердцем: — А чего русское войско к нам не идет — в нем только, видно, наше спасение!

— Кязым усмехнулся.

— Один раз Молла Насреддин взял да пустил слух, будто за горами арбузы раздают — по мешку на брата. Ну народ похватал мешки и — туда, за горы. А Молла видит, уж больно ретиво все мешки хватают, взяло его сомнение — может и вправду дают? Чего же арбузам пропадать? Хвать сам мешок да вдогонку за односельчанами... Вот и ты, смотрю я, за мешок хватаешься, а ведь арбузов-то никто пока не видал!..

— А, мой арбуз давно сгнил!

Аллахкулу взял с кюрю щепоть жареной кукурузы, бросил в рот и опять стал греть руки.

Прибежал старший мальчик Кязыма — из школы пришел на перерыв. Взял из стоявшей в углу кадки кусок чурека, подсел к кюрю.

— Отец, молла плату требует, говорит, мы два месяца уже не давали...

— Твой молла совсем очумел! Знает ведь, что нечем нам платить!..

Мальчик насунился.

— А как я... при ребятах скажу, что платить нечем? — пробормотал он, пережевывая черствый чурек.

— А велик ли долг-то? — полюбопытствовал Аллахкулу.

— Да пять двугривенных, чтоб ему!.. — злобно бросил Кязым.

— Ха, и из-за такой малости парня в краску вгонять!..

Аллахкулу завозился, доставая кошелек. Парнишка оживился, взглянул на монетки, которые сосед положил на кюрю, кинул вопросительный взгляд на отца, потом схватил деньги и бросился к двери.

— Ты куда это? — удивился Кязым. — Только что полуденный азан был...

Мальчик словно и не слышал его, натянул на уши башлык и был таков.

— Вот она молодость!.. — усмехнулся Аллахкулу. — И голод ему ничем, и отдых ни к чему...

— И не говори... — Кязым рассмеялся. — Вот, значит, как-то раз Молла Насреддин перепрыгивал через арык. И не допрыгнул, в воду плюхнулся. Все хихикают, а Молла им: «Это, говорит, теперь я так, потому что постарел, а знали бы вы, как в молодости я сигал!» А сам отошел в сторонку и бормочет про себя: «Ну, если честно сказать, Молла, — ты и смолodu-то был не больно прыткий!» Вот так и мы с тобой...

Приятели от души рассмеялись, женщина и ребята тоже захохотали.

— Ну вот что, Баллы-ханум, — прятая усмешку, обратился Кязым к жене, — поторапливайся малость: плов небось уже упред — неси, попробуем!.. А чихиртму из дичины слишком густо не заправляй — есть за тобой такой грех! И побыстрее шевелись — видишь, проголодались!..

— Сейчас, сейчас! — хихикнув, отозвалась женщина. Вскочила, принесла чурек, горсть сухого сыра и положила все это на столик перед мужем. Аллахкулу, привыкший к тому, что здесь всегда шутят, без удивления, лишь с некоторой грустью взирал на чурек, который должен был означать богатое яство.

Выглянуло солнце. Неяркий свет его чуть сочился сквозь вставленную в рамы промасленную бумагу. Но Кязым повеселел.

— Слава тебе, небесный мастер! — весело воскликнул он. — Не оставляешь нас своей милостью!

— А не боишься, что по хорошей-то погоде шах явится? — Аллахкулу лукаво взглянул на друга.

— Пусть! Чему быть, того не миновать! Мы вот только и слышим: шах, шах!.. А по мне, чем так мучиться,

лучше уж пусть приходит, разом покончит и все!.. К одному концу! — Это он сказал уже без всякой усмешки.

Аллахкулу жевал чурек и глядел на нишу, возвышавшуюся над головой Кязыма. И хотя взгляд его блуждал по стоявшей там цветастой посуде, мысли его были далеко: он думал о том, что угрожает сейчас карабахскому ханству.

— А ведь вроде раньше-то у нас с шахом все ладно было, — начал он размышлять вслух. — Подарки всякие нашему хану слал... Что ж теперь-то не поделили?

— А кто их знает, чтоб им обоим пропасть: и шаху, и хану!.. — злобно пробормотал Кязым. — И тот, и другой не по-божески поступают. Шах прислал подарки, заложника требует, как положено... Ибрагим-хан Абдулсамед-бека в Тегеран отправляет. Вроде все ладно? Так нет, войска ему безостановочно нужно слать шаху этому, припасы всяческие поставлять! Ведь у шаха то в Исфагане драка, то в Хорасане заваруха... Только и знают затевать потасовки, с жиру беситься, чтоб им пусто было. А нам, простому люду, от этого — одно разорение!

— Эх, хозяин!.. — вмешалась Баллы. — Ну что ворчишь понапрасну? Сказано ведь: «Что с неба идет, то землею приемлется!» Как суждено, так и сбудется!

Кязым так же, как и жена, верил в предначертания судьбы, и потому слова Баллы действовали на него умиротворяюще. На мгновение только возник в его уме вопрос: а зачем же оно так предписано-то? Но тут сомнение рассеялось, вера оставалась непоколебленной.

Пришел Сафар, и разговор сразу переменялся, в присутствии зятя даже Кязым был заметно сдержаннее. Сафар поздоровался, подсел к кюрию и, взяв горсть жареной кукурузы, принялся грызть ее молодыми крепкими зубами.

— Как здоровье, сынок? — почтительно осведомился Аллахкулу.

— Хорошо, отец, благодарствуй! Вот только к морозу рана мучить начинает.

— Это которая — что в ногу?

— Да. Ноет — спасу нет!..

— А лекарь что ж?

— Да вот мазь дал, прикладываю.

— Нет... — Кязым с понимающим видом покачал головой. — Хуже нет, когда в ране осколок кости застрял:

снаружи-то оно вроде и затянуло, а чуть что, сразу прикидывается...

Сафар не ответил, он с удовольствием грыз кукурузу и о чем-то сосредоточенно думал.

— Скорей бы весна! — мечтательно улыбнувшись, сказал он. — Оседлать бы коня да в степь!.. Дома без конца сидеть — вовсе сгнить можно!..

— Это конечно, — согласился Кязым. — Твое дело молодое, самая пора на коне скакать!

— А что еще остается? — Сафар усмехнулся. — Крестьянином был, хлеб сеял, а теперь что ж... Теперь я от всего отстал.

— А со скотиной как?

— Да тогда ведь все у меня пропало... Теперь вот снова обзаводимся — коровенку из Агдама привел. Мы люди деревенские, без молока не можем. — Он опять помолчал и добавил повеселев: — Вот травка покажется, пару ягнят во двор пушу!.. Попасутся до осени, а там и на говурму¹ — запас на зиму!..

— А у меня опять незадача, — хихикнул Аллахкулу, — пропал мой труд: растил, растил я своего барашка, а он вольми да свалился со скалы Хазна.

— С той скалы стольком людям упасть довелось, что уж бог с ним, с барашком! — Кязым усмехнулся. — Считаю, что это жертва, чтоб беда твой дом миновала!

У Аллахкулу от такой шутки мурашки по спине забегали, он смеялся, не зная, что ответить. А Кязым как назло не оставлял его в покое.

— Ну, чего оробел?!

— И то правда, — решил Сафар подбодрить соседа. — Я пока, слава богу, жив-здоров, в случае чего всегда выручу.

Аллахкулу вскинул голову, вздохнул:

— Да сохранил тебя аллах, сыночек!

Вагиф сидел перед каминном и писал Виладу, в Гюлюстан. Он был преисполнен вдохновения. Ярko горели дрова, усаждающая душу теплом и веселым потрескиванием. Свет, проникавший сквозь цветные витражи, смягчал

¹ Говурма — жареное мясо.

краски на коврах и шелковых подушках. Но Вагиф не видел их, увлеченный лишь феями поэзии, резвившимися в пламени камина перед мысленным его взором.

Голос муэдзина оторвал поэта от этого волшебства. Вагиф положил перо, взглянул на часы — обе стрелки стояли на двенадцати. Дверь отворилась, вошел старый слуга, улыбнулся и вопросительно взглянул на хозяина.

Вагиф понял его без слов.

— Подавай! — сказал он и, собрав принадлежности для письма, убрал их под подушку.

Было время полуденного азана. На скатерти, исходя вкусным парком, стояли яства. Пришел Касум-ага, подсел к отцу, следом за ним появилась Кызханум. По случаю мухаррама она облачилась в черную траурную одежду, но как шло это черное платье к ее белому округлому лицу, к темным большим глазам!.. Вагиф жадно оглядел жену, словно очень давно не видел. Промолчал, боясь неосторожного слова. Кызханум протянула руки, принимая еду, и на белых руках ее звякнули янтарные браслеты; щеки женщины нежно розовели... И пери поэзии, только что резвившиеся в огне камина, теперь устремились сюда: к этим благоухающим ланитам, к этим глазам серны, которым сам бог повелел гореть весельем...

Обед проходил в молчании. Вагиф украдкой любовался Кызханум, ее лицо пьянило, околдовывало поэта. Его неудержимо влекли губы женщины, нежные и свежие, как лепестки розы, окропленные росой...

И Вагиф не удержался, не смолчал.

— Да продлит аллах твои дни, Кызханум, прекрасный обед! — сказал он и нежно глянул в лицо жене. Но лучше б ему не глядеть, женщина поджала губы, нахмурила брови — его замечание не доставило ей удовольствия.

Сколько раз уже убеждался Вагиф, что любое его приветливое слово докучно ей, и причины этой докучи были ему прекрасно известны: старость и молодость, цветущую красоту и увядание — это невозможно примирить, и это всегда отравляло и будет отравлять их жизнь. Ах, зачем он не молод?! Зачем так случилось, что собственная его жена столь желанна и столь запретна для него?! Мучиться безответной страстью, тосковать по женщине, которая живет с тобой в одном доме, спит в одной комнате?! Даже когда они совсем рядом, непре-

одолимая пропасть разделяет их! А ведь они муж и жена и ближе всех должны бы быть друг к другу!

Сколько лет он снова и снова задает себе этот вопрос! И ответ, который он знает заранее, каждый раз приводит его в отчаяние. Вот и теперь. Есть уже не хочется, кусок стоит в горле... Вагиф огляделся — тюрьмой показалась ему нарядная уютная комната.

Громкие удары бубна, цимбалы, истошные крики: «Хейдар! Хейдар!» — послышались с улицы. Вагиф поднялся, оставив недоенный плов...

Медленно, с камнем на душе, Вагиф шел по улице; тяжелая шуба давила плечи. На перекрестке кварталов Саатлы и Ходжи Эмирджанлы стояла толпа: две махаллы вышли одна против другой — «стенка на стенку». Крики, вопли — настоящее сражение. Верх взяла махалла Саатлы; одолевая соседей, саатлинцы загнали их в узкий переулок.

Вагиф пошел дальше. Миновал баню, перешел по деревянному мосту... Теперь на душе было уже спокойно. И не так холодно. А может, это от шубы — пройтись пешком в этой дохе — любой согреется...

Медина была нездорова. Она сидела в постели, читала. Пожилая служанка приняла у Вагифа шубу. Поэт вошел, поздоровался и, присев у постели Медины, пощупал пульс.

— У тебя жар, — сказал он и улыбнулся, глядя в бледное осунувшееся лицо.

— Пусть хоть у меня!.. — с укоризной промолвила Медина.

— Медина! — воскликнул Вагиф, многое прочитав в ее взгляде. — Ты же понимаешь, что такое государственные дела — им конца нет!.. То русские войска в Тифлисе, теперь этот шах... Здесь починешь, там рвется!..

— И ради этих починок забывать друзей?! — Медина сокрушено покачала головой. — Уж сколько дней я лежу. Лежу и жду: вот-вот явишься!..

Что мог он ответить? Медина была права.

— Столько горя кругом... — сказал Вагиф и замолк. Тоска захлестнула душу. Подумал о том, как тяжело ему в семье.

— Поэт, — сказала Медина, не отрывавшая от него ласковых глаз. — Лицо твоё в тумане печали, брови нахмурены, как грозовые тучи... Тяжело на сердце у моего

милого... Не грусти, родной, все будет хорошо! И снова солнышко проглянет в любимых моих глазах!..

— Медина! — растроганно прошептал Вагиф. — Вот уж поистине — сердце сердцу весть подает! Забудем это! Что нам до гроз и туманов — да здравствует солнце и свет!.. Стоит мне увидеть тебя, я как бы снова рождаюсь! Ведь ты же Медина!¹ Ты обитель веры! Ты — Мекка поэта!

Глаза ее, исполненные страстного желания, смотрели в его глаза, опаленные жаром губы приоткрылись... Вагиф обнял ее. И все исчезло: семейные неприятности, трудности государственной службы, заботы — все ушло, спинуло, растворилось в сладостном небытии...

3

Марсие, представления, траурные процессии и ставшие уже традицией побойки между враждующими махаллами — вся эта поминальная суматоха и кутерьма, продолжавшаяся первые десять дней месяца магеррама, закончилась великолепием ашуры².

Народы, населявшие Карабах, издавна вели кочевой образ жизни; ислам и иранская культура не оказывали на них особого влияния, они жили по своим древним традициям, по своим неписанным законам. Однако после сооружения шушинской крепости и создания ханства связи с Ираном стали теснее, и сюда, в Карабах, пришли чужеземные обычаи. Одним из этих заимствованных обычаев был показ мистерий во время магеррама. Вначале разыгрывались лишь представления на исторические сюжеты, связанные с событиями, действительно имевшими место. Участники действия, изображая различных исторических лиц, читали соответственные стихи, разыгрывали сцены, изображавшие убийство имама Гусейна, и муки, доставшиеся на долю его близких. Артисты всеми силами старались разжалобить зрителей, заставить их плакать.

Позднее ко всему этому прибавился «шахсей-вахсей» — обычай истязать себя в память святых имамов. В свое время с помощью такого самонистязания Вагифу уда-

¹ Медина — город в Аравии, где похоронен пророк Магомет.

² Ашур — десятое число месяца магеррама — первого месяца магометанского летосчисления.

лось спасти невинных людей от гнева Ибрагим-хана. Ханский гнев не имел причины, которую можно было бы устранить, конец его тоже нельзя было предугадать — у Вагифа тогда не оставалось иного средства, чтобы освободить узников...

И в этом году близкие тех людей, что томилась в ханских темницах, одетые в белые савааны, с утра толпились в дворцовом дворе. Хан снова вышел к народу и снова, как тогда, пообещав выпустить узников, успокоил просителей. С пением зикиров толпа тронулась в махаллу Чухур, ко дворцу Мамедгасан-аги.

Огромную площадь, с одной стороны которой высилась крепостная стена, а другая была застроена низенькими жалкими домишками, заполнял народ. Еще не совсем рассвело, но видно было, что, несмотря на мороз, представление состоится: одетые в яркие костюмы участники мистерии толпились в сторонке, разучивая роли, хоругви с железными руками на конце древка колыхались над головами; набожные женщины привязывали к ним пестрые тряпочки — давали обеты...

Но вот толпа людей в белом, прибывшая со стороны ханского двора, вступила на площадь. Она образовала круг — и с пением зикиров начала истязать себя... Рыдали все: и те, кто сидел в специальном шатре, устроенном для хана и его приближенных, и простой люд, заполнивший крыши домов. Среди участников представления и среди тех, кто давал обеты и рыдал на площади, было немало армян. Аллахкулу тоже пришел сюда со своей семьей. Он купил ребятишкам свечи — зажечь вечером дома и устроить «шамии-герiban» — сожжение свечей в память о покойном. Гюльназ и Телли стояли рядышком и навзрыд плакали...

Но вот посреди площади всхлинул огромный костер. «Арабы», одетые в черное, осыпая головы соломой, с пением зикиров начали кружиться вокруг него. Противники их — в белом — разгоряченные пением зикиров, все сильнее размахивали мечами и кинжалами; площадь рыдала...

4

Вторая турецко-русская война продолжалась; и Россия и Турция было сейчас не до Кавказа. Не прекраща-

лись и внутренние распри в Иране — это тоже было на руку Ибрагим-хану, давало ему свободу действий. Никто из правителей Азербайджана не осмеливался теперь выступать против карабахского хана: повсюду, от Ширвана до Тебриза, прислушались к его слову.

Бесконечные пиры, празднества, скачки, охота — только тем и занимался теперь ханский двор.

Был погожий осенний день. Багрянец и охра едва только тронули сады. Ибрагим-хан в сопровождении пышной свиты и сотни нукеров выехал на охоту к Овлягу. Вагиф тоже сопровождал хана; он ехал оживленный, бодрый, весело понукая коня; с седла свешивалось отделанное золотом охотничье ружье — подарок шекинского хана. Сокольничьи в больших кожаных рукавицах несли двадцать соколов. Лягавых с охотниками не было, в соколиной охоте они ни к чему, за собак будут нукеры...

Стали попадаться турachi и фазаны. Протрубили рог, охотники спешились. Вооруженные луками нукеры, широко рассыпавшись, начали смыкать круг. Сафар вскочил на коня — проверить, правильно ли расставлена цепь. Вскоре он вернулся.

— Все готово, да будет благополучен хан!

Ибрагим-хан отдал приказ начинать. Пропел рог, вдалеке протрубили ответ, хан и его приближенные с соколами в руках устремились в середину круга. Нукеры поднимали дичь, стреляя из луков по кустам, птицы суматошно метались. Охотники все сильнее сжимали кольцо. Завидев взлетевшего турача или перепелку, соколы бились, пытались сорваться с привязи. колокольцы позвякивали на их лапках.

Вагиф, забыв о своих годах, шел быстрым, упругим шагом, легко перепрыгивая через каналы и арыки. Вдруг прямо перед ним из травы взметнулись три фазана. Не теряя ни секунды, Вагиф рванул ремешок и подбросил им вслед сокола. Хан и его приближенные тоже спустили соколов. Стрелой взмывая в небо, хищные птицы хватили в воздухе дичь и стремительно опускались с нею на землю. К ним подбегали нукеры, забирали добычу и относили ее охотникам.

Дичи становилось все больше, она поднималась в небо целыми стаями, но соколы уже устали. Да и у охотников поубавилось азарта. И вдруг — мелькнул джейран, он проскочил как раз между ханом и Вагифом.

— Джейран! — воскликнул Вагиф. Но кто может попасть в мелькнувшего джейрана?..

— Эх, поэт! — со смехом обернулся к нему хан. — Вон как припустилась от тебя газель, которой ты уподобляешь красавиц в стихах!

— Что ж, это неудивительно, — грустно заметил Вагиф. — Старость... Газель уже не направит к нам свой бег...

— А надо ли ждать этого? — усмехнулся хан. — Прикажи!

— О, сердце не подчиняется приказам! Поверь мне, хан, в этой области я более сведущ.

— Как это понять? — высокомерно осведомился хан.

— Понять это надо так, — с усмешкой сказал Вагиф. — Сокол рвется к перепелке, сгорает от страсти. Но значит ли это, что и перепелка должна стремиться к нему в когти?

Хан нахмурился и, не ответив Вагифу, обернулся к стоявшему позади него нукеру.

— Ладно, разговорами сыт не будешь! Пусть разведут костры. Попробуем шашлык из перепелок!..

Снова затрубили рога, возвещая об окончании охоты. На очаровательной лесной лужайке нукеры начали стелить ковры.

5

— Что ты говоришь, да простит тебе аллах такие слова?! Быть не может!

Вагиф не в состоянии был поверить в сообщенную новость. Значит, и Шахмамед смертен! Подумать только — весь город трепетал при одном его имени!.. Открой дверь, ложись спать, ничто не исчезнет из дому. Среди ночи с подносом червонцев иди — никто и близко не подойдет — так боялись его расправы!..

— Как же это случилось? Какая змея его укусила? — спросил Вагиф нукера, присланного к нему с печальным известием.

— Ты ведь знаешь, ага, — ответил тот, почтительно сложив руки на груди, — у Шахмамеда во дворе змеиный оджак¹ есть, змеи туда на поклонение приползают

¹ Оджак — здесь в смысле жилья.

десятками. И трогать их нельзя, они злые, одну убьешь, другие непременно отомстят. А Шахмамед-ага грушу сажал, только копнул — змея! Покойный пришибить ее хотел, а она вывернулася да в палец его...

Вагиф промолчал — до смешного нелепа показалась ему эта история...

— Ладно, ты иди, — сказал он слуге, — я скоро буду! Он отпустил нукера, подошел к дверям, ведущим в женскую половину.

— Кызханум, мне нужен чистый платок!

Вышла седая женщина, живущая у них в доме, подала Вагифу платок. Он рассеянно взглянул на старушку.

— А где госпожа?

— Да она только хну намочила — на волосы класть, а тут как раз этот с дурной вестью! Теперь уж не знаю, как и быть: хна пропадет — жалко...

— Да, — сдержанно заметил Вагиф. — Смотри, чтоб только пальцы хной не окрасила, — на похороны ведь ийти!

— Нет, нет, не запачкает!

Дом Шахмамед возвышался неподалеку от башни Мехралы-бека, у северной стороны широкой площади, издавна называвшейся «бекским двором». Когда Вагиф подъехал, площадь эта уже заполнена была народом; Вагиф спешился, прошел во двор. Каменный склон, ведущий к дому, покрывала свежая, только что пробившаяся травка, слева был разбит садик. Под цветными окнами, выходившими в этот сад, тоже собрались люди; готовили паланкин, украшая его цветными шальями, поодаль, в шатре, обмывали покойного. Там же, в садике, стояли на земле семь покрытых кисеей подносов с поминальной халвой — раздавать на кладбище.

Мирза Алимамед, издали увидев Вагифа, поспешил ему навстречу. Поздоровался.

— Что делать? — сочувственно произнес Вагиф, — таков уж он, этот тленный мир!.. Да пребудет дух покойного в детях его!

Мирза Алимамед поблагодарил Вагифа, пригласил зайти в дом. Однако поэт, не желая беспокоить вдову и детей, решил остаться во дворе. Они подошли ближе к

дому. Изнутри слышался красивый голос плакательницы, полные муки слова хватили за сердце:

Сердце поет столько лет,
Сколько горя, сколько бед!
Загляни поглубже в сердце —
В нем живого места нет!

Горе, ты — гора моя,
А печаль — сестра моя.
Онемел мой соловей —
Сад увял без соловья!

Вагиф глядел на плачущего Мирзу Алимамед и думал о том, как в сущности бремен человек. И все-таки в свою собственную смерть он никак не мог поверить. Жизнь виделась ему длинной нитью жемчуга, где каждая бусинка — мир. Много ли ему еще осталось, их, этих миров-жемчужин? Едва ли... Ну что ж, пусть она оборвется, эта жемчужная нить, но пусть это будет не раньше, чем он насладится каждой! Пусть все смертно в этом смертном мире, пусть призрачно и непрочное, но ведь смертному даны дух, сердце, разум...

Внезапно раздавшиеся вопли прервали мысли Вагифа. Вместе с Мирзой Алимамедом он прошел в дом. Покойник, завернутый в шаль, лежал на ковре. В соседней комнате истошно голосили женщины. Взявшись с четырех концов за шаль, тело трижды подняли и опустили на ковер, потом понесли вниз, к паланкину...

На похоронах присутствовал ханский сын Мамедгасан-ага. Вагиф поздоровался с наследником, вместе они совершили поминальный намаз. Некоторое время они шли за гробом, который несли на плечах шедшие впереди люди, и негромко беседовали. Мамедгасан-ага по нездоровью своему редко покидал дворец, проводил время среди певцов и музыкантов, его мало интересовало и положение ханства, и отношения с соседними государствами, однако последнее время об Агамухамед-хане столько повсюду говорили, что наследник Ибрагим-хана начал не на шутку беспокоиться.

— Что слышно о шахе? — Мамедгасан-ага с волнением взглянул поэту в лицо.

— Думаю, что он сумеет справиться со всеми своими

¹ Перевод В. Кафарова.

противниками. Недавно Тебриз захватил. Посадил туда ханом некоего Сулейман-хана, от остальных же ханов взял заложников. У Сулейман-хана двадцать тысяч сабей.

Мамедгасан о чем-то задумался, но было видно, что он желал продолжить разговор. Он снова взглянул на Вагифа, но тот был во власти своих раздумий и тревог, они унесли его в совсем другой мир.

Наконец Вагиф отвлёкся от своих мыслей и взглянул на ханского сына; мрачная сосредоточенность была в его взгляде.

— Ахунд! — снова обратился к нему Мамедгасан. — Не нравятся мне все это, да хранит нас аллах!.. К тому же русские отвели свои войска. Их присутствие было очень важно для поддержания мира и спокойствия. Но интересно, каковы все-таки намерения Агамухамед-хана?

— Видимо, он решил идти по стопам Надира. Собрать воедино разрозненные иранские племена, объявить себя шахом...

Вагиф умолк. Мамедгасан заметно побледнел, ему тяжело было идти пешком.

— Вы утомились, ага, — заметил Вагиф. — Я велю привести коней?

— Да, я сам только что подумал об этом...

Они остановились, пропустив вперед процессию. Им подвели коней, Вагиф и ханский наследник поехали рядом.

Похолодало, плотный туман наплывал на город. Грустно звучали протяжные возгласы моллы и его учеников, славивших всемогущего аллаха...

— Когда шах восходит на престол, — невесело продолжал Вагиф, — в церемонии коронавания должны принимать участие все четыре наместника Ирана. По традиции двое из них располагаются одесную, двое других — ошуюю от властелина. Наместник Аравии держит корону, наместник Грузии — меч, наместник Лористана — хирку¹, наместник Курдистана — украшенную бриллиантами перевязь. Таков обычай. — Вагиф помолчал, усмехнулся. — Хан-скопец из кожи вон лезет, чтоб захватить эти земли — вот что самое страшное! Чтобы огрести от грядущих бед наше ханство, мы должны решить: к ка-

кому берегу пристать. — Вагиф подумал минуту и сказал твердо: — Что касается меня, я не из тех, кто видит спасение в сближении с Ираном.

Стемнело, туман застилал все вокруг. Люди, идущие за гробом, казались темными тенями. Вагиф задумчиво молчал, уткнувшись в воротник шубы.

Мамедгасан-ага тоже ехал молча, погруженный в невеселые думы.

6

Сулейман-хан, посланный Агамухамед-ханом в Тебриз, упорно призывал ханов Эривани и Нахичевани к союзу с Ираном, но успеха пока что не добился. Тогда Агамухамед-хан разослал по всему Кавказу послов, требуя заложников. Правители Карабаха, Эривани, Талыша, Аварии и Грузии ответили послам отказом, зато ханы Шеки, Ширвана, Дербента и Баку с почетом приняли послов и выразили свое согласие и преданность. Правитель Гянджи Джавад-хан колебался. Он был в разрыве с Ираклием, и тот явно намеревался сместить Джавад-хана с трона, поставив вместо него Рагим-хана. Это обстоятельство и могло заставить Джавад-хана искать поддержки и покровительства у Ирана.

Дворец карабахского хана был охвачен тревогой; после нескольких спокойных лет мир опять находится под угрозой. Спешно восстанавливались отношения между Грузией и Карабахом, оказавшиеся натянутыми в связи с приходом в Тифлис русских, заключались союзы с другими ханами, коменданту Шуши Агасы-беку отпускались огромные суммы — на усовершенствование крепости...

Вагиф уже два дня не выходил из дому, занятый составлением официальных писем. Он их писал, а Мирза Джамал переписывал начисто. Оба были так увлечены своим делом, что не заметили, как вошел Мирза Алимамед.

— Здравствуйте!

Вагиф поверг очков взглянул на друга и стал подниматься. Мирза Алимамед быстро подошел, положил ему руку на плечо.

— Не утруждай себя! — попросил он. — Я на минуту — пришел попрощаться.

¹ Хирка — шелковая ткань.

— Уже? — удивленно воскликнул Вагиф, кладя возле себя очки. — Значит, завтра уезжаешь?

— Нет, — ответил Мирза Алимamed. — Сегодня. Нельзя терять время.

— Ну что ж, смотри... — подумав, сказал Вагиф. — И попросил Мирзу Джамала: — Дай-ка сюда наше любовное послание султану!

Мирза Джамал достал из кучи бумаг желтоватый свиток и подал Вагифу. Тот развернул письмо, пробежал глазами начало.

— Пожалуйста, Мирза Алимamed! — сказал он, давая, и, подумав немного, добавил: — Ты знаешь наше положение. Постарайся как можно скорее добраться до Стамбула и втолковать султану, как обстоят дела. Выясни, можем ли мы рассчитывать на них, или они до сих пор все еще не бросили думать о Крыме?

Вагиф помолчал, но по тому, как дрожало в его руке камышовое перо, видно было, что он взволнован: не по душе было Вагифу писать османскому паше, делал он это только по настоянию Ибрагим-хана.

Мирза Алимamed сунул письмо за кушак.

— Все будет в порядке, ахунд! — сказал он.

И вдруг озорная улыбка осветила лицо Вагифа. «А что в самом деле, — подумал он, — твердят все одно и то же: «Шах пришел, шах пришел!» Не иначе как завтра услышим: «Шах соломки наберет, да вселенную сожжет!» — Он невесело усмехнулся своим мыслям.

— Что делать, друг мой, — таковы они, государственные дела: то взлет, то падение; то избыток радостей, то бездна мучений!.. Не стоит печалиться, все равно ничего не поделаешь. Как сказал поэт:

Будь стоек в страданье —

вином кровь и муки становятся,

И утром свиданья

потом ночь разлуки становится!..¹

То ли стихи действовали на Мирзу Алимamed, то ли трудно ему было расставаться с испытанным другом, но к горлу подступили слезы. Они обнялись. Вагиф проводил друга до лестницы. Потом позвал слугу.

¹ Перевод В. Кафарова.

— Ну-ка, у тебя рука легкая, плесни ему вслед водички — в дальний путь едет...

Когда гость тронул коня, слуга выплеснул ему вслед целый таз воды.

— Да хранит вас аллах! Да пошлет удачи в делах!

Всадники выехали со двора. Вагиф вытер набежавшую слезу, вернулся к себе. Мирза Джамал усердно писал, положив на колено дощечку с бумагой.

— Да, сын мой, — сказал Вагиф, подходя к юноше. — Играем мы судьбой страны как в кости: чет-нечет... И все же мы должны выполнить свой долг. Если есть хоть малейшая надежда на мир...

7

В городе чувствовалось, что готовятся к большой войне: от вооруженных людей по улицам ни пройти ни проехать; в юго-восточной части крепости установили пушки, привезенные с севера по горным дорогам. Наемные солдаты из лезгин, кумыков и других народов Аварии расквартированы были по всему городу. Из Кягризлы вызвали Мамед-бека, во главе одного из отрядов он должен был отправиться к берегам Аракса.

Кончался последний месяц весны. Прошли дожди, отгрезмели грозы, все вокруг зеленело. Узнав, что любимый ее приехал, Агабегим только и искала случая увидеть его. Не находя покоя, девушка весь день бродила по саду...

И вот однажды она стояла против башни, обращенной в сторону Аскерана.

— Няня! — Агабегим поднесла к лицу белый тюльпан. — Завидую я тебе — до чего же ты крепко спишь!.. Счастливый человек!..

Назлы улыбнулась.

— А чего ж мне не спать-то, доченька? Совесть моя чиста...

Агабегим грустно взглянула на нее.

— Ах, — сказала она, — я раньше тоже спала... А теперь до утра глаз сомкнуть не могу. Лежу, грущу, разговариваю со звездами... Сама не знаю, что со мной творится!

— Доченька, — встревожилась Назлы, услышав сле-

зы в ее голосе. — Что ж это с тобой приключилось? Не иначе сглазили тебя!..

Она обняла девушку, стала утешать:

— Ты уж как-нибудь поспокойней... Не все близко к сердцу принимай... Ума не приложу, что с тобой такое! Может, вечером кипятку на землю плеснула, крылышки ангелу обожгла, вот он и рассердился, наказывает тебя...

— Нет, няня. Это в сердце у меня ангел поселился, крылья у него обгорели в пламени чувств, и от стонов его нет мне покоя ни днем ни ночью...

Назлы недоуменно глядела в залитые слезами глаза девушки, не в силах понять, о каком это ангеле она толкует.

— Не пойму что-то, хорошая ты моя... Не слышала я, чтоб ангел в сердце человеческом поселялся. Вот на плече у каждого человека сидит по ангелу, все его добрые и злые дела записывает, а в судный день по записям этим наказание определять будут. А вот чтоб в сердце... Это как же выходит?

Агабегим не могла не улыбнуться ее простодушию.

— Няня! — сказала она. — Ты счастлива, что не знаешь о нем, что он не погубил твоего сердца! Но если бы ты могла понять, как он прекрасен, тот ангел, что терзает меня!.. И как сладостны, как чудесны эти муки!..

Назлы слушала странные ее речи, не в силах ничего понять. И вдруг послышались шаги. Агабегим встрепетулась, как вспугнутая птица:

— Ты, Мамед?! — воскликнула она и замерла.

Мамед-бек остановился в недоумении, потом взгляделся и обрадованно воскликнул:

— Амикызы! Боже, как ты повзрослела! А похорошела-то как!.. — он протянул ей руку. Девушка молчала, не смея поднять глаза, вся пунцовая от смущения; юная, только что расцветшая грудь вздрагивала под белой шелковой кофточкой, выдавая внутренний трепет.

— Ну как ты тут, все хорошо?

Девушка подняла глаза и, встретясь с его восторженным взглядом, тотчас вновь опустила их.

— Спасибо, — потупившись, сказала она. — У меня все хорошо. Только вот ты редко вспоминаешь!

Откровенность девушки и горечь ее слов тронули Мамед-бека. Он молча оглядел Агабегим: она была нежна и прекрасна, как цветок, что держала в руках...

— Ты права, амикызы... — Мамед-бек вздохнул. Слова упрека, произнесенные нежными девичьими устами, проникли ему в самое сердце. — Но если бы ты знала, нескладно все у меня получилось в жизни!..

— А почему, Мамед? — несколько осмелев, спросила она. Улыбнулась и, лаская его взглядом, заглянула прямо в глаза. — Кто в этом виноват?

— Только я. Если б знать, где упадешь...

— А как там у вас в Кягризли? Как чувствуют себя Хуру-ханум, Айшабегим?

Мамед-бек понял намек, порозовел...

— Они молятся за тебя. Целуют твои руки...

Назлы, в сторонке наблюдавшая за Агабегим, только дивилась, с чего это так повеселела ее доченька.

— Няня! — Агабегим вдруг обернулась к ней. — Приноси мне воды, пить хочется...

Назлы заторопилась к дому.

Кокетливо потупившись, Агабегим оторвала губами лепесток и сказала, не глядя на Мамед-бека:

— Скажи, тебе никогда не приходит в голову, что у тебя есть амикызы и что она, словно пойманная птица, с утра до ночи тоскует здесь, под этими деревьями?!

— Ах, Бегим, знала бы ты, что творится сейчас на свете!.. Не сегодня-завтра шах перейдет Араке!..

— Да пропади они пропадом: и шах и Араке! — гневно воскликнула девушка. — Знать ничего не хочу! Просто ты забыл меня и все!

Мамед-бек засмеялся. Что он мог ответить на это?..

Агабегим подошла совсем близко, протянула руку к его кинжалу.

— Тебе смешно... — сказала она, трогая позолоченную рукоятку. — А я!.. А каково мне!..

Девушка закрыла руками глаза и горько заплакала. Слезы лились по щекам.

Мамед-бек обнял ее, осторожно привлек к себе. Девушка рыдала, прижавшись к его широкой груди.

Сейчас она чувствовала себя, как рыбак, что, прорвавшись сквозь бурю, достиг, наконец, берега. Здесь все безмятежно, спокойно, буря и опасность позади. Но даст ли ей счастье это пристанище, в котором нет ни убежища и защиты? Тревога подступила к ее сердцу.

— Я слышала, ты завтра уезжаешь? Это правда? — Девушка подняла на Мамед-бека полные слез глаза.

— Правда!

— Не уезжай! Останься! Если ты уедешь... Я не хочу накликав беду, но...

— Как я могу не ехать — это приказ хана!

Девушка, обидевшись, отошла от Мамед-бека, прислонилась спиной к дереву. Опять стала срывать губами лепестки тюльпана и бессознательно сбрасывать на траву.

8

Вагиф сидел в постели, со всех сторон обложенный подушками. Комендант крепости Агасы-бек уже около часа находился у него, — больше, чем болезнью, Вагиф удручен был тяжестью создавшегося положения.

— Если б не слабость проклятая! Я бы тотчас встал! Так надоело лежать! Не люблю я этого, ты ведь знаешь...

— Ничего не поделаешь, ахунд. Вставать вам пока нельзя. Лежите.

— Вот и лекарь твердит — лежать, лежать! — сокрушенно проговорил Вагиф. — После этого лекарства два дня, говорят, с постели вставать не положено! Да разве улежишь — что творится! Если шах перешел Аракс, хорошего ждать не приходится...

— Ахунд, у меня надежные сведения: Мамед-бек разрушил Худаферинский мост, но шах снова его отстраивает. Он разделил свою армию на три части: первая сейчас на подступах к Нахичевани, захваченных там женщин и детей погнали в Тебриз, посева пожгли, деревни уничтожили. Второй отряд взял Сальяны, женщин и детей угнали, мужчинам поотрубали головы и нанизали на пики — шаху в подарок... Сам шах с третьим отрядом намерен перейти Худаферин и направиться прямо к Шуше.

— А что талышский хан Мир-Мустафа? Он как?

— Самому ему удалось в горы бежать, а семья его — дети и жены попали в плен...

— Бедняга! Подумай, Агасы-бек, как судьба расправляется с людьми! Где предел мукам человеческим?..

— Это еще не все, — Агасы-бек тяжело вздохнул. — Нас ждут тяжкие испытания. Люди побросали посева, бегут в горы... Селенья разрушены, повсюду развалины, пожарища... Голод будет.

Вагиф, опустив голову, задумчиво крутил на пальце агатовый перстень. Лицо его, всегда такое приветливое и оживленное, сейчас было исполнено печали. Агасы-бек молчал. Наконец, Вагиф поднял голову, взглянул на гости.

— А хан куда уехал? — спросил он.

— В сторону Туга. Он должен соединиться с войсками Ираклия и вместе идти к Араксу. Если Мамед-бек не сможет помешать восстановлению моста Худаферина, сражения не миновать. Самое главное — удерживать берег Аракса. Если и это не удастся, придется отступить к Шуше. Другого выхода нет...

Вагиф снова впал в задумчивость. И вдруг весело улыбнулся:

— А ведь опозорится шах — крепости ему не взять!

— Я тоже так полагаю, — заметил Агасы-бек. — Город прекрасно укреплен да и пушек у нас не меньше, чем у него.

Они проговорили еще около часа. Наконец Агасы-бек ушел.

Солнце уже садилось, в комнате постепенно темнело. Но Вагиф не замечал этого: события последних дней повергли его в отчаяние, он даже потерял представление о времени.

Дома тоже не было ему утешения. Кызханум раз за весь день наведлась к нему, справилась о самочувствии... До сих пор Вагиф как-то не придавал особого значения ее бессердечности, вернее — стал привыкать к этому, но теперь, заболев, остро почувствовал вдруг глубокую обиду. Горечь переполняла душу. Было такое чувство, словно он только что явился в этот мир и, взвесив на весах справедливости добро и зло, счастье и горе, пришел в отчаяние. Ни капли света, ни частицы радости не было сейчас в его душе. Вагиф позвал слугу, попросил перо и бумагу. И стал писать:

Я правду искал, но правды снова и снова нет,
Все подло, лживо и криво — на свете прямого нет.
Друзья говорят — в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду — решенья много нет.

Все чаще опускаясь в чернила, перо проворно скользило по бумаге; строка рождалась за строкой, и на

сердце у поэта становилось легче, светлее. Наконец, он дошел до последней строфы, глубоко вздохнул...

Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней.
Сколько красавиц мимо прошло за тысячи дней!
Дурною была подруга, погублено счастье с ней!
Аллах, одари Вагифа милостию своей,
Ведь, кроме тебя, на свете друзей у больного нет!

Стихотворение было закончено, Вагиф снял очки. Душевные муки не терзали его. Лишь где-то в глубине существа жила нензбывная тоска — по Медине.

9

Нескончаемые толпы прибывших с равнины беженцев заполнили все вокруг, забили дороги, тропы. От Топханы до Дабтелебе расставлены были шатры и кибитки, кишмя кишели стада баранов и ягнят. Лошадиное ржание, блеяние овец и коз, мычание коров и буйволов, смешиваясь с тревожными криками людей, рождали зловеющий гул. Казалось, небеса должны были разверзнуться от этих звуков. Народ, охваченный черной тревогой, бросив необрунный урожай, тронулся с насиженных мест. Горожане, остававшиеся пока в своих домах, тоже не знали, что ждет их завтра. Все понимали, что война — это угнанные в рабство дети и женщины, напизанные на копья головы, реки человеческой крови...

Вагиф все еще болел, но ему регулярно сообщали о новостях, просили совета. Вести, которые приносили в Шушу гонцы, часто оказывались неверными. До сих пор не было точно известно положение на Араксе, одни говорили, что одержана победа, другие твердили о поражении. Насмерть перепуганные беглецы уверяли, что видели шаха недалеко от Агдама.

Приход ханского сына Абульфат-аги помог Вагифу уяснить истинное положение дел. Прежде всего он узнал, что хан вернулся в город и послал сына справиться о здоровье Вагифа.

Вагиф поблагодарил и тотчас же принялся расспрашивать.

— Ну, так как же обстоят дела?

¹ Перевод К. Симонова.

Гость помрачнел.

— Шах перешел Аракс. Было сражение, наши не устояли, что могут сделать пять тысяч против сорока?!

Больше Вагиф ничего не стал спрашивать — все было ясно: положение создалось угрожающее.

— Отца удручает не то, что делает хан-скопец — он наш враг, и мы это знаем. Больше всего его гневит Джавад-хан. Этот негодяй, взяв с собой Мелик-Меджнуна, отправился на поклон к шаху. Мало того, именно его войска теснят на одном из участков отряды отца. Не могу передать, как велик его гнев. Если бы вы не были так больны, надо было бы придумать что-нибудь. Вы его знаете, как никто, и только вы можете на него повлиять.

— Что делать, — сказал Вагиф. — Эта проклятая болезнь приковала меня к постели...

Вагиф прекрасно знал, что такое гнев Ибрагим-хана, и потому, даже проводив Абульфат-агу, не переставал думать об этом. И тут появился священник Охан, он был в полном смятении.

— Ну, милый, нашел время болеть! — начал он. — Дела-то никуда не годятся! Этот собачий сын Меджнун полез к шаху за заступничеством! Хан рвет и мечет: снова польется кровь, снова простые люди будут расплачиваться за все! Найди средство, ахунд! Спаси людей от ханского гнева.

Охан был вне себя, он метался по комнате, не в силах усидеть на месте, то и дело ударял себя по коленям и бормотал: «Так вот, значит, как ты поступаешь, Меджнун?! Повоевать захотелось? Дурак! Хан с шахом воюют, а ты-то чего башку в петлю суешь?!»

Не переставая гневно бормотать, Охан достал нюхательный табак, набил им ноздри и малость поостыл.

— Ахунд! — сказал он умоляюще. — Заставь вечно бога молить — придумай что-нибудь!.. Знаешь ведь, когда гнев бушует, ум молчит!

— Знаю, мирза Охан, — Вагиф вздохнул. — Я ведь и до твоего прихода об этом думал. Знаю, что в гневе хан вешает, рубит головы, и от этого не только народу, ему самому огромный вред: можно ли уничтожать людей, когда враг стоит у ворот?! Это как в пословице: с ишаком не справился, давай седло пинать!.. Да... утихомирить хана есть только одно средство.

— Какое же? — священник бросился к Вагифу. — Говори, ради бога!

Поэт усмехнулся.

— Нам не обойтись без позументщика Кязыма!

— Как это? — опешил Охан.

— А так. Он остролов и весельчак... Наплетет что-нибудь забавное, глядишь, хан и успокоится...

— Так чего же ты медлишь?! — воскликнул Охан. — Зови его!

За Кязымом послали слугу. Пока тот ходил, во двор Вагифова дома набилось полно народу — люди снова пришли за помощью — нужно было выручать невинных людей, брошенных в темницы. Рыдания и скорбные голоса, доносившиеся снаружи, болью отзывались в сердце поэта.

Явился Кязым. Рукава у него были засучены, руки в грязи.

— Ты что это больно загордился? — с улыбкой спросил Вагиф. — Не зайдешь, не проведешь? Или важный стал, сильных мира сего за подол уцепил?

— Нет, ахунд. — Кязым рассмеялся. — Сильные мира сего сами цепляются за меня! Заставили ямы рыть и меня, и Аллахкулу. Теперь вместо шелков изготавливаю окопы!

Он засмеялся. Вагиф и Охан тоже не удержались от смеха. Вагиф достал из-под подушки платок, вытер заслезившиеся глаза. Потом начал рассказывать Кязыму, зачем позвал его.

— Пошади меня, ахунд! — Кязым даже вскочил с места. — Не отправляй вслед за Ханмамедом! Я бедный человек, у меня дети малые! Пожалей!

Вагиф долго уговаривал его, объяснял, что, если не утихомирить хана, погибнут люди, прольется невинная кровь.

— Положись на меня, — сказал он Кязыму. — Если, не дай аллах, что случится, я не оставлю твоих близких! Волоску не дам упасть с их головы!

Кязым долго сидел, опершись на руку подбородком, — думал.

— Ну смотри, ахунд, в случае чего тебе поручаю детей!.. — Он вздохнул и вышел из комнаты.

Кязыму не доводилось бывать при дворце; дворцы внушали ему такой ужас, что он всегда старался обхо-

дить их стороной. И вот теперь сам вынужден идти в ханский дворец. Выхода не было, оставалось лишь пожить на судьбу: «Будь что будет!»

И все же, войдя в комнату совещаний и увидев безмолвных, недвижных, словно куклы, царедворцев, Кязым растерялся, оробел. В передней части комнаты сидел хан, а возле него — палачи в красной одежде. Кязым весь затрясся, в ужасе отвел глаза, увидел сводчатый потолок, узоры из кусочков зеркала... Он не помнил, как поклонился.

— Кому это ты кланяешься?! — прогремел гневный голос хана. Мрачный взгляд его уперся в Кязыма. И — странное дело — Кязым вдруг перестал бояться.

Он улыбнулся, словно очнувшись от сна, и взглянул хану прямо в лицо.

— Хан, да пошлет тебе долголетия аллах, дозволю рассказать тебе одну присказку. Как-то раз смастерил себе Бахлул Даненде¹ коня из тростинки и давай скакать по дороге. Настречу ему трое молл. Поздоровался Бахлул с ними, поскакал дальше. Первый молла говорит, это, мол, он меня приветствовал, второй говорит — нет меня, а третий — кричит, что его. Одним словом, повздорили моллы. А потом и решили, чего, мол, нам спорить, кличем лучше Бахлула, он сам скажет. Догнали они Бахлула, спросили, кому он поклонился. А тот и говорит: «Да самому глупому из вас». Опять заспорили моллы и каждый твердит, что он и есть самый глупый. Опять без Бахлула не разобраться. А тот им и говорит: «Вы мне расскажите про свою глупость, тогда я решу, кому мой поклон предназначался». Стали моллы рассказывать:

«Я учил в мектебе детей. И так они меня допекали, так донимали — сил моих нет! Лучше, думаю, болезнь, лучше смерть, лишь бы от них избавиться. Вот как-то пришел я домой и вижу: жена поставила в нишу тарелку с кюфтой. Я взял, сунул за щеку одну штуку, а сам — кричать. Прибежала жена, что такое, вот, говорю, щека распухла, умираю. Она посмотреть хочет, а я не даю, ору луше прежнего. Уложила она меня в постель, лекаря позвала. Тот пришел, достал свой нож, разрезал щеку

¹ Герой азербайджанского фольклора.

и вытащил кюфту всю до последней рисинки. «Да, — говорит, — сильно у тебя щека нагноилась, не выпустить гной, так и умер бы к вечеру». После того я и впрямь заболел, две недели в постели провалялся».

— Ну, молла, — Бахлул повернулся ко второму, — его глупость нам известна, теперь ты про свою расскажи!

Стал этот молла рассказывать:

«Я тогда в школе детей учил. И стоял у нас там в углу большой глиняный кувшин для воды. Смотрю, собралась вокруг него ребятнишки и кричат: «Молла, молла! В кувшине человек сидит!» — а сами бежать от кувшина. Дал я каждому розгой по спине, подхожу к кувшину, наклонил голову, а оттуда и впрямь молла какой-то глядит... Позвал я ребят. «Дети, — говорю, — этот человек не зря в кувшине забрался, у него что-нибудь дурное на уме!.. Я сейчас влезу, выпихну его из кувшина, а вы, как только голову покажет, дупите его розгами!..» Залез я в кувшин, гляжу — нет никого. «А, — думаю, — значит, это я свое отражение видел». Хочу вылезти, а они как только голову высуну, розгами меня, розгами!.. Потом уж соседи на крик прибежали, вытащили меня из кувшина. Долго я после этого хворал...»

— Ну, теперь ты давай! — говорит Бахлул третьему молле:

«Я тоже учителем был, — начал тот. — У нас в мектебе был установлен такой порядок — чихнешь, у кого что бы в руке не было, тотчас на землю бросай и в ладоши хлопай. Вот раз собрал я учеников и повел их за город на прогулку. Жарко было очень. Ребята пить захотели, ищем, ищем — никак воду не найдем. Наконец попался нам заброшенный колодец. Решили мы связать кушаки, спустить кого-нибудь, пусть воды достанет. Решить-то решили, а как лезть — охотников нет, бояться. Делать нечего, обвязался я сам, велел ученикам держать. Долез я до половины, да вдруг как защекочет у меня в носу! Чихнул, а ученики-то сразу кушаки и выпустили — в ладоши хлопать надо. Свалился я в колодец, дней десять там просидел без пищи, пока караван на колодец не набрел. Спустили они мне ведро, я за него и уцепился. Такой я весь был искалеченный — два месяца плашмя пролежал».

«Ну вот что, молла, — сказал Бахлул третьему рассказчику, — поклон мой предназначался тебе!»

Ибрагим-хан хохотал от души, лица присутствующих просветлели. Кязима богато одарили и проводили с почетом. В тот же день узники были выпущены из тюрьмы.

Мамед-беку не сразу стало известно о том, что иранцы перешли Худаферин. С трехтысячным отрядом он поджидал Агамухамед-шаха в верховьях Аракса, когда гонец принес весть, что шах уже на этом берегу и одну за другой сжигает деревни в Карабахе.

— Сжигает?! — вскричал Мамед-бек, сразу помрачнев.

— Да, ага. Тут горит, головы армян он приказал низать на копья. Кого не нашел, у тех спалил дома. Ваш дом в Кягризли тоже сожжен, ага!

— Сафар! — крикнул Мамед-бек, вне себя от ярости.

— Слушаю!

— Сейчас же бери триста всадников — едем!

В лагере поднялась суматоха. Седлали коней, проверяли оружие, опоясывались саблями. Все были подняты на ноги, раньше всех готов был к выезду сам Мамед-бек, он уже сидел на своем коне Лачине. Подскакал Сафар, доложил, что отряд готов.

— Сафар! — сказал Мамед-бек. — Пусть каждый положит на круп коня по копье сена.

— Зачем? — не понял Сафар.

— Так нужно, после поймешь...

Отряд немедля тронулся в путь, к вечеру они подошли к Хиндарху, сделали короткий привал. Вдалеке, на равнине, виднелся лагерь иранцев: один к другому теснились шатры, дымились сотни костров, муравьями копошились люди... В поле, неподалеку от лагеря, паслись кони, ослы, верблюды... Горными тропками к лагерю спускались всадники, на крупах лошадей они везли сено.

— Видишь, Сафар? — Мамед-бек мстительно улыбнулся. — Теперь понял зачем сено? Сейчас мы тоже введем в лагерь будто свои — за сеном ездил. Как только достигнем середины, — а к этому времени уже стемнеет — тотчас сбрасываем копья и — крошить!.. Ты растолкуй своим: подам сигнал, пусть тотчас начинают... А до тех пор ни-ни!..

— Слушаюсь, ага! — Сафар ускакал.

Прошло немного времени, и всадники Мамед-бека с разных сторон стали спускаться к лагерю иранцев. Виднее становились люди, слышнее многоголосый гул... Кого только не было в стане врага: персы, турки, курды, лоричи, арабы... Рядом со стариками юноши, почти мальчишки — всех, кто способен был носить оружие, согнал на войну иранский шах...

Мамед-бек придержал коня возле одного из сарбазов¹ — с длинными волосами, с большими висячими усами. Полудлежа на земле, опершись спиной о палан, он пел грустную песню, подыгрывая себе на сазе. Возле него собрались сарбазы, одетые в длинные архалуки, они слушали певца, думая о чем-то своем...

Солнце уже скрылось за горой, но небо еще багровело, горизонт был мутный, пыльный; смрадные запахи витали над лагерем; они были так сильны, что нового человека сразу начинало мутить.

Мамед-бек придержал коня, огляделся, сбросил на землю сено. Его конники уже рассеялись по всему лагерю, ждали сигнала.

— Эгей! — выкрикнул вдруг Мамед-бек.

Мгновенно обнажились сабли. Застигнутые врасплох, иранские сарбазы переполошились, заметались, как вспугнутые воробьи. Сумерки мешали иранцам различить, где свои, где чужие, и они в панике рубили своих. «Бей его, бей!» — кричал Мамед-бек, натравливая сарбазов друг на друга.

Через полчаса после начала схватки отряд Мамед-бека уже скакал вон из лагеря, потеряв пятнадцать человек убитыми и ранеными. Их преследовали сотни две сарбазов. Но Мамед-бек, прекрасно зная эти места, увлек преследователей в ущелье и приказал своим конникам спешиться и укрыться в кустах. Иранцы, попав под обстрел, побоялись углубиться в ущелье и повернули назад.

Заметно похолодало. Прохладный ветерок, долетавший с гор, освежал разгоряченные лица.

Мамед-бек весь в поту и в крови. Сафар ехал бок о бок с ним, усталый, опустошенный. Перед глазами у него все еще стояли картины побоища...

— Эх, Сафар, — сказал Мамед-бек, — воды бы сейчас, — помыться! Я весь в крови — у этого сарбаза из шей прямо фонтан брызнул!..

— Вода скоро будет, — коротко ответил Сафар; говорить ему не хотелось — ему всегда было не по себе после таких вот кровавых схваток.

— А чего это у тебя голос невеселый! — полюбопытствовал Мамед-бек. — Вроде, все хорошо. Ты не ранен?

— Нет, ничего... Просто не по душе мне убивать людей. У них ведь тоже и дети, и матери, и жены. Пускай он враг, а все же...

— Ну вот! — усмехнулся Мамед-бек, — а я-то считал тебя отчаянным смельчаком!..

— Смел-то я смел... А не по нраву мне кровь проливать.

— Чего ж ты тогда разбойником стал?

— Да так пришлось... Податься некуда было.

Мамед-бек отвернулся, задумался...

Они долго ехали молча.

II

Летом 1795 года Агамухамед-шах решительно двинулся к Шуше. Мустафа-хан, следовавший в его авангарде с десяти тысячной армией, дотла сжигал попадавшиеся на пути деревни, грабил и истязал народ...

Иранцы не делали различия между азербайджанцами и армянами, резали всех поголовно. Объединившись, оба эти народа единой силой встали на защиту родной земли. Много веков мирно соседствуя, жили они — армяне и азербайджанцы. Рыба тухнет с головы, — и рознь между этими народами возникла не сама собой. Мелки, ханы, духовенство сеяли семена вражды среди простого народа. Но какие бы козни ни строили представители правящей верхушки, им не удавалось порвать давнюю дружбу армян и азербайджанцев. Дружба простых людей выдержала все испытания. Вот и теперь они вместе выступили против Агамухамед-шаха. Народное ополчение Дызака, Варенда, Ханджина и Туга, соединившись с отрядом Сафара и с частями, во главе которых стоял брат Мамед-бека Асад-бек, обосновались в горах и стали регулярно нападать на войска иранского шаха, расположенные на правобережье реки Каркар.

¹ Сарбаз — солдат, вояка (иранск.).

Шушинская крепость ждала врага, готовая к отпору. Пятнадцать тысяч воинов размещены были в крепости и в горах к западу от города. Всюду чувствовалось воодушевление, подъем. Крепость была настолько надежна, что взять ее казалось совершенно немислимым.

Светало. Кровавым пятном лепилось к горизонту солнце. Кязым закончил утренний намаз и, поев хлеба с кислым молоком, вышел на улицу. Народ торопился к базару. С кувшинами на плечах возвращались от колодцев девушки и женщины. Мальчишка пас у забора ягненок. Казалось, жизнь шла своим чередом, а ведь война была уже близко, совсем рядом.

Перед калиткой Кязыма устроен был каменный выступ; каждый вечер они с Аллахкулу подолгу сидели тут, ведя неторопливую беседу. Кязым и теперь уселся на камень, поджидая, когда появится друг. Скоро его лицо с торчащими рыжеватыми усами и впрямь показалось из-за калитки.

— Чего это ты рано сегодня? — полюбопытствовал Аллахкулу.

— Да так... Дай, думаю, выйду, может, новенького чего узнаем...

— Тогда пошли!

Топая подкованными башмаками, друзья направились к площади. Они не спеша шли по узким пыльным улицам, изредка перебрасываясь словечком, как ходят досужие люди, привыкшие каждый день прохаживаться этим путем. Внешне друзья мало отличались друг от друга: круглые шапочки на бритых головах, длинные архалуки, подпоясанные ситцевыми кушаками, разношенные башмаки на босу ногу.

Кязым и Аллахкулу вышли к площади. Народу было полно, иголку брось — не упадет. Все толкались, стараясь пролезть в середину, — видимо, там было что посмотреть. Кязым приподнялся на цыпочки.

— Что там такое, отец? — спросил он у стоявшего впереди него старика в высокой островерхой папахе.

Старик усмехнулся, показав единственный зуб.

— Да вот, Мамед-бек с Малик-Аббасом целый хурджун ушей сарбазов отрезанных прислали. Народ на них и любит, на уши-то!..

Старик снова начал было смеяться, но тут же зашелся кашлем.

А на площади царило оживление: люди шумно радовались, рассказывая друг другу о поражении, нанесенном врагу.

На базаре шла бойкая торговля, причем большинство покупателей были беженцы. Перекочевав из долины в город, люди так или иначе устроились на новом месте, успокоились, прижились и, казалось, забыли про сожженные дома и брошенные, вытопанные посевы...

Площадь перед диванханой¹ имела необычный вид: ни виселиц, ни страшных орудий пытки; палачи мирно беседовали, расхаживая среди горожан...

Вдруг у крепостных ворот раздался громкий возглас. Толпа повалила туда.

Кязым и Аллахкулу поднялись на пригорок перед дворцом, решили смотреть отсюда. Пригнали огромный табун: лошадей, ослов, мулов. Радостными криками встретил народ стадо. Ведь это были трофеи, добытые в схватке с врагом.

12

Уже более трех дней шли бои в окрестностях Шуши. Медленно, но неуклонно продвигался Агамухамед-шах к крепости левым берегом Каркара. Правый берег был в руках у Мамед-бека; его отряды наносили ирванцам большой урон. Гористая местность не позволяла захватчикам навязать карабахцам большое сражение, и те действовали небольшими подвижными группами, нападали на вражеские караваны, мешая доставке фуража, продовольствия.

Чтобы избавиться от них, шах послал на Аскеран Мустафа-хана с пятью тысячами солдат, а хану Пиркулу поручил расправиться с отрядом Мамед-бека. Узнав об этом, Мамед-бек подтянул свои части и перерезал дорогу отряду Пиркулу.

Стояла середина августа, и, несмотря на облачность, погода была прекрасная. Мамед-бек, похожий в своих доспехах на сказочного богатыря, наблюдал с высокой скалы за правым берегом — там проходила дорога к

¹ Диванхана — суд, судилище.

реке. Вдруг взгляд его стал острым и жестоким, как у орла, зашедшего добычу. Вдалеке в облаках пыли быстро двигались иранские конники.

— Предупреди людей! — бросил он Сафару. — Пусть выжидают. Когда я ринусь из засады, отрежьте им путь к отступлению.

Сафар отправился выполнять приказ. Мамед-бек спустился со скалы, подошел к воинам, укрытым в ущелье, и сел на коня. Засаду устроили с двух сторон — врагу была уготовлена ловушка. Однако иранцы не торопились, и люди Мамед-бека томилась в ожидании; больше всех нетерпение мучило самого Мамед-бека. Наконец, с места пустив коня вскачь, Мамед-бек рванулся к дороге. Шагах в тридцати от него, мирно беседуя, ехали два иранца, остальные тянулись далеко позади. Увидев Мамед-бека, всадники растерялись; один повернул, но другой, выхватив из-под седла дротик, двинулся навстречу Мамед-беку. По одежде видно было, что это охотник. Зная, как великолепно владеют охотники дротиками, Мамед-бек выхватил саблю, не сводя глаз с дротика, стал осторожно продвигаться вперед. Иранец метнул дротик, и в тот же миг ударом сабли Мамед-бек надвое разрубил его в воздухе. Вторым ударом Мамед-бек сшиб врага с коня.

Крик и гиканьем наполнилось все вокруг. Пыль стояла столбом, в воздухе мелькали камешки, отброшенные копытами бешено скачущих коней. Люди Пиркулу-хана в смятении скакали кто куда. Отряд Сафара, вырвавшийся из засады, завершил разгром врага.

Иранцев гнали почти до самого шахского лагеря. Страшную картину довелось увидеть карабахцам. На земле лежали связанные пленники, а иранцы гоняли коней по живым людям, словно это были снопы на току и шла молотба. Стоны и крики несчастных раздирали душу. Мамед-бек, сразу же отказавшись от преследования Пиркулу-хана, бросился на палачей. В минуту было изрублено не меньше полсотни иранцев. Снова хурджуны наполнились отрезанными ушами.

Хотя карабахцы, прочно окопавшиеся на правом берегу Каркара, наносили шахским войскам чувствитель-

ные удары, Агамухамед-шах медленно, но верно приближался к Шуше, двигаясь левым берегом.

Установив пушки в Топхане, шах начал артиллерийский обстрел Шуши. Крепостные пушки повели ответный огонь. Ядра, разрываясь то тут, то там, сеяли панику среди горожан. Но прошло несколько дней, и люди потерпелись, как-то привыкли к обстрелу. Теперь горожане толпами собирались на плоскогорье Джидыр и наблюдали за шахским лагерем, расположенным в Топхане. Отсюда ясно видны были шатры иранцев.

Время от времени наступало затишье — это осажденные и их враги отдыхали или обедали. Потом снова раздавались залпы, и пороховой дым заволакивал все вокруг. Артиллерийская дуэль не давала результатов — перейти ущелье, отделявшее крепость от Топханы, было почти невозможно: в глубине его неслась стремительная Дашалтычай.

Впрочем, даже если бы осажденным удалось преодолеть эту преграду, то взять крепостные стены с их мощными башнями, охранявшимися пятнадцатью тысячами карабахцев, было просто невозможно.

Кратчайшее расстояние между крепостью и Топханой было против скалы Хазна. Агамухамед-шах сначала рассчитывал совершить прорыв здесь, но потом понял, что его постигнет неудача, и отказался от своего намерения. Тогда, разъяренный, он послал в крепость гонца с письмом. Гонца с завязанными глазами привели к Ибрагим-хану. В письме было написано:

— Безумец! Град камней летит с небес,
А ты в стеклянных¹ стенах ждешь чудес.

Хан довольно спокойно принял это оскорбительное послание.

— Ахунд, — сказал он сидевшему подле него Вагифу, — напиши-ка скопцу достойный ответ!

Вагиф взял письмо, снова пробежал его глазами и тотчас же написал на обороте:

Меня стеклом создатель окружил,
Но в крепкий камень он стекло вложил.

¹ Непереводимая игра слов: «шуша» — по-азербайджански стекло.

Хан одобрил этот ответ. Письмо свернули, передали гонцу, завязав ему глаза, отправили обратно.

Прошло немного времени, и пушки с новой силой ударили по крепости — это означало, что ответ получен. Ибрагим-хан со свитой верхом прискакал на плоскогорье. Топхана окутана была пороховым дымом. Потом пушки затихли, и дым стал оседать на дно ущелья. Шах и его приближенные стояли и смотрели на крепость. Завидев Ибрагим-хана, гордо возвышавшегося на скале, шах разразился проклятиями. Ибрагим-хан приказал своим нукерам хором выкрикнуть только два слова:

— Хан-скопец!..

Вне себя от ярости шах долго кричал что-то, потом заговорили пушки, и шахская ставка окуталась пороховым дымом, скрыв разгневанного повелителя.

13

Через тридцать три дня после начала войны, так и не сумев взять Шушу, Агамухамед-шах отступил к Каратепе, в сторону Агдама. Наступила осень, плохо стало с подвозом фуража и продовольствия, начался падеж скота — все это ставило шаха в тяжелое положение. Решив выяснить настроение в армии, он приказал провести совет, причем молодых воинов собрали отдельно от ветеранов. И тем, и другим объяснили трудность положения, попросили совета. Молодые сказали, что они солдаты и готовы выполнить любой приказ шаха, ветераны же посоветовали отойти за Аракс и перезимовать в Тегеране или в Ардебиле. Выслушав их, шах отдал приказ готовиться к выступлению — и удалился к себе в шатер. А на утро, вопреки всем советам, повел свои войска в Грузию. Гянджинский хан Джавад сопровождал его в качестве переводчика.

Как только лазутчики Ибрагим-хана доставили ему это известие, хан, передав Сафару значительную часть войска и большое количество золота, послал его на помощь Ираклию. Через месяц Сафар вернулся с остатками своего отряда. Он был свидетелем разрушения Тифлиса. Церкви и дома были сожжены, население большей частью перебито. Забрав двадцать тысяч пленников, шах отошел на Гянджу и далее на Мугань — зимовать.

Весть эта повергла в уныние весь Карабах. Положе-

ние становилось все тяжелее. Страшась расправы иранцев, крестьяне не решались спускаться в долину, наступила зима, скот замерзал в горах, начался падеж. Хлеба в этом году никто не сеял, запасы подходили к концу; все заметнее было приближение голода.

Несмотря на свой преклонный возраст, Вагиф обычно был весел и бодр, однако последние события и особенно трагедия Тифлиса сломили поэта. Он заболел и несколько дней не мог подняться с постели.

С каждым днем положение в Карабахе становилось все сложнее. Ханский двор осаждали просители; голодным людям нужен был хлеб. Взять же его было нелегко. Надежды на помощь извне, в частности на помощь турецкого султана, не оправдались.

С недобрыми вестями вернулся из Стамбула Мирза Алимамед. Столковавшись с Агамухамед-шахом, султан посоветовал тому выступить в Карабахе против России.

Ибрагим-хан собрал приближенных — обсудить создавшееся положение. Когда сказано было уже много, произнес свое слово Вагиф:

— Только сближение с Россией может спасти нас от шаха, — коротко сказал он.

Многие из придворных Ибрагим-хана были весьма недовольны подобным заявлением, тем не менее хан принял решение — отправить письмо Екатерине. Составить это послание поручено было Вагифу.

Написанное Вагифом письмо при посредстве главнокомандующего генерала Гудовича в конце января 1796 года доставлено было в Петербург. Результатом этого шага было то, что русские войска получили приказ собираться в крепости Кизляр; начинался новый поход на Кавказ под командованием генерала Зубова.

14

Обычно Вагифу удавалось видеться с Мирзой Алимамедом лишь во дворце, в официальной обстановке. На этот раз он приехал к нему домой вместе с Кызханум, поздравить с возвращением, потолковать. Мирза Алимамед принимал Вагифа в уютной, красиво убранной комнате. Часть ее заставлена была кадками с дикийными растениями и цветами. Причудливо переплетаясь, поднимался к самому потолку плющ. Среди зелени и

цветов развешаны были птичьи клетки: на разные голоса резвились соловьи.

Близилась весна. День был пасмурный, и цветные витражи окон казались блеклыми, тусклыми. В камине пылал огонь.

— Я так благодарен за подарки, что ты привез мне из Стамбула, — растроганно сказал Вагиф сидевшему рядом другу. — Я день и ночь читаю эти стихи! Истинное наслаждение! Ты, видимо, неплохо съездил.

— В каком-то отношении — да...

— Я думаю, после этого путешествия тебе у нас покажется скучновато? — Вагиф усмехнулся.

— Видишь ли, ахунд, — подумав, сказал Мирза Алимамед, — будет ли мне скучно, не знаю, но повидал я действительно немало. Там есть, что посмотреть, но прямо тебе скажу: многое не лучше, чем у нас. Голодных там во всяком случае больше, чем сытых. Султан и его приближенные купаются в золоте, а простой народ бедствует невероятно...

Разговор пришлось прервать — вошел слуга, неся на подносе кофе, фрукты и сладости. Среди поданных угощений были измирский нѣжир и черная хурма. Мирза Алимамед привез их из Стамбула.

Вагиф взял с тарелки сушеный нѣжир.

— Жалко, что не по зубам мне твоѣ угощение. Так расскажи мне: кто тебя там принимал?

— У них есть такое правительственное учреждение, — начал Мирза Алимамед, — называется «Баби-али». Вот туда я и отправился. Принял меня какой-то чиновник. Поговорили, он вышел в другую комнату, видимо, посоветовался с кем-то, потом выходит и говорит, что намерения мои неосуществимы. Так что ни с султаном, ни даже с визириями его мне поговорить не удалось. Султана я видел только раз — на морской прогулке по проливу. Мы, говорят, сейчас в дружбе с шахом и рисковать этой связью не можем. Я так понял, что две войны с Екатериной изнурили страну, людей турки потеряли много, казна пуста. Сейчас у них нет сил один на один бороться с Россией, вот они и решили поддержать шаха — может быть, хоть он закроет России доступ на Кавказ. А того не понимают, что сейчас для народов Кавказа близость с Россией — благо.

Вагиф, напряженно слушая, кивал головой — он был целиком согласен с Мирзой Алимамедом.

— Шах на Мугань отошел, — сказал Мирза Алимамед после некоторого молчания. — Как полагаешь, вернется?

— А как же, непременно! Правда в Иране снова мятеж, но если его не сбросят с престола и не убьют, весной надо ждать гостя.

— Ну, а хан что? — осторожно спросил Алимамед. — Какие у него намерения?

Вагиф понял, что в данном случае собеседника интересует его личное мнение.

— Я-то считаю, что нам во что бы то ни стало необходимо договориться с Россией, но хан...

Вошел Мирза Мамедкулу. Он давно уже обосновался в Карабахе, одно время служил при дворце. Вагиф, давно не выдавший земляка, обрадовался его приходу.

— Что-то ты зазнался! — с укоризной сказал он. — Только во дворце и увидишь тебя, нет того, чтобы зайти, проводить!..

Мирза Мамедкулу начал извиняться, посетовал на то, что большую часть времени приходится проводить в деревне.

— Пока шах ушел, надо скорее хозяйством заняться, а то совсем пропадем...

— Это ты молодец! — Вагиф одобрительно усмехнулся. — Я среди вас, видимо, самый нерасторопный: ничего-то у меня нет за душой, кроме этого дома...

Ираклий послал в Гянджу войска под командованием своего сына Александра. Предпринимая этот поход, Ираклий надеялся захватить Гянджу, наложить дань на Джавад-хана и таким образом поправить свои дела. Три месяца грузины продержали город в осаде, но потом обнаружился недостаток припасов, не хватало оружия, воины были раздеты и разуты. По-настоящему снарядить армию Ираклий был не в состоянии, казна его опустела. Когда Ибрагим-хан с Омар-ханом подошли к Гяндже, на подступах к ней оставалось не более сотни грузин.

Приход карабахцев и аварцев сразу изменил положение: гянджинцы, окопавшиеся в окрестных садах, ста-

ли теперь поспешно отходить к крепости. Крепость эта была обнесена четырехугольной стеной и имела двое ворот: карабахские и тифлиские, а на западной стороне — укрепленную башню. В центре крепости расположены были построенный из кирпича ханский дворец, цитадель и мечеть. Неподалеку от карабахских ворот находился колодец, снабжавший город питьевой водой.

Ибрагим-хану было прекрасно известно устройство гянджинской крепости; он перешел речку Гянджачай и, установив артиллерию, направил пушки на город. После нескольких залпов войска начали штурм крепости. Вскоре крепостная стена во многих местах оказалась пробитой. Изнутри слышались громкие крики — гянджинцы просили пощады. Когда над карабахскими воротами поднялся белый стяг, хан отдал приказ приостановить штурм. Крепостные ворота открылись, навстречу хану с хлебом-солью и кораном в руках вышли почтенные старцы.

— Да продлит аллах жизнь хана! — сказал один из них, тот, что держал коран. — Разве ты хочешь, чтоб понапрасну лилась кровь?! Смилуйся над нами, и мы выполним любое твоё приказание.

— Где Джавад-хан? — спросил Ибрагим-хан коротко и грозно. — Пусть явится.

Старики сообщили, что хан не смеет предстать пред его очей, ибо чувствует сколь виноват перед ним. Однако Ибрагим-хан настаивал, и Джавад-хану пришлось явиться. Отвесив земной поклон победителю, Джавад-хан стал виниться, признал, что совершил великую ошибку, оказав помощь шаху, и сообщил, что готов понести любую кару, лишь бы загладить свою вину.

Ибрагим-хан и Омар-хан удалились в шатер для совета. Немного погодя Джавад-хану тоже предложили войти. Назвав первоначально огромную сумму контрибуции, победители вынуждены были уступить, так как Джавад-хан клятвенно заверял, что не в состоянии выплатить столько. После долгих переговоров сошлись на том, что Джавад-хан дает пятнадцать тысяч золотых, сына — заложником и сестру — в гарем Ибрагим-хана. Ибрагим-хан остался удовлетворен. Омар-хан, получив по сорок золотых за каждого своего воина, сообщил, что тоже согласен оставить Гянджу.

Примирение совершилось, горожане высыпали из

крепости и направились к шатру Ибрагим-хана, не решаясь однако подойти близко.

Вдруг из толпы вышли несколько крестьян и бросились хану в ноги.

— Да продлит аллах твою жизнь, хан! Не оставь нас своею милостью!

— Что еще такое? — удивился хан.

— Жены наши уже несколько месяцев томятся, запретные в крепости! Дети наши осиротели, дома без присутствия!..

Ибрагим-хан стал выяснять, в чем дело. Оказалось, что, опасаясь крестьянских волнений, Джавад-хан велел захватить женщин в окрестных селениях и запретить их в крепости — заложницами.

Ибрагим-хан мало кому уступал в жестокости, народ стоном стонал под его ярмом, но брать заложницами женщин — это ему не могло прийти в голову. Желая показать народу свое благородство, он приказал Джавад-хану немедленно освободить пленниц.

Джавад-хан послал человека с приказом выпустить женщин. Огромной толпой — их было около полутора тысяч — высыпали пленницы из крепостных ворот. Они рыдали, стонали, охали, некоторые падали без чувств...

Ибрагим-хан намеревался уже возвратиться в Карабах, когда к Гяндже подошел Ираклий с вновь собранным войском. Узнав, что заключено перемирие, Ираклий поинтересовался его условиями.

— Они заплатили контрибуцию?

— Заплатили, — ответил Ибрагим-хан. — Кроме того, Джавад-хан вынужден был дать заложника. Если он снова переметнется к шаху, сын его будет казнен.

— Все это хорошо, но как же со мной? — спросил Ираклий. Ясно было, что он тоже намерен попользоваться казной Джавад-хана.

— Видишь ли, Ираклий, два кулака на одну голову многовато будет. Дела у Джавад-хана не больно-то хороши, доходов в этом году никаких...

— Но я потерял столько людей! — с негодованием воскликнул Ираклий. — Мой город разрушен дотла!

Посоветовавшись с Ибрагим-ханом, Джавад-хан, чтобы угодить Ираклию, передал ему четыреста пленников грузин, еще раньше подаренных ему Агамуха-

мед-шахом. Тем не менее Ираклий почел себя оскорбленным и затаил гнев против Ибрагим-хана.

16

Сегодня Агабегим не желала даже вставать с постели. Назлы суетилась вокруг нее, пыталась развеселить, доставала ларец с украшениями, с восторгом расписывала ее наряды; девушка ничего не хотела слушать. Ее интересовало только одно — как чувствует себя Мамедбек; его, раненого, привезли из Гянджи.

— Ну, скажи правду: рана его не опасна? — то и дело спрашивала она няню. — Рука не будет кривая?

— Да нет, моя деточка, нет. Не тревожься ты понапрасну! Что ему едывается, такому-то богатырю?

Агабегим закрыла ларец с драгоценностями, задумалась на минуту и снова спросила:

— Скажи, когда ты пришла, он сидел или лежал?

— Сидел, деточка, сидел в постели. Как дала я ему твое письмецо, он так и просветлел, заулыбался... «Благодарствуй, говорит, жаль вот ответа я написать не могу». Рука-то правая у него к шее подвязана. Не велел лежать тревожить. Да если б, не дай бог, что-нибудь опасное, разве сидел бы он?!

Агабегим слушала, улыбалась счастливой улыбкой, и все же тревога не оставляла ее. Пришла мать.

— Ну, что это опять с тобой?

— Так, ничего... Неможится что-то...

Тутубегим встрепенулась, положила ей руку на лоб, заглянула в глаза...

— Капризничаешь, доченька, ничего у тебя не болит! — и она поцеловала девушку в щеку.

Агабегим вздрогнула от этого неожиданного поцелуя, зарделась... Потом глянула матери в лицо, и ее грустные глаза наполнились слезами. Тутубегим обняла дочку, прижала к груди.

— Эх, доченька, доченька! — вздохнула она. — Какие у тебя печали!.. Я вот и впрямь, за каждую из вас болею! Выдали твою старшую сестру Тубу, думали, ну, слава богу, все у них хорошо, а муж возьми да привези себе из Гянджи новую жену. В доме-то теперь каждый день война. А она беременная, больная, почернела вся от горя... А у тебя что за беда! Не о чем тебе горевать!

348

Девушка молча плакала, прижавшись к матери...

Тутубегим хорошо знала, что мучает ее младшенькую, но никогда не заговаривала об этом — не верила она, что Агабегим будет счастлива, став одной из жен Мамедбека.

— И как бы тебе растолковать, глупенькая, чтоб поняла?.. Думаешь, такое уж великое счастье замуж выйти? Живешь ты сейчас — забот не ведаешь. А потом... Нет, доченька, уж если у девушки горе, у замужней — вдвое! Знаешь, как в песне поется:

Девушкой была — царицей слыла,
Невестой стала — княгиней стала,
Как замуж вышла, рабыней стала
И под ногами попоной стала!.

— Вот я и есть эта попонка! У твоего отца под ногами. Ему ведь и дела нет, жива я или умерла давно. То с дочерью Хаджи Керима тешился, теперь из Гянджи привез — новую. А мне — страдания. В постели-то словно угли горячие насыпаны, до утра заснуть не могу...

И Тутубегим зарыдала.

17

Выступив из Дербента, русская армия под командованием Зубова достигла Ширвана. Ханы Ширвана, Шеки, Гянджи, Эривани, Хоя, Карадага, Нахичевани, Талыша, Тебриза, Шахсавана и Шагаги направили к графу Зубову своих представителей, выразив желание принять покровительство России. Ибрагим-хан колебался, он был напуган угрозами Ираклия, с которыми тот обрушился на него тогда, под Гянджой. Ему не давала покоя мысль, что русские упразднят его ханство, сбросят его с престола. Для выяснения истинных намерений русского командования Ибрагим-хан направил в Ширван доверенное лицо. Тот, прибыв в Ширван, застал Мустафа-хана в великом смятении — русские ведут себя совсем не так, как ожидалось.

Недовольный действиями русского командования, Мустафа-хан постарался склонить на свою сторону карабахского посла и немало преуспел в этом. Было ре-

¹ Перевод В. Кафарова.

349

шено посоветоваться с ханом Шехи Селим-ханом и занять решительную позицию по отношению к «Золотой ноге» (так Зубова, у которого был протез, прозвали на Кавказе); Ибрагим-хану было отправлено донесение, в котором подробно описывались обстоятельства дела. Через две недели Сафар привез ответ хана. Посол Карабаха поразился тому, что сказано было в этом письме, однако немедленно сообщил его содержание Мустафа-хану. После этого в Шемахе был приглашен Селим-хан.

— Теперь, — сказал собравшимся Мустафа-хан, — нет никакого сомнения: русские идут в Азербайджан, чтобы свергнуть всех ханов. Они решили посрамить нашу честь, предать поруганию нашу веру...

Не о чести, не о вере думали эти ханы, жадные и недалекие, привыкшие жить за счет народа. Они зеленели от мысли, что могут лишиться трона. Ради собственного спасения они готовы были на все, на предательство, на преступление. Они долго судили и рядили, прикидывая и так и этак, и, наконец, нашли «верное» средство — убить «Золотую ногу».

— Сделать это может только один человек — Нурали-хан, — сказал Мустафа-хан.

— А кто это такой? — поинтересовался посол Карабаха.

— Нурали-хан — племянник Керим-хана. Он бежал от скопца, пристал к русским, вошел у них в доверие. Когда дербентский хан Шейхали бежал, русские передали Нурали-хану его владения. Словом, он у них свой человек. Живет в ставке Зубова, при нем сотня нукеров. Нам необходимо перетянуть Нурали-хана на свою сторону, и немедленно.

На том и порешили. Стали искать путей к Нурали-хану. Наконец надумали подослать к нему старуху-гадалку.

Нурали-хан был большим любителем скачек и джигитовки. Как-то раз, когда он проезжал верхом неподалеку от ставки, из лесу вышла старуха.

— А ну, сынок, — сказала она, подойдя к Нурали-хану, — слезай с коня, поворожить тебе хочу! Минется мне, красotka тебе на роду написана! И какая красotka!..

Нурали-хана забрало за живое, он спешился, подошел к старухе.

— Ну-ка, дай мне руку! — старуха стала ему гадать. — Вот, видишь, и смерть тебя миновала, уцелел. Но есть на тебе вражий глаз, висит над тобой гроза... Ты сделай одно доброе дело, и аллах вызволит тебя из беды. Агабегим-ага, дочь Ибрагим-хана, красавица из красавиц, будет твоей, и золота ты много получишь, и ханом тебя посадят! Все твои желания исполнятся...

Суеверный Нурали-хан сразу поверил словам ворожен и обрадовался несказанно. О красоте Агабегим он был слышал давно, однако сватов засылать не осмеливался. А теперь вдруг старуха разгадала его тайное желание, да еще обещает, что оно сбудется! Какое счастье!..

— Так что же я должен сделать-то, бабушка, — спросил он, одарив старуху золотым, — чтобы все исполнилось?

— А ты будь, милый, завтра на этом самом месте, я тебя с одним человеком сведу, с карабахским визирем. Он тебе все и растолкует.

Нурали-хан протянул старухе еще один золотой и пообещал прийти на это самое место.

Как только посол вернулся из Ширвана, Ибрагим-хан немедленно вызвал его и Вагифа во дворец.

— Да будет благополучен хан! — начал посол. — Мы все подготовили, как нельзя лучше. Нурали-хан получил триста золотых и обещание отдать за него Агабегим. Людям Нурали-хана тоже были переданы подарки. Как я уже сказал, все было подготовлено. Но не повезло нам, случай погубил наше начинание. Выходя из шатра, Нурали-хан задел головой за стойку и уронил папаху. А в ней было письмо Мустафа-хана. Папаху-то он поднял, а что письмо на земле — не заметил. Какой-то русский солдат нашел его. Сразу все и открылось. Нурали-хана схватили, вместе с его людьми отправили в Астрахань. Опозорились мы перед русскими...

Вагиф поднял голову, взглянул сначала на посла, потом — на хана, тот изменился в лице.

Вагифу ничего не было известно ни про письмо, которыми обменивался Ибрагим-хан с Мустафа-ханом, ни про интриги, которые затевались против русских. Зная

упорное стремление Вагифа к сближению с Россией, хан считал за лучшее ничего ему пока не сообщать: вот устранил Зубова, тогда он все объяснит своему визирю и убедит его раз и навсегда отказаться от надежды на русских. Но игра проиграна, положение почти безнадежно, и Вагифу, в который раз, предстояло исправлять допущенную ханом ошибку.

— Что будем делать? — Ибрагим-хан вопросительно поглядел на Вагифа.

— Надо спешно направить к Зубову посольство во главе с Абульфат-агой. С ним надо послать самых почтенных, уважаемых людей, отправить драгоценные подарки — мы должны убедить Зубова в самых добрых наших намерениях. Еще надо — посла в Петербург... Прямо к Екатерине. И делать это необходимо немедленно.

На этот раз Ибрагим-хан без колебаний принял советы Вагифа; несколько именитых беков во главе с ханским сыном Абульфат-агой отправились к Зубову, а Мирза Мамедкулу повез в Петербург роскошные подарки и письмо Ибрагим-хана.

Тем временем Агамухамед-шах снова дал о себе знать. Усмирив восстание в Иране, он посетил Астрабад и обратился к народам Кавказа с призывом выступить против России.

Однако люди, разоренные, обездоленные войнами, которые, не прекращая, вел Иран, не откликнулись на этот призыв. Народы Кавказа хорошо знали цену лживым обещаниям ханов и шахов, они уже начинали понимать, откуда им можно ждать мира и спасения.

Кязым постучал в дверь.

— Аллахкулу! Аллахкулу! — слабым голосом позвал он.

Тот вышел, бормоча что-то под нос. На плече у него висел пустой мешок.

— Вот он я! — Аллахкулу вздохнул. — Нет, видно, для нас у бога легкой смерти, обреч на мучения!.. Дети со вчерашнего дня плачут, хлеба просят...

По лицам друзей видно было, что они давно голода-

ют. Глаза ввалились, голоса звучали чуть слышно. Друзья молча плелись рядом, говорить не было сил.

Народу на улицах было мало, спасаясь от голодной смерти, горожане разбрелись кто куда. В Шуше остались лишь слабые, беспомощные люди. По улицам бродили нищие, кое-где прямо на земле лежали обессиленные голодом люди. Не осталось ни собак, ни кошек — их давно уже поели.

Кязым и Аллахкулу направлялись в лес — поискать желудей, съедобной травки.

Два года, с тех пор как иранцы напали на Аран, крестьяне не могли сеять хлеб, привезти зерно из других мест тоже было невозможно — Карабах жестоко голодал.

Друзья миновали несколько улиц, Кязым остановился, Аллахкулу замедлил шаг, посмотрел на друга. Тот был весь в поту от слабости.

— Посиди-ка малость, — сказал Аллахкулу, — передохни! — Он огляделся, отыскивая хоть что-нибудь съедобное и вдруг увидел свежий навоз — здесь только что прошел конь. Аллахкулу настороженно посмотрел вокруг — не заметил ли еще кто? — бросился к навозу и стал разрывать его, выбирая из теплой кучки зернышки ячменя.

Кязым не отрывал от него тревожных глаз: «А вдруг все сам съест, ничего не оставит?!» Но все равно — пощевелнуться не было сил. Аллахкулу набрал полгорсти зернышек, потолок их на камне и половину отдал Кязыму.

Тот с жадностью проглотил ячмень, слабая улыбка тронула его губы.

— Эх, Аллахкулу! Выходит, от бекского коня навоз — голодному радость! Подкрепиться бы травкой да пойти по лошадиному следу! А то как бы другой охотник нашу добычу не выследил!..

Возле городских ворот друзья повстречали Сафара. Тот придержал коня, молча достал из хурджуна кусок хлеба, разломил его, половину отдал Кязыму, другую протянул Аллахкулу. Аллахкулу жадно схватил хлеб, а Кязым покачал головой и сказал слабым голосом:

— Нет, Сафар, лучше ребятишкам отнеси, голодные они...

— Ничего, отец, бери! — весело отозвался Сафар. —

У них есть — я целых два хлеба домой доставил! Знал бы ты, из какой дали я их вез, хлебы эти!..

Кязым взял протянутый ему ломоть. Друзья медленно брели по улице, крепко сжимая в руках хлеб; время от времени откусывали понемножку и с наслаждением, не спеша, жевали...

20

Посольства, отправленные Ибрагим-ханом к Zubову и в Петербург, вернулись, успешно выполнив поручения. Им был оказан прекрасный прием, обещаны помощь и покровительство, преподнесено много подарков. Вагифу Екатерина прислала в дар золотую трость, украшенную драгоценными камнями.

Обстоятельства эти породили во дворце Ибрагим-хана большие надежды. Но голод продолжался, и это омрачало радость. Скоро в поисках еды стали разбегаться по деревням защитники крепости, и она с каждым днем становилась все более уязвимой. К тому же ликование, порожденное обещаниями Екатерины, продолжалось недолго. Вскоре стало известно, что Zubов оставил Ширван и отвел свои части в Россию. Вызвано это было тем, что Екатерина скончалась, а наследник ее Павел I считал Кавказский поход нецелесообразным. Положение стало безнадежным; сопротивляться в случае нападения уже не было сил, а о мире с Агамухамед-шахом нечего было и думать — слишком далеко зашла вражда.

Что касается Вагифа, то он все еще не терял надежды на помощь с севера.

— Ираклий ближе нас всех к России, — сказал он Ибрагим-хану. — Нужно съездить, посоветоваться с ним.

Хан согласился, терять было нечего. В Тифлис решено было направить Вагифа и Джамиль-агу Муганлинского.

— Поезжайте, узнайте, как обстоят дела, — напоследок сказал им хан. — Если помощи ждать неоткуда, остается только одно средство!

Приближенные хана переглянулись.

— Какое же это средство? — спросил один.

— Какое, какое!.. — раздраженно передразнил хан. — Забирать семьи и спасаться пока не поздно! Бежать к аварскому хану! Скопец захватил Мугань, к Шуше

подходит, того и гляди на голову свалится! А у нас ни войска, ни припасов!

Воцарилось тяжелое молчание, никогда еще приближенные карабахского хана не видели своего повелителя таким жалким, беспомощным. Даже громовой голос его звучал теперь по-другому.

Поддавленные, расходились вельможи по домам; никто уже не сомневался в том, что ожидает карабахцев.

Вагиф и Джамиль-ага, сразу же выехавшие в Тифлис, застали по возвращении большие перемены. Ибрагим-хана в Шуше не оказалось. Однажды утром по городу разнесся слух, что хан с семьей покинул город. Горожане, измученные голодом, давно потеряли интерес ко всему и не придали этой новости особого значения. Некоторые даже обрадовались, надеясь, что так будет лучше. Тысячи слухов носились по голодному городу. Прихода иранцев ждали с минуты на минуту — Агамухамед-шах с десятками тысячами всадников устремился к Шуше тотчас же, как только узнал о бегстве Ибрагим-хана.

Когда гонец принес известие, что шах подходит к городу, ужас объял людей. Но делать нечего — нового повелителя положено было встречать хлебом-солью. От каждой махаллы выделили по несколько стариков — встречать шаха. Кязым и Аллахкулу тоже оказались в составе депутации. Вытащили из старинных сундуков одежду понаряднее, взяли хлеб-соль, тронулись.

Аллахкулу все спотыкался от страха, а Кязым невесто посмеивался, пытаясь утешить друга:

— Ничего, Аллахкулу, где наша не пропадала!.. Ты только держись крепче, еще поглядим, как оно получится!

— Да чего уж глядеть!.. Он ведь падшах, не кто-нибудь!.. Покажется ему что-нибудь не так, он тебе башку и оттяпает!..

— А пусть!.. Двум смертям не бывать, а одной не миновать!.. — Тем более вместе поминать станем!..

— Иди ты со своими шуточками!.. — Аллахкулу сердито покосился на друга.

Когда толпа аксакалов выходила из эриванских во-

рот, в ней уже насчитывалось несколько сот человек. Стоял жаркий летний день. Все были в поту: и от жары и от страха. Еле переставляя ноги, старики начали спускаться к деревне Шушикенд.

Внизу, между скалами, вздымалась пыль, это приближался шах. Он был еще шагах в ста, когда старики повалились на колени, протягивая вперед прикрытые салфетками подносы с хлебом-солью; поднять глаз никто не осмеливался. Кязым все же время от времени осторожно поглядывал вперед. Окутанные пылью, приближались всадники. Впереди всех ехал человек, похожий на пятнадцатилетнего подростка: тощее, хилое тело, гладкое, без единого волоска, лицо... Острые, рыскавшие по сторонам глаза непрерывно слезились, он то и дело вытирал их сухощавой, неестественно маленькой рукой. Больше всего Кязыму почему-то запомнились его тонкие губы. Кязым опустил голову и лишь немного погодя, оправившись от страха, решился поднять ее. Только сейчас он понял: этот тщедушный низкорослый человек с телом подростка и есть шах — на голове у него была корона, на груди драгоценные камни, они ослепительно сверкали на солнце. Кязым сразу успокоился, почему-то ему казалось, что этот хилый, похожий на мальчика человек не может никому особенно навредить.

Придержав коня, шах гордым взглядом окинул коленапреклоненных карабахцев, маленькие злые его глазки шурились в чуть заметной улыбке.

Часть людей из шахской свиты спешилась, они шли вперед, выкрикивая: «Мы пришли, мы пришли, мы дракона привели!»

Кязым дернул Аллахкулу за рукав. «Мы лисицу прогнали, мы трусливую изгнали!» — затянули они. Несколько карабахцев начали подпевать им. Зрелище, видимо, пришлось по вкусу шаху. Он смеялся, и маленькие глаза его слезились от смеха.

Умнотворенный встречей, под крики «Аллах! Аллах!» — шах въехал в Шушу.

Агамухамед-шах избрал своей резиденцией дворец Мамедгасан-аги; площадь перед дворцом уставлена была палатками его воинов. Сторонников своих шах щедро

одарил, враги тоже не были им забыты: люди, преданные Ибрагим-хану, один за другим были схвачены и брошены в темницу. В первую неделю казней еще не было, и палачи начинали томиться без дела, однако горожане догадывались, чем кончится это затишье.

Прошло еще несколько дней. И вот наступил четверг, знаменитый в истории Карабаха четверг. Был приемный день, и государственные мужи собрались под окнами дворца, ожидая появления шаха. Однако шах не показывался.

Из уст в уста передавалась весть, что повелитель гневен; все трепетали, боясь, что известие это подтвердится.

Вдруг на лестнице показался приближенный шаха Сафарали-бек.

— Садык-хан, ты где? — закричал он, беспокойно оглядываясь по сторонам. — Повелитель мира, Гибля вселенной требует тебя!

Садык-хан только что показался в воротах. Сафарали-бек подскочил к нему, шепнул что-то. Садык-хан поблудил и поспешно взбежал по лестнице.

Шах расположился в одном из небольших покоев в глубине дворца. Каменный пол застлан был богатым ковром. В углу стоял походный трон, застланный бархатным сюзане, расшитым жемчугами, изукрашенным драгоценными камнями. Садык-хан застал шаха на троне. Тот сидел, обхватив руками тощие колени. Слезающиеся глаза его горели ненавистью, губы кривились в злобейшей усмешке, резко обозначались морщины.

— Садык-хан! — выкрикнул шах. — Целую неделю живешь ты в доме Мамед-бека Джаваншира. Не скажешь ли нам, почему до сих пор этот бек не явился пред наши очи?

Садык-хан преклонил колена.

— Помилосердствуй, шах! — дрожащим голосом произнес он. — Мамед-бека нет в крепости. Я приказал разыскать его, но...

Шах свесил ноги с трона и, размахивая руками, закричал тонким визгливым голосом:

— Ты лжешь, проклятая собака!.. Ну ничего, завтра я покажу тебе, как пренебрегать повелением шаха!.. Минарет построю из черепов, твою башку — на самый верх! — Глаза шаха, казалось, вылезут из орбит, жи-

денький голосок прерывался от злости. — Объяви сестрам Мамед-бека: если их брат до вечера не предстанет передо мной, я отдам их моим сарбазам!.. Пусть парни развлекутся! Иди!

Не переставая дрожать, Садык-хан поднялся с колен, пятясь задом, добрался до выхода и исчез за шелковыми гардинами. Через несколько минут во всех концах города уже кричали глашатаи:

— Эй, Мамед-бек! Слушай!.. Если ты до вечера не явишься к Гибле мира, твоих сестер отдадут солдатам!..

А под окнами шаха продолжалось томительное ожидание. Рядом с тем местом, где замерли в ожидании полководцы, стояли шестеро пленных со связанными за спиной руками. Среди них был и Мирза Алимед. Лицо было бледно. Он еле держался на ногах, взгляд был устремлен в землю, от гордой его осанки не осталось и следа.

Визирь шаха Мирза Шафи не отрывал взора от цветных стекол окна — он был в смятении. Вдруг гардина дрогнула. Мирза Шафи тотчас упал ниц. Остальные немедленно последовали его примеру. Гардина приподнялась, послышался резкий голос шаха. Мирза Шафи приказано было доложить, кто такие эти пленные. Тот доложил.

— Пятерых — на кол! А Мирзу Алимеду, — шах помедлил, криво усмехнулся, — поскольку он все-таки сеид — на виселицу!

Палачи тотчас принялись за дело.

Крики, вопли, рыдания наполнили двор. Мирзе Алимеду набросили на шею намыленную веревку. «Злодеи, — прохрипел он, задыхаясь, — аллах накажет вас!..», — и испустил дух.

Посаженные на кол молили о смерти, но палачи продолжали уметь орудовать молотками, и крики несчастных становились все громче, все пронзительнее.

Шах Ирана, криво усмехаясь, с видимым удовольствием наблюдал из окна эту картину.

Отворились ворота, и вошел нарядно одетый, светлоглазый, широкоплечий человек с коротко остриженной рыжевато-бородкой. Он смело приблизился к окну и поклонился, лишь слегка кивнув головой. Все в изумлении глядели на него — не упал ниц перед шахом!..

— Гибля вселенной, это Мамед-бек Джаваншир! — опустившись на колени, сказал Садык-хан.

— А! — Шах с усмешкой оглядел Мамед-бека. — Явился? Да это же прямо мясник, а не бек! Во всей моей армии нет такого громилы! — И добавил, обратившись к Мирзе Шафи: — У него красивые глаза, ты не находишь?

Визирь понял: шах намерен ослепить Мамед-бека.

— Справедливо изволили заметить, да буду я жертвой вашей!..

— У нас говорят: лучше слушать об удалце, чем видеть его в лицо! — насмешливо заметил Мамед-бек.

— Нет, клянусь прахом отца! — продолжал шах, не обращая внимания на его слова. — За всю свою жизнь я видел еще лишь одного такого же могучего мужчину — Зенд Лютфали-хана. Ну да ладно!

Лицо Агамухамед-шаха вдруг резко изменилось, злобная усмешка мелькнула на тонких губах.

— Садык-хан! — выкрикнул он. — Мамед-бека я поручаю тебе! Береги как зеницу ока! А теперь убирайтесь! Все убирайтесь!

Гардина опустелась, шах исчез. Одни мученики уже лишились сознания, другие, в агонии, еще продолжали кричать...

Солнце садилось. Вечерняя прохлада принесла измученным страхом, голодом и зноем людям некоторое облегчение. Привели еще нескольких пленников — приближенных Ибрагим-хана, их теперь хватили повсюду. Сарбазы подвели арестованных к воротам, сообщили о них караулу. Вышел один из военачальников Мамед-гусейн-хан Каджар.

— Это что за старик? — спросил он, тыльной стороной ладони пригладив пышные усы, и указал на пожилого человека со связанными за спиной руками.

— Это тот самый Молла Панах Вагиф, слышали наверно?

У Мамедгусейн-хана сразу перекопилось лицо.

— А это ты, старая собака!.. Попался?!

— Хан, — с присущей ему мягкостью заметил Вагиф. — Не пристало вам при нашем высоком положении бранить арестованного, поносить его дурными словами!

Вежливое замечание Вагифа не произвело на Мамед-

гусейна ни малейшего впечатления, он продолжал сыпать ругательствами.

— Невежда! — потеряв терпение, презрительно бросил Вагиф. — Пусть я пленник, но я пленник шаха, а кто ты?! Может статься, что завтра шах отпустит меня на свободу, может колесо судьбы повернется как-нибудь иначе. «Беременная ночь и лишь ведает бог, чем она разрешится к утру!..»

— По велению Гибли веселенной, — не слушая Вагифа, выкрикнул Мамедгусейн, — бросьте этого негодяя в тюрьму! Завтра он получит по заслугам!..

Сарбазы увели Вагифа.

22

На город медленно опускалась ночь, тишиной окутывая землю. Лишь стрекотали кузнечики да глубоко в ущелье негромко журчала Дашалтычай. Окна в шахских покоях были открыты. Долетавший с гор прохладный ветерок приносил свежесть, навевая покой и мечтательность. Но томительны, как меркнущая свеча, были думы и мечтания Агамухамед-шаха. Он только что окончил намаз и сидел, перебирая четки, однако молитва, как и ничто другое, не приносила ему облегчения. В детстве изуродованный врагами, шах не знал любви, не ведал личного счастья; им владела только одна страсть — ненасытная жажда власти. И ненависть ко всему миру, которая росла и ширилась по мере того, как множились его успехи и победы. В жестокой борьбе за трон он не пощадил и своих братьев: одного ослепил, другого — вероломно убил.

Сколько пролито крови! Шах перебирал четки и они, сколько меж его пальцев, казались ему мертвыми головами, возбуждали его, рождали новые зловещие планы...

Шелковая гардина приподнялась. Вошел Садык-хан. Шах, погруженный в какие-то горькие воспоминания, не замечал его. Злая усмешка кривила его губы.

— Чего тебе?! — вскричал он, вдруг увидев Садык-хана.

— Да буду я жертвой вашей, — испуганно пробормотал Садык-хан. — Сафарали-бек сказал, что Гибля вселенной приказал мне явиться.

— Сафарали! — вне себя от гнева вскричал шах.

Тот немедленно явился.

— Кто велел тебе звать Садык-хана?

— Полчаса назад вы изволили приказать.

— Врешь, собака! — крикнул шах и, схватив лежащее рядом ружье, приставил дуло к груди Сафарали.

Сафарали задрожал, но тронуться с места не осмелился.

— Может, уши меня подвели... — пробормотал он.

— Уши!.. — провоцировал шах и, вспомнив, что сегодня канун пятницы и не стоит обагрять руки кровью, отбросил в сторону ружье. — Если уши тебе так плохо служат, выброси хотя бы одно! Пусть тебе его отрубят!

Садык-хан и Сафарали удалились. Оставшись один, шах снова погрузился в черные безрадостные мысли, неотрывно глядя в пламя свечи. Становилось прохладно. Гнетущая тишина наполняла покои дворца. Вдруг в соседней комнате послышался короткий стон. Шах натянул на колени хирку, прислушался — это стонал Сафарали; гневным визгливым голосом шах позвал царедворцев.

Сафарали и Аббас-бек вошли в комнату. У Сафарали была завязана голова, сквозь ткань проступала кровь.

— Чего ты ревеш?! Баба! — гневно сказал шах. — Радоваться должен что легко отделался, что я не пристрелил тебя как собаку!.. А ты, Аббас-бек, чего расшумелся? Спать не даешь, проклятые! Ну, ничего, завтра я покажу такое, чего еще никто не видывал!.. Минарет построю из черепов, а ваши головы — клянусь прахом отца! — на самом верху будут. Идите и скажите кузнецам, чтобы скобы ковали для минарета!

Большая часть ночи была уже позади, но ни Садык-хан, ни Мамед-бек не спали: они молча сидели друг против друга, погруженные в тяжелое раздумье. Вошел нукер и сказал, что прибыл человек от шаха. Оба испуганно вздрогнули — шах среди ночи присылает человека — что бы это могло означать?..

— Что случилось? — в тревоге спросил Садык-хан.

Сафарали стал рассказывать. Шах в великом гневе и завтра повелит строить минарет из голов. Он убьет всех: и Садык-хана, и Мамед-бека, и его — Сафарали...

Садык-хан слушал молча — уж не проверяет ли шах их преданность, но Мамед-бек не сомневался в искрен-

ности Сафарали и напряженно обдумывал, как им уйти от расправы.

— Сафарали! — сказал он наконец. — Если все это правда, надо решаться! Говори, что у тебя на уме, не страшись!

— Мы с Аббас-беком все уже обдумали! Кляннитесь, что не предадите нас!

Садык-хан молчал, он все еще не до конца поверил.

— Садык-хан! — решительно сказал Мамед-бек. — Терять нечего, мы обречены. Если ты не решаешься, я пойду сам! Я избавлю мир от злодеи!

— Нельзя, Мамед-бек, — если ты явишься во дворец, поднимется переполох. Пусть лучше они. Они сделают это!

— Хорошо! Иди, Сафарали-бек! — решительно сказал Мамед-бек. — Иди и ничего не бойся! Я соберу своих людей, буду наготове!

Сафарали-бек тотчас отправился во дворец. Аббас-бек ждал его возле шахских покоев.

— Они согласны, — коротко сказал Сафарали.

Обняв кинжалы, два царедворца тихонько отворили дверь в покои шаха. Из глубины комнаты послышалось злобное рычание. Сафарали испуганно отпрянул.

— Не бойся! — прошептал Аббас-бек. — Это он во сне! Бредит... Всегда так, когда разозлится.

Прислушавшись, они на цыпочках вошли к шаху. Комнату освещала тусклая свеча. Агамухамед-шах метался во сне, словно раненый зверь. Преодолев ужас, Сафарали бросился к нему и вонзил кинжал в тощую грудь повелителя. Шах вскочил, схватил лежащую рядом булаву...

— Проклятье! Вы погубили Иран!.. — прохрипел он, и, забывшись в судорогах, упал на ковер. Сафарали-бек и Аббас-бек отрубили шаху голову, сняли с мертвых рук бесценные браслеты. Все это они отнесли Садык-хану.

Сидя в темнице, Вагиф пытался думать, размышлять о превратностях судьбы, о бренности всего земного, но никак не мог собраться с мыслями, они путались, мешались...

А на другом конце города в жарком поту трудились кузнецы, торопясь исполнить приказ шаха, — они знали,

что если не управятся в срок, если не откуют до рассвета тысячу скоб, их тоже ждет смерть.

Тотчас же после убийства Садык-хан собрал своих людей и, сказав, что шах приказал им двигаться на Тегеран, покинул Шушу. Мамед-бек со своими людьми немедленно захватил всех сторонников шаха: одни были убиты, другие брошены в темницу.

На рассвете в городе стало известно о смерти шаха. Кузнецам, торопившимся закончить последние скобы, сообщили, что они не понадобятся, нужно лишь несколько гвоздей для гроба.

Старший кузнец обратил лицо к небу.

— Слава тебе, всевышний, превративший скобы в гвозди!.. — сказал он, вытирая со лба пот.

А узники еще не знали о смерти шаха. Вагиф то и дело спрашивал у караульщиков, нет ли каких новостей, и вдруг тюремные двери распахнулись. На улице Вагифа ждала Медина; она всю ночь провела у тюремных ворот...

23

После убийства Агамухамед-шаха власть в Карабахе захватил Мамед-бек. Именно в этот период и дал ему народ произзвище «Батман-кылындж» — «Пудовый меч».

Садык-хану не удалось овладеть иранским престолом. Племянник покойного Агамухамед-шаха Баба-хан казнил его и стал править Ираном под именем Фатали-шаха. Он потребовал, чтобы ему отдали тело покойного шаха и выдали его убийц. Мало того, чтобы надежней закрепиться в Карабахе, Фатали-шах требовал отдать ему в жены Агабегим, а одного из сыновей Ибрагим-хана — в заложники.

Все это рождало неуверенность, не давало Мамед-беку спокойно управлять ханством. Он оказался жадным до власти, делал все, чтобы удержать ее, казнил, вешал и все-таки знал, что не сможет усидеть на троне.

Вагиф снова был при дворе. Внимательно следя за событиями, он регулярно сообщал Ибрагим-хану о том, что происходит в Карабахе. А Ибрагим-хану не сладко пришлось в Дагестане. Сын его Талыбхан-бек был убит, готовилось убийство самого Ибрагим-хана. Обо всем этом Джавад-хан вел тайные переговоры с Мамед-беком,

363

и об этих переговорах стало известно Вагифу. Он немедленно написал Ибрагим-хану письмо и попросил Сафара срочно доставить его.

Когда Сафар, спрятав письмо в чарык, возвращался домой, ему встретился Мамед-бек. Он еще издали приметил, что Сафар слишком часто поглядывает на свой чарык. Сафара задержали, отобрали письмо, Мамед-бек тотчас узнал почерк Вагифа. Кроме всего прочего из письма явствовало, что Вагиф снова пытается склонить хана к союзу с Россией.

С первого дня прихода своего к власти Мамед-бек видел в Вагифе самого опасного противника. Теперь он решил избавиться от него. Сафара заточили в тюрьму, а Вагиф и сын его Касум-ага были приговорены к смертной казни.

Палачи вели Вагифа и Касум-агу на плоскогорье, к скале Хазна. Дорога шла в гору. Старый поэт задыхался, во рту у него пересохло. Он остановился, перевел дух и слабым голосом попросил:

— Хоть бы глоточек воды!..

— А чего ее зря переводить?! — усмехнулся один из палачей. — В твоем брюхе все равно в могилу попадет! Потерпи малость, ты у меня сейчас кубарем покатишься — и ахнуть не успеешь!..

Насмешка не тронула, не оскорбила Вагифа, — сейчас ему было не до этого. Пить уже не хотелось. Словно впервые оказавшись в горах, словно родившись заново, он жадно озирался по сторонам, впитывая в себя окружающую красоту. Так нежно, так сладостно пахла трава — никогда прежде не вдыхал он подобного аромата. Вдалеке чуть виден был дом Медины... Почему так случилось? Почему он не простой, безвестный человек?! Всю свою жизнь провел бы он у этих дверей, служа ей, как слуга, как раб...

Вагиф остановился. Взглянул на бледное лицо сына.

— Куда они нас ведут?

— Туда, куда ты отправил многих... — негромко сказал Касум-ага; в голосе был упрек.

Страдание исказило лицо Вагифа. Огромным усилием воли заставил он себя идти вперед. Мучительная, неотступная мысль сверлила мозг — пусть это конец, жизнь

его уже никому не нужна, но сын!.. Почему сын должен разделить его участь? Он молод, он должен жить!..

На тропинке, неподалеку от плоскогорья, Вагиф упал, идти он не мог. Палач разок-другой дернул его за руку, Вагиф не поднимался.

— Делайте здесь свое дело! — сказал он тихим, полным достоинства голосом. — Дальше я не пойду!

Палачи переглянулись, пошептались о чем-то. Один из них достал кинжал, направился к Касум-аге. Тот обмер.

— Пощадите! — крикнул Вагиф, увидев, что сына его, словно жертвенного барана, повалили на землю. — Убейте сперва меня! Меня!..

Палачи не вняли его мольбе. Услышав предсмертный хрип сына, Вагиф потерял сознание. Больше он уже ничего не видел, не чувствовал...

Узнав о казни земляка, Кязым, захватив с собой заступ и кирку, вместе с сыном поднялся на плоскогорье. Там они увидели Медину. Она привела муллу и, разбив шатер, велела обмыть тела...

Вместе с Мединой Кязым выбрал место для могил. Их вырыли рядом. Предав земле тела Вагифа и Касум-аги, совершив заупокойную молитву, все разошлись. Осталась только Медина, она рыдала, упав на дорожную могилу...

А трава вокруг пахла так нежно, так сладостно...

ЭПИЛОГ

Через два месяца после казни Вагифа вернулся из Дагестана Ибрагим-хан. Сторонников Мамед-бека он казнил, ему самому приказал поклясться Шушу. Мамед-бек забрал вдову Вагифа Кызханум, на которой успел жениться, погрузил на коней сокровища, взятые из шахской казны, и уехал. Некоторое время он оставался в Калантарли — на берегу Тертера, потом получил письмо от ширванского хана Мустафы; тот звал его к себе, предлагал в жены собственную дочь, обещал сделать наследником.

Как только Мамед-бек прибыл в Ширван, Мустафа-хан отобрал у него все сокровища, а самого заковал в

цели. После мучительных пыток Мамед-бек был убит. Мустафа-хан отомстил за отца и за братьев.

Вновь овдовев, Кызханум вышла замуж за некоего Гусейн-бека из Сарыджи. Но тот вскоре был убит во время одного из набегов. На этот раз вдову взял в свой гарем Мустафа-хан. Кызханум родила хану двух сыновей, потом он развелся с ней. Кызханум вернулась в Карабах и здесь снова вышла замуж. Теперь мужем ее оказался майор Аббаскулу-ага.

Ибрагим-хан отправил останки Агамухамед-шаха в Тегеран. Пытаясь упрочить отношения с Ираном, он отправил туда также дочь Агабегим и сына Абульфат-агу.

Став женой Фатали-шаха, Агабегим сразу покорила супруга, он даже присвоил ей титул старшей жены и подарил бесценный наряд, снизу доверху затканый жемчугом. Но Агабегим тосковала, грустила по родине и частенько напевала стихи, которые сама сочинила:

Я люблю мой Карабах,
Шеки, Ширван, Карабах.
Тегеран хоть раем стань,
Не забуду Карабах¹.

Фатали-шах услышал ее пение и разобиделся. Тогда Агабегим решила схитрить:

«У меня не так написано, — уверяла она. — Я написала «Тегеран — это рай, я забыла совсем Карабах!..»

Пока Ибрагим-хан предпринимал меры, связавшие судьбу Карабаха с Ираном, на севере положение резко изменилось: русские опять продвинулись вперед. Цицианов взял Гянджу, и Ибрагим-хану предложено было принять русский протекторат. После переговоров, которые вел прибывший в Шушу майор Лисаневич, на берегу Куракчая, неподалеку от Гянджи, состоялась встреча Ибрагим-хана с Цициановым; они заключили договор о принятии Карабахом покровительства России. Согласно этому договору от 14 мая 1805 года хан Карабаха лишен был права вести самостоятельную внешнюю политику, обязывался поставлять русскому гарнизону в Шуше провиант и фураж и, кроме того, — ежегодно выплачивать восемь тысяч золотом — дань. Он обязался

также отремонтировать дорогу между Гянджой и Шушой, а внука своего отправить в Тифлис заложником.

Признав наследственными владения карабахского хана, русское правительство сохранило их и за его семьей. Поскольку хан Карабаха не вел теперь самостоятельной внешней политики, для его защиты в Шуше был размещен гарнизон: пятьсот солдат и артиллерия. Ибрагим-хану присвоено звание генерал-лейтенанта русской армии, а наследнику его Мамедгасан-аге — звание генерал-майора.

Вскоре между майором Лисаневичем, командовавшим гарнизоном Шуши, и Ибрагим-ханом возникли разногласия, превратившиеся в открытую вражду. Кончилась она тем, что Лисаневич убил Ибрагим-хана неподалеку от Шуши.

Сафар еще до казни Вагифа бежал из тюрьмы, он снова стал гачагом. И хотя Ибрагим-хан вскоре вернулся в Шушу, Сафар туда возвратиться не захотел.

Кязым по-прежнему занимался своим ремеслом, а друг его Аллахкулу переехал в Тифлис.

¹ Перевод В. Кафарова.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ЕДЕТ В ПАРИЖ

Комедия в семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СУЛЕЙМАН САЛЕХБЕЙ, бывший губернатор из Турции.
 БЕХИДЖА, художница.
 ИБАДУЛЛА } студенты-азербайджанцы.
 БАГИР }
 ХАНДАН-ЭФЕНДИ, поэт из Турции.
 НАУМ-ЭФЕНДИ, торговец.
 ГАСТОН ДЕ МУСТАЗ, репортер.
 Два паломника
 ДИОДОНЕ, председатель «Мусульманского братства».
 ДРЕЙЕР, почетный член «Общества друзей Востока».
 АБДУЛАЗИМ-ПАША } бывшие приближенные султана.
 АБДУЛГАДИМ-ПАША } Абдулгамид.
 МОЛЛЕ ДЕ ВАЛАЙ, корреспондент «Финансьера».
 Две американки (в летах).
 Хозяйка заведения, гарсоны, горничные.

Картина первая

Номер в заурядном парижском отеле. У окна — столик и два стула. На столике газеты. Слева гардероб с зеркалом, рядом, на мраморной тумбе, — керамический тазик и умывальник. Справа дверь, между дверью и окном — железная койка. Сулейман Салехбей и Бехиджа сидят за столиком.

Бехиджа. В последнее время я не слышу от тебя ни одного решительного слова... Прежде было не так. *(Молчание.)* Знал бы ты, как мне тяжело. О моей беременности прослышали даже в посольстве. стыда не оберусь, нигде не могу показаться. *(Молчание.)* Если весть дойдет до Стамбула... *(в смятении)* аллах, помилуй, каково будет моему отцу и матери?! *(Встает, утерев платком глаза, смотрит на улицу. Молчание. Оборачивается.)* Салех, я ничего от тебя не хочу, ни хлеба, ни платьев, у меня достаточно картин, чтобы прокормить себя... Картины, худо-бедно, а покупаются... Ты только признай отцовство над будущим нашим ребенком, придай какую-то видимость законности нашим отношениям. Вот о чем я прошу тебя. *(Плачет.)* Только отчество дай!

Салехбей *(берет ее за руку, усаживает, утешая)*. Моя Бехиджа, о чем тебе тревожиться? Я обещал жениться, разве я изменил своему слову?

Бехиджа *(плача)*. Нет... Но ты почему-то тянешь. Разве трудно скрепить брак за пять минут? Но ты почему-то не решаешься.

Салехбей *(отстранившись от нее, прохаживается по комнате)*. Ах, Бехиджа, ты точно не знаешь, что творится вокруг. Разве не слышала о списке 150, объявленном Мустафой Кямалем?.. Там и я значусь... Выходит, я отторжен от родины, как, видишь ли, изменник. А здесь работу не могу найти. И мой французский не так уж

«Иден... да и чего добьюсь? Среднее жалование французского чиновника — шестьсот франков. Еле хватит на квартиру и еду... *(Молчание.)* Есть у меня кое-какие денги, и те рано или поздно переведутся... Какие сбережения могут быть у турецкого службиста! И отец богатством не блистал...»

Бехиджа *(с некоторым раздражением)*. Разве ты не знал этого раньше? Тогда ты пел по-другому.

Салехбей. Не знал, клянусь честью, не знал. Где мне было знать, что на меня оканные налепят ярлык изменника. Я думал, вот возьмет Кемаль-паша Стамбул — мы и вернемся восвояси... А они мне твердят, ты, мол, работал губернатором на оккупированной французскими территориями. Остолопы! Не подыхать же мне было с голоду!

Стук в дверь.

Входите!

Ибадулла *(входит с чемоданом в руке)*. Здравия желаю, мой эфенди. *(Глянув на Бехиджу.)* Кажется, я помешал.

Бехиджа, отвернув лицо, утирает слезы, взяв газету, будто читает, прикрывается ею.

Салехбей. Отнюдь нет, эфенди, прошу!

Ибадулла *(ставя чемодан к стене)*. Давненько не виделись. Были в кафе. Застал там и Хандана-эфенди с Багиром. И они скоро подойдут.

Бехиджа, забеспокоившись, откладывает газету, затем, отвернувшись, встает и чтобы скрыть беременность, прикрывается полым легкого пальто, выходит. Салехбей провожает ее.

Бехиджа *(у дверей, вполголоса)*. Я напишу письмо, ответишь.

Салехбей *(учтиво)*. Очень хорошо. С удовольствием.

Бехиджа уходит, не подав руки.

Салехбей возвращается.

Ибадулла *(с хохотом обнимает Салехбея)*. Салех-эфенди, скажи, ради аллаха, что это за номера? *(Подойдя к столу, усаживает.)* Похоже, она в положе-

нии, как говорят у азери, «богаз»?¹ Или ты попался в «келек»?²

Салехбей *(весело)*. Дружище, очень мне нравятся эти ваши азербайджанские словечки... на свете нельзя обойтись без «келек»... А теперь ты, Ибадулла, скажи, а что это за «келек»? *(Показывает на чемодан.)*

Ибадулла *(с хохотом протягивает руку)*. Бей пять!

Салехбей хлопает его по пятерне.

Ты еще не знаешь?

Салехбей. Где мне знать, эфенди? Я ведь только-только начинаю привыкать к «келек». Ну что это, скажи, аллаха ради?

Ибадулла. Эфенди, это все то же безденежье. Я задолжал отелю, хозяин забрал мои вещи, а самого — в шею, вчерашнюю ночь я провел на Монмартре, в кафе. Наутро пришел к Багиру, дрыхнул у него до полудня. А сегодня вечером собираюсь найти какой-нибудь иной отель. Поживу дней пять-десять, а попросят плату — оставлю им чемодан и поминай, как звали... Пустой чемодан — вот мой залог.

Салехбей. Это великолепная штука! Чемодан стоит франков тридцать, а десять дней постоя — сотню, самое меньшее. Итого — семьдесят франков выгадаешь. О... ты, я вижу, хитрец. Может, и мне подскажешь, как выкрутиться из этой истории?

Ибадулла. Какая история?

Салехбей. Не видел? Эта дама прицепилась — не отвяжется. Вот живешь с этими благородными французскими годами — и никаких детей. А наши дурехи — турчанки и на это не горазды. Виделись-то раз-другой — и вот, на восьмом месяце. Женись, говорит. О смерти, о мести болтает.

Ибадулла *(словно его осенило)*. Выход — за мной.

Салехбей *(воспряв)*. Да ну?

Ибадулла. Клянусь, истинно говорю. Но ты должен раскошиться. Задаром не выйдет.

Салехбей. Эфенди, лишь бы ты помог.

¹ *Богаз* (азерб.) — употребляется в значении «стельная», «сущая» (о короках, об овцах).

² *Келек* (азерб.) — уловка, ловушка.

Ибадулла. Тыщу франков получу?
Салехбей. И пирушка впридачу.
Ибадулла. По рукам.

Пожимают друг другу руки.

Я стану безумно влюбленным.

Салехбей. Брось ты, душа моя.

Ибадулла. Клянусь. Буду пылать от страсти. Рыдать. Лобзать руки, ноги. Письма буду писать... И однажды... ты обнаружишь ее переписку вот на этом самом столе. А после призовешь к ответу, докажешь ее безнравственность и дело с концом. Впрямь она тебе на глаза не покажется. Точка. Обращался уже ко мне некий молодой профессор — чтобы избавиться от своей дряхлой половинки. Я избавил его таким же манером.

Салехбей *(в раздумье)*. План, вроде, не дурен... Но эта глупышка очень уж любит меня, боюсь, ничего не выйдет. Видел бы ты ее письма — пылают страстью. Сама она художница, написала мой портрет — отменный — и украсила свое жилище моей персоной.

Ибадулла. Это не беда, навиделся я таких. Я собою ее с пути. Я ведь столько лет изучаю прекрасный пол. Знаю их слабости. Упаду у ее порога и буду рыдать всю ночь напролет. Может ли женское сердце выдержать такое?... Ты не вмешивайся, приготовь тышечку.

Салехбей. Будь спокоен — заплачу. Жду перевода. Но, дружище, она — не из тех красоток, что тебе известны. Очень добронравна. Боюсь...

Ибадулла. Не бойся. При чем тут добронравие и прочее! Какой может быть нрав, если есть душа, есть страсть! Нравственность — у дерева, у железа... Ха-ха-ха... Нет нравственности ни у денег, ни у женщин. Ты вот дай мне эти безнравственные червонцы прижать к груди, а там погляди, какие силки я расставляю!

Багир *(входит)*. Здравствуйте, эфенди.

Хандан *(появляясь следом)*. Добрый день, эфенди.

Салехбей. Милости прошу. *(Показывает место.)*

Вшедшие садятся на койку.

Какие новости?

Багир. Ничего нового, кроме мятежа курдов.

Салехбей. Это-то мы знаем. Мне ли, курду, не знать этого! Вот и хорошо. Наглецу Кемалю и этого мало.

Хандан. Как знать. Кто в итоге окажется в ущербе — Кемаль или курды? Мы-то знаем, чем кончатся восстания малых народов. Вот и армяне возроптали. И что стало? Древний народ был истреблен. Европейские капиталисты веучили дашнакским главарям деньгу, а те подбили беспокойный народ к мятежу. То же самое и с восстанием курдов... Выиграет ли от этого народ?... Не думаю.

Ибадулла *(смеясь)*. Я не политик. А возьму газету в руки — слежу только за объявлениями и хроникой. Предпочитаю приключения какого-нибудь авантюриста дипломатическим переговорами министров иностранных дел. Ибо я и сам плут и мне ни к чему плутни дипломатов... Во всяком случае, сдается мне, что в этом курдском деле танется некая интрига.

Салехбей. Ты всех на свой аршин меряешь...

Ибадулла. Обожаю интрижки! Как бы я прожил в Париже целых пять лет без афер! Да аллах и сам ловкач... Глядишь, ниспослал тебе какого-нибудь простофилю, лущуя его почем зря, на, мол, лукавый раб мой, закусывай.

Багир. И лукавый раб лопает жертву, а нашего брата — пригласить — ни-ни...

Ибадулла *(пропуская шильку мимо ушей)*. Вот занесло сюда в прошлом году из Ирана хана. Да ниспослет аллах его отцу райское блаженство. Этот хан был даром судьбы... с головы до пят.

Хандан. Да уж, потешился ты...

Ибадулла. Эх, что за потеха была! Как курня тирйек¹, набью трубку ему — и идет себе, море по колено... Я был казначеем его кармана... Ха-ха-ха...

Хандан. Bravo, мой эфенди, bravo!

Ибадулла. Да что там «bravo»! У человека *(изображает жестом)* была куча денег. А у тебя одно только «bravo».

Салехбей. Ну, научи нас своим фокусам, может, и мы подработаем...

¹ Тирйек — опиум, гашиш.

Багир. Да у него все так, мелкие аферы, не стоящие. Как говорится, дичь — фазан полон казан, от воробышка — что за похлебушка...

Ибадулла. Выходит, я — из воробышков...

Хандан. Успокойся, друг. Нам и до воробышка далеко. Он-то всегда сыт, а мы...

Ибадулла (*перебивая*). А мы — нетопыри дремучие, лодыри восточные. Привыкли жить на готовенькое. Надо бы дело делать, а мы не умеем. Рохли мы. Вот, глядите, какие дела проворачивает Наум-эфенди. Сколько он в Баку нефтяных участков продал! В Египте некий миллионер испустил дух, бобыль, так наш ловкач сыскал ему и «вдову» и «отпрыска», адвоката нанял, судили-рядили... В конце концов наследниками объявили и деньги заграбастали...

Хандан. Bravo, мой друг!

Салехбей. Куда нам до Наума-эфенди! Он, еще живя в Стамбуле, не упускал своего. Чего только не вытворял! А как учуял, что к власти придут кемалисты, — смылся...

Багир (*сокрушенно качая головой*). Нет, из нас науки не получатся. Вот у нас в Баку забила нефть из-под земли и дураков в люди вывела. А приехали сюда — и дурь вышла наружу, все состояние промотали, прокутили и теперь слоняются без дела. Ни черта не умеют делать. Нет, наумов из нас не получится!

Ибадулла. Внушили себе — нет и нет, вот и не получается. Давайте же попытаемся, чтоб получилось. Давайте пошевелим мозгами, пораскинем умом.

Молчание.

Все. Пораскинем! (*Погружаются в раздумье.*)

Хандан (*отвлекаясь*). Нет, не выходит. В мою поэтическую башку ничего, кроме фантазий не лезет. Витаю в облаках (*показывает на небо*), а спуститься на землю не могу.

Ибадулла. Да, от тебя толку мало, ты пни. Тебе кропать стихи, а нам — слушать. Нам добывать деньги, а тебе — быть котом на подхвате.

Хандан. А это что значит?

Ибадулла. Это такая киска: кис-кис-кис...

Хандан. Ну и что?

Ибадулла. Вот я и говорю: нам добывать, тебе — есть-попивать.

Хандан. Верно... Поэт, по сути, вроде кота. Нам бы чертог, теплый уголок, сложи пару хвалебных строк — и живи припеваючи. Превосходно!

Ибадулла. Нет, эфенди, из этого «превосходно» ничего не выйдет. Да и при дворе жить — душа зачахнет. Знаешь, какое бы нам дельце? Такое, чтобы непотное и доходное.

Багир (*Салехбей*). Салех-эфенди, вы-то давно знаете с Наумом-эфенди, почему бы вам с ним не столковатьсь? Поговорите, может, и мы... жирку нагуляем...

Салехбей. Да, мы и впрямь — Восток... (*С иронией*). Пристало ли подданному великой османской державы идти на поклон к еврейскому толстосуму? Мы ведь слышем нацией высокородной...

Хандан. Воистину так. Мы были господами. Мы жили в иных условиях. Но, не зная терзаний, мы не познаем житейских дорог.

Ибадулла (*усмехаясь*). Ну да, терзания. Вот — помираем с голоду. Хозяин отеля — терзает. Желудок терзает — ежечасно, ежесекундно... Как же еще терзаться? (*Показывает на чемадан*.) Видишь? В нем — пусто. Но он так тяжел, что давит на все мое существо, честь, достоинство... Что же ты называешь еще терзанием?

Стук в дверь.

Салехбей. Входите!

Швейцар (*входя*). Салехбей, вас к телефону.

Салехбей. Пек ейи!

Швейцар выходит.

Простите, я на минуту. (*Выходит.*)

Ибадулла. Пошли, друзья, не будем мешать человеку.

Хандан. Да мы и не мешаем — и он без работы, и мы. Только и дела, что поспать, в бильярд сыграть да кофейку попить.

Багир. Не скажи. У него денежки, не то, что у нас.

Хандан. Конечно. На год-другой ему хватит. А вот нам — худо, вернее — мне. (*Багир*). Вы-то сами по-

¹ Пек ейи (турец.) — очень хорошо; здесь — ладно.

винны, — большевистское правительство вам высылало ежемесячное пособие, а вы не воспользовались. Вам бы окончить курс обучения и вернуться на родину, как другие. Все, кто вернулся с дипломом в Азербайджан, сейчас заняли хорошие посты.

Ибадулла. Хандан-эфенди, я не в восторге от твоих логичных соображений и советов. Перемени платинку. Нет логики в мире со дня сотворения. А ты меня учишь логике. Терпеть не могу логичную жизнь. Жить бы, как птицы, без труда кормиться, ни перед кем не клониться.

Багир (иронически). Птицы-то счастливее нас, им не надо платить за одежду, за отель. Да и в деньгах не нуждаются: нет их в птичьем мире... Я тоже не в восторге от божественного миропорядка.

Хандан. Согласен, что всевышний сотворил мир не лучшим образом. (Пауза.) Но и птицей я не хотел бы родиться... И быть человеком — тяжкая доля... Хотел бы я стать иным существом...

Ибадулла (со смехом). Обезьяной!

Хандан (взвываясь). Обезьяна — ты сам и есть, дубина! (Вскочив, хочет кинуться на Ибадулла, его удерживает Багир.)

Ибадулла (смеясь). Хандан-эфенди, зачем же кипятиться? Ну не ты, так я буду обезьяной. В этом самом Париже обезьяны в большей чести, чем люди. Если на тебя потратить то, что тратит иная аристократка на свою мартышку или собачку, ты бы на человека стал похож...

Хандан (рванувшись). Опять ха-ха-ха!

Салехбей (входит с веселым лицом). Друзья, простите меня, я должен уходить. Похоже, дела идут на лад. Все (разом). Скажи, какие новости?

Ибадулла (ухмыляясь). Пахнет ли деньгами, скажи.

Салехбей (доставая шляпу и пальто из гардероба). Потом!

Все расходятся.

Картина вторая

Кабинет Наума-эфенди. На изящном бюро — серебряный письменный прибор, лампа и книги. Перед бюро — два кожаных кресла. У стены диван, книжные шкафы, стены увешаны картинами и географическими картами. Наум-эфенди, сидя за столом, что-то записывает. Достав из кармана часы, поглядывает на них. Затем встает и прохаживается по комнате.

Наум. Время бежит... (Разминая руки, посвистывает). Опаздывает...

Тихий стук в дверь. Входит служитель в ливрее с галунами, на серебряном блюде — визитная карточка.

Наум (взяв визитку, пробегает глазами). Пусть войдет.

Служитель тихо ретируется.

Салехбей (заглядывая). Можно?

Наум. Пожалуйста. Милости прошу, эфенди. (Здороваются, приглашает посетителя сесть в кресло, сам садится за бюро.) Где ты пропадаешь? Не видать тебя... Чем занят?

Салехбей (смущенно). Пока — ничем.

Наум (удивленно). Стало быть, проедаешь капитал. А потом?

Салехбей (в раздумье). Понемногу овладеваю французским.

Наум. А что толку? Оклад высшего французского чиновника не покрывает расходы одного нашего скромного банкета. Ха-ха-ха! Кроме того, даже изучив в совершенстве французский, ты не добьешься положения, ибо ты — иностранец... Такова правда! Ты не верь лозунгам о свободе, равенстве, братстве, намалеванным на стенах, все это — анахронизм, никто им не верит и не придает значения... Ха-ха-ха!

Салехбей (подавленно). Вы меня лишаете всяких надежд.

Наум (смеясь). Правда не должна повергнуть человека в отчаяние. Это реальность.

Салехбей. Хорошо, что же мне делать?

Наум. Этот вопрос мне нравится. Спросил бы раньше — я бы подсказал тебе верный путь. А теперь ответь ты на мой вопрос: ты ничего нового не заметил?

Салехбей (раздумывая). Вроде, ничего.

Наум. Что нового в газетах?

Салехбей. Кроме восстания курдов — ничего.
Наум (*улыбаясь*). А разве этого мало? Именно это нам и нужно.

Салехбей. Какой нам от этого прок?

Наум. О, друг мой. Всякое событие сулит барыши. Здесь — Париж... Здесь всякое событие — объект купли-продажи. Надо только знать, каким образом воспользоваться ситуацией.

Салехбей (*воспряв духом*). Хорошо. Я готов.

За окном смеркается. Наум-эфенди включает свет.

Наум. Теперь, мой друг, дело обстоит так. Ты следишь за прессой. Кроме видимой стороны событий, есть и подноготная. В курдском мятеже чувствуется рука англичан. Нынешняя цель — отнюдь не независимость курдов. Цель — прибрать к рукам мосульскую нефть. Победит восстание — может возникнуть проанглийский курдский протекторат. Естественно, правительство Кемаля постарается быстро подавить мятеж. Но если учесть труднопроходимость дорог, дело растянется не менее, чем на месяц. Я это все рассказываю неспроста.

Салехбей. Судя по предисловию, намечается комбинация.

Наум. Как же жить без комбинации? Поясню свою затею. Парижская биржа очень чутко реагирует на все политические события. Каждое телеграфное сообщение там хватают на лету. Теперь и нам нельзя бездействовать. (*Пауза.*) При таких ситуациях нефтяные короли раскрывают пошире свою мощь, а каждый, кто сможет, — будет набивать свою.

Салехбей (*улыбаясь*). Растолкуй.

Наум. Моя идея: воспользуемся курдскими волнениями... и учредим займы...

Салехбей (*изумленно*). Найдется ли идиот, которому надоело его деньги?

Наум (*спокойно*). Так могут говорить люди, не сведущие в делах. Уж если я берусь за дело — значит, гарантия есть. Ты-то ведь ничего не теряешь. Я хочу вручить тебе солидную сумму. Согласен?

Салехбей (*обрадованно*). Помилуй! Кто же отказывается от денег?

Наум. Слушай меня. Некогда мне упражняться в поэтических фантазиях. Я человек дела. Мое оружие —

биржа. И я с ним в ладах. Займы-то сработаем. Но нужна некоторая подготовка.

Салехбей. Какая?

Наум. Прежде всего, опубликовать в печати две-три телеграммы. Одну, скажем, из Багдада, другую — из Бейрута. Объявить, мол, некий претендент на курдский престол совершает вояж по Европе. И вскоре его высочество якобы прибывает в Марсель. А после — Париж, где остановится в отеле Шанс-Элиза. Ха-ха! Уразумел?

Салехбей (*со смехом*). Ох, Наум-эфенди! Какие мысли приходят вам в голову!

Наум (*серьезно*). Так вот. В Шанс-Элизе, составив пышную свиту «престолонаследнику», приступите к делу. Задача в том, чтобы, молниеносно завладев общественным мнением, добиться цели. Минута промедления может сгубить дело.

Салехбей. Ну хорошо, газеты раструбили, общественное мнение выработали, толпы любопытных хлынули в Шанс-Элизу... А дальше?

Наум. Что — дальше? Пусть уезжает восвояси. А там, глядишь, его примет курдский шах. Ха-ха-ха!

Салехбей (*изумленно*). Кто этот шах, где он находится?

Наум. Вот здесь (*указывает на Салехбея*). Сидит передо мной...

Салехбей (*с хохотом вскакивает с места*). Боже, я — шах? Я — его величество? Ха-ха-ха! Ты разыгрываешь меня, что ли? Шутить ли? (*Тычет пальцем себя в грудь.*) Салехбей — король? Ха-ха-ха!

Наум (*спокойно и серьезно*). Его величество Салехбей. Никаких шуток. Есть тысяча способов заработать, это — еще один... Не будем отвлекаться. После подготовки ты отправившись в Марсель и вернешься в Париж в вагоне первого класса. На вокзале тебя встретим с почестями и в автомобиле доставим в Шанс-Элизу. Не беспокойся, на этот маскарад я выделил пятьдесят тысяч франков... Я бы не стал тратить, не будь барыш в двадцать раз больше... Теперь скажи мне: есть ли у тебя надежные люди?

Салехбей. Какие люди? (*Садится.*)

Наум. Дадим объявление, мол, для отправки в Кюрдистан собирают добровольцев. Для того, чтобы занять сбором, нужны два человека.

Салехбей. Есть такие. Один — Багир, из здешних студентов-азербайджанцев.

Наум. Дельный ли человек?

Салехбей. Что он, что шайтан. У него есть связи с политэмигрантами, подозреваю даже тайная миссия. Проникает везде и всюду и умеет прятать концы в воду.

Наум. А не подведет?

Салехбей. Дашь деньги — в лепешку разобьется. И еще — Хандан-эфенди, неприкаанный поэт. Перебивается с хлеба на воду. Дашь денги — с удовольствием услужит. Из тех, кто из Турции эмигрировал, недоволен новой властью. Хотел выскочить в депутаты, но его провалили.

Наум. Очень хорошо. Сейчас я позвоню Гастону де Мустазу — пусть он войдет в контакт с газетами. *(Берет трубку.)* Алло, 44—45. Алло! Можно ли месье Мустаза? Ах, это ты? Добрый вечер. Узнал? Кто? Он самый. Ты сейчас занят? Ладно, жду. Лучше на авто. Не беспокойся, я заплачу шоферу. Уповаю на бога. *(Кладет трубку.)*

Салехбей. Кто он?

Наум. Репортер. Что ни закажешь — мигом управится. Погляди завтрашние газеты — увидишь, каких «уток» запустит...

Салехбей. Могут ли газеты опубликовать сообщение?

Наум. Конечно. Не в кредит, а за наличные. Здесь все продается и покупается. Деньги властвуют над всем. Дай мзду и изволь печатно представить какую-нибудь шлюху святой Марией. Да, мой эфенди, Европа — совершенно другой мир. Здешние нравы не укладываются в нашей восточной голове, здесь продаются даже могилы, и они, как вагоны, делятся на классы. Бедноте некуда деться. За пять тысяч франков можно покониться в земле лишь пять лет, а для вечного упокоения нужны колоссальные суммы... У богатых даже для псов есть собачье кладбище, а вот бедному покойнику нет места и на человеческом. Потому всеми правдами и неправдами — обогащайся. Таковы здесь законы.

Салехбей *(потрясенно)*. Боже... Я словно открыл для себя Америку. До чего докатилась культурная Европа! Диву даюсь!

Наум. Это культура наживы. Кто не богат — тому нечего ждать. Но разве мы не вправе быть богатыми?

Цель оправдывает средства. Если ты беден, твой труп прямиком повезут в клинику, где студенты, зажав нос грязными пальцами, будут упражняться в анатомии... Ха-ха-ха... Ну, ты понял свою задачу?

Салехбей. Я не могу понять одного — почему в стране, где так ценятся деньги, вкладывают займы в заведомо пустое дело?

Наум. Для Европы нет пустых дел — выданные займы рано или поздно будут свалены на какое-нибудь крупное государство. Ты должен это знать. Кроме того, европейцы столь алчны, что ради наживы швыряют деньги, как и в рулетке. *(Молчание.)* Так воспользуемся этим обстоятельством. *(Поменяв тон.)* Стало быть, люди у тебя есть.

Салехбей. Есть.

Наум. Вот и ладно. Встречать — привечать «короля» на вокзале должен пойти еще один человек, чтобы поощрить людей, дай им немного денег. *(Выдвинув ящик стола, достает пачки.)* Было бы хорошо, если каждый из них будет иметь официальную форму. Полагаю, пока пяти тысяч достаточно. *(Протягивает деньги.)*

Салехбей *(улыбаясь)*. Достаточно. *(Берет деньги и с довольным видом кладет в карман.)*

Наум. Закати им и пирушку. Пусть развлекаются. Люди нам всегда понадобятся. Бог даст, займов сделаем уйму!

Тихий стук в дверь. Входит секретарь и передает визитку своему патрону.

Пусть войдет.

Секретарь уходит.

Гастон *(входя)*. Bonjour, месье!

Наум. Bonjour. Разреши представить тебе: Салехбей. Персона достойная.

Гастон. Очень приятно. *(Приветствует учтивым кивком головы. Садится лицом к лицу с Салехбеем.)* Как ваши дела?

Салехбей. Благодарю.

Гастон. Ваше лицо мне знакомо. Вы не бывали в «Мусульманском братстве»?

Салехбей. Был однажды. Наверно, там вы и видели меня.

Гастон. Должно быть. *(Пауза.)*

Наум *(Гастону)*. Я объяснил уже тебе суть дела.

Гастон. Да.

Наум. Завтра же надо приступать.

Гастон. Телеграммы готовы. Хотите, зачитаю?

Наум. Изволь.

Гастон *(достает из кармана листок, читает вслух)*. «Багдад. Курдское восстание разгорается. В Дيارбекире учреждено временное правительство. Салехбей, которого называют вероятным кандидатом на курдский королевский трон, с целью встречи с членами зарубежного «Общества курдского возрождения» через Бейрут направился во Францию. По последним сообщениям, войска, отправленные Кемалем для подкрепления, понесли тяжелые потери, были вынуждены отступить».

Наум. Неплохо. Только надо бы поподробнее о внутреннем положении в Курдистане.

Гастон. Это — набросок. Я, конечно, доработаю. Наутро текст будет опубликован в газете «Матэн».

Наум. Хорошо бы аналогичное сообщение дать, скажем, в «Чикаго трибюн» — из Стамбула. Ты ведь знаешь, что этой ситуацией пристально интересуется английский капитал.

Гастон. Осуществимо.

Наум. А как насчет других газет?

Гастон. Дня через два «король» выедет из Бейрута. Это — седьмого числа. В этот день оттуда в Марсель отправляется пароход — я подробно изучил вопрос. Восьмого числа опубликую ряд телеграмм. Эти сообщения будут подробнее и более интригующими.

Наум. Во всяком случае ты не новичок в журналистике. Опыта тебе не занимать.

Гастон. Будь спокоен. Публика будет обработана надлежащим образом.

Наум. А что если опубликовать и пару статей. Скажем: «Французские интересы в Курдистане»... С учетом соседней Сирии... Ты и сам прекрасно знаешь, как нужно политически «подковывать» статьи...

Гастон. Дам серию обзоров — в «Матэн», «Пти паризьен», «Журнал», а в вечернюю — «Энтрассизона» — небольшой опус... Полагаю, этого довольно...

Наум. Хорошо. Завтра ты уточни сумму — сколько надо заплатить газетам — и сообщи мне. Знаешь, шуми-

ха французских газет возбудит яростную ревность у англичан. А нам это-то и нужно.

Гастон. Ну да. Я понимаю.

Наум. Что еще можно предпринять?

Гастон. Надо бы заручиться поддержкой одного или двух влиятельных в банковских кругах лиц. Без них не обойтись, когда речь идет о выдаче займов малым нациям... Конечно, нужна полная конспирация...

Наум. Знаете ли вы подходящего человека?

Гастон. Разумеется. Я переговорю с ними и намекну о вознаграждении. Кроме того, в Париже обретают бывшие сподручные султана Абдулгамиды. Они также причастны к событиям на Востоке.

Наум. Войди с ними в контакт. Представь их и мне. Пригласим при случае на званый обед.

Гастон. Да-да. *(Пауза.)*

Наум-эфенди нажимает кнопку звонка. Входит секретарь.

Наум. Принеси аперитив.

Секретарь уходит.

Гастон. Вопрос с прессой ясен. А как с прибытием «короля»?

Наум. Все готово. Салехбей во всем единодушен с нами.

Гастон. Прекрасно! Тре вьен!

Наум *(усмехаясь)*. А то ведь сидит без дела, продавая свои сбережения. Надо и ему дать заработать.

Салехбей. Я благодарю вас за науку.

Служитель приносит на подносе вино, бокалы, ставит на стол сифон с газированной водой и собирается разливать.

Наум. Мы сами управимся.

Служитель уходит.

(Наум, налив вина в бокалы, доликает в них газированной воды). Пожалуйста.

Салехбей. Благодарю!

Гастон. Мерси! *(Пригубив аперитив, ставит на поднос.)*

Наум (*Гастону*). У нашего Салехбея есть приятели — стреляные воробьи. Знают толк в делах. Думаю, они нам очень пригодятся.

Гастон. Прекрасно. Восточные люди весьма сообразительны. (*Салехбею*). Мы, французы, обожаем Восток.

Салехбей. Это взаимно. Я полюбил Францию. Это совершенно цивилизованная страна.

Гастон. А прежде вы бывали у нас?

Салехбей. Нет, я здесь впервые.

Гастон. Но вы хорошо говорите по-французски.

Салехбей. Отнюдь...

Гастон. Общеизвестно, что восточные люди очень восприимчивы к языкам, в частности, они очень быстро усваивают французский. Я встречал таких, которые владеют им не хуже самих парижан.

Наум (*вызывает звонком служителя*). Можете подавать на стол.

Служитель. Сию минуту!

Гастон в недоумении смотрит на Наума-эфенди.

Наум. Поужинаем вместе.

Гастон. Вы обременяете себя, месье... Гостеприимство — один из приятнейших обычаев Востока. И чья ваш обычай, с признательностью разделю трапезу с вами.

Наум-эфенди встает, и гости поднимаются вслед за ним. Наум-эфенди открывает ящик стола.

Наум. (*Гастону*). Простите, я забыл о самом существенном. (*Достает деньги и передает ему.*) Это на теперешние расходы.

Гастон (*кладя деньги в карман*). Мерси! Мерси!

Кафе. За высокой стойкой сидит хозяйка заведения. К ней то и дело подходят гарсоны в белых фартуках и, получив марки, выносят из компаты слева для клиентов кофе, молоко, кренделя, напитки. Кафе обставлено диванами-канapé, мраморными столиками и стульями. Между канapé стоят вешалки. На столиках — газеты, журналы. Справа двое бородатых посетителей играют в шахматы, слева негр с молодой спутницей пьют кофе. Негр иногда обнимает и целует свою спутницу — окружающие не обращают на это внимания. Две-три кокетки, заигрывая, строят глазки молодым клиентам. Багир и Ибадулла заняты игрой в триктрак (*нарды*). Перед ними — пустые чашки. Время от времени они перекидываются словами. Посетители сменяют друг друга. В стороне сидит одинокий старик и что-то пишет. При шуме раздраженно поднимает голову, и, ворча под нос, вновь начинает писать.

Ибадулла (*Багиру*). Ладно, а нам не причитается из денег, присланных из Баку?

Багир. Не думаю...

Ибадулла. Почему?

Багир (*несколько раздраженно*). Как «почему»? Это для студентов. А ты разве студент?

Ибадулла (*смеясь*). А ты? Я-то получал всего три года, а ты — до сих пор.

Багир. Я студент. Ты с самого начала никуда не определился.

Ибадулла. Браво твоему студенту! Что ни год — меняешь место службы и высылаешь справку. А кончать — не думаешь.

Багир. Окончу.

Ибадулла. Ну и ловкач же ты. Умеешь проворачивать свои делишки. Со всеми на дружеской ноге. И с мусавитистами знаешься, и с большевиками, и во французские общества вхож. Да уж, ты вполне современный человек.

Багир. Ты давай играй, уменьь жить — не про тебя.

Ибадулла. Вот с этим согласен. Молва обо мне худая, а ведь я тише воды, ниже травы. Говорят, шакал растерзает, а все на волка валят. Тебе вот все сходит с рук. А я аферистом слышу.

Багир. Так-то оно так... Играй по правилам.

Ибадулла. Шутки в сторону. Умоляю, получи и для меня немного денег.

Багир. Раздобудь удостоверение — без него не выйдет.

Хандан (*входя в кафе*). Привет, друзья.
Багир. Привет.

Хандан подсаживается к ним. Тотчас подходит гарсон. Хандан заказывает кофе, и вскоре гарсон подает чашку.

Ибадулла. Как живется — можете?

Хандан. Прекрасно... Читали новость в газете? Курдский король откуда-то объявился. В Париж следует... Ох, эти окайные англичане, чего вытворяют! Диву даюсь: британцы испокон веков переворачивали мир вверх дном, а никто им не противился.

Ибадулла (*продолжая игру*). Хандан-эфенди... как ты думаешь, выгорит дело у них в Курдистане?

Хандан. Кто знает... Разве не удалось — в Болгарии, Сербии, Румынии?.. И все — нам в ущерб. Наши владения становятся все меньше и меньше... Сирия, Палестина, Аравийский полуостров, Ирак, чего только не отдали мы...

Ибадулла (*со смехом*). Не беда. Отдайте и Курдистан — и дело с концом.

Хандан (*возмущенно*). Нет уж, эфенди. Курдистан не уступим! Довольно с нас! (*Вскинув кулак, принимает воинственный вид.*)

Окружающие смеются.

Ибадулла (*смеясь*). Хандан-эфенди, потрясать кулаками бесполезно. Коль смел — иди войю.

Хандан. Уволь, этого не смогу. В европейской кампании этот окайный Энвер-паша нас кидал с фронта на фронт, довел турок до беды. Хватит! Пусть теперь воюют богачи, а я погляжу.

Ибадулла (*иронически*). Хандан-эфенди, я-то считал тебя героем, выходит, ошибся. Родина в беде, а ты тут спокойно попиваешь кофе.

Хандан. Я уж много послужил родине. А плоды пожинали другие. Кто стал депутатом, кто министром, кто послом, а мы оказались в изгнании. Нет у меня родины.

Ибадулла. Тем не менее, ты не хочешь, чтобы и курды получили независимость.

Хандан. Это недопустимо! Все это — английские козни! Разве независимы Сирия, Ирак? Трубят о сувере-

нитете наций! Отняли их у нас и сделали своей колонией. Так случится и с Курдистаном, если он отделится. Нет, дорогой, нам недосуг внимать сладким речам дипломатов.

Салехбей (*входя*). Добрый день!
Все. День добрый!

Салехбей присоединяется к ним и заказывает porto.

Салехбей. Друзья, не желаете ли и вы?

Багир (*оживившись*). Салехбей, ты, никак, разбогател?

Ибадулла. Ого! Ого!

Хандан. Bravo!

Салехбей. Всем — porto!

Гарсон выполняет заказ.

Друзья, наш наставник вспомнил о нас, да продлит аллах его жизнь.

Игра завершается. Багир закрывает доску для нард и откладывает в сторону.

Багир (*с иронией*). Салехбей, Курдистан вот-вот завоеует независимость. И, наверно, тебе предложат губернаторство. Полагаю, ты уж подкинешь нам секретарство или что.

Салехбей (*в тон ему*). А как же! Для всех вас уже готовы посты.

Ибадулла. Душа моя, к чему посты, правительство, политика — я отстранюсь. Гуляю себе, никакой ответственности, никаких страхов. А министры ходят, озираются. Мне незачем озираться, кому я нужен? Вот если перепадет деньга — я на седьмом небе. Тогда никакой власти, будь хоть английский король, до меня не дотянутся.

Хандан. И я не люблю политику. «Верхи» меня пугают. Самое милое дело — вари в котелке, ешь в уголке.

Ибадулла. Bravo, Хандан-эфенди! И я, как ты, рассуждаю... «Чаша мала — голова цела». Но... (*понизив голос*) деньга не помешает...

Салехбей. Друзья, вы еще молоды-зелены, еще не вкусили опиума власти, а попробуете — не оторваться.

Я вот побывал в губернаторах, все еще вкус власти помнится.

Ибадулла. Салехбей, скажите по правде, если вы заполучите пост — не забудете ли нас?

Салехбей. Никогда.

Багир. Коли клянетесь — забудете.

Салехбей. Клянусь честью... Вы будете у меня кататься как сыр в масле...

Ибадулла. Хвала, хвала! И долги мои вернешь?

Салехбей. Верну!

Ибадулла. Вива, вива! (Хандану.) Браво, мой эфенди!

Хандан. Браво!

Салехбей (задумавшись). Шутки в сторону... в этой парижской бирже всяк чем-то торгует... Пусть хоть товар и ничего не стоит... Почему бы и нам не попытаться?

Ибадулла. Нужна работа и умение.

Салехбей. Хотите, я дам вам работу?

Багир. Мы согласны. А каково мнение Хандана-эфенди?

Хандан. Я готов участвовать в игре.

Салехбей. Не об игре речь, я всерьез говорю.

Хандан. Ну-ну.

Салехбей. Стало быть, вы согласны. Очень хорошо. Багир, завтра с 9 до 12 часов ты начнешь записывать добровольцев — у себя в номере.

Багир. Брось шутить!

Салехбей. Я — серьезно. Завтра об этом событии оповестят газеты. Вот тебе тысяча франков на первоначальные расходы (передает ему деньги). Уразумел суть дела? Будешь записывать имена и адреса желающих... Спросят об условиях — скажи, мол, после им растолкует... Во всяком случае, обставь свою приемную с торжественностью.

Багир. Понятно.

Салехбей. Хандан-эфенди поможет тебе (вручает и Хандану деньги). Пока довольствуйтесь этим. Потом дам побольше.

Хандан. Благодарю! (прячет деньги.) Да здравствуют курды! Коль один не умрет — другой не воскреснет. (В сторону). Европейцы доканали армян, теперь черед — за курдами. Горе упавшему! М-да... эти мятежи

малых народов попахивают нефтью! (Принюхивается.) Нефтью!

Ибадулла. Что ты бормочешь?

Хандан. Деньги... меня (впадает в обморочное состояние, пошатывается на стуле, остальные вскакивают с мест, подхватывают его. Он приходит в себя).

Ибадулла (смеясь). У нас в Азербайджане говорят: «Ардебильский кот не выдывал кюфты...» А Хандан-эфенди — денег!..

Хандан. Человек... бывает жалок...

Салехбей. Ты не будешь... пообвыкнешь. Садитесь!

Все садятся.

Господа! Ибадулла включится в работу чуть позже (передает ему изду). Сними на эти деньги себе комнату и закажи приличный костюм.

Ибадулла. Спасибо. (Прячет деньги.)

Салехбей. Господа, задача вам ясна? Серьезно позаботьтесь о своей внешности. Первые успехи во многом зависят от вашей респектабельности.

Хандан (встает и, подойдя к авансцене, обращается к зрителям). Господа, задача вам ясна? Серьезно позаботьтесь о своей внешности. Первые успехи во многом зависят от вашей респектабельности. (Молчание.) Браво!

Картина четвертая

Салон в отеле «Шанс-Элиза». Мебель, драпированная шелком, ковры, зеркала и картины на стенах. Сулейман Салехбей сидит во главе стола, в окружении Багира, Ибадуллы, Хандана-эфенди, Наума-эфенди и других посетителей. Время от времени входит служитель в красной ливрее с блестящими пуговицами, протягивая на серебряной подставке карточку очередного визитера. Наум-эфенди вслух зачитывает их имена и встречает посетителей, представляет вошедших «президенту на престол» и приглашает садиться.

Первый визитер. Как перенесло его высочество морское путешествие?

Салехбей. Конечно, малость потрепало... Но любезность и внимание к моей персоне заставили забыть все неудобства пути.

Второй визитер. Сколько вы пробыли в Марселе?

Салехбей. Несмотря на настояния «Общества курдского возрождения», я не мог пробыть там долго. Дела принудили меня поспешить в Париж.

Абдулазим-паша. Что является главной целью вашего вояжа?

Салехбей. Привлечь внимание Европы к великому курдскому движению, заняться закупкой вооружения и боеприпасов.

Абдулазим-паша. Ваш план велик и достоин одобрения... Мой эфенди! Когда ваш покорный слуга был у дел, то усердно радел о благородном курдском народе, на что милостиво указывал наш султан Абдулгамид... И я готов участвовать в любых предприятиях во имя осуществления ваших высоких целей...

Салехбей. Мерси! Я признателен и благодарен вам за изъявление государственных чувств.

Служитель сообщает о новом посетителе. Наум-эфенди зачитывает вслух фамилию.

Наум. «Журналист и магистр наук Гастон де Мустаза». (Служителю.) Пригласи! (Наум-эфенди встает навстречу входящему Гастону.)

Гастон. Бонжур, господа! Для меня честь и счастье быть представленным его высочеству Сулейману Салехбею, за чьей миссией я с великим интересом проследил по прессе.

Наум. Мерси. Милости прошу. (Стоя поодаль, переглядывается с Салехбеем.) Ваше высочество, если позволите, я представлю вам знаменитого журналиста, доктора Гастона де Мустаза.

Салехбей (с горделивой учтивостью). Извольте! Гастон почтительно подходит к Салехбею и пожимает протянутую руку.

Гастон. Франция рада приветствовать каждого высокого гостя с Востока. Миссия вашего высочества также порождает симпатии в душе французов.

Салехбей. И я тронут тем приемом, который оказывает мне благословенная и радушная Франция. (Жестом приглашает Гастона сесть.)

Гастон. Как поклонник Востока считаю своим долгом отметить, что испытать особое удовольствие, исполняя выпавшую на мою долю задачу во имя вашей великой миссии.

Салехбей. Мерси! Гран мерси!

Наум. Я полагаю, что содействие, которое вы окажете его преосвященству во имя высокого идеала — это гуманистический долг.

Салехбей. Благодарю.

Входит служитель с визиткой. Наум-эфенди берет визитку.

Наум (зачитывает вслух). «Председатель «Мусульманского братства», почетный член бывшего Алжирского апелляционного суда, директор газеты «Аль-мубаррек» месье Диодоне! (Служителю.) Пригласи.

Входит Диодоне — согбенный седой, хромою старик с вислокошенной бородой.

Диодоне (заклаясь). Бонжур! Салам-алекум! Я счел своим религиозным долгом посетить своего властительного собрата, прибывшего к нам во имя благословенного ислама.

Салехбей (привставая с места). Милости прошу!

Старик здоровается и садится на предложенное место.

Диодоне (достав четки и перебирая их). Я бесконечно тронут вашим братским визитом. При виде вас оживают мои достославные воспоминания. (Пауза)... Я был тогда молод... Служил в Алжире. Изучив святой коран, я обрел праведный путь. (Достав платок, утирает глаза.) Я отверг христианство и обратился в исламскую веру... В ту пору меня очень пугал вопрос об обрезании. Боялся заражения крови... И мать моих детей разделяла мои опасения... Она говорила: «А вдруг обрежут не так, изувечат»... Потом, вспомнив о самоотвержении святого Мухаммеда на стезе веры, я решился... (улыбается). До сих пор храню. Висит на гвозде над моим письменным столом. (Утирает глаза.) Моя благоверная с гордостью демонстрирует эту реликвию гостям...

Салехбей. Какова программа вашего Общества?

Диодоне. Радение в молитвах. Предупреждение падения нравов у братьев-мусульман под тлетворным влиянием европейской культуры... Вы знаете, ныне мораль подрывается все больше и больше. Революционный дух охватывает весь мир. Радение и послушание исчезают. Повсеместно — бунты и мятежи. Наша цель — удерживать массы в преданности вере и власти.

Хандан. Bravo! (*Спохватившись, зажимает ладонью рот.*)

Ибадулла (*вполголоса Хандану*). Будь человеком, оставь свое «браво», дай послушать.

Салехбей (*к Диодоне*). Воистину, вы делаете святое дело.

Входит служитель.

Наум (*зачитывает*). «Бывший секретарь Индокитайского наместника, бывший секретарь Мадагаскарского правителя, бывший советник Тунисского наместника, почетный член общества «Друзья Востока» месье Дрейер. (*Служителю.*) Пригласи.

Входит Дрейер — долговолосый, седоусый и лысый старик с морщинистым лицом. На галстуке — золотая булавка. Часто шмыгает носом.

Дрейер. Bonjour! Как друг Востока я счит своим почетным долгом, в соответствии с программой нашего общества, посетить святого Шахрияра, о котором вот уже столько дней читаю в газетах.

Салехбей (*привставая*). Добро пожаловать!

Дрейер здоровается с ним и садится на предложенное место.

Дрейер (*шмыгая носом*). Членов нашего общества чрезвычайно радует, что благородный курдский народ с оружием в руках борется за независимость.

Салехбей. Мерси! Мерси!

Дрейер. Думается, что создание нового дружественного, тесно связанного с нами государства по соседству с опекаемой нами Сирией соответствует нашим чаяниям.

Салехбей. Можете быть уверены, что мы будем поддерживать тесные дружественные отношения с Францией. Разве не является подтверждением этого факт, что в настоящей поездке я отдал предпочтение Парижу перед другими столицами?

Диодоне (*шмыгая носом*). Глубоко удовлетворен вашим пониманием истинных интересов вашей страны.

Появляется новый визитер.

Наум (*зачитывает*). «Маклер из биржи и репортер журнала «Финансьер» месье Молле де Валай. (*Служителю.*) Пригласите!

Входит Молле де Валай — молодой, экспансивный человек в щеголеватом костюме.

Молле де Валай. Bonjour. (*Понизив голос, Науму-эфенди.*) Эфенди, дела на мази. На бирже я развернул большую пропаганду. В некоторых банковских кругах обсуждается вопрос о субсидировании железной дороги Бейрут — Диарбекир. Думаю, что с займами все получится.

Наум. Прекрасно. А теперь я тебя представлю Сулейман-хану. (*Представляет его.*)

Салехбей. Bonjour!

Молле де Валай. Считаю счастьем служить вашей высокой миссии.

Салехбей. Благодарю всех вас от имени правительства и народа за симпатии, проявленные к нашим целям. Я уверен, что каждый шаг, направленный на обеспечение дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между Францией и Курдистаном, увенчается успехом...

Все (*в один голос*). Непременно! Непременно!

Ибадулла. (*Багирю. Голос его заглашается всеобщим хором.*) Слушай, дружок, похоже, запахло деньгами, руки зудят.

Салехбей. Из-за нехватки у нас специалистов Франции будет предоставлен ряд льгот. Полагаю, французский капитал послужит культурному прогрессу нашей страны.

Все. Конечно! Конечно!

Хандан (*под шум голосов*). Послужит закабалению, полагаю.

Служитель входит с запеленутым грудным ребенком на руках. Наум-эфенди вскакивает с места и загоразливает его.

Наум (*служителю*). Что это?

Служитель передает ему письмо.

(*Наум-эфенди пробегает глазами.*) «Ваше величество. Отправляю вам маленького велиахда¹ вашей страны, представьте его вашим гостям. Бехиджа». (*Письмо падает из рук Наума-эфенди. Он в замешательстве.*) «Велиахд?.. Велиахд? Что за дикость?»

¹ Велиахд — наследник.

Присутствующие, примолкнув, наблюдают за обомлевшим Наумом-эфенди.

(Чувствуя неловкость ситуации, он перенимает ребенка и обращается к компании.) Курдские студенты, живущие в Париже, прислали в дар его высочеству... бе... бе... белую чуху¹.

Все. Пусть носит на здоровье!

Ибадулла (в сторону). «Случка—тайком, дитя — на виду».

Диодоне (заикаясь). Ах, какой прекрасный, трогательный сюрприз! (Утирает платком глаза.)

Дрейер (шмыгая носом). Ах, как трогательно!

Салехбей. Снеси наверх, в мой номер.

Науум (про себя). Эта мадам спятила! Пойду вразумлю ее, пусть забирает своего отпрыска. Иначе все пойдет прахом. (Передает ребенка служителю, оба выйдут.)

Диодоне (Салехбею, заикаясь). Как велика здесь курдская «колония»?

Салехбей. наших студентов здесь не густо. Впредь наше национальное правительство умножит число молодежи, направляемой в Париж. Вот они (показывает на Багира, Ибадулла и Хандана) — тоже курды.

Диодоне (сняв пенсне и отделив его от глаз, с любопытством рассматривает «студентов»). О, шарман! Чем они заняты?

Салехбей. Этот (показывает на Багира) завершил экономический вуз, этот (на Ибадулла) — выпускник политической школы, а этот (о Хандане) — офицер.

Хандан-эфенди присоанивается.

Все состоят на службе при мне.

Диодоне (заикаясь). О, шарман! (К молодым людям.) Вы оказали нам честь, посетив наше общество. Ах, какие прекрасные у вас радения! Из Марокко мы пригласили сладкоустого хатиба. Своими проповедями он ублажает дух святого Магомета. (Утирает платком глаза.)

Дрейер (шмыгая носом). Ах, как прекрасно!

Гастон (к Диодоне). Месье, у вас заслуги превеликие, я не мусульманин, но высоко чту суверенность.

¹ Чуха — одежда (каракулевая накидка).

Труд, посвященный мусульманскому Востоку, считаю за честь для себя.

Салехбей. Мерси, мерси, Восток не забудет заслуг столь благородных господ.

Дрейер. Это — священный долг друзей Востока. Каждый ваш новый шаг вызывает у нас радость.

Входит Наум-эфенди. Вид у него повеселевший.

Науум (про себя). Насилу спровадил. Пока все идет недурно. (Во всеуслышание.) Простите, господа, меня задержал телефонный разговор. Прибытие святого Шах-рия вызвало большой интерес у банковских воротил. Все добиваются встречи. Особенно заинтересованы англичане.

Салехбей (Науму-эфенди). Надо назначить часы приема.

Диодоне (заикаясь). Разумеется. Деловые беседы требуют уйму времени.

Дрейер. Конечно!

Гости. Разумеется! (Снова — визитер.)

Науум (зачитывает). «Абдулгалим-паша, бывший приближенный его величества султана Абдулгамиди, отошедшего в рай...» (Гостям.) Личность влиятельная, в Париже живет давно...

Салехбей. Пусть пожелает.

Входит Абдулгалим-паша. Рдеющая седина аккуратно зачесана набок, в правом глазу — монокль, на пальце — перстень с крупным голубым самоцветом.

Абдулгалим-паша. Бонжур, высокочтимые господа!

Науум (подойдя к нему). Бонжур, ваше превосходительство! (Берет его под руку и подводит к Салехбею.)

Абдулазим-паша, вскочив с места, приветствует гостя. Тот сначала не узнает своего друга, потом, узнав, порывается облобызать полу его одежды, но Абдулазим-паша пресекает это движение и, в свою очередь, пытается приложиться устами к одежде друга. На сей раз его удерживает Абдулгалим-паша. Выказывая эти взаимные любезности, они кружат по сцене, а Наум-эфенди следует за ними на расстоянии двух-трех шагов.

Абдулгалим-паша (нагнувшись и пытаясь поцеловать полу пиджака Абдулазима-паша). Сколько лет,

как не виделись, ваше превосходительство, поцеловать вашу одежду — великая честь для меня...

Абдулазиз-паша (*обороняя свою полу и пытаясь ответить тою же любезностью*). Астахфурулла¹, эфенди! Ваше превосходительство являлось покровителем вашего покорного слуги. Поцеловать край вашей одежды — изъявление заслуженного почтения (*отмахиваясь*). Астахфурулла, уступите право поцеловать вашу полу младшему по возрасту!

Абдулгадим-паша (*взвизываясь, раздраженно*). Вы ли моложе меня? Бросьте, ради аллаха.

Абдулазиз-паша (*рассерженно*). Я ли старше вас? Оставьте, аллаха ради!

Абдулгадим-паша (*возмущенно*). Когда вы уже были пашой при дворе, я являлся письмоводителем Высокой Порты... Оставьте. (*Обернувшись, замечает Наума-эфенди*.) Мой эфенди! (*Улыбнувшись*.) Простите. Не изволите ли представить вашего покорного слугу святому Шахрияру?

Наум. С удовольствием. (*Салехбею*). Разрешите представить: бывший сподвижник его величества, владыки земли, и моря, и неба, самодержца османского трона султана Абдулгамиди, отошедшего в рай.

Салехбей. Премного рад.

Картина пятая

Зал в борделе. Изысканная мебель с мягкой обивкой, разостланы ковры, на подоконниках — дорогие вазы. Стены украшены зеркалами. Повсюду бросается в глаза эмблема: полумесяц со звездой. У входа начертано арабскими буквами: «Сарайи-Фатма» («Чертог Фатымы»). Справа стоит фортепиано. Несколько женщин — в ярких старинных платьях, в белых париках, остальные в современных модных одеждах. Девушки в различных позах: одни сидят на диванах, другие утопают в креслах, третьи — охорашиваются перед зеркалами.

Мужчины в смокингах. На авансцене стоят Багир, Ибадулла и Хандан-эфенди. Хандан-эфенди что-то говорит, восхищаясь роскошной обстановкой и красотой дома. Они ошеломлены.

Багир. Вот нам говорят: почему, мол, получив диплом, не возвращаетесь в Азербайджан. Но разве вся цель не сводится к тому, чтобы жить? Вот я и живу. Се-

годня, глядишь, объявился некий курдский хан, завтра — азербайджанское общество продает нефтеносные участки, дальше, глядишь, явился какой-нибудь ростовщик... Вот мы и перебиваемся благодаря им... по милости аллаха...

Ибадулла. Порой и всевышний забывает о нас, хозяин отеля не выпускает нас, владелец кафе показывает нам на дверь... Собачья жизнь.

Багир. Но и в этом своя прелесть. Я готов десять дней голодать ради того, чтобы раз в месяц провести такую ночь (*обводит жестом зал*). Живем на свете лишь раз, так и живи в свое удовольствие, а потом хоть под забор пластом. (*Обнимает Хандан-эфенди*.) Ты-то как думаешь, Хандан?

Хандан. О, диво! (*Завороженно созерцает женщин и обстановку*.) Мы-то в этой Турции прозябаем в убожестве, в неведении о мире! Стоит напечатать стишок в журнале — так нам кажется, что весь мир нам подарили. (*Молчание*.) А между тем (*окидывает взором женщин и зал*) оказывается, на свете есть такие чудеса!..

Ибадулла. Хандан-эфенди, ты еще мало что видел... Это же обыкновенный бордель.

Хандан. Довольно и этого... Остальное (*прикладывает палец ко лбу*) дополнит воображение. Написать бы большую трагедию...

Багир (*недоуменно*). Почему трагедию? Я вижу, ты еще не очухался. (*Строго*.) Друг мой, мир — это торжище плутов, кто смел — тот съел, а кто неумел — тот будет проваливаться стишками, как ты. (*Отходит, направляясь к женщинам, присаживается к одной из них, обнял ее*.)

Ибадулла. Они не пришли. (*Хандану*). Давай развлекаться, не будем упускать драгоценные мгновения. (*Ухватив за руку Хандана, пытается потащить его к кокеткам, тот противится, дергается, вырывается и, наконец, отходит и садится в сторонке*). Ибадулла усаживается в компании девиц. Что-то нашептывает одной на ушко, та устремляется к Хандану-эфенди и пытается сесть ему на колени.)

Хандан-эфенди испуганно отшатывается, остальные хохочут.

¹ Астахфурулла (арабск.) — аллах, помилуй.

(Хандану). А ты все ахал: «браво» (Показывает на красотку.) Вот тебе и «браво», сама тебе в руки дается, а ты куксишься. У тебя есть губы — и не целуешься, есть душа — а не вторись. Да какой ты к черту поэт!

Кокотка продолжает приставать, Хандан отмахивается. Наконец, та чмокает его в щеку и отбегает.

Х а н д а н (сконфуженно). Какое бесстыдство!

Хохот.

Багир. Хандан-эфенди, все в мире денно-нощно вкалывают, чтобы накопить денег и махнуть в Париж — хоть на месяц. Хан давит подданных, фабрикант — рабочих, правитель — страну... чтобы выжать деньги для куража... А ты дрыхнешь... (Хандан обиженно отмалчивается.)

Входят Салехбей, Наум-эфенди, Гастон де Мустаэ и хозяйка заведения.

Хозяйка (Науму-эфенди). Других визитеров не предвидится?

Наум (игриво). Нет.

Хозяйка. Что изволите?

Наум. Всю ночь до утра вот это (показывает на зал), и они (показывает на кокоток) должны быть в нашем распоряжении. Никого более не впускать.

Хозяйка. Разумеется.

Наум. А потом (встав с места, бесцеременно хватает хозяйку за подбородок, та вздрагивает)... потом... мы люди восточные... все будем сидеть на полу (показывает на Салехбея). Его величество будет восседать на троне. А женщины, как в гареме, будут увиваться вокруг и ублажать его. Пока все. Велите установить трон.

Хозяйка. Прекрасно.

Наум. Ясно?

Хозяйка. Конечно, эфенди. Нам не впервые. Мы и Ахмед-шаху трон ставили, и его покойному деду Музаффар-шаху.

Наум. Не мешкайте!

Хозяйка уходит. Каждый из мужчин подходит к одной из кокоток. Минуту спустя служанки в голубой униформе вносят трон и ставят его во главе зала, расстилают ковер, кладут на него шелковые подушки. Женщины усаживаются на них в игривых позах. Униформисты уходят.

400

Наум (почтительно кланяясь Салехбею). Ваше величество, владыка земли и морей, августейший престол к вашим услугам.

Салехбей. Благодарю. (Садится на трон.)

Наум (Ибадулле). Достопочтенный министр иностранных дел, пожалуйста в общество сих прелестниц!

Ибадулла. Мерси! (Усаживается среди красоток.)

Наум (Багиру). Пожалуйста и вы, уважаемый министр финансов.

Багир. Мерси! (Присоединяется к сидящим.)

Наум (ища глазами Хандана). А теперь наш военный министр... (Замечая надувшегося Хандана)... да он, похоже, объявил нам войну!.. (Подойдя, берет его под руку.) Что стряслось? Понятно! (Пауза.) Поэты слишком впечатлительны! И эти весталки шокируют тебя... не беда. Это бывает. Когда впервые с Востока приезжают в Париж... Привыкнете. (Поднимает его с места и, подводя к девицам, пытается усадить среди них, но тот шарахается.)

Наум (Гастону). Пусть пожалует и пресс-атташе.

Гастон. Мерси! (Садится.)

Хозяйка. Что еще желаете?

Наум. Шампанского!

Хозяйка. Сию минуту. (Удаляется.)

Наум (став в стороне). Довольны ли мной, господа?

Все. Довольны.

Наум. Мы добились своего. У нас есть деньги, в эту ночь погуляем от души... А после — упование на аллаха. (Затесывается между девицами.)

Входят кельеры-подростки в красных ливреях, с блестящими луговичами, в красных колпаках, неся на подносе вино, бокалы и закуску. Хозяйка следует за ними. Накрывают скатерть, сервируют.

Хозяйка. Пока это вас устроит?

Наум. Да. Что понадобится — позову.

Хозяйка. Я буду заглядывать время от времени. (Уходит с кельерами.)

Один из подростков остается у импровизированного трона.

Ибадулла (поднимает наполненный бокал). Твое здоровье, господин Хандан!

Наум (Ибадулле). Простите, ваше превосходительство.

Ибадулла выжидательно слушает.
Наполните всем бокалы...

Подросток-кельнер наливает вино Салехбею.

После аллаха есть одна священная личность, ниспославшая нам эти блага. Выпьем за здоровье его превосходительства (Салехбею). Живи тысячу лет, мой государь!

Все. Тысячу лет тебе!

Салехбей. Погодите! (Все умолкают.) Вы — ловкачи. Кейфуете в женских объятьях, а мне тут подышать?

Все. Прав святой Шахрияр!

Наум. Что прикажете?

Салехбей (показывает на одну из девиц). Пусть вот эта красotka с жемчужным ожерельем подойдет ко мне.

Девница, встав, усаживается на троне рядом с Салехбеем.

А теперь — выпьем.

Все. Тысячу лет тебе, государь!

Салехбей (девице). Как тебя зовут, красавица?

Девница. Жаннет.

Салехбей (обнимая ее). Ты не Жаннет, ты — джаннет¹.

Жаннет. Сюда часто приезжал Ахмед-шах. И он меня так звал: «Джаннет».

Салехбей. Очень он тебя любил?

Жаннет. Очень. И это кольцо он мне подарил.

Ибадулла (Багиру). Как дела?

Багир. Кейфую.

Ибадулла. Наполните бокалы. Господа, наш Наум-эфенди действительно большой человек. Вернее...

Багир. Что еще «вернее»? Он и впрямь большой человек.

Ибадулла. Он — маг. (Пауза.) Там, где другие... ничего не в силах сделать... вернее... я не могу выразить свою мысль. Словом, он очень славный и удивительный человек... Вернее...

Багир. Куда еще вернее?! Выпьем за его здоровье!

Ибадулла. С удовольствием. Наум-эфенди, ваше здоровье!

Все. Ваше здоровье!

¹ Джаннет — рай.

Наум. Спасибо.

Гастон. Простите, господа, у меня дополнение.

Всеобщее внимание.

Мне выпала честь близко знать и искренне дружить с месье Наумом. Это магнетически притягательная личность, деловой человек, знающий жизнь и людей. Мы осуществили с ним несколько предприятий. И я добивался удачи там, где отнюдь ее не ожидал. Вы стали свидетелями последнего предприятия — он перемолол политическое событие в кругленькую сумму... Это уму непостижимый человек. Слава ему!

Все. Слава, слава! (Сдвигают бокалы, пьют.)

Багир (поднимает бокал, как бы наедине с самим собой). И Багир — неплохой малый. Отец его — душа казино, а сам — международный прохиндей. Люди — быют гусей, да в казан скорей, а Багиру от гуся только перышко достается. Вот мой отец пишет, когда, мол, науку окончишь. А между тем, я только начал проходить курсы «Чертога Фатьмы». (Громко.) Господа, за здоровье министра финансов Багирбея!

Все. Во здравие!

Хандан. Поэт присоединяется!

Ибадулла. Да здравствует поэт! Хандан-эфенди, похоже, ты прозреваешь.

Хандан. Мало-помалу.

Салехбей. Музыка! Танцуем!

Все. Ура! Слава падишаху!

Наум-эфенди подает знак. Одна из девиц садится за фортепиано, играет, другие танцуют. Во время танца Наум-эфенди и Гастон становятся возле Салехбея, Багир с Ибадуллой и Хандан расходятся в разные стороны. Танец следует за танцем.

Салехбей (как бы продолжая начатый разговор, Гастону). Какого же ты мнения?

Гастон. По-моему, надо опубликовать статьи и телеграммы, опровергающие факт подавления мятежа. Если бум утихнет, нам не удастся вторая операция.

Наум. Достаточно одной «утки» о восстании — дальнейшее состряпают в заинтересованных парижских кругах. Такие события — лишь предлог для иных депутатов, финансовых воротил и правительственных лиц. Естественно, мы должны стремиться к продолжению шумихи в прессе.

Ибадулла (*Багир*). Послушай, они себе загребают деньги — что ж нам не подкинут?

Багир. С какой стати? Мы, как статисты на сцене, оплата — пшик.

Ибадулла. Это не по мне.

Багир. На месяц ты обеспечен. А там, глядишь, новая авантюра.

Ибадулла (*иронически*). И — на год прибарахлимся.

Багир. Дело-то немалое.

Ибадулла. Ладно, тогда хоть отведу душу. (*Танцует с партнершей, обняв ее за талию.*)

Салехбей (*Науму и Гастону*). Что толковать сейчас, на пьяную голову? Завтра приходите, обмозгуем дело.

Наум (*подойдя к одной из девиц и увлекая ее в танец*). Ого-го! (напевая) «Завтра приходите, обмозгуем дело».

Салехбей и Гастон присоединяются к танцующим.

Салехбей. О, Багирбей! Хандан-эфенди!

Багир включается в танец, Хандан, отойдя в сторону, достает из кармана блокнот и карандаш и, мусоля его, прикладывая блокнот то к стене, то на колено, кропает стихи.

Хандан (*глядя на девиц и сочиняя*). Пусть плывет ваш караван в лоно гор — там гулистан... (*Пауза.*) Пусть плывет ваш караван в лоно гор — там гулистан... (*Прохаживается, задевая то и дело танцующих.*) Пусть плывет ваш караван...

Ибадулла (*танцует и напевая*). Провались в огонь, Хандан. Там считай ворон, Хандан.

Хандан, не обращая внимания, продолжает шататься по залу, но, не сочинив ничего пугного, садится к накрытой скатерти и снова начинает пить. Вскоре танец кончается, и каждый несет свою партнершу на руках к пирушечному кругу. Салехбей с Жаннет взбираются на трон. В зал заглядывает хозяйка заведения. Гарсоны вновь подают напитки.

Наум (*Хандану*). Достопочтенный поэт, мы бы хотели послушать ваше сочинение.

Женщины. Просим!

Хандан. Здесь мне не пишется. Поэзия требует одиночества.

Салехбей. Хандан, воспой нашу Жаннет! (*К Жан-*

нет.) Наш великий сочинитель готов пожертвовать собой ради тебя...

Жаннет. Зачем такие жертвы? Пусть лучше преднесет мне в дар бриллиант.

Ибадулла (*смеясь*). На этот счет Хандан-эфенди не очень...

Жаннет. Какой же он восный министр, если не может раскошиться на подарок!

Ибадулла. У него воюют не солдаты, а рифмы. (*Хохочут.*)

Салехбей. Господа, налейте вина в бокалы! Господа, главный зачинщик нашего торжества — месье Гастон де Мустаз. Месье Гастон — рыцарь духа, туз в мире печати. Кроме того, он преданный почитатель Востока, ради которого он ничего не пожалеет. Выпьем за его здоровье. (*Пьет.*)

Все. Слава ему! (*Пьют.*)

Ибадулла. Пусть обратится в истинную веру! (*Пьет.*)

Хандан (*опускается на колени*). Страдания, во всем нравственные страдания. Божество улады, сверкающее в этих хрустальных бокалах, не вино, а кровь, кровь лоробощенного народа... Эти прелестницы прикидывающиеся веселыми, — восставшие из могил трупы в кровавых саванах... Они вопиют в слезах: «Продажные шейхи принесли нас в жертву английскому капиталу...» Там льется кровь, а здесь она оборачивается золотыми монетами... Вот участь малых народов, поверивших посулам Европы! Огонь, кровь, слезы! Здесь — вертеп. Уйду прочь! (*Вскакивает, порывается уйти.*)

Все. Хандан-эфенди! Хандан-эфенди!

Ибадулла. Наклюкался!

Багир. Да он и трезвый... не того...

Наум. Помилуй, почтенный... (*Удерживает его, Хандан вырывается.*)

Хандан. Пустите меня! Исчадня ада!

Картина шестая

Люксембургский сад. С краю аллен — широкая лужайка, окруженная деревьями и цветами. Между деревьями — скульптуры. По обе стороны аллен — скамейки. Бонны катяют в колясках малышек. По аллее снуют разнообразная публика. Бехнджа, сидя на скамейке, пишет картину с натуры. Утреннее солнце разбрызгало золотые блики под деревьями.

Ибадулла (*подходит, улыбаясь, к Бехидже. Она, слыша звук шагов, не обращает внимания*). Бонжур, Бехиджа-ханум. (*Снимает шляпу и стоит в нерешительности.*)

Бехиджа (*метнув на него взгляд, продолжает работу*). Бонжур!

Ибадулла (*с притворным интересом разглядывая картину*). Боже, как прекрасно вы пишете! Действительно, прекрасно! (*Глядя то на холст, то на натуру*). Эта статуя — как живая. (*Пауза.*) Простите, Бехиджа-ханум, кому вы предложите эту работу?

Бехиджа (*холодно*). Никому — оставлю у себя.

Ибадулла (*с предельной учтивостью*). У меня к вам просьба.

Бехиджа смеривает его взглядом.

Окажите милость, подарите эту картину мне — на память.

Бехиджа (*изумленно*). С какой стати?

Ибадулла (*в некотором замешательстве*). Простите меня, я, наверно, не так выразился, ведь я не вполне владею турецким... Я питаю к вам большое уважение... Как память...

Бехиджа. Бросьте! (*Продолжает работу.*)

Ибадулла. Знал бы, что вы так резки... Я привык со всеми обращаться учтиво и мне неизменно отвечали тем же... А теперь услышать от турчанки такой ответ... простите, но это оскорбительно...

Бехиджа (*недоуменно*). При чем оскорбление? Как можно дарить что-то человеку, с которым, в сущности, ты не знаком?

Ибадулла. Мы-то друг друга, полагаю, хорошо знаем.

Бехиджа. Ну, виделись однажды, но ни словом не обменялись.

Ибадулла. Ну и что, разве ж мы не турки?

Бехиджа. Мало ли здесь турок. Не могу же я со всеми быть запанибрата.

Ибадулла. Извините... но будем откровенны, допустим, некий молодой человек любит вас, ночью глаз не смыкает, исходит слезами... целыми днями кружит возле вашего ателье, мечтая увидеть вас... Вправе ли вы сурово обращаться с таким человеком?

Бехиджа (*поблуднев*). А вправе ли сей молодой человек питать чувства к женщине, у которой ребенок?

Ибадулла. Разве ребенок — помеха? Любящий приемлет все.

Пауза. Чувствуется, что волнение мешает Бехидже продолжать работу. Вдруг она, взглянув на часы, собирает палитру, снимает холст с мольберта, укладывает в ящик, собираясь уходить.

Бехиджа. Аллах с вами. Мне пора. (*Уходит.*)

Ибадулла (*глядя ей вслед*). С характером! (*Садится на скамью, достав газету из кармана, принимается за чтение.*)

Салехбей (*подходя*). Добрый день.

Ибадулла (*вскакивает, откладывая газету*). День добрый, Салехбей. Пожалуйста, присаживайся.

Салехбей садится рядом.

Видел Бехиджу? Только что здесь была.

Салехбей (*удивленно*). А что она тут делала?

Ибадулла. Писала картину. Как я ни подъезжал — ничего не вышло. Встала — и привет. Даже не удостоила взглядом.

Салехбей (*смеясь*). А как же... я же говорил тебе. Я-то хорошо знаю ее: от своего не отступится. Беда с ней, беда...

Ибадулла. Клянусь, впервые я встречаю такую... Диву даюсь. (*Молчание.*)

Салехбей. Что нового в газете? Я не успел взглянуть.

Ибадулла (*со смехом*). Подданных «святого Шах-рияра» разбивают в пух и прах.

Салехбей (*в раздумье*). Разумеется, после подавления восстания они не оставят в покое население. (*Пауза.*) Эти окаянные кемалисты продвинулись так молниеносно, что шейхи и бежать не успели. В такую зиму, на занесенных дорогах... что натворили...

Ибадулла. Душа моя, как горсточке мятежников противостоят регулярной армии. И это тоже английские номера. Им надо было поднажать на турок и принудить к уступкам ради мосульской нефти... Магнаты стригут купоны, а курды — только ставка в нечестной игре. (*Пауза.*)

Салехбей (*в горьких раздумьях*). Ну и ловкачи эти британцы! Всех в мире сшибают лбами, а сами срывают куш.

Ибадулла. Да уж, ловкачи. Еще какие ловкачи, сукины сыны. Всяк — простак, а британец — мастак. На всех ухитряется ездить.

Салехбей (*улыбаясь*). А вот и наш поэт шествует.

Ибадулла. Опять в трансе. Наверно, сочиняет. Ты молчи, посмотрим, заметит ли нас.

Хандан проходит мимо них.

Салехбей. Эй, поэт!

Хандан (*вздвигнув*). Ого! Bravo! Добрый день!

Ибадулла и Салехбей (*вместе*). День добрый!

Хандан (*оглядывая Салехбея*). Пожалуй, эта скамейка тебе больше подходит...

Ибадулла. Похоже, у Хандана-эфенди есть невысказанное слово...

Салехбей. У него всегда невысказанное слово. Человек — загадка. Каким же еще быть поэту!

Хандан (*язвительно*). Где же наш Наум-эфенди?

Ибадулла. Восстали курды — заработали англичане. Мы «возроптали» — заработал Наум-эфенди...

Хандан. У нас не ропот был, а так, сатанинские игры. Эх, хорошо бы накатать комедию, в пяти действиях...

Ибадулла. Ты не забудь там описать свое состояние — сцену в «Чертоге Фатмы».

Хандан (*сконфуженно*). Какое еще состояние?

Салехбей (*со смехом*). Ты там бредил спьяну.

Хандан. Какой бред? Когда вы начали танцевать, я уже спал. Как добрался домой — уж и не помню.

Ибадулла. Чтобы перевезти твой труп, пришлось еще за такси платить. Нет, поэт, не умеешь ты пить.

Подходит Багир.

Багир (*весело*). Привет!

Все. Привет.

Ибадулла. Слушай, тебя дома не застать. Между нами говоря, ты и вчера не ночевал дома.

Багир (*с усмешкой*). Дело затеял... потом расскажу.

Хандан. А денежное ли дело?

Салехбей (*смеясь*). А ты, поэт, похоже, спускаешься с облаков.

Ибадулла. Голод не тетка, нужда и не тому научит.

Хандан. Багир, я серьезно: что за дело?

Багир. Женюсь. У нее приданое — в сто тыщ долларов!

Ибадулла (*поражаясь*). Да что ты!

Салехбей. Да ну!

Хандан. Bravo! Посещаете ли «Чертог Фатмы»?

Ибадулла. Ну нет, у него впредь «Чертог Фатмы» будет дома.

Салехбей. Выходит, сорвем куш на твоём «ти-туле»?

Багир. Да! Но мне понадобится ваша помощь.

Салехбей (*с готовностью*). Какая?

Все полны внимания.

Багир. Она — дочь американского толстосума. (*Усмехнувшись*.) Говорю — девица, а она, может, и не девица, а в тетки мне годится...

Все смеются.

Ибадулла. Не беда, были б у нее деньги. В Европе, если даже под шестьдесят, а замужем не была, значит, ходит в мамзелях.

Багир. Есть у нее и подруга. Тоже из богатых.

Ибадулла (*насмешливо*). И ей, наверно, лет сорок.

Багир. Богатства им не занимать, но ищут громкое имя. Хотят выскочить за такого принца, чтобы в их высочествах ходить. Это в духе американских нравов.

Салехбей (*обрадованно*). Ясно! Мы должны тебя превратить в принца! Отныне ты принц Багир!

Ибадулла (*в сторону Хандана*). А это — придворный поэт Ходжа Хандан Ардебил.

Багир. Бросьте шутки! Моя американочка — поклонница Востока. В обществе «Друзей Востока» она познакомилась с Бехиджой и заказала ей ряд экзотических картин. Скоро она посетит ателье Бехиджи. И мы должны приготовиться к встрече...

Ибадулла. Салехбею там не стоит показываться. Да и я, знаете ли, в ателье не хожу... (*Молчание*.)

Багир (*многозначительно глядя на Салехбея*). Салехбей если захочет, все в его власти.

Салехбей. Как это захочет? Мыслимое ли дело? Ведь такая заковыка — ребенок. Я еле-еле выкрутился.

Багир (*усмехаясь*). Стоит тебе захотеть — все получится. Положим так: не можешь ли ты, хоть временно, признать свое отцовство? Это же куда легче и полезнее курдистанского трона.

Хандан. Ах, милый мой Салех, ради «Чертога Фатмы» можно поступиться всем...

Ибадулла. Браво, поэт мой, ты прозреваешь. Бей пять! (*Протягивает руку и Хандан бьет по пятерне.*)

Салехбей (*размышляя*). Нет, ничего не выйдет, я влипну.

Багир (*настойчиво*). Не влипнешь. Ты-то меня знаешь. Семь раз отмерю — один раз отрежу. Я уж с неделю занят этим делом, с помощью одного человека разузнал все о ней. Мы не должны упустить ее.

Салехбей (*в раздумье*). Что ж... я согласен... Если поглядеть с другой стороны, сперва тебе надо помирить меня с Бехиджой.. Ведь она должна быть в курсе дела. О тебе мы ей все растолкуем.

Ибадулла. Знаете что? Выберете несколько ее картин и скажите, мол, они уже проданы одному восточному принцу. То-то американочка загорится.

Салехбей. Резонно! Главное — заинтриговать ее. А потом заявившись ты и мы тебя встретим с помпой...

Ибадулла. Закажи визитку: «Его высочество принц Багир». Перед посещением ателье вышли наперед. Хочешь, я буду твоим адъютантом?

Багир. Прекрасно. Детали обсудим потом. (*Салехбею.*) А не навесить ли мне сейчас Бехиджу?

Салехбей. Застанешь ли? Ведь она только что отсюда ушла.

Багир. Не застану — зайду еще.

Салехбей. Ладно. А заполучишь сто тыщ — что нам-то перепадет?

Багир. Обеспечу тебя на столько лет, на сколько пожелаешь.

Салехбей. Ты это серьезно?

Багир (*шлепает себя по щеке*). Клянусь жизнью! Ты же знаешь, плут не соврет... (*Собирается уйти.*)

Ибадулла (*встает*). Аллах милует нас.

Хандан (*Ибадулле*). Дружнице, оказывается, этот Париж — земля обетованная... (*Встает.*) Где я прозябал

до сих пор? Жаль долгих лет, что я прожил в Турнии!

Ибадулла (*уцепив Хандан за подбородок, напевает*). «Шестьдесят лет прозябал я, плесневел, Ардебиль, будь я проклят, если вспомню о тебе я, Ардебиль!»

Картина седьмая

Мастерская Бехиджи — комната с высоким потолком и просторным окном. Справа — дверь. Стены увешаны картинами на восточные темы. В углу — незаконченное полотно на мольберте. Рядом — палитры и кисти. На полу — ковер. Диван у стены устлан покрывалом. На стеклянных полочках — книги с миниатюрами, рисунки, альбомы. В проеме окна висят старинные фарфоровые сосуды из города Конья. В промежутках между картинами — древние турецкие костюмы и оружие, восточные женские украшения. Салехбей с Бехиджой сидят на канapé и ведут беседу. Салехбей в черном пиджаке, Бехиджа поверх изысканного платья накинула рабочий халат.

Салехбей. Ах, моя Бехиджа, если бы ты знала, как я счастлив (*обнимает и целует ее*). Я словно заново родился на свет.

Бехиджа (*кокетливо*). А ты, оказывается, очень нежен...

Салехбей. Ласточка моя, видишь ли...

Бехиджа (*вскакивая*). Аман!¹ (*Прислушивается.*) Как бы крошку не разбудить! Ах, мой маленький, уже и ревет! (*Устремляется к ребенку.*)

Салехбей (*встает*). Какие же они дураки! Возомнила, что я и впрямь женюсь на ней. Дудки. Это все игра. (*Нахохлившись, прохаживается.*) Я, как изволил выразиться Ибадулла, актер на плутовской сцене.

Бехиджа (*выглядывая за дверь*). Салех, идут. Ты встречай их, а я убуюю ребенка. (*Уходит.*)

Салехбей выходит из комнаты и возвращается с гостями — двумя пожилыми американками — они в пальто, в шляпах.

Салехбей. Вот вам и ателье Бехиджи-ханум.

Первая гостья. Ах, как прекрасно! Великолпно! Это же подлинный храм искусства! (*Подходит к картине.*) Это все — работы Бехиджи-ханум?

Салехбей. Конечно.

Первая гостья. Превосходно...

Вторая гостья (*стоя перед одной из картин*). Это, наверно, закат в Стамбуле.

¹ Аман (здесь) — восклицание, выражающее тревогу, призыв к осторожности.

Салехбей. Да.

Другая гостья также подходит к пейзажу.

Вторая гостья. Как дивно выглядят минареты в закатных лучах!

Первая гостья. Великолепно написано... Этот пейзаж мог бы украсить большой салон... Господин, а где же сама хозяйка?

Салехбей. Укачивает нашего малыша. Придет сию минуту.

Первая гостья. Простите, вы — ее супруг?

Салехбей. Да.

Первая гостья. Очень приятно. *(Подает руку, следом — и ее подруга.)* Госпожа Бехиджа — удивительно просвещенная натура. И английским владеет отменно. Она нам говорила, что окончила американский колледж в Стамбуле.

Салехбей. Верно.

Входит Бехиджа, приветствует посетительниц.

Первая гостья. Госпожа Бехиджа, нам выпала честь познакомиться с вашим супругом. Он очень любезен. Простите, что без вашего позволения я осмотрела некоторые работы.

Бехиджа. Пожалуйста.

Первая гостья. Картины столь чарующи, что не налюбоваться. *(Вновь погружается в созерцание.)*

Вторая гостья. Не будете ли вы любезны прокомментировать вот эту картину?

Бехиджа. Это танец «зейбек». Турецкий национальный танец.

Вторая гостья. Удивительные костюмы.

Первая гостья *(указывая на другой холст)*. А чей это портрет?

Бехиджа. Это — турецкая писательница Халидаханум. Она вступила в ряды национальной армии и участвовала в войне с Грецией. Здесь она изображена перед боем.

Первая гостья. Какая отвага в этом хрупком существе!

Бехиджа. Ее роман «Огненное одеяние» переведен на английский, могу дать вам почитать.

Первая гостья. Будем очень признательны. Это, должно быть, очень интересно.

Бехиджа. А вот это старая турчанка, сидящая у жаровни, которой гадают внух.

Обе гостьи. Очень любопытно. *(Останавливаются перед картиной.)*

Первая гостья. Весьма оригинально... Я бы хотела, чтобы эта картина стала моей.

Салехбей *(с притворным сожалением)*. Увы, эта картина, как и все в этом ряду, уже продана...

Бехиджа недоуменно смотрит на него.

Первая гостья *(огорченно)*. А нельзя ли перекупить ее у вашего клиента за более высокую цену?

Вторая гостья. Кто этот счастливчик?

Салехбей. Багирбей, принц с Востока. Большой ценитель искусства. Для этой своей страсти он не жалеет денег. У него превосходная коллекция...

Бехиджа не сводит с Салехбея изумленного взгляда.

Первая гостья. Коллекция? Боже, нельзя ли увидеться с ним? Может, он великодушно уступит мне эти картины? Я готова уплатить двойную цену.

Салехбей. Увидеться-то можно, но уступит ли он? Этого я не знаю...

Первая гостья *(настойчиво)*. Скажите, когда можно увидеть его? Молод ли он, стар ли?

Салехбей *(усмехаясь)*. Принц молод. Студент. Замечу, притом хорош собой и веселого нрава.

Первая гостья *(соображая)*. Женат ли?

Салехбей. Нет.

Первая гостья *(просиая)*. Полагаю, уступит. Принцы — люди высокородные и великодушные. Рыцари. Думаю, и этот принц — не исключение.

Салехбей. Разумеется, мисс... Надеюсь, он уступит.

Первая гостья. Боже, это было бы чудесно! А... не посещает ли он ателье?

Салехбей. Как раз ожидаем. Должен явиться со своим секретарем. Намерен заказать новые работы.

Первая гостья. Боже, какая удача!

Вторая гостья. И секретарь его — тоже принц?

Салехбей. Разумеется... гм... из аристократов.

Вторая гостья. Нам чертовски везет! Он тоже обожает искусство?

Салехбей (*призадумавшись*). Как вам сказать... это натура особая... обожает женщин и утех...

Вторая гостья (*усмехнувшись*). То есть, он — распутник?

Салехбей. Нет, мисс. Просто — богема, весельчак. Любит повеселиться, потанцевать... Очень молод.

Вторая гостья (*повеселев*). Боже, какое счастье! Что ж их так долго нет?

Салехбей (*взглянув на часы*). Должны прийти с минуты на минуту.

Американки, сняв с себя пальто и шляпки, бросают на канapé, затем мечутся в поисках зеркала.

Первая гостья (*Бехидже*). Не позволите ли нам заняться туалетом?

Бехиджа (*скрепя сердце*). Пожалуйста.

Девушки: взяв ее под руки с обеих сторон, с игривыми ужимками покидают комнату.

Салехбей (*про себя*). Дело клеится... Но... Бехидже это все не по душе. О Багире, Ибадулле и говорить не хочет... Ей, видишь ли, праведники по душе. (*Пауза.*) Эх, что поделаешь... жизни не знает. (*Громя.*) Не знает, что весь мир — хаос, сотворенный запутавшимся творцом. И чтоб жить — надо лавировать. Цель — вот ангел, освещающий человека, а средства — вскоре предаются забвению...

Бехиджа возвращается с американками.

Первая гостья. Господин Салехбей, какой вы счастливый отец! Ваш ребенок — прелесть!

Салехбей. Мерси. Наверное, вы любите детей.

Первая гостья. Я от них без ума!

Вторая гостья (*в сторону*). Еще бы не сойти с ума. (*Раздумывая.*) Что-то нет наших принцев.

Входит служанка и передает две визитки; Салехбей забирает их.

Салехбей (*зачитывая*). «Принц Багирбей фон Мардакяны, принц Ибадулла фон Кельбаджары»... Явился. (*Служанке.*) Пусть пожелают.

Служанка выходит. Американки мечутся в поисках зеркала. Одна из них раскрывает ридикюль и глядит в зеркальце, другая вырывает его у нее из рук. Бехиджа, отойдя в сторону, наблюдает за сценой с неприязнью.

Первая гостья (*вырывая ридикюль*). Отпусти.

Вторая гостья. Нет, отпусти ты.

Первая гостья. Это не твой ридикюль. Твой там, на диване.

Вторая гостья (*кидается к дивану*). Хоть бы чуть задержалась. (*Достав зеркальце, приводит в порядок волосы.*)

Входят Багир, Ибадулла и Хандан. Все трое — в визитных костюмах. Хандану визитка явно не подходит. У Багира — монокль. Американки, отбросив ридикюли, пытаются поочередно спрятать за спинами друг друга.

Багир. Бонжур, дамы и господа!

Ибадулла и Хандан (*вместе*). Бонжур! (*Здороваются с Салехбеем и Бехиджей.*)

Бехиджа встречает их очень холодно.

Салехбей. Бонжур! Милости просим! Позвольте представить вашим превосходительствам наших милых дам.

Вошедшие подходят и целуют ручки американкам. Хандан второпях нечаянно наступает на ногу второй американке. Та отдергивает ногу и сверлит его колючим взглядом.

Вторая гостья. Ах, недотепа!

Хандан (*отпрянув в сторону, сокрушенно, уставившись на свою ногу*). Эх, когда не нужно — несут, как на крыльях, а тут — на тебе!

Багир (*окинув взглядом картины*). Посещая это ателье, я испытываю высокое наслаждение. Так благоговее верующий перед святой мадонной.

Первая гостья (*с обиженным видом*). Принц, то же чувство переживаю и я.

Багир (*подходя к ней*). Значит, и вы — поклонница искусства?

Первая гостья. (*склонив голову набок, кокетливо*). Не поклонница, а одержимая.

Багир (*беря ее руки в свои*). Любовь к искусству роднит наши сердца... и они быются согласно друг с другом...

Первая гостья (*приникая к нему*). Разве это не естественно?

Хандан, с любопытством прислушивающийся к этому разговору, вдруг, спохватившись, достает блокнот и, мусоля карандаш, начинает писать стихи.

Ибадулла (*второй американке*). Вы тоже любите живопись?

Вторая гостья (*смуценно*). По правде говоря... нет.

Ибадулла. И я не очень...

Вторая гостья. По мне бы развлекаться, веселиться.

Ибадулла. Буйствовать...

Вторая гостья. Клокотать...

Ибадулла. В огне страсти...

Вторая гостья. Гореть и пылать...

Ибадулла (*беря ее руки в свои*). Так что же мы медлим?

Вторая гостья (*приникая к нему*). Не знаю...

Хандан (*глядя на них*). Быстро же спелись. Bravo!

Первая гостья. Принц, значит, эти картины — мой?

Багир. Конечно.

Первая гостья (*льнет к нему*). Ах, как я счастлива!

Вторая гостья (*Ибадулле*). Принц, значит впредь мы будем развлекаться вместе?

Ибадулла. Конечно.

Вторая гостья. Ах, я сойду с ума!

Хандан (*в сторону*). Ты-то чего с ума сходишь? Лучше бы мне.

Салехбей (*взяв Бехиджу под руку*). Господа, господа, от души желаю вам такого же счастья в будущей совместной жизни, какое обрели мы.

Бехиджа хмурится, опускает глаза.

Все. Мерси! Мерси!

Хандан (*в сторону*). Они-то рады, потому что жар-птицу за хвост ухватили. А я-то, дурак, чему радуюсь?

Вторая гостья (*показывая на Хандана*). Это ваш приятель?

Багир (*колеблясь*). Как вам сказать...

Хандан. Прохвосты, уже меня и не признают.

Багир. Он тоже... с Востока.

Первая гостья (*с любопытством*). На христианна не похож... Неверующий? Кяфир?

Багир (*соображая*). Должно быть...

Первая гостья (*изумленно*). Ах, неверующий! Не хочет ли он принять христианство?

Хандан (*в сторону*). Какой прок мне был от Магомета, чтоб еще и на Христа увовать.

Салехбей. Он поэт. Поэты не признают никакого бога, кроме музыки.

Первая гостья. Ах, поэт! Интересно.

Обе американки, достав лорнеты, пристально разглядывают Хандана.

Вторая гостья. Да, похоже, что поэт. Судя по печальному виду.

Хандан (*в сторону*). Гм... Как тут не печалиться?

Салехбей. Господа, господа, и ты, Хандан-эфенди, пожайлуйте в столовую, выпьем за эти счастливые минуты!

Все. Мерси! Мерси!

Хандан (*шагнув вперед*). Простите. (*Показывая на своих недавних приятелей*.) Я не стану пить в обществе таких лгунов и обманщиков. (*Отвернувшись в сторону*.) О, мой народ трудовой, переживший гнет сильных мира сего! Каюсь, что покинул тебя! Отныне — я снова с тобой. Я вернусь на родину и стану товарищем твоим в славном созидании! (*Показывая на своих знакомцев*.) Проклятье миру мошенников! (*Уходит*.)

Салехбей (*переглядывается с Багиром и Ибадуллой*). Опять на нашего стихотворца дурь нашла!

Бехиджа (*Салехбею*). Глуп не он, а вы. Вся ваша жизнь — мошенничество. То в короля играли, теперь — в принцев. Хватит паясничать. Бесстыжие! (*Американкам*.) Почтенные леди, знайте, что эти лицедеи — никакие не принцы. Вся эта комедия затеяна ради ваших денег. Опомнитесь! Уходите! Не обольщайтесь!

Американки, отстранившись от своих партнеров, отходят в сторону, и застывают на месте. Неудавшиеся «принцы» сверлят Бехиджу ненавидящими взорами.

АЛТУНСАЧ («Золотые косы»)

Либретто киносценария

Основная идея:

Мечта народа осуществляется
при Советской власти

Конец весны. Серая безводная пустыня. Кое-где иссушенные наступившей уже жарой чахлые кустарники и колючки. Вдали видны медленно движущиеся верблюды... Над ними мутное небо и обрывки раскаленно-белых облаков...

В глубине, между двух холмов, виднеется небольшая группа людей... Идут земляные работы. Работают медленно, вяло. Молодой инженер Гаплан, начальник строительства, рядом инженер Царев, лицо которого завешено сеткой и руки в перчатках; он отмахивается от воображаемых комаров.

Гаплан. А я думал, что вы уже закончили первую линию. Срываю сроки. Я в Баку обещал к концу месяца...

Царев. Делаем, что можем... На лопатах далеко не уедешь!..

В это время появляется верхом инженер Салман. Он весь в пыли.

Салман (радостно). Мне удалось найти экскаваторы... И пришлось же мне повоевать за них!.. Теперь работа у нас по-настоящему пойдет.

Гаплан. Экскаваторы — это хорошо... (пауза). А как Кура? Следите за режимом?

Салман. Само собой!..

Гаплан, осматривая работу, проходит на площадку, где стоит бочка. Рабочий подходит к бочке с водой и хочет напиться, тонкой струей идет из бочки мутная вода. Гаплан замечает это и обращается к Цареву.

Гаплан. Неужели нельзя было подвезти свежую воду? Рабочие пьют всякую бурду, потом болеют малярией... Это черт знает что!

Царев. Завхоз Абдуллаев уехал в Баку, поэтому нелады с водой.

Впрочем, что вода!.. А с комарами как быть? Отмахивается от воображаемых комаров.

Опустился вечер. Барак. Стол накрыт. В задернутое марлей окошко виден во дворе горящий костер и возле него Мишка и Авак, верные сотрудники Гаплана, нанизывающие на шампуры куски мяса.

В комнате двое: Салман и Царев. Салман, видимо, скучает, прогуливается по бараку. Царев достает из саквояжа водку и боржом. Ставит на стол:

Царев. Издохнешь в этой безводной дыре! (с гримасой отвращения).

Салман на миг повернул голову в сторону Царева, посмотрел на него молча и снова продолжает ходить по комнате (бурчит). Тут самая верная награда за все — малярия! (Досадливо отмахиваясь от комаров.)

Салман. Не скулите, Царев, все будет хорошо!

Выходит из барака. Во дворе Мишка и Авак ухаживают за костром. Салман, устроившись рядом, налаживает шампуры. На фоне неба виден талвар¹ Гасана, крестьянина-маляра, где он спит ночью, спасаясь от комаров. Оттуда доносятся звуки саза и песни Гасана. Гаплан медленно приближается к подножию талвара и... застывает. Гасан поет народную легенду про Алтунсач...

«...Был мир юн, была юна и Алтунсач. И не было во всем Ширване и во всей Мугани подобной ей красавицы. Она заплетала по ночам свои золотые косы, звездочки сыпались с них и ночь становилась днем. Ей завидовали: и луна, и звезды, и даже филин, зловеще крича, спасался он в темных лабиринтах пустынных пещер. ...Был мир юн, была юна и Алтунсач. Она каждый день вставала с утренней зарей, сходила к священной Кура, падая ниц, воздавала ей утреннюю молитву и возвращалась в храм вечного огня... Пылал неугасимый огонь мудрого и пресветлого Заратуштры и сердце Алтунсач наполнялось уютной сладостью утренней молитвы...

Так продолжалось день за днем и юная Алтунсач

¹ Талвар — павес.

расцветала среди цветущих полей, как бутон пышной розы...

Все ласкало ее взор: и золотистые поля Азербайджана, и плодоносные сады, и весело журчащие речки, родники и табуны быstroногих лошадей... Ей все было нипочем — и забавы амазонок, стрелой скачущих на лихих конях, и отвага их на полях брани...

Но вот содрогнулась земля, померкло солнце радости земной: полчища арабов переступили границы Азербайджана... И не было пощады никому... Разрушали они храмы, гасили вечные огни, топтали тучные поля и мирных жителей угоняли в неволю...

Затрепетало сердце Алтунсач. Она одела свои блестящие доспехи, взяла ятаган булатный и села на коня. Полна отваги вся земля хранителей вечного огня, и эхо мести раздавалось всюду...

И вот стальная ватага амазонок вихрем летит на врага. Градом сыплются стрелы. А Алтунсач, наша родная Алтунсач, врывается во вражий стан и ятаганом разит врага...

Но мир неверен и все в этом мире криво... Проклятые сабли лама разили и амазонок...

Чудом спаслась только Алтунсач. Преследуемая врагом, пробирается она по вершине горы Гызгаласы. На миг она останавливается, оборачивается и печальным взором окидывает свою родную землю — все разрушено, только густой дым заволакивает развалины когда-то цветущей страны...

Алтунсач опустилась у родника живой воды, выпив, исчезла с глаз людских...

Голос Гасана продолжает напевно: «Я не раз бывал в нашем седом Ширване. Там высится изумрудная гора, а на горе той и ныне существуют развалины Гызгаласы. Они хранят в себе тайны веков и лучезарный облик Алтунсач.

О, ашуг, не печалься, что так изменчива судьба творения аллаха. Верь вещим струнам моего саза: наступит на земле весна, народ взрастит новую Алтунсач! И за журчит вода по разрушенным арыкам, земля воспрянет, наберется сил, и страна наша озарится светом счастья и любви...

Неожиданно врывается голос Салмана: «Шашлык готов!»

Не слышит, замороженный песней Гаплан.

Царев (язвительно). Как Гаплану не надоест эта вольника!

Салман (с едва уловимой иронией). Он у нас немножко... поэт... (Обращается снова в сторону Гаплана.) Начальник, иди кушать!

Ночь. Тревога. Кура вышла из берегов. Мигают огни по баракам. За окном мелькают силуэты всадников. Салман влетает в комнату Гаплана, которого застает за письменным столом: он работал.

Салман. Скорее! Нужно спасти галерею от наводнения.

Гаплан. Что случилось?

Гаплан вскакивает из-за стола. Слышен голос Мишки за окном: «Я прекратил работы... Грешным делом еще затопит галерею...

Слышен другой голос: «Пропадут колхозные поля!»

Гаплан быстро выходит из барака, факел освещает пустырь между бараками и лица взволнованных людей.

Слышны голоса Гаплана, Гасана: «Скорей!.. Где товарищ Царев?.. Где люди?..», «Собираются...»

Толпа рабочих во главе с Гапланом при свете факелов движется в сторону Куры, тут Мишка и Авак. У всех в руках лопаты и кирки.

Гасан, проводив рабочих, поднимается на талвар и смотрит в сторону Куры. Настала тишина. Старуха, мать Гасана, смотрит снизу на сына.

Мать Гасана. Как бы не потопило и наш огород. Пошел бы, сынок.

Гасан. Нет, мать, вода еще далеко.

Гасан поворачивается в противоположную сторону и, заметив что-то, оживает, спускается вниз. За бугром появляется верхом молодая девушка. Она подъезжает к Гасану.

Девушка. Братец, инженер Гаплан здесь?

Гасан. Нет, сестрица, он только, что выехал со своими людьми. Наводнение. А что?

Девушка. Я инженер, назначена к нему.

Гасан и мать безмолвно оглядывают девушку.

Мимо проезжают арбы с колхозниками, скачут верховые с заступами и лопатами в руках. Секретарь партко-

ма останавливает свою лошадь: «Ребята, соберите всех свободных людей... Кура разливается... Нужно спасти колхозные поля!»

Девушка-инженер, недолго думая, снимает хурджун с седла, отдает его Гасану!

Девушка. Это, пожалуйста, оставь в комнате начальника.

Подъезжает к секретарю парткома. Народ собирается. Мать смотрит вслед девушке и затем окидывает своего сына тоскливым взглядом.

Мать Гасана. Сынок мой, да буду я искупительной жертвой твоей... Мир подвержен тлену: я сегодня жива, завтра нет... как хотелось бы перед смертью тебя видеть женатым... (Плачет.)

Один из мобилизованных крестьян, задержавшись около Гасана, мимоходом острит: «Ай, Гасан, опять хнычет старуха и тоскует по снохе? Возьми, да женись (пауза) на этой девушке (указывает на девушку-инженера). Трудное дело, что ли?». Кругом смеются. Гасан тоже.

Другой крестьянин: «Гасан, а ты чего не собираешься? Твой огород талисман имеет, что ли? Кура — это аждага¹: все равно сожрет!»

Гасан. Ведь вода еще далеко! Аллах поможет, да вдруг ничего не будет.

Крестьянин. Ты разве не знаешь, что «сначала нужно привязать крепко верблюда, а потом поручить его аллаху?»

Секретарь парткома. Товарищи, пора собираться!

Гасан отдает хурджун матери и вместе с крестьянами уходит на место наводнения.

Впереди отряда — секретарь парткома и девушка-инженер.

Разлив. При свете факелов окрестные колхозники, колхозницы и рабочие, по пояс в воде, борются со стихией. Тащут мешки, наполненные землей и складывают вдоль берега. Забивают сваи, приносят сучья деревьев, затем закрывают промежутки между сваями, засыпают

их землей. Кипит лихорадочная работа. Гаплан и Мишка вместе со всеми самоотверженно трудятся над обвалованием берегов Куры. Все время раздается голос Гаплана: «Ребята, давай мешки!» Сам бросается в опасное место. Мишка часто выходит на берег за мешком, вдруг слышен его тревожный голос: «Змея, змея!.. Эх, проклятая гадина!..» Гаплан, не обращая внимания на его крик: «Скорее мешок!»

Мишка показывается с мешком на спине: «Чуть не ужалил!» и входит в воду. Гаплан и Авак быстро снимают мешок со спины Мишки, несут к размытому месту.

Подходят другие люди с мешками. Гаплан с Мишкой и Аваком поспевают повсюду. Мишке холодно. Слышен голос: «Недурна баня!..» Мишка: «Терщика не хватает!» (Кругом смеются.)

Как будто поток воды остановлен. Гаплан и Миша выходят из воды. Авак продолжает там работать. Гаплан осматривается кругом.

Гаплан. И это повторяется каждый год!.. Какое бедствие!..

Но скоро, скоро мы с этим покончим.

В стороне, на другом участке, работает вновь прибывшая группа с секретарем парткома. Там девушка-инженер и Гасан, которые работают между сваями.

Гасан (тревожно). Давайте сучья!

К нему, бежит по пояс в воде колхозница с сучьями и вместе с Гасаном они закрывают промежуток между сваями. Секретарь парткома переходит от одной группы людей к другой, оказывает помощь. Говорит ободряющие слова и сам участвует в работах по обвалованию берегов. Гасан, работая, смотрит сбоку на колхозницу.

Гасан. Красавица, как тебя звать?

Колхозница. Зовут меня Назлы... Назлы!.. Назлы смеется, бежит на берег. Крестьянин, друг Гасана, заметив эту сцену, острит: «Чего же, Гасан, зеваешь? Сам аллах ее послал. Желание слепого иметь два глаза: один кривой, другой косой... А у тебя оба глаза на месте», Кругом хохочут.

На участке Гаплана снова тревога. Слышны голоса: «Воронка! Мешки!..» Вода пробила вал. Нужно затыкать воронку в самой реке. Гаплан бросается на место про-

¹ Аждага — дракон.

рыва. Мишка и Авак за ним. Создается напряженное положение. Гаплану удается заткнуть воронку, но вода его осиливает. Слышны тревожные крики: «Осторожно, унесет!»

Но поздно. Вода уносит Гаплана. Взволнованные голоса увеличиваются. На крик прибегает отряд с секретарем парткома. Девушка-инженер и Гасан бросаются в воду. С большим трудом девушке удается спасти Гаплана. Крики радости. Мишка, Салман и Гасан выводят Гаплана на берег. Увозят на машине. (Все время находившийся там Царев подбегает к Гаплану.) Девушка-инженер возвращается к реке.

Девушка. Ребята, побольше мешков!

Кинит работа.

После ухода Гаплана вся инициатива переходит в руки девушки-инженера и секретаря парткома.

Салман, проводив Гаплана, возвращается, задерживается на берегу около Царева.

Царев (зевая). Разве мы для этого учились? Салман, видимо, усталый, оглядывает себя, свое мокрое и грязное платье.

Салман (бодро). Довольно, Царев!.. Нужно привыкать ко всему! Идет к реке, где продолжается отчаянная борьба со стихией.

Вечер. Барак. Борьба с наводнением не прошла даром для Гаплана: он лежит больной. Его треплет малярия. Мишка неотступно возле его постели, ухаживает за ним. Гасан тоже тут. Приходит девушка-инженер. Она застаёт Гаплана в бреду. Он протягивает руки, как бы манит к себе в объятия кого-то родного, любимого.

Гаплан. Алтунсач!.. Алтунсач!..

Девушка с удивлением оглядывается. Она поражена. Гаплану мерещится песнь ашуга. Легендарная Алтунсач видится больному: искрятся ее золотые косы.

Приди, приди Алтунсач! Дай нам свет и счастья!..

Видение исчезает. Больной чувствует некоторое облегчение, открывает глаза и осматривается кругом. Его взгляд останавливается на девушке.

Девушка. Как Вы чувствуете себя?

Гаплан. Ничего... Я привык к малярии... Лучше... Хроническая малярия сказывается. Я Вас узнал (пауза).

Девушка. Да! Я к Вам назначена.

Гаплан. Как Ваше имя?

Девушка. Алтунсач!

Гаплан. Алтунсач?

Слышна музыка ашуга. Гаплан растерян, он не знает, где действительность и где легенда.

Гасан с посудой в руках идет в колхоз за молоком для Гаплана. Он мимоходом осматривает свой почти погибший от воды огород. Кое-где видны колхозники, осматривающие свои участки. И Назлы тут. Она подходит к Гасану. Обращаясь к нему, она в шутку называет его «дядей».

Назлы. Куда дядя?

Гасан. За молоком, тетя, для начальника. Болен он.

Назлы. Проклятая Кура и тебя обидела, дядя!

Гасан. «Мокрому нечего бояться воды».

Назлы. Такому мокрому... цыпленку нужен очаг. (Назлы, ударив его по плечу, хохочет.)

Гасан. Очаг есть, огня нет.

Назлы. Огня?.. И ты его не находишь? Давай кувшины. Пойдем. (Назлы окидывает его кокетливым взором и многозначительно смеется.)

Небольшая чистенькая лаборатория Алтунсач. Она за работой. Гаплан стоит, облокотившись о стол:

Гаплан. Я рад, что Вы полюбили наше дело... Мингечаур — это наше будущее! Вода, здоровый воздух, плодородная земля, и вечно горящий огонь... Все четыре элемента, почитаемых нашими предками! И все это даст Мингечаур...

Алтунсач. Нам остается еще очень многое сделать...

Гаплан. Ничего, сил хватит. «Большевики — это люди особого склада».

(Смотрит на часы.) Простите, мне пора на работу.

Гаплан поворачивается и быстро выходит из лаборатории. Алтунсач провожает его глазами, встает и

быстро подходит к окну. Ее черные глаза долго-долго следят за уходящим Гапланом.

На площади между бараками. Мать Гасана застенчиво обращается к Гаплану.

Мать Гасана. Спасибо, что взяли моего сына на работу. Его огород затопило... Я стара уж... У меня кроме Гасана никого нет. Перед смертью хотела бы видеть у себя в доме невестку. (Старуха плачет.)

Гаплан. Не горюй, мать. Гасана женю... И дом выстрою ему! Все хорошо будет!

Старуха с благоговением смотрит на Гаплана. Недалеко, вдоль недостроенного канала сидят крестьяне. Гаплан подходит к ним.

Что же вы без дела сидите?

Крестьяне встают. Голоса: «Работы нет, оттого и сидим». «Говорили, рук не хватает. Вот пришли мы из колхоза... там бросили работу и... тут нет никакой!»

Инструментов нет, что ли? Кто вызывал?

Голоса. Начальник Царев.

Гаплан. А ну-ка, пойдем!

Гаплан сердито направляется в контору Царева, колхозники за ним...

Вечер. Комната Царева. У него Салман. Царев при помощи пульверизатора с жидкостью борется с комарами.

Салман (язвительно). Что, мстите за сегодняшнюю обиду?

Царев. Да... Из-за мужичья Гаплан изволил читать мне нотацию... Слышали новость? Это Вас заинтересует... Правление поручило составление проекта нашего... достопочтительному Гаплану.

Салман. Да... Вас обидели, товарищ Царев! Ваш долголетний опыт, Ваш стаж... заслуживали другого отношения.

Царев. Что я? Я беспартийный!.. А вот Вы!.. Ведь Вы партийный и старше. Вы... Вы должны были быть вместо Гаплана!

Салман. Я? Я — араб, как говорят у нас, у которого сдох верблюд в пустыне...

Царев. Я Вас понимаю, а как вы смотрите на предлагаемый Гапланом способ работы?

Салман. Смелый шаг! Он это образно называет «прыжком в будущее».

Царев. (как бы про себя). Да... посмотрим, чем кончится этот «прыжок».

Салман. Что? Что Вы сказали?

Царев. Да, так ничего...

Входит Абдуллаев, завхоз, очень нужный для всех человек. Он разворачивает привезенные из центра подарки: самопишущую ручку и пневматическую подушку.

Царев. О, с приездом Абдуллаева! Опять с подарками? Вот кто заботится о людях.

Начинает возиться с пневматической подушкой. Затем выходит из комнаты.

Салман (тихо Абдуллаеву). Ну как? (Абдуллаев передает письмо.) (Прячет письмо.) Хорошо! Хорошо! Значит, все хорошо?

Абдуллаев. Кланяются... ждут дела. Подробности в письме. (Выходит.)

В дверях сталкивается с входящим в сопровождении Царева Гапланом.

Гаплан. Я к Вам по делу... Как работа в галерее? Это меня волнует.

Царев. Все, как следует. Работа идет.

Гаплан. Предупреждаю Вас: анализ инженера Алтунсач показывает, что грунт ненадежный, нужно непременно укрепить... А не то...

Салман. По-моему, нужно экономно расходовать строительные материалы. Свод галерей выдержит... Фонды материалов ограничены.

На месте строительства первой очереди ГЭС. Идет лихорадочная работа. Алтунсач осматривает работы. Отходит на другой участок, где встречается с Гапланом. Он возбужден, доволен. Работы идут хорошо. Гаплан рад встрече. Крепко пожимая руку, он преподносит дежурке чахлый цветок.

Алтунсач. Как я тронута! А как хилы здесь цветы!

Гаплан. Цветок живет влагой... Чувство — взаимностью.

Алтунсач. О, Вы настоящий поэт!

Гаплан. Разве цель наша не та, чтобы превратить жизнь трудовую в поэзию?

Взоры их встречаются, они как бы говорят друг с другом тайным языком, без слов, но понятным обоим. (взволнованно.) Вы знаете, я давно хотел Вам сказать...

Тревога, прерывает слова Гаплана. Мушка извещает, что обвалилась подземная исследовательская галерея. Гаплан и Алтунсач бросаются на место катастрофы. Секретарь парткома уже там распоряжается.

Гасан и Авак работают изо всех сил. Спасают раненых, достают засыпанных рабочих. Миша ранен. Гаплан вместе с Гасаном выносят его на руках. Царев, и тут «преследуемый» комарами и змеями, как будто что-то делает. Салман помогает откапывать пострадавших.

Гаплан, оставив Мишу в барак, возвращается назад и забирает последнего раненого, ему помогают Салман и Авак. Последними выбираются с места обвала Царев и Алтунсач.

Царев (улучив момент). Вот видите, что наделал наш Гаплан. Хотя Гаплан — по-азербайджански значит тигр, но не все его прыжки удачны... Это можно назвать на языке современности...

Алтунсач (резко). Вредительством, Вы хотите сказать?

Царев (многозначительно пожимая плечами). Как хотите называйте. Факт тот, что вся вина лежит на Гаплане.

Партийное собрание. Взволнованно говорят об обвале и гибели рабочих. Царев привлечен в качестве свидетеля.

Алтунсач. Партийцу Гаплану нельзя прощать таких поступков! Это просто вредительство... Ему место не в рядах партии а... (Она, разволновавшись, отшатывается и закрывает глаза руками.)

Председатель. Слово имеет свидетель Царев.

Царев. Инженер прежде всего должен иметь холдный рассудок... Строгий расчет... И только расчет

может руководить нами... Но у Гаплана фантазия преобладает над расчетом.

Салман. Товарищу Цареву, конечно, при всей его лояльности и честности и высокой квалификации непонятен творческий полет, ему неведомо чувство нового, еще не изведенного в технике. Гаплан в этом отношении незаменим. Он имеет право на риск. В нем чувствуется та свежесть творческой инициативы, которая остается неотъемлемой принадлежностью специалиста нашей великой эпохи... Советского специалиста.

Председатель (прерывая). Товарищ Салман, будь объективен! Спрячь свое товарищеское чувство к Гаплану... Не забудь, что ты партиец!..

Салман. Справедливость требует защищать Гаплана!

Невзирая на горячую защиту Салмана, общее настроение партийной группы не в пользу Гаплана. Отдельные выступления бичуют Гаплана за то, что его «риск» стоил жизни рабочим.

Группа рабочих во главе с Мишкой и Аваком выступает в защиту Гаплана. Слышны возражения, слова протеста.

Председатель. Товарищи, наше решение временно откладывается и дело передается специальной комиссии...

Все расходятся. Секретарь парткома мимоходом Мише: «Зайдешь ко мне».

Послеобеденное время. Гаплан весь во власти своих переживаний. Ему не сидится. Он ходит по комнате, берется за чертежи, книги — не ладится, бросает. Ложится на кровать, но, не успокоившись, встает и подходит к окну.

Миша (задумчиво следит за каждым его движением). Гаплан, брось маяться. Все будет хорошо! (медленно направляется к выходу).

Гаплан (удивленно). Куда ты?

Миша. Я... в партком... вызывали... Пора идти.

Гаплан. Для чего?

Миша. Раз вызвали, значит нужно.

Гаплан рассеянно провожает его глазами, видно, переживания его достигли апогея... Входит Салман.

Салман. Э, дорогой, так не годится! Ты осунулся! Такая слабость непростительна партийцу!

Гаплан. Ты понимаешь, Салман, ответственность — это великое доверие партии и правительства... А я его не оправдал... Когда я делал проект галереи, мне казалось, что я все, понимаешь, все предусмотрел... Ничего не понимаю, как это случилось...

Салман. Ты знаешь, Гаплан, я защищал тебя... И всегда буду защищать. Как партиз, я, может быть, не должен был этого делать, ибо я не верил в твой проект... но я тюрк и ты тюрк... я не хотел и не мог подвести тебя...

Гаплан (*внезапно вспыхнув, резко*). Что значит «я тюрк и ты тюрк»? Что ты хочешь этим сказать?.. Значит, ты против моего проекта. И только теперь ты это откровенно мне говоришь?

Салман. Не кричи. Выслушай меня спокойно... Это значит, что мы, молодые специалисты, тюрки, не должны срамиться перед Союзом... Ты увлекаешься, и я это в тебе люблю. Но советую оставить эту затею — она погубит тебя, не старайся ее проводить... Ведь недаром наш бедный народ мудро сказал: «Старание только способствует протиранию лаптей»... Толка от твоего проекта не будет!

Гаплан (*окинув испытующе Салмана*). Как понять все это? И это ты, партиз, говоришь: «Наш бедный народ»? Почему он бедный?

Салман (*делается серьезным*). Не придирайся к словам... Все-таки подумай о том, что я тебе наговорил (*пауза*). Впрочем, мне пора уходить, есть работа. Ну крепись, Гаплан... Все будет хорошо.

Уходит. В дверях встречается с Гасаном, несущим горячее молоко.

А, Гасан, до свиданья!

Гасан. До свиданья. (*Гаплан задумчиво стоит в глубине комнаты. Нерешительно*). Начальник, молока хочешь?

Гаплан (*будто очнулся, подходит к стене, снимает ружье, одев кепку, выходит, на ходу*). Не хочу!

Гасан. Да будет проклят отец того зловредного человека, кто его обидел. Запутали бедного начальника, запутали...

Перед вечером. В землянке Гасана. Гасан играет на сазе. Мать задумчиво смотрит на него.

Мать Гасана. Знаешь, сынок, эта Алтунсач хорошая девушка...

Гасан. О, ее так любят все!

Мать Гасана. А знаешь, Гасан... если бы она была моей снохой...

Гасан. Да, что ты, мама? Инженер, и вдруг...

Мать Гасана. Сынок, все зависит от судьбы! Аллах может сделать так, что ты вдруг впорхнешь в ее сердце... Все зависит от кismet¹.

Вдруг наверху лестницы, ведущей в землянку, послышался голос Алтунсач: «Можно?»

Гасан и мать вскакивают с мест, направляясь к лестнице:

Мать Гасана. Гасан, я тебе сказала, что все зависит от кismet. Видишь? (*Подойдя к Алтунсач, ласково*). Как хорошо, что пришла. Наша бедная хата тебе в пешкеш²!

Алтунсач. Спасибо.

Садятся на полу. Алтунсач, осматривая землянку.

Ну что же, скоро придет конец вашей бедной хате. Построят вам новый дом.

Мать Гасана (*радостно*). Как хорошо будет. Новая хата и... то, что сулит кismet моему бедному Гасану...

Гасан делает знак глазами, чтобы мать не сказала лишнего. Наступает неловкое молчание.

Алтунсач. Гасан, а где начальник? Его все не видно.

Гасан. Его дома нет, сестра. Взял ружье и ушел куда-то.

Алтунсач. Ушел... Куда-то?..

Алтунсач задумывается. Входит Назлы.

Назлы. Я у тебя была, Алтунсач. Не застала... И по следам сюда. Прости меня, ты мне нужна, напиши заявление. Хочу ехать на курсы.

Алтунсач. Решилась? Молодец!

Назлы. А как же: все учатся, а почему мне не учиться?

¹ Кисмет — доля, участь (азерб.).

² Пешкеш — подарок (азерб.).

Смеется, снова молчание.

Алтунсач. Хорошо, приходи завтра ко мне, приготовлю.

Назлы (*обведя взглядом комнату, замечает саз, отложенный в сторону Гасаном*). Это чей?

Гасан (*неловко*). Мой!

Назлы. Почему не сыграешь что-нибудь? (*матери*) — Мать, у твоего сына, как будто нет чувств.

Мать Гасана (*со вздохом*). Чувства то есть... Кисмет не угадаешь.

Назлы. Если хорошо сыграет — кисмет придет.

Смех Назлы врывается диссонансом в настроение Алтунсач. Она выходит из землянки.

Алтунсач (*задумчиво провожающему ее Гасану*). Ты говоришь, Гаплан взял ружье?

Гасан. Да. После этих дел у него нет кейфа¹... И вчера сидел он до поздней ночи... Эй, сестра Алтунсач, у нас говорят: «Есть хо, который подымает человека на гору, и есть хо, который низвергает с горы»... Человека ни за что ни про что губят...

Алтунсач (*задумчиво смотрит в лицо Гасана, полное искренности и доброты, пауза*). Гасан, ты иди обратно, не провожай меня, я сама пойду.

Прощаются. Гасан уходит, но, обернувшись, смотрит на удаляющуюся Алтунсач.

Алтунсач подымается на холм. Видны отдаленные дороги. С тоской смотрит вдаль. Крупная капля медленно ползет по щеке. Вдруг радостная улыбка пробегает по лицу: вдали на дороге виден человек, похожий на Гаплана. Радостное выражение лица мало-помалу омрачается — путник оказался не Гапланом. Выражение тоски и тревоги увеличивается. Невольные слезы появляются на глазах.

Вдруг знакомый голос: «Алтунсач, что Вы тут делаете?»

Она оборачивается. Из-за бугра показывается Гаплан с ружьем и сумкой, полной дичи.

Алтунсач с загоревшимися от радости глазами смотрит одно мгновение на Гаплана... И вдруг ее взгляд падает на сумку, полную дичи. Ей становится ясно, что

¹ Кейф — (шутл). — настроение (от араб. *kaif* — хорошее расположение духа).

он ходил на охоту. Ей стыдно за свои страхи... Резко повернувшись, ничего не говоря, она удаляется... «Алтунсач!» Все быстрее уходит Алтунсач, не слыша оклика Гаплана.

В передней парткома. Сидит Гаплан. Тянутся минуты ожидания. Гаплан в нетерпеливом волнении. Из кабинета выходит бледный Царев и удаляется, ни на кого не глядя. Гаплан подходит к двери кабинета, робко открывает. Оттуда слышен телефонный звонок. Прикрыв осторожно дверь, Гаплан отступает и бесшумно подходит к окну. Явно волнуется. Наконец Гаплана вызывают в кабинет.

Секретарь парткома сидит один за письменным столом. Гаплан неловко здоровается.

Секретарь парткома. Садись!

Гаплан. Чего мне садиться?

Секретарь парткома. Садись!

Гаплан (*робко садится на край табуретки*). Как я не бился над проверкой проекта, ничего не получается... А катастрофа налицо.

Секретарь парткома. Знаем... Выясним, а ты продолжай свою работу...

Гаплан. Как?!

Секретарь парткома. Да... да! Тебе говорят: иди и работай!

На месте земляных работ. Гаплан за проектом. Подходит Мишка.

Гаплан. Видишь, Мишка, я опять на своем месте.

Мишка. А как же иначе! Я знал, что так и будет.

Гаплан. Почему?

Мишка. Да потому... В бригаде у меня все думали так... Да и другие тоже говорили...

Гаплан. Говорили другие, а вот Алтунсач... отвернулась от меня.

Мишка. Ты не обижайся на нее: она потрясена катастрофой... Все обвиняли тебя... Ей было тяжело. Я это видел.

Вдали на дороге Царев и Салман. Идут по направлению к Гаплану.

Царев (*иронически*). Поздравляю Вас!

Гаплан. С чем?

Царев. С тем, что «тигр» опять на месте.

Гаплан. Ничего, «цыплят по осени считают»...

Подходят к Гаплану.

Салман. Поздравляю. Очень рад.

Царев. Но знаете, товарищ Гаплан... Во избежание каких-нибудь неприятностей... знаете... нужно темпы... темп уменьшить. Зачем эта горячка?

Салман. Товарищ Царев, темп это все! Нельзя же при наших огромных задачах идти черепашным шагом...

Созвано широкое совещание, где Гаплан будет демонстрировать макет будущего Мингечаура. Совещание еще не началось. Часть приглашенных сидит. Гаплан, секретарь парткома, Авак и Мишка стоят в стороне, беседуют. Царев прогуливается. У окна стоят Салман и Алтунсач. Слова Салмана, видно, неприятны Алтунсачу.

Алтунсач. Да у Вас же есть жена, дети...

Салман. Она малограмотная, меня не понимает...

Алтунсач. Вы ведь партиз, учить ее — Ваш долг!

Салман. Но мое сердце полно дум... о Вас...

Алтунсач. Прошу обуздать Ваше сердце... Я Вас не смогу полюбить!

Алтунсач отходит от Салмана и подходит к группе Гаплана...

В это время подходит Абдуллаев с цветами. Он по очереди подходит к Гаплану, Алтунсачу, секретарю парткома, Цареву, каждому преподносит цветок, говорит при этом что-нибудь приятное. Наконец он подходит к стоящему у окна Салману и преподносит ему цветок.

Абдуллаев (тихо). Сегодня еду в Баку, не будет никаких поручений?

Салман берет цветок. Сохраняя улыбку, говорит одновременно тихо и серьезно.

Салман. Тише! Зайдешь вечером...

Абдуллаев снова обведя всех улыбающимся взглядом, раскланиваясь, уходит.

Слышен голос председателя (секретаря парткома): «Товарищи, пора начинать!»

Все занимают свои места. Салман и Царев сидят рядом. С другой стороны видны рядом сидящие Алтунсач, Миша, Авак и Гасан. Гаплан стоит у макета.

Гаплан. Мингечаур — это более миллионов гектаров орошенной земли (кадр: бесчисленные каналы, по

которым течет вода)... Беспредельные Мильско-Муганские равнины покрывают белые коробочки хлопка (кадр: хлопковые поля). Кура укрощается и становится послушной человеку (кадр: плотины и шлюзы Куры), нет разливов, нет болот, нет и малярии... Здравьем дышит наш трудовой народ (кадры: здоровые колхозники и колхозницы комбайнами убирают хлеб)... Кура судоходна и пароход за пароходом движется в Каспий, на север и обратно (кадр: речные пароходы)... Цветет Азербайджан... Растут новые города и села (кадр: новые поселки, зеленые парки, сады)... Жизнь зажиточная, жизнь культурная, жизнь радостная украшает новый свободный мир, везде свободный труд...

Первым аплодирует Салман. Общее рукоплескание. Радостные возгласы... Под этот шум:

Царев (с язвительной улыбкой Салману). Воздушные замки!

Салман. Хнал плов — плов из мечты, как говорят у нас.

Царев. Хорошо сказано! (Довольно хихикает.)

Молодежь и старики окружили Гаплана, жмут ему руки. Счастливое лицо Алтунсача. Глаза Гаплана ищут ее.

Салман (обрывая смех Царева). Смеетесь, товарищ Царев? А все-таки проект осуществляется. Вы понимаете это, Царев?

Царев. Осуществляется!

Вечер. Женщины и дети группами стоят перед бараками, ведут оживленные разговоры.

Слышны звуки саза и гармонь. Кто-то пустился в пляс. Из толпы выходят Миша и Гасан, поднимаются на бугор, идут на работу.

Смотрят вдаль: зигзагом дорога спускается с горы. Темнеет. По дороге едет верховой. Вдруг за ним, как бы нагоняя его, мигает фарам автомобиль. Внезапно гаснут фары. Миша и Гасан напряженно следят за машиной: она наезжает на верхового, он падает с коня...

Гул пробегает по толпе рабочих: умоляют сразу и музыка и песни. Все бросаются в сторону катастрофы. Гасан бежит к дому, где живет Алтунсач. Спешно поднимается по лестнице. Лошади наготове. Алтунсач и Гасан садятся и едут на место катастрофы.

Лежит Гаплан. Возле него Мишка и Авак, недалеко

стоит машина Салмана. Секретарь парткома, работники милиции на месте катастрофы. Салман ломает руки.

Салман (*ломая руки*). Несколько раз дал гудок...

Реплика Мишки: «Гудка не слышно было что-то...» Спуск... машину нельзя было остановить. Какой ужасный случай!

Алтунсач наклоняется к Гаплану, лежащему без движений.

Доктор. У него сильные ушибы головы и вывих ноги. Нужно немедленно отвезти его в больницу.

Алтунсач, Мишка, Гасан и Авак кладут Гаплана на носилки и несут к автомобилю. Салман им помогает. Очень удручен.

Катастрофа с Гапланом вызвала необходимость приезда председателя правления. В комнате Алтунсач, Салман, Царев, секретарь парткома и другие. Председатель правления внимательно слушает.

Царев. Я как старый инженер, как беспартийный большевик, настаиваю на полном прекращении работ. Необходимо проверить проект. Рисковать не следует... Наука строителя — наука точная... Никаких фантазий. Я предсказывал неудачу... Я предлагаю отправить проекты в Баку...

Салман. Я согласен с Царевым. Очевидно, в проекте есть какая-то неточность... Но не надо забывать, что израсходованы государственные деньги и поэтому надо скорее получить проверенный проект и продолжать работы...

Алтунсач. По-моему нужно, проверяя проект, одновременно продолжать работы.

Председатель (*одобрительно улыбается*). Я такого же мнения (*обращаясь к Алтунсач*). Что Вы ответите мне, если я эту работу поручу Вам?.. (*Улыбается*.)

Алтунсач. Мне?

Секретарь парткома. Да. Да тебе!.. Продолжай работу, Алтунсач.

Алтунсач (*после короткого раздумья, взволнованно*). Я готова! Я возьмусь... только с Вашей помощью, с помощью коллектива.

Салман (*подходит к ней, радостно жмет руку*). Молодец, я помогу тебе!

Она, отнимая руку, молча оглядывает его.

По предложению Алтунсач отправляются на место работ.

Гасан подает лошадей и сам едет с ними. Застают Мишку и Авака за работой в туннели.

Миша. Бетон неважный... И его мало...

Царев (*нервно*). Не я бетон делаю... Какой есть, такой и подаю. Вот получим из Баку новый... Приедет Абдуллаев.

Алтунсач. Абдуллаева больше не ждите!

Мишка изумленно и вопросительно смотрит на Алтунсач. Алтунсач не обращает внимания на Мишку.

(*недовольно Цареву*). Такое крепление никуда не годится! Вам должно быть известно, что здесь условия залегания пород и состав их весьма благоприятны для оползней... Вы разве не чувствуете, что это пахнет новой катастрофой... Придется заново крепить... Я сама слежу за этим.

Царев хочет защитить положение. Салман как будто согласен с Алтунсач.

Царев. Значит Вы не доверяете мне?.. Знаете, моя долготелая практика...

Алтунсач (*прерывая*). Я никогда не сомневалась в Ваших технических знаниях, но повторяю... За креплением я сама слежу.

Ее серьезный тон заставляет замолчать Царева. Присутствующие молча смотрят кругом. Царев несколько растерян...

Мишка (*мимходом, тихо Гасану*). Неужели Абдуллаев?..

Гасан (*сделав всезнающее лицо*). Да! (*Мимикой дает понять, что тот арестован*). Подходит к Алтунсач и незаметно вкладывает в ее руку записку. Она читает, улыбаясь.

«Миша передал мне по телефону, что ты назначена на мое место. Поздравляю... Рад за тебя, за наше дело. Вспоминаю песню ашуга: «Верь вещим струнам моего саза: наступит на земле весна, народ взрастит новую Алтунсач! И зажурчит вода по разрушенным арыкам, земля воспрянет, наберется сил и страна наша озарится светом счастья и любви...» Я счастлив, что осуществляет-ся заветная мечта моего народа!

Твой ашуг Гаплан».

Алтунсач *(радостно бросается к телефону)*. Гаплан? Спасибо за поздравление! Как здоровье?... *(Пауза)*
Очень рада.

Вечер. Салман стучится к Цареву. В дверях показывается старуха.

Салман. Товарищ Царев дома?

Старуха *(отчаянно, но тихо)*. Нету!.. Пришел парень и увел его...

Салман *(бледнея)*. А давно?

Старуха. Будет так... часов пять-шесть!

Салман ошеломлен. Он задумчиво останавливается, как будто хочет еще что-то спросить. Но после некоторой нерешительности, быстро поворачивается и уходит.

Ночь. Алтунсач работает в туннели. Салман, пользуясь минутным перерывом.

Салман. Товарищ Алтунсач, у меня несчастье: жена при смерти. Я должен сейчас же выехать на станцию и первым поездом в Баку.

Алтунсач. У нас спешные работы... Повремените до завтра.

Салман. Ведь жена... ребенок...

Алтунсач *(язвительно)*. Товарищ Салман, вспомни о жене? Она ведь неграмотная. Вас не понимает... И не поймет никогда!.. Не ищите у меня сочувствия, не могу...

Салман, чувствуя настроение Алтунсач, поворачивается и уходит.

Больница. Лежит Гаплан. Пришли навестить его Алтунсач, Миша, Авак и Гасан. Принесли цветы, сладости, а Гасан — в платке домашние пироги. Гаплан тронут. Он прежде всего интересуется работой.

Гаплан. Ну как туннель?

Алтунсач. На днях ждем встречу...

Гаплан. Жалко, что меня не будет с вами.

Мишка. Ничего. Ты спокойно лежи. Выздоровлявай скорее.

Авак *(вздыхнув)*. Ты, Гаплан, убил быка, а нож сломал, сдирая шкуру.

Гаплан. Досадно.

Мишка. Ничего, Гаплан. Шкуру делить будем вместе.

Алтунсач не сводит глаз с оживленного лица Гаплана. Миша ловит ее взгляд, и, догадываясь, после паузы. Миша *(озабоченно)*. Айда, Гасан, айда, Авак, пошли на работу...

Миша и Гасан встают. Прощаются. Гасан бросает последний взгляд на Алтунсач и Гаплана и лукаво улыбается Мишке и Аваку.

Идет лихорадочная работа под землей. Прокладка туннеля в полном разгаре. Руководит Алтунсач. Миша, Авак и Гасан тоже тут.

Миша *(работая)*. Ребята, слышали новость? Ночью Салмана арестовали...

Гасан *(радуясь)*. У нас есть пословица: «Бойся воды, которая тихо течет».

Авак. Значит и его туда, куда посадили нашего война с комарами...

Гасан *(в ударе)*. «Жители ада всегда ищут себе компаньона!»

Все хохочут. Слышен голос: «Сколько правды в словах нашего Гасана!..»

Работа приближается к напряженному моменту. Ожидается встреча двух рабочих групп, прорывающих туннель. Чувствуется волнение Алтунсач. Часто к ней подходит Гасан.

Гасан. Просят к телефону...

Алтунсач. Партком? Пока успешно...

Возвращается. Работа кипит. Алтунсач, прислушиваясь, переходит от одного рабочего к другому, подбадривает: «Молодцы, ребята!»

Гасан. Просят к телефону.

Алтунсач *(недовольная подходит к телефону)*. Да, пока не встретились, ожидаем...

Возвращается на место. Мишка, хохоча, работает.

Мишка. Видно, не только мы волнуемся...

Снова подходит Гасан. Алтунсач догадывается за чем.

Алтунсач *(нервно)*. Не бери трубку!

Больница. Гаплан притворяется спящим. Сестра, видя его спящим, уходит на цыпочках. Гаплан осторожно рас-

крывает глаза и следит за сестрой. Убедившись, что она ушла, встает, и, хромя, подходит к телефону. Телефон не отвечает. Он тщетно продолжает звонить. На шум прибегает сестра: «Больной, ради бога! Я же Вас просила... Больной, сейчас придет доктор и будет скандал...»

Работы в туннели продолжают еще с большей настойчивостью. Алтунсач в волнении прислушивается. Слышен глухой удар с противоположной стороны. Она сияет, но тревога не окончательно сошла с ее лица:

— Живее ребята!..

Подходит к телефону, звонит:

— Шлите людей на откатку...

...В туннели рабочие продолжают работать с энтузиазмом. Алтунсач напряженно следит за работой. Зияет пасть туннеля. Глыба земли наваливается на Гасана, он падает на землю. Мишка его подымает и, уверившись, что он невредим, смеется.

Мишка. Назлы чуть не овдовела!

Кругом смеются.

Рабочие обеих групп тянут руки друг к другу через зияющую пасть. Возгласы радости:

«Яшасын Алтунсач!» «Яшасын Гаплан!»

Алтунсач вне себя от радости подбегает к телефону. Зовет Гаплана.

Больница. Гаплан у телефона. Сестра суетится около него:

«Больной, ради бога! Вы меня подводите... Узнает главврач... Ложитесь, больной».

Туннель... Алтунсач у телефона:

— Туннель прошли... Поздравляю! Как кончу, приду к тебе.

Голос прерывается.

Больница. Гаплан у телефона:

— Алтунсач! Алтунсач!..

Ответа нет. Только слышны радостные крики рабочих.

Вдруг наступает тишина. Слышно, как Гасан поет под звуки саза легенду про Алтунсач.

ПРИМЕЧАНИЯ

«ДЕВИЧИЙ РОДНИК»

Напечатанный в 1934 году «Девичий родник» был посвящен I съезду советских писателей. Знаменателен тот факт, что первое издание романа на русском языке совпадает с 50-летием I съезда советских писателей. На русский язык роман перевела С. Беглярбекова. Один экземпляр этого перевода хранится в архиве Ю. В. Чемеземинли, в Республиканском рукописном фонде АН Азербайджанской ССР. (См. РРФ, Арх-26, Г-6/119.)

Ю. В. Чемеземинли сам прочел этот экземпляр, сделал некоторые исправления. На этом экземпляре есть такая пометка: «Для Юр. Н. Либединского». Ю. Либединский прочел этот экземпляр и написал следующее письмо Юсифу Везиру Чемеземинли:

«Дорогой товарищ Юсиф,

Я с большим интересом прочел Ваше произведение — даже за переводом угадывается прекрасный стиль. Судить о его содержании с полной убежденностью мне мешает малое знакомство с теми специфическими областями восточной мифологии и различных религий, которые Вы затрагиваете.

Единственный вопрос, который мне хочется Вам задать, это: в какой степени Вы, изображая прошлое и находя в нем несомненные элементы будущего, разрешили задачу найти предел идеализации этого прошлого?»

Я могу только ставить вопрос.

Крепко жму руку.

Благодарю за возможность ознакомиться с Вашими произведениями. Юрий Либ.» (РРФ. Ф. № 21, опись I, ед. хран. 243, Арх-26, Г-14/281).

Чтобы написать роман «Девичий родник», Ю. В. Чемеземинли провел серьезную исследовательскую работу, в начале романа помещен перечень использованных произведений. Этот перечень был помещен в изданиях 1934, 1968, 1976 гг. романа «Девичий родник». Сам автор не считал нужным печатать этот перечень в издании на русском языке. И мы сократили его.

«В КРОВИ»

В статье «Личный архив писателя», напечатанной в газете «Коммунист» 28 октября 1984 года, сообщается, что автограф романа «В крови», названного самим автором «Между двух огней», был сдан в РРФ АН Азербайджанской ССР. В начале этого автографа помета: «15/XII 1936 ил», а в конце — «19/IV 1937 ил». Первая дата показывает начало работы над романом, вторая — дата завершения. Но эти четыре месяца, в действительности, время только переписки романа. До начала этой работы Ю. В. Чемеземинли провел глубокую исследовательскую работу и серьезные творческие поиски. В архиве писателя много документов, подтверждающих этот факт. Роман впервые был издан в журнале «Азербайджан» в 1960—1961 гг. под названием «В крови». Литературовед и критик А. Агаев, готовивший роман к печати и назвавший его «В крови», пишет: «Сам автор дал

роману название «Между двух огней». Взяв за основу некоторые основные эпизоды в журнальном издании произведения, а также зная ненависть писателя к бесчисленным кровавым сражениям, ужасам войн, происходивших в истории Азербайджана, мы назвали его «В крови».

Роман «В крови» на русском языке впервые был издан в переводе Т. Калякиной в 1973 г. в книге «Юсиф Везир Чемаземили. Избранное». При подготовке романа к данному, второму, изданию на русском языке перевод Т. Калякиной был сопоставлен с оригиналом, были исправлены неточности, допущенные в предыдущем издании. Все они нашли свое отражение в данном издании. Приводим наиболее характерные из них.

В предыдущем издании

Стр. 153. «Мирза Алимед и сам с трудом сдерживал улыбку, но видно было, что он хотел бы прекратить этот разговор».

Вагиф достал из внутреннего кармана часы на черном шнурке, украшенные эмалью.

— Ахунд, нам пора отправляться к хану. — И он сразу же крикнул слугу».

Стр. 154. «Кофе в чашечках из китайского фарфора».

Стр. 155. «Посуда из китайского фарфора».

Стр. 156. «— Не смотрит на меня, может думает, я обижен?»

Стр. 156. «базарной стражи»

Стр. 158. «Держа в зубах обнаженный меч».

Стр. 170. «Родом он из Хамадана, учился в Лондоне, связался там с какими-то негодяями, они его и подбили...»

Стр. 178—179. «В Гяндже Мамед-хан мятеж поднял, Фатали-хан опять две деревни сгубил. Ханы эти только и знают друг друга задирать, а нам от них одна морока. Мне бы на твоём месте сидеть. — Вагиф кивнул на Фархада, изображённого на стене позади Шахинсы-ханум».

Мы внесли изменения:

«Мирза Алимед и сам с трудом сдерживал улыбку, но видно было, что он хотел бы прекратить этот разговор и спросил».

— Ахунд, не пора ли нам отправляться к хану?

Вагиф достал из внутреннего кармана часы на черном шнурке, украшенные эмалью и сразу же крикнул слугу».

«Кофе в фарфоровых чашечках».

«Фарфоровая посуда».

«Знает, что я обижен, не показывается».

«крепостной стражи».

«Держа в зубах обнаженный клинок».

«Родом он из Хамадана, учился в Лондоне, потом связался с какими-то негодяями, они его и подбили...»

«В Гяндже Мамед-хан мятеж поднял, Фатали-хан опять разорил две деревни. Ханы эти только и знают друг друга задирать, а нам от них одна морока. Мне бы на твоём месте сидеть. — Взгляд Вагифа остановился на изображении Фархада на стене на уровне головы Шахинсы-ханум».

— Почему? — не поняла ханша».

Стр. 183. «Скажи, будешь ты скучать по своей сестре?»

Стр. 220. «Тарги Шахмалы».

Стр. 221. «Направить туда Мамедкулу».

Стр. 222. «Под командованием Шамхал-бека».

Стр. 230. «Ни один из его единомышленников ни ширванский хан, ни хан Шахмала не пожелали понапрасну проливать кровь».

Стр. 231. «стаканчики».

Стр. 234. «малики».

(в сноске) «Малик» — владелец крупной собственности, богат из богатей».

Стр. 244. «Письмо армянских маликов пришло в Петербург весной 1783 года, а в апреле того же года доставлено было Екатерине письмо, написанное Вагифом».

Стр. 249. «Тутубегим, потягивая кальян, вела разговор со старшей дочерью. Стараясь доказать матери свою правоту, девушка то и дело клялась могилкой своего отца — Шахвердихана».

Стр. 265. «Приметив, что Ункульту, дочь Аллахаира, разбросалась во сне, подошел, заботливо поправил одеяло...»

Стр. 269. «стакан».

Стр. 273—274. «Ну что ж, считай, что твою сегодняшнюю проделку я тоже на снегу записал. Иди! «Я сошел было с лестницы, а потом кричу: «Хан,

— Почему ханша».

— Потому ханша всегда вой».

«Скажи, будешь ты скучать по своей сестре?»

«Тарги Шахмалы».

«Направить туда Мамедкулу».

«Под командованием Шамхал-бека».

«Ни один из его единомышленников ни ширванский хан, ни хан Шахмала не пожелали понапрасну проливать кровь».

«стаканчики».

«армянские малики».

«Малик» —

«Письмо армянских маликов пришло в Петербург весной 1783 года, а в апреле того же года доставлено было Екатерине письмо, написанное Вагифом».

«Тутубегим, потягивая кальян, вела разговор со старшей дочерью. Стараясь доказать матери свою правоту, девушка то и дело клялась могилкой своего отца — Шахвердихана».

«Приметив, что Ункульту, дочь Аллахаира, разбросалась во сне, подошел, заботливо поправил одеяло...»

«стакан».

«Ну что ж, считай, что твою сегодняшнюю проделку я тоже на снегу записал. Иди! «Я сошел было с лестницы, а потом кричу: «Хан,

а хан! Не понял я: на снегу мою вину записал или на бряхе?»

«Непереводимая игра слов: гар — снег; гарын — живот».

Стр. 285. «— Ага, я из Баку возвращался, — начал объяснять нукер...»

Стр. 286. «На следующий день Ибрагим-хан послал к Фатали-хану просить помощи; обстоятельства неожиданно сделали их союзниками».

Стр. 292. «Пока ты не настоящий «Вагиф» — всеведущий и посвященный, — ты лишь сын Панаха, суетное существо.»

Стр. 293—294. Нет стихотворения».

Стр. 297. «чекмень».

Стр. 300. «Братец твой, сынок дяди покойного».

Стр. 322. «Наместник Аравии держит корону, наместник Грузии — меч, наместник Лористана — географическую карту, наместник Курдистана — украшенную бриллиантами перевязь».

Стр. 324. «Сулейман паше».

Стр. 328. «Девушка резко отстранилась, отошла, прислонилась спиной к дереву. Потом прикусила губами лепесток и вдруг без памяти упала на траву.»

Стр. 329. «Если Мамед-бек не сможет помешать восстановлению моста через Худафери, сражения не миновать.»

Стр. 335. «к Хиндархину.»

Стр. 342. «Шах-скопец.»

мою судьбу ты написал черным, или на снегу мою вину?»

«Непереводимая игра слов: гар — снег; гар а — черный».

«— Ага из Баку возвращался, — начал объяснять нукер...»

«На следующий день Ибрагим-хан послал помощь Фатали-хану; обстоятельства неожиданно сделали их союзниками».

«Пока ты еще не настоящий «Вагиф» — всеведущий и посвященный, — ты лишь Панах, суетное существо!»

Стихотворение на стр. 293—294.

«чеккен».

«Двоюродный братец твой, сынок дяди покойного».

«Наместник Аравии держит корону, наместник Грузии — меч, наместник Лористана — хирку, наместник Курдистана — украшенную бриллиантами перевязь».

«султану».

«Девушка, обидевшись, отошла от Мамед-бека, прислонилась спиной к дереву. Стала срыпывать губами лепестки тюльпана и бессознательно сбрасывать на траву.»

«Если Мамед-бек не сможет помешать восстановлению моста Худафери, сражения не миновать.»

«к Хиндарху».

«Хан-скопец».

Стр. 363. «Фатали-хан».

«Талых-хан».

Стр. 365. «Убейте меня, Меня...»

«Фатали-шах».

«Талыхан-бек».

«Убейте сперва меня...»

«ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ЕДЕТ В ПАРИЖ» («ХАЗРАТИ-ШАХРИЯР»)

Комедия была написана в 1935 году. Впервые на азербайджанском языке была издана в 1980 году в журнале «Кобустан». Манускрипт комедии хранится в архиве Ю. В. Чеченземинли (РРФ Азербайджанской ССР, Р-18/350). На русском языке публикуется впервые.

«АЛТУНСАЧ» («ЗОЛОТЫЕ КОСЫ»)

Этот киносценарий написан на русском языке в 1937 году. В статье «Личный архив писателя», напечатанной в газете «Коммунист» 28 октября 1984 года, сообщается, что автограф «Алтунса» был сдан в архив РРФ АН Азербайджанской ССР. Печатается впервые.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Тофик Гусейнов)	5
ДЕВИЧЬИ РОДНИК. Роман (пер. С. Беклярбековой)	19
В КРОВИ. Роман (пер. Т. Калякиной)	141
ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ЕДЕТ В ПАРИЖ. Комедия (пер. С. Ма- медзаде)	369
АЛТУНСАЧ	419
ПРИМЕЧАНИЯ	443

Юсиф Вазир Чаманзаминли

ГАН ИЧИНДЭ

Сечилмиш эсерлери

Юсиф Вазир Чаманзаминли

В КРОВИ

Избранное

Редактор Т. Рашевская. Художник Р. Янбулатов

Художественный редактор Б. Хананьев

Технический редактор С. Амбарцумова

Корректоры И. Вебер, Н. Фидлер

ИБ № 3124

Сдано в набор 23. 05. 85. Подписано к печати 09. 08. 85. Формат 84×108¹/₂.
Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Услов. п. л. 23,62.
Усл. кр.-отт. 23,73. Учетн.-изд. л. 23,6. Тираж 30 000. Заказ № 951.
Цена 2 руб. 10 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.

Азербайджанское ордена Дружбы народов государственное издательство
«Азернешр», Баку — 370005, ул. Гуси Гаджиева, 4.

Типография им. 26 бакинских комиссаров, Баку, ул. Али-Бабамова, 3.

2 руб. 10 коп.

1

563776